

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Борис Григорьев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

СОВЕТСКОГО РАЗВЕДЧИКА

PETER HERTZ

POTAI

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Борис Григорьев

МОСКВА

ЖИЗНЬ

СОВЕТСКОГО
РАЗВЕДЧИКА,
ИЛИ СКАНДИНАВИЯ
С ЧЕРНОГО ХОДА

УДК 351/354
ББК 67.401.212
Г 83

*Автор выражает признательность ветерану СВР,
полковнику в отставке
Павлу Георгиевичу Громушкину
за любезно предоставленный изобразительный материал*

ISBN 5-235-02706-X

© Григорьев Б. Н., 2004
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2004

Scan By Vitautus

— Шведы — это скандинавские немцы, датчане — это скандинавские французы, а норвежцы — это скандинавские русские.

— А финны?

— Финны не скандинавы вовсе.

Из разговора досужих людей

Повседневная жизнь разведчика состоит из множества взаимозависимых событий, факторов и деталей, и отобразить все это многообразие в рамках одной книги вряд ли представляется возможным. Автор, основываясь на собственном оперативном опыте и на опыте коллег, пытался дать максимально объективную картину жизни сотрудника советской разведки 60—90-х годов, но вполне понятно, что элементы субъективизма полностью преодолеть не удалось. Собственный взгляд на прошлое и пережитое, а также несовершенство человеческой памяти неизбежно накладывают свой отпечаток.

Разведка долгое время была закрытой темой, зато в последнее десятилетие она сбросила покров таинственности и предстала перед общественностью в самых разных ипостасях. Сама служба пересмотрела свой ригористический подход к вопросам гласности, да и сами разведчики стали активно выступать перед публикой и в меру своей «испорченности» рассказывать о том, что в советские времена было под запретом. Сейчас о разведке не пишет разве что ленивый. Не будем вдаваться в разбор произведений о разведке, увидевших свет в до- и послеперестроечное время — по своим художественным и познавательным качествам, по уровню нравственности и ответственности авторов они так же разнятся, как и

произведения на другие темы. Главное, на мой взгляд, обозначилась тенденция к объективному отражению нашей новейшей истории в такой специфичной области, и это совсем не плохо.

Ушли в прошлое наскоки на разведку и другие спецслужбы, в которых в начале 90-х так рьяно проявили себя «демократы», утверждавшие, что с образованием новой России надобность в спецслужбах отпадает. Надо, говорили они, стремиться к общеевропейским ценностям; надо, мол, вступать в Европейский дом, в семью цивилизованных народов. Увлекаясь звонкой фразой или действуя с чужого голоса, компрадоры, ставшие у руля государства, начали безбожно разбрасываться суверенитетом страны и ее территориями. Патриотизм стал ругательным словом. Бюджет России сравнился с бюджетом города Нью-Йорка.

К чему это привело, известно всем. Между тем выяснилось, что ни «друг» Коль, ни «друг» Билл приглашать нас в Европейский дом не торопятся и распускать блок НАТО, как они устно (!) пообещали Главному Перестройщику, не собираются. Мало того, они стали расширять Североатлантический альянс за счет бывших членов Варшавского блока; разведслужбы Запада не только не прекратили своей деятельности против России, но и усилили ее; визовой режим по отношению к российским гражданам не только не был отменен, но и ужесточен дополнительно. Россию перестали принимать в расчет как великую державу, и югославские события наглядно продемонстрировали это.

Напрашивается вопрос: что же, общеевропейские ценности — это химера, призванная сбить нас спанталыку, ослабить наше государство, растащить территорию на удельные княжества и лишить страну самостоятельности? Развитие *тех* событий однозначно показывает, что ответ на него надо дать положительный. Так что разбивать щит и вкладывать меч в ножны нам пока рано, работы и для спецслужб не уменьшается, а наоборот, прибавляется. Появились новые вызовы в лице международного терроризма, технической революции и экономической неста-

бильности. Без эффективно действующей разведки сейчас ни одному государству не выжить. Государство без разведки — это корабль, блуждающий без средств навигации в огромном и бурном океане. Разведка способствует сохранению мира, ибо при отсутствии информации о намерениях противника, подобно лишившемуся зрения Циклопу, можно натворить много бед и поставить мир на грань катастрофы. Разведка была, есть и будет.

Человеку свойственно оглянуться иногда в свое прошлое, чтобы на расстоянии посмотреть на пройденный путь и попытаться мысленно отметить на нем основные вехи, рубежи, повороты, препятствия, которые в конечном итоге и образуют скелет нашей судьбы. Странно, но о существовании некоторых из них мы не подозреваем очень долго: то ли потому, что до сорока мы так торопимся жить, что не успеваем даже остановиться, то ли потому, что они прячутся от нас в придорожной пыли и потом явственно возникают на наших глазах, как только эта пыль уляжется; а чаще всего потому, что и на склоне своих лет нам тоже некогда осмыслить прожитое.

Оказывается, что самые незначительные на первый взгляд обстоятельства могут сыграть судьбоносную роль. Следуя им бессознательно, мы даже и не подозреваем о том, что делаем решающий выбор нашей жизни.

Главный вектор в моей судьбе был задан учительницей немецкого языка Марией Васильевной Сигаевой. Я тогда перешел в десятый класс сельской школы и всю готовился к поступлению в военноморское училище. Жизнь свою без моря я не представлял, хотя морскую воду видел только в кино и на картинках. Плавать же хотел непременно на военных кораблях.

И случись же к этому времени беспрецедентное сокращение армии и флота, затеянное Главным Волонтеристом страны! Помните тысячи и тысячи высококвалифицированных офицеров, в одночасье уволен-

ных из вооруженных сил, для того чтобы мирно трудиться на колхозных свинофермах или выращивать в Ярославской области кукурузу? Такая перспектива, признаться, мне мало улыбалась, так как с романтикой трудовых сельских будней был хорошо знаком с детства.

В это время наша «немка» вернулась из Москвы, где она находилась на летних курсах повышения квалификации, и в самых восторженных тонах стала рассказывать о прелестях обучения в инъязе.

— Боря, язык тебе дается легко. Сам Бог велел поступать тебе на переводческий факультет, — уговаривала меня Мария Васильевна.

Долго упрашивать меня не пришлось. Профессия переводчика показалась мне не менее романтической, чем военного моряка.

Так при помощи головоуятия Никиты Сергеевича и по совету учительницы я в 1959 году поступил на переводческий факультет Первого Московского педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза, расположенного в доме № 38 что на Метростроевской улице (ныне Остоженка).

Через четыре года кто-то из небесной канцелярии спустил еще одну важную для меня подсказку на землю, шепнув на ухо то ли самому Александру Сергеевичу Шейгаму, то ли его начальству, чтобы он, этот эпикуреец и жизнелюб, пожертвовал своим свободным временем и организовал для желающих факультативный курс шведского языка. Александр Сергеевич, преподаватель кафедры немецкого языка переводческого факультета, счел возможным принести на алтарь всеобща жертву и известил об этом в объявлении, вывешенном на доске деканата.

Набралось нас несколько человек, жаждущих познать на базе немецкого языка один из скандинавских диалектов. Прозанимались мы с Александром Сергеевичем недолго — кажется, и у него не хватило на нас терпения, и энтузиастов через пару недель побавилось. Но для меня и того было достаточно, чтобы пуститься в самостоятельное увлекательное путешествие в непознанный мир Швеции.

Когда мне после окончания инъязя предложили

работу в разведке КГБ, мои знания шведского языка были достаточно высоко оценены тестирующим преподавателем, и в спецшколе КГБ № 101 я успешно продолжил изучение шведского языка с несравненной Надеждой Афанасьевной Лукашиной. Мы так с ней напряженно и успешно занимались, что за один год нам удалось пройти весь курс и сдать экзамен за полные 8 семестров.

В конечном итоге я стал скандинавистом.

В течение тридцати с лишним лет я плыл по Варяжскому морю, не сворачивая никуда в сторону: четыре с половиной года проработал в Дании, столько же в Швеции, пятнадцать месяцев на Шпицбергене, съездил в краткосрочные командировки в Исландию и Норвегию, побывал в Финляндии. Мне повезло. Каждая из упомянутых командировок связана у меня только с приятными воспоминаниями, хотя не могу похвастаться, что все было гладко и бесппроблемно. Я набивал на лбу шишки, портил отношения с начальством, подрывал свои шансы на быструю карьеру, но все в конечном итоге как-то обходилось, «устаканивалось», устраивалось. Сейчас я довольно отчетливо вижу свои промахи и просчеты, но сознаю, что в *те* времена у меня не было шансов на то, чтобы их как-то избежать. Они были запрограммированы самым образом нашей жизни — непоседливым, (сум)бурным, безудержным началом, сидевшем в каждом из нас.

Наилучший возраст для определения своих способностей и призвания — шестьдесят лет. В этом возрасте уже точно знаешь, кем бы ты стал, если бы можно было начать все сначала.

Не так жили и живут скандинавы. Они в хорошем смысле живут не только сегодняшним днем, как мы русские. Они живут мудро, размеренно, не спеша, в свое удовольствие и не наступая на ноги другим. Кто понял жизнь, спешить не будет. И за это я всех их — и датчан, и шведов, и норвежцев — где-то люблю, уважаю, по-хорошему им завидую. Своими впечатлениями от скандинавских стран (и не только от них) я и хотел бы поделиться с читателем. Пусть только про-

стят меня уважаемые аборигены Скандинавии за то, что впечатления эти были добыты не в ходе праздной, туристической поездки, а в результате специальных разведывательных миссий. В известной мере они, эти впечатления — побочный продукт моей основной профессиональной деятельности, которая в первую очередь предполагала широкое и по возможности глубокое знакомство с особенностями Дании или той же Швеции.

Заранее предупреждаю, что если читатель ждет от меня сногшибательных историй, экзотических приключений или смертельных схваток под знаком плаща и кинжала, то он жестоко разочаруется. При написании этой книги я не ставил также перед собой цели стать мемуаристом. Меньше всего хотелось, чтобы она напоминала «Записки разведчика», «Рассказы бойцов невидимого фронта», или «Тридцать пять лет в строю», или другие подобные труды, появляющиеся на нашем книжном рынке под аналогичными претенциозными названиями. Я бы назвал свое сочинение ностальгическими воспоминаниями, зафиксированными на бумаге в конце служебной карьеры, или своеобразным историко-географическо-бытовым комментарием к скрывшейся за поворотом эпохе.

В книге содержатся экскурсы в историю скандинавских стран, которые на первый взгляд не имеют прямого отношения к теме повествования. На самом деле история играет значительную роль в профессиональной деятельности разведчика и выступает в качестве незримого, но полноправного участника событий.

И последнее: мне хочется вознаградить любителей рубрики «Нарочно не придумаешь» на разведывательную тематику. По-моему, еще никто не решался выносить на суд широкой публики «перлы», принадлежащие сотрудникам разведки, безвестно павшим в борьбе с правилами русского языка при написании оперативных отчетов. Эти *засоризмы* будут как бы перекликаться с основным текстом, по-своему комментировать и дополнять его.

После краткого представления и необходимых оговорок представляю на твой суд, уважаемый читатель, эту книгу.

КАК ПОПАДАЮТ В РАЗВЕДКУ?

А почему у нас разведчики, а у них — одни шпионы?

Вопрос из заднего ряда

Исторически разведка выросла из недр дипломатии. Еще в восемнадцатом и девятнадцатом веках каждый дипломат обязан был заниматься соглядатайством и сбором тайной информации, применяя любые доступные для него средства, включая подкуп, шантаж и вербовку агентов. Развитие общества и государства, усложнение административного и контрразведывательного режима привели к тому, что некоторые наиболее дальновидные правительства, как английское и французское, стали обзаводиться специальными разведывательными службами, оставляя своим дипломатам дипломатию. Двадцатый век ознаменовался бурным и повсеместным развитием таких служб, в том числе и в России, и Советском Союзе. К концу столетия разведка превратилась в глобальное занятие и стала неотъемлемой частью военно-политической надстройки большинства государств мира.

Разведка во все времена была закрытым клубом, и попасть в него так же сложно, как богатому пролезть сквозь игольное ушко. И это при том, что развед-

служба — не синекура, не привольное место для развлечений и приятного времяпрепровождения, а изнурительная рутинная, тяжелый труд по добыче одного грамма золота из тонн руды. В разведку на работу не *устраиваются*, в разведку *принимают* по приглашению или по рекомендации самой разведки.

Разведывательная служба в отличие от других ведомств, добывающих информацию, занимается исключительно сбором и обработкой закрытой информации, хранящейся в секретных сейфах других государств и служб. Дипломаты, к примеру, собирают открытые сведения, используя официальные источники и официальных носителей информации. Оперативные сотрудники разведки тоже не гнушаются открытыми источниками информации, но она для них служит лишь фоном и направляющим вектором для добычи данных, которые классифицируются под различными грифами от «конфиденциально», «весьма конфиденциально», «секретно» до «совершенно секретно». Для преодоления естественных препятствий на пути к получению таких материалов разведка пользуется специфическими средствами и методами, которые, к примеру, Министерству иностранных дел абсолютно не свойственны. Это в первую очередь агенты и средства оперативной техники.

Следовательно, вся деятельность разведки должна быть тщательно законспирирована от постороннего глаза, иначе это будет уже не разведка. Конспирируется не только сама разведывательная деятельность, но и ее сотрудники, средства и методы достижения целей. О принадлежности того или иного сотрудника к разведывательной службе должна знать только служба, да и то ограниченная необходимостью и практической целесообразностью ее небольшая часть. Поэтому конспирация в разведке начинается уже на стадии подбора для нее кадров. Этого основополагающего принципа придерживаются все разведки мира.

Основной контингент пополнения в Службу набирается из выпускников столичных вузов. Расскажу, как пришел в разведку ваш покорный слуга.

Я учился тогда на последнем курсе переводческо-

го факультета инъяза. Однажды в перерыве между лекциями ко мне подошел сокурсник Левка Белозеров и сказал, чтобы я зашел к заместителю декана по кадрам Юдинцеву. С этим человеком за все время учебы мне пришлось столкнуться до этого всего один раз, и это было мое первое знакомство с КГБ.

На втором или третьем курсе я по приглашению Володьки Соколова, знакомого студента из Пединститута им. Ленина, посетил одну вечеринку, на которой присутствовал английский аспирант института Питер Реддауэй. Это был долговязый, разбитной, ражий малый, вполне сносно объяснявшийся по-русски, громко хохотавший при каждой удачной или неудачной шутке и явно чувствовавший себя гвоздем программы. Время от времени в гостиную выплывала хозяйка квартиры, профессор, руководившая практикой заезжего аспиранта, чтобы проверить, не слишком ли расшалилась молодежь, и тогда подданный Великобритании рассыпался перед ней в комплиментах и целовал ручку. Больше никаких экстравагантностей за ним в этот вечер замечено не было.

Дня через два-три после вечеринки меня вызвал к себе Юдинцев и попросил позвонить в КГБ. В те времена эта аббревиатура вызывала вполне понятные трепет и уважение и всеуе никогда не произносилась. Я был удивлен: зачем я вдруг понадобился Комитету государственной безопасности? Юдинцев сказал, что все мне объяснят. Я позвонил по полученному от него телефону, ответил мужской голос, звучавший вполне обыденно и реально. Он попросил меня подъехать в приемную Комитета на Кузнецком Мосту, 26. Встретил меня неприметный мужчина неопределенного возраста и стал расспрашивать о той злополучной вечеринке и о том, как вел себя на ней Питер Реддауэй. Я рассказал о своих скудных впечатлениях и был отпущен восвояси.

Эта история имела продолжение: некоторое время спустя центральные газеты сообщили о высылке из страны британского подданного Питера Реддауэя за несовместимую с целями его приезда в СССР деятельность. Ага, выходит, с нами рядом ходят шпио-

ны, но наша доблестная контрразведка не спит. Потом на моем жизненном пути всплывала лишь фамилия англичанина и каждый раз в связи с его подрывной антисоветской деятельностью как сотрудника СИС, то есть британской разведки.

...Юдинцев и на этот раз был лаконичен и, как всегда, непроницаем. Он сделал характерный при затяжке сигареты прищур глаз и спросил, не хочу ли я после окончания института пойти работать в КГБ. Не скажу, что такое предложение пришлось мне по душе. КГБ представлялся мне неким тамплиерским орденом, мрачным и таинственным, из которого, войдя один раз, уже никогда не выйдешь. Кроме того, у меня уже было предложение от Министерства обороны поехать на два-три года переводчиком в Ирак для оказания арабам военно-технической помощи. Поездка сулила восточную экзотику и неплохой по тем временам заработок, на который можно было построить кооперативную квартиру для молодой семьи. Оформление в Ирак шло полным ходом через ГКЭС, и менять воробья в руке на какого-то журавля в небе резона не было.

— А что за работа предстоит в КГБ? — поинтересовался я.

— Работа интересная — с языком и с людьми, — пояснил Юдинцев.

Хорош ответ: с людьми и языком! Как будто переводчик инъязыа готовится к работе не с представителями рода *гомо сапиенс*, а с птицами или млекопитающими! Я задумался и спросил, как же быть с поездкой в Ирак. Юдинцев успокоил, что это не моя забота, все будет улажено без меня. Я попросил дать время на размышление — нужно было посоветоваться с женой. В отличие от меня, жена отнеслась к новой перспективе положительно, а тесть высказал предположение, что на меня положила глаз разведка. Кстати, об этом догадывался и Левка Белозеров, но я ему не верил: я и разведка никак не сочетались вместе. Я не страдал от завышенной самооценки и полагал, что для работы в разведке необходимо обла-

дать необыкновенными качествами, которые у меня наверняка отсутствовали.

Опять я получил номер телефона, начинавшийся с магического цифрового сочетания «224» и опять я позвонил и получил приглашение на Кузнецкий Мост, 26. После длительной беседы мне дали анкеты и направление на медицинскую комиссию, которую я проходил вместе с женой. В коридорах поликлиники КГБ я встретил еще нескольких моих сокурсников и был удивлен довольно широким забросом невода кадровиками Комитета. После комиссии было сказано ждать, и я ждал. Недели через две-три позвонил знакомый кадровик и сообщил, что комиссию я не прошел, потому что страдаю близорукостью. Минус две диоптрии на оба глаза, приобретенные при тусклом освещении в читальном зале библиотеки иностранной литературы имени разгульного атамана Степана Разина, враз отделили меня от «работы с людьми и языками». Не прошел комиссию и расстроившийся Левка Белозеров.

Но я воспринял известие спокойно и даже как-то безразлично и опять зачастил в здание ГКЭС (дом № 8 на Большой Садовой улице), чтобы форсировать прерванное оформление в Ирак. На носу были государственные экзамены, времени на все эти дела — в обрез. Когда я уже сдавал «госы», меня опять вызвали к Юдинцеву, и тот опять попросил меня позвонить кадровику Комитета. Зачем? Позвони, все узнаешь.

Телефон начинался с тех же трех цифр 224, только последние четыре были другими, и ответил мне уже другой мужской голос. Голос предлагал вернуться к вопросу о трудоустройстве в КГБ при тех же медицинских противопоказаниях к работе, обнаруженных месяцем раньше. Как так? А так, другое подразделение готово мириться с моей близорукостью, если я соглашусь работать в очках. Мне это показалось слегка обидным: «нормальное» подразделение от меня отказалось, а теперь меня хотят засунуть в какую-то дыру с дефективными очкариками, основное занятие которых будет состоять в потрошении книг и составлении документов. Нет, ответил кадровик, рабо-

та ничем не будет отличаться от работы, на которую уже взяли моих сокурсников. Она тоже будет связана с людьми и языками.

Последнее меня почему-то окончательно убедило — вероятно, благодаря частому повторению и своей лаконичной и слегка абсурдной формуле, прозвучавшей на этот раз в моих ушах как призывное пение сказочной птицы Гамаюн.

И я согласился. О чем не пожалел и не жалею до сих пор. Судьба сделала мне шикарный подарок, дав возможность на тридцать с лишним лет с головой окунуться в захватывающую работу в одном из важных и ответственных подразделений, рядом с порядочными и самоотверженными людьми, ставившими интересы страны выше собственных.

Кадровик сказал, что в соответствии с установленным порядком с будущим сотрудником должен познакомиться руководитель подразделения, в котором ему придется работать. Мне выписали пропуск, и я в первый раз вошел в пятый подъезд здания КГБ и на лифте поднялся на шестой этаж. В приемной кабинета начальника сидела секретарша и доложила о моем приходе. Начальник был занят, но скоро освободился. От него выскочил какой-то сотрудник с папкой в руках, а потом пригласили войти меня.

Окна просторного кабинета обозревали площадь Дзержинского, и когда я вошел, начальник, заложив руки за спину, стоял у окна и смотрел вниз на увертюру из снующих по кругу машин и молчал. Молчал и я, остановившись у дверей. Наконец молчание кончилось, начальник управления Михаил Степанович Цымбал повернулся ко мне лицом и пригласил сесть за приставной столик, а сам устроился в кресле напротив. Это был невысокий дородный мужчина лет пятидесяти пяти с непроницаемым лицом и вальяжными манерами. Он начал меня спрашивать, я что-то отвечал, потом он говорил о сложности и ответственности предстоящей работы, а я внимательно слушал. Если бы меня сразу после беседы спросили, о чем шла речь, я бы затруднился с ответом. Я даже не понял, в каком же подразделении мне придется работать и чем заниматься. Спрашивать об этом было не принято.

Репрессиям со стороны партии и правительства не подвергался, в белых армиях не служил.

Примерно такое же впечатление я вынес и с мандатной комиссии, последовавшей вскоре после беседы с М. С. Цымбалом. Мандатная комиссия — это собрание опытных и мудрых сотрудников разведки, созываемая на период вербовочной кампании. Я уже думал, что нескончаемым собеседованиям пришел конец, когда Юдинцев мне напомнил, что перед тем как окончательно рассчитаться с институтом и пробежаться с обходным листом по коридорам, нужно было получить рекомендацию комитета ВЛКСМ. Это, конечно, уже была формальность, и по поводу того, что здесь могут встретиться подводные камни, я ничуть не переживал.

На заседание всеинститутского комитета меня привел Генка Анчифоров, секретарь курсовой организации. Он оставил меня сидеть в предбаннике, а сам зашел, чтобы узнать, когда будет слушаться наш вопрос. Ждать пришлось недолго, Генкина голова высунулась в проем двери и кивком пригласила войти. Народу сидело человек пятнадцать. Анчифорову дали слово, и он начал зачитывать мою характеристику. Перечислив все положительные качества комсомольца Григорьева, он приблизился к основному месту, и я слегка насторожился. И не даром. «Комсомолец такой-то», — громко чеканя слова, читал Генка, — «рекомендуется для работы в органах госбезопасности». Я чуть не упал со стула. Нам столько говорили о конспирации, нас так строго предупреждали о том, чтобы о предстоящей работе никто, кроме жены, не знал, что я был готов накинуться на нашего комсомольского вожака, заткнуть ему рот и... Все дружно, как ни в чем не бывало, подняли руки, и нас с Генкой выпустили наружу. Не обменявшись ни словом, мы разошлись с ним в разные стороны и больше никогда не встречались. Не хочу никого из членов комитета винить в разглашении служебной тайны, но позже убедился, что многим, очень многим наш уход в Службу был тайной мадридского двора. Там,

где тайну делят больше двух, тайна перестает быть таковой.

Это был первый прокол в хрупкой оболочке конспирации, так старательно раздуваемой вокруг кандидатов в разведчики. Хотя я еще ни на шаг не приблизился к званию разведчика, но прокол этот воспринял довольно болезненно. Потом таких проколов будет больше, и воздушный шар конспирации сильно похудеет от них, но я уже привыкну и буду относиться к ним философски.

Примерно так — с некоторыми шероховатостями или без них — проходило оформление многих моих коллег на работу в разведку. Если Россия по Гоголю вышла из «Шинели», то советская разведка — из выпускников вузов. Как уже можно догадаться, заместитель декана по кадрам Юдинцев не просто так сидел в своем скромном кабинетике, а наблюдал за каждым из нас, изучал наши моральные и деловые качества, прикидывал, который из нас годится на роль будущего сотрудника ПГУ — Первого главного управления КГБ, в ведении которого находились вопросы внешней разведки Советского Союза.

Значительная прослойка разведывательных кадров поступала из других подразделений КГБ, в том числе и из территориальных. Реже приходили молодые дипломаты из МИД СССР. Еще реже организовывался т. н. партийный набор из молодых партийных функционеров. На Старой площади считали, что ПГУ время от времени нужно укреплять кадрами, и направляли на площадь Дзержинского свой передовой отряд. Некоторые из этих ребят становились хорошими оперативниками и пользовались уважением коллег. Иные так и не смогли избавиться от своих партийных замашек и продолжали свою карьеру уже в рамках чекистско-партийной деятельности. Отношение оперативной массы к ним было скептическим. В результате укрепления рядов Службы как такового, на мой взгляд, не происходило: кандидаты из партийных органов были не лучше и не хуже других,

но поскольку КГБ считал себя тогда отрядом партии, то отказываться от таких подарков было не принято.

Какие требования предъявляются к кандидатам для работы в разведке? В первую очередь молодой человек проверяется на лояльность к своей родине. Важное значение имеет физическое и психическое состояние его здоровья, чистая, не запятнанная криминальным прошлым биография, высокие моральные принципы и адекватная мотивация. Знаменитый разведчик Ким Филби называет пять качеств, необходимые для разведчика: дисциплина, терпение, внимание к деталям, выдержка и вера.

Список личных и деловых качеств, которые необходимы сотрудникам разведывательных служб, можно продолжить. Естественно, не каждый из сотрудников обладает полным их набором, да этого и не нужно. Вот взять, к примеру, такое качество, как склонность к авантюризму. В зависимости от ситуации эта человеческая особенность может принести крупный успех и наоборот, такое положительное качество, как природная осторожность, может сыграть с разведчиком злую шутку. Разведывательная работа не терпит шаблона и готовых рецептов. Есть какие-то определенные каноны, которые, однако, нужно применять творчески и не следует утрировать и доводить до абсурда. Базисный принцип любой работы — конспиративность — при желании тоже можно превратить в тормоз. Если последовательно его придерживать, расширять и углублять до бесконечности, то окажется, что он как зловредный вирус постепенно «съест» саму разведку.

...Осенним хмурым августовским утром нас собрали в одном из дворов служебного квартала в Варсонофьевском переулке и на автобусе через всю Москву повезли по шоссе Энтузиастов за город. Проехав Балашиху, мы скоро остановились у массивных железных ворот выкрашенных в зеленую краску. Ворота закрипели, распахнулись, и автобус въехал на территорию 101-й школы КГБ, основанной в 1941 го-

ду для подготовки разведчиков-диверсантов, а со временем ставшей основной кузницей кадров для внешней разведки КГБ.

Докладываю: явился в ваше распоряжение согласно вашему распоряжению!

Сразу по прибытии всех новичков представили «дядькам», руководителям учебных отделений. Нашим «дядькой» стал полковник Толстиков Петр Игнатьевич, уже пожилой человек лет шестидесяти. Его лоб пересекал шрам (бандитская пуля!), лицо было хмурым и неприветливым, как Ладога в непогоду, говорил он медленно и как-то весомо. Первое впечатление от встречи с ним было не очень благоприятным, но оказалось обманчивым, и мы потом по достоинству оценили его добрую, заботливую и справедливую душу.

Нас разместили в деревянных барачного типа общежитиях по три человека в комнате. Моими соседями по комнате оказались питерец и мурманчанин, уже имевшие опыт контрразведывательной работы и потому считавшие меня «салагой». Они беззлобно надо мной посмеивались и разыгрывали, пугая сообщениями о том, что по окончании школы меня заберут на «нелегалку».

Времени до обеда было предостаточно, и мы пошли знакомиться с обстановкой, посмотрели на учебные корпуса, столовую, клуб, библиотеку, спортивный зал и спортивные площадки, обошли по тенистым дорожкам почти всю территорию и впечатлились ее размерами и высоким деревянным забором, ее со всех сторон окружавшим. И вдруг прямо под ноги нам упал футбольный мяч. Над забором показалась хулиганская мордаха какого-то местного Квакина и нахально потребовала:

— Эй вы, шпионы! Подайте-ка нам мяч!

Один из нас молча поднял мяч и перебросил через забор. «Квакин», не поблагодарив, исчез, и игра по ту сторону забора возобновилась. Мы пришли к единодушному выводу, что наша зашифровка оставляет

желать лучшего. Но несмотря ни на что она продолжала осуществляться по всем канонам жанра.

Нам всем присвоили псевдонимы, начинавшиеся с той же буквы, что и фамилии. Приходившие в адрес иногородних письма передавались руководителю учебного отделения, а тот уже раздавал их адресатам вложенными в конверты. Условия проживания в школе были казарменными, увольнения в город и домой случались раз в неделю по воскресеньям.

Времени на раскачку не было, и уже на следующий день начались занятия. Кроме специальных оперативных дисциплин изучали страноведение, основы дипломатической службы, протокол и этикет, иностранные языки и политнауки. Учебное время делилось примерно поровну между спецдисциплинами и иностранным языком. Два месяца спустя мы в торжественной обстановке приняли присягу. ПГУ была военной организацией, и внутри нее жизнь регулировалась воинскими уставами. Сотрудники разведки не носили форму и ходили в «партикулярном платье», общение между собой и с начальством было неформальным, но вместе с тем воинская дисциплина присутствовала, офицерские звания и оклады действовали неуклонно, приказы вышестоящего руководства не обсуждались, а принимались к исполнению.

Поскольку в моем дипломе уже значились два иностранных языка, я надеялся от изучения этого предмета освободиться. Не тут-то было! Обнаружив владение мной третьего языка — шведского — на уровне трех семестров, руководство школы поставило мне задачу довести эти знания до уровня восьми семестров. Приходилось «вкалывать», как и всем другим. Преподаватель шведского языка Надежда Афанасьевна Лукашина много сделала для того, чтобы поставленная задача была выполнена. Задним числом понимаю, что руководство 101-й школы поступило мудро, загрузив меня по уши учебой и лишив почвы для возникновения дурных наклонностей.

Теоретические знания мы получали на лекциях и из учебных пособий, практические навыки приоб-

ретались на семинарах и отрабатывались на городских занятиях — зимой и летом. Городские занятия требовали тщательной подготовки, которая проходила без отрыва от учебного процесса. Это конечно сказывалось на их качестве, потому что времени на изучение города и подбор нужных мест для встреч, проверочных маршрутов и оперативно-технических мероприятий совершенно не хватало. Приходилось жертвовать единственным свободным днем — воскресеньем.

На городских занятиях пришлось впервые почувствовать терпкий (при)вкус оперативно-разведывательной работы. Мы все играли в сотрудников с дипломатическим прикрытием. Нашими противниками выступали боевые бригады наружного наблюдения 7-го Управления КГБ, работавшие за иностранными разведчиками. В роли источников и агентов выступали private преподаватели — отставные полковники разведки. В соответствии с полученными теоретическими знаниями и условиями игры, мы должны были получать от них информацию, склонять к сотрудничеству и «воспитывать» в нужном направлении, а они — оценивать наши действия и в зависимости от этого корректировать свои: разыгрывать роль жадных до денег «липачей», подсовывать заведомо недостоверную информацию, опаздывать и срывать встречи, саботировать выполнение поручений. Встречи с «источниками» проводились в ресторанах, в которых мы за свой счет угощали их водочкой или вином, цыплятами табака и салатами оливье. После каждой встречи мы писали подробные отчеты, которые потом Петр Игнатьевич сопоставлял с отчетами «приватов». Разборы были честными, справедливыми, нелицеприятными и исчерпывающими.

На городских занятиях, как и в боевой работе, естественно не обходилось без ЧП и накладок. Происходили и забавные ситуации.

По условиям игры мне нужно было провести тайниковую операцию под наружным наблюдением. В боевых условиях изымать или закладывать тайник

на глазах у филеров приходится в случае крайней необходимости, когда дело значительно перевешивает личную безопасность разведчика. Спецшкола готовила нас и к таким превратностям судьбы. Мой тайник был подобран в здании редакции газеты «Правда» в подвальном переходе от служебных кабинетов к пищеблоку. Контейнер, в котором была закамуфлирована «важная информация» в непроявленной пленке, представлял собой самодельный картонный указатель-стрелку с приглашающей надписью «в столовую». Мой коллега по учебному отделению должен был повесить этот указатель на стене коридора, а мне предстояло его бесшумно и незаметно снять. Задумка показалась мне благородной: нужно было помочь проголодавшимся сотрудникам партийной прессы побыстрее добраться до источника питания.

В день операции «наружка» исправно топала за мной по проверочному маршруту, дыша чуть не в затылок, я менял виды транспорта и неуклонно приближался к заветному месту. У редакции «Правды» я вышел из троллейбуса и, не останавливаясь, направился к тайнику. Для бригады наружного наблюдения такой маневр предугадать было трудно, сработать с опережением было невозможно, так что ей пришлось пустить своего сотрудника вслед за мной. Этого мне и было нужно. Я топал по цементному полу перехода, и мои шаги гулко отзывались в ушах. Такие же шаги раздавались за спиной — слежка не отставала.

Когда я подошел к тайнику, то увидел, что прямо рядом с табличкой поставлен табурет, а на табурете сидел пожилой то ли охранник, то ли сторож. Это был сюрприз! Две недели тому назад, когда я подобрал это место, здесь никого не было. Что делать? Шаги за спиной неумолимо приближались, надо было на что-то решаться. И я решился. Напустив на себя самый безразличный вид, я приблизился к табличке и на глазах изумленного вахтера спокойно сорвал ее со стены и положил за пазуху.

— Ты что... ты зачем? — завопил вахтер. — Добрые люди повесили, а ты филюганишь!

Но я уже не слушал его и бежал к выходу. На разборах «полетов» Толстиков об этом инциденте ничего не упомянул, а я, естественно, проявлять инициативу не стал, но вывод на будущее сделал.

С одним моим сокурсником по школе произошел еще более комичный случай. П. И. Толстиков объявил, что во время городских занятий один из нас будет «продан» и отдан «наружке» на съедение, то есть его место и время операции станут известными «противнику». По правилам игры «противник» должен организовать захват разведчика с поличным. Кто станет жертвой сговора и когда это произойдет, никто не знал. Все выходили в город с тревожным чувством ожидания этого рокового события, что делало учебные занятия еще более похожими на боевую работу. Это называлось учиться *«в условиях, приближенных к боевым»*.

Итак, наш товарищ из Петрозаводска отправился на тайниковую операцию. Ему, как и мне в вышеописанном случае, предстояло изъять тайник, который он лично подобрал. В качестве контейнера петрозаводчанин выбрал силикатный кирпич, который его напарник заложил в каком-то проходном дворе.

Убедившись в отсутствии слежки, петрозаводчанин прибыл на место и приготовился изымать контейнер. Когда он с некоторыми усилиями выколупал кирпич из стены и приготовился опустить его в сумку, до его слуха донесся скрежет автомобильных тормозов. Он оглянулся и увидел, как из подъехавшей «волги» «посыпались» молодые, крепкого спортивного телосложения люди. Они молча и сосредоточенно бежали к нему. Сомнений не было — это были сотрудники наружного наблюдения, которые знали место и время операции задолго до того, как наш бедный слушатель вышел на проверочный маршрут. Времени на размышление не было, нужно было избавляться от улики. Так нас учили в 101-й школе.

Когда можно было различить даже цвет глаз приближавшихся «наружников», наш бедолага широким движением правой руки отбросил контейнер куда-то в сторону. Раздался женский крик и стоны:

— Караул!! Убивают ни за что!

Он оглянулся и увидел, что неподалеку, поверженная силикатным изделием наземь, лежала старушка. В руках она крепко держала авоську, из которой высыпались несколько картофелин, две свеколки и одна морковка. Старушка возвращалась из овощного магазина своим излюбленным проходнячком, неожиданно превратившимся в место оперативных разборок.

— Ты что же, подлец делаешь? — закричал один из «наружников», заламывая слушателю руки за спину. — Калечишь невинных прохожих?

«Наружник» помог бабушке подняться на ноги.

— Не бойся, бабушка, — приговаривал он, отряхивая ее одежку и подбирая оброненные овощи, — мы его сейчас приструним. Мы не позволим ему нападать на простых советских пенсионеров.

— Уж вы с него, внучки, построже спросите, построже! — говорила успокоенная бабушка и поковыляла домой. — А то ишь взяли свободу, филюганы подзаборные!

Бабка ушла, и петрозаводчанин остался один на один с «противником».

— А это что такое? — спросил его первый, что заламывал руки — вероятно, старший бригады и сунул ему под нос злосчастный контейнер.

— Кирпич — что же вы не видите?

— Вот именно, кирпич, вещественное доказательство покушения на прохожих. Мы его прихватим с собой, а заодно с ним — и тебя. Поехали в участок.

Два «наружника» подхватили петрозаводчанина под руки и повели к машине. Старший шел сзади с кирпичом в руке, торжественно демонстрируя его всем любопытным.

— Еще одного схватили, — прокомментировал задержание проходящий мимо старичок. — Очень похож на того бугая, который прошлой зимой снял с меня шапку.

Хорошо, что вся процессия уже садилась в машину и не слышала этих слов, иначе история криминальных деяний задержанного обогатилась бы еще одним важным эпизодом.

Повезли задержанного, конечно, не в милицкий участок, а на конспиративную квартиру бригады, и там ему учинили пристрастный допрос. Первым делом попросили предъявить документы, расспросили о месте работы и жительства и, естественно, выявили массу нестыковок в легенде слушателя. Как говорил один из персонажей в фильме Эйзенштейна «Александр Невский», кольчужка оказалась коротка. Наш петрозаводчанин был тертый калач, он отчаянно защищался, но факты упрямая вещь: упрут-ся в тебя рогами, словно корова, и никуда от них не отвертись.

Потом приступили к изучению контейнера и быстро сообразили, что внутри кирпича что-то есть. Расковыряли кирпич, извлекли из него непроявленную пленку и стали «клеить» ему шпионаж в пользу иностранной державы. Жертва сговора утверждала, что кирпич наблюдает в первый раз в своей жизни. Тогда оскорбленные «милиционеры» стали обвинять его в клевете на «советскую милицию» — ведь тогда получается, что это они подсунули ему кирпич, в то время как они собственными глазами видели, как он им хотел убить бабушку.

Время шло, допрос продолжался, но было видно, что рвение у «наружников» поубавилось, и начатая несколько часов тому назад игра уже не казалась такой развлекательной. Тогда они позвонили Петру Игнатьевичу, который как-то странно быстро приехал и забрал своего слушателя домой. На разборе «дядька» похвалил его за стойкость и выдержку, но покритиковал за недоработки в легенде. Петрозаводчанин не возражал: он, как и все мы, знал, что это была не его вина, а беда. Легенда строилась с учетом реалий, а реальность была такова, что глубокой зашифровкой слушателей спецшколы не занималась, да в этом и не было необходимости.

Учебный год кончался. Мы закончили практические занятия в городе и приступили к сдаче государственных экзаменов. Потом был выпускной вечер,

на котором присутствовал начальник разведки генерал-лейтенант А. М. Сахаровский. Это был умный и дальновидный руководитель, внимательный к подчиненным начальник, доступный в обращении и добрый человек. При нем разведка получила свое бурное развитие и добилась блестящих результатов. К концу учебы я уже знал, что работать пойду в самое засекреченное подразделение — Управление «С» и испытывал внутреннюю гордость. После месячного отпуска я, младший лейтенант и младший оперуполномоченный, как первоклассник, с бьющимся от волнения сердцем 1 сентября поднялся на шестой этаж известного здания. Начальник европейского направления Георгий Михайлович Соколов долго рассказывал, чем занимается отдел и в чем будут заключаться мои обязанности. Для быстрого вхождения в курс дела мне предложили типовой план, рассчитанный чуть ли не на целый год.

Меня сразу «посадили» на скандинавские дела. На первых порах пришлось много читать, чтобы понять смысл того, что называется документацией нелегала. Опытный сотрудник направления, скандинавист Г. С. Снигирев стал моим неформальным наставником. Первое время «ученичества» я был у него на подхвате: составлял обзорные справки, делал переводы со скандинавских языков на русский, приводил в порядок оперативные дела, подшивал их и сдавал в архив. Главным и самым острым оружием для меня стала большая сапожная игла, которой я прошивал насквозь том дела, зажатый тисками в специальном станке.

Я проработал 16 лет в отделе документации, поделив это время между двумя длительными, несколькими короткими командировками и работой в центральном аппарате. Потом меня перевели в отдел подготовки спецконтингента, затем — в региональный отдел, где я уже непосредственно руководил работой выведенных за кордон нелегальных разведчиков. После этого была еще командировка на Шпицберген по линии политической разведки, преподавательская деятельность в Краснознаменном институте и

работа по взаимодействию с иностранными разведками в Управлении внешних связей, пока не наступило время увольнения на «заслуженный отпуск». Тридцать с лишним лет промелькнули как один день, потому что некогда было остановиться и поразмышлять о смысле жизни. Мы были молоды, полны энтузиазма и желания сделать как можно больше для безопасности страны, и мы торопились жить и выпить сполна чашу жизни...

Я с благодарностью вспоминаю теперь годы, проведенные в разведке ПГУ и СВР. В Службе господствовала удивительная атмосфера гармонии, благожелательности и творчества. Вероятно, именно это называется духом корпоративности. Немудрено, что мы, погрузившись в профессию, плоховато знали советскую и постсоветскую действительность, а когда уволились на пенсию, то многие из нас столкнулись с непреодолимыми проблемами.

Мне повезло: еще находясь на службе, я написал свою первую книгу «Иуда из Ясенева». Успех ее и положительные отклики у коллег послужили импульсом для моих последующих литературных занятий. Жизнь снова приобретала смысл, а неограниченная свобода наполнялась новым содержанием, новыми ожиданиями, хлопотами и новыми открытиями.

ИСЛАНДСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ

...Нет правил для описания путешествий...

И. А. Гончаров

В Скандинавию я первый раз попал, если можно так выразиться, не через парадную дверь, а через заднюю калитку. Но по крупному счету в этом была своя — не зависящая от моей воли — логика: потому что я начал свое знакомство с уцелевшими остатками той «Викинголандии», которая на своей прародине не так уж ощутимо дает о себе знать.

Я проработал в отделе два года, когда руководство отдела сочло *необходимым, а главное, возможным* направить меня в рекогносцировочную поездку в Исландию и Норвегию. Отдел, в который я попал после спецшколы, был в управлении функциональным и занимался всеми странами мира. Конец 60-х совпал с периодом бурного развития разведывательной службы, открытия новых резидентур и освоения новых регионов. Не остался в стороне от этой экспансии и наш отдел, который за время своего существования почти исчерпал свои оперативные возможности в традиционно-излюбленных странах и нуждался в свежих идеях и методах. Разведка, как и все народное хозяйство, двигалась по пути экстенсивного развития.

Это не факт, это было на самом деле.

Мои товарищи по другим направлениям работы активно осваивали недавно появившиеся на карте самостоятельные государства Азии и Африки, и многие из них уже побывали кто в Бурунди, кто в Того, кто в Тунисе или на Мадагаскаре. Как правило, во всех этих странах уже были созданы резидентуры, но нога представителя нашего отдела и управления там еще не ступала.

Это была благословенная пора для подобных путешествий! Страна стала в больших количествах получать нефтедоллары, и начальнику финотдела ПГУ* не приходилось трястись над каждой копеечкой, прибегая ее в основном для заграничных поездок высокого начальства, как это вошло в правило во времена «перестройки» и последующих глубоких общественных и социальных потрясений.

Активным застрельщиком всей этой глоубтроттерской** деятельности был начальник отдела Павел Георгиевич Громушкин, проработавший в одном и том же подразделении аж со времен самого Шпигельгласа*** и начинавший свою карьеру с самых оперативных низов. В моем представлении конец 30-х был таким отдаленным историческим пластом, который сливался и пропадал за временным горизонтом Рождества Христова. Поэтому Павел Георгиевич выглядел в моих глазах легендарной, почти мифической фигурой, сравнимой лишь с каким-нибудь героем времен осады Трои. Он видел великих нелегалов Быстролетова, Короткова, Аксельрода, Ахмерова, Зарубина, сталкивался по работе с талантливыми оперативниками Агаянцем, Эйтингтоном, Судоплатовым, Серебрянским, Орловым и др.

Не окончив ни гимназий, ни университетов, Павел Георгиевич был настоящим русским самородком, способным широко по-государственному мыслить, вос-

* Первое Главное управление КГБ, занимавшееся разведкой.

** «Глоубтроттер» — название старого и популярного во всем мире бюро путешествий.

*** Один из руководителей разведки НКВД в 30-х г. г.

принимать все новое и брать его на вооружение, разбираться в людях и уметь мобилизовывать их на достижение результатов. Только начальником отдела он проработал не менее двух десятков лет и крепко сидел в своем начальственном кресле при всех руководителях управления, разведки и председателях КГБ. Он уверенной рукой вел корабль по курсу, который сам определял и тщательно контролировал, держа нос по ветру. В известном смысле можно было, подобно французскому королю, говорить перефразированными словами, что отдел — это Павел Георгиевич. Официальное название нашего отдела не вызывало у большинства сотрудников ПГУ никаких ассоциаций, но достаточно было упомянуть, что его начальником был Павел Георгиевич, всем все становилось ясно.

В нашем европейском направлении найти «целинные» страны было достаточно сложно — старушка Европа изъезжена и истоптана всеми разведками мира вдоль и поперек. И все же одна такая страна была найдена. Ею оказалась далекая и загадочная Исландия.

— До войны и сразу после войны мы использовали возможности скандинавских стран в наших оперативных целях, а вот последнее время как-то подзабыли о них. Сказались увлечение другими регионами и нехватка квалифицированных специалистов со знанием скандинавских языков, — заключил Павел Георгиевич, обращаясь скорее к начальнику направления Георгию Михайловичу Соколову, чем ко мне, желторотому оперу. Он вызвал меня к себе вместе с «направленцем», чтобы предварительно обсудить мою краткосрочную командировку. — А вот Исландия для нас совершенно не известна. Надо съездить, посмотреть. Заодно и обкатку пройдешь, — заключил он, обращаясь уже ко мне.

Я сидел, не чуя под собой стула и не пропуская ни одного слова, вылетавшего из слегка косноязычных уст начальника. Примерно так, вероятно, чувствовал себя Колумб, стоя на коленях перед испанским королем, формулировавшим для него задание перед отправкой в кругосветное путешествие. Неужели и я дожил до того момента, когда загляну по ту сторону

бугра, за которым скрывается прекрасная неизвестность, обещающая славу, почет и успех? Как и все начинающие молодые оперработники, я буквально горел желанием побыстрее испытать себя в каком-нибудь хоть маленьком деле.

Начальство отпустило мне на Исландию две недели! Сразу после беседы у ПэГэ (такая лаконичная кличка была дана начальнику сотрудниками отдела) я приступил к подготовке своей командировки: проштудировал все, что было в отделе и управлении, покопался в общей и оперативной библиотеке, постажировался в других подразделениях, «скроил» и «примерил» на себя легенду мидовского работника.

Отъезд из Москвы был намечен на первую декаду декабря 1968 года. По пути в исландскую столицу предстояло сделать пересадку в Копенгагене. Дания, бывшая колониальная владелица Исландии, взяла теперь на себя роль старшей сестры, по-прежнему ревниво следившей за контактами со страной гейзеров и вулканов. Между обеими столицами была налажена регулярная авиалиния, обслуживаемая исландской компанией «Лофтлейдир». Услугами этой фирмы традиционно пользовались советские дипломаты, дипкурьеры и командировочные. Когда в Рейкьявик летели курьеры, то нашим посольством в Копенгагене закупались авиабилеты не только для них, но и для дипломатического багажа — обычно на два-три места. Багаж грузился не в багажное отделение, а заносился обычно в салон и водружался на кресла рядом с сиденьями курьеров. В копенгагенском отделении «Лофтлейдира» к этим странностям русских привыкли, и билеты для неодушевленного дипломатического груза продавались безропотно. Все равно самолет летал полупустым.

Исландия тогда закупала в Советском Союзе нефть и нефтяные продукты, приглашала к себе советских гидростроителей и расплачивалась за все своей знаменитой треской и селедкой. Большие заголовки в мировой прессе сделала тогдашняя тресковая война Исландии с Великобританией, и симпа-

тии советских людей были однозначно на стороне гордых исландцев, отстаивавших свое право на выживание. Рыбная продукция — основа экономики страны, рыболовство — главное занятие исландцев.

... Самолет «Аэрофлота» приземлился в Каструпе где-то во второй половине дня, и на город уже спустились сумерки. В транзитном зале, где нужно было дожидаться самолета на Рейкьявик, была запланирована встреча с представителем нашего отдела в составе копенгагенской резидентуры Олегом Гордиевским. В Центре я «сидел» на скандинавских странах и курировал его работу. Я успел уже познакомиться с ним лично в 1967 году во время его приезда в очередной отпуск. В моем распоряжении было не менее пяти часов, и в голову закрадывалась крамольная мысль о том, как бы было здорово использовать это время на хотя бы мимолетное знакомство с датской столицей. И. Гончаров, проплывая на фрегате «Паллада» через Эресунн мимо Копенгагена, страшно расстроился из-за того, что шторм помешал ему сойти на берег. Не попал в датскую столицу по какой-то случайности и Н. Карамзин. Неужели мне тоже не повезет, как не повезло в свое время моим маститым соотечественникам?

Гордиевский встретил меня у трапа самолета и тут же представил маленькому тщедушному пожилому человечку, напоминавшему нахохлившегося воробья, по чужой воле оказавшегося в клетке. Это был посол СССР в Дании В. Орлов, прибывший в аэропорт, чтобы встретить какого-то важного гостя из Москвы. До назначения в Копенгаген Орлов долго был не у дел в Москве, никуда не выезжая, пока не был востребован кем-то на Старой площади для Дании. А вообще-то он имел довольно громкое прошлое и оставил свой след в советской дипломатии.

Орлов встретил своего гостя и тут же удалился. Гордиевский поспешил вслед за послом, успев однако предупредить меня о том, что скоро вернется и найдет меня в транзитном зале.

Ждать пришлось недолго. Гордиевский появился в транзитном зале минут через пятнадцать.

— Все, я освободился и нахожусь в твоём распоряжении. Когда отлетает самолет в Рейкьявик?

Я назвал время.

— Ну что ж, у нас есть время прокатиться по вечернему городу и заехать ко мне на Тагенсвай перекусить.

— Как так? — Мне показалось, что я ослышался.

— А очень просто. Я договорился тут с иммиграционным начальником о том, чтобы тебе сделали транзитную визу для выхода в город.

— Здорово. Поехали, не будем терять время.

От Каструпа, расположенного на полуострове Амагер, до центра Копенгагена мы доехали за какие-нибудь двадцать минут. Датская столица по сравнению с Москвой выглядела поистине сказочным городом. До рождественских праздников оставалось чуть ли не три недели, а Копенгаген уже сверкал морем огней, искрился на морозном воздухе гирляндами, венками, елочными украшениями, подсвечивался хитроумными прожекторами и тонул в умопомрачительных витринах, в которых в обязательном порядке были выставлены красный Санта Клаус, венки с еловыми шишками, свечи. Улицы буквально дышали довольством, умиротворенностью и прущим изо всех углов достатком. Создавалось впечатление, что все население города вышло на улицы, чтобы степенно и неторопливо засвидетельствовать свое глубокое удовлетворение царящей повсюду предпраздничной атмосферой.

В моей взрослой и далеко не экзальтированной голове возникали образы и персонажи, навеянные сказками Ханса-Кристьяна Андерсена, которыми я зачитывался в детстве. Казалось, вон из того подъезда сейчас выйдет оловянный солдат и, сделав по всем правилам ружейный артикул, торжественно зашагает к Амалиенборгу*. А там на балконе покажется пузатый и важный король, воображающий себя власте-

* Королевский дворец.

лином всей земли и одетым в самые богатые наряды, но на самом деле вышедшим на мороз в чем мать родила. Навстречу, держась за руки, идет мальчик с девочкой — это, конечно, Кай с Гердой вышли на улицу, чтобы выбрать себе подарок. А в этом подвале, вероятно, жил когда-то сам сказочник.

Вспомнил советского писателя Геннадия Фиша, создавшего серию книг про скандинавские страны. В очерке «Здравствуй, Дания!» он описывает, как ходил по улицам Копенгагена и от имени вселившегося в его душу тургеневского Хоря неодобрительным тоном комментировал то или иное явление: «Это у нас не шло бы... Это непорядок». (Хорь, в отличие от Калиныча, вообще, как известно, неодобрительно относился к загранице.)

А я ловил себя на мысли, что внутри меня поселился именно антипод Хоря-Фиша, разлюбезный Калиныч, восторженная душа, принимавший все, что ему ни покажут, на веру. Нет, одернул я себя мысленно, так нельзя, нельзя размягчаться, так недолго и до ... Крамольную мысль я немедленно прогнал, как только мы с Гордиевским вступили на *Stroget* — пешеходную улицу длиной около километра, протянувшуюся от Королевской Новой площади до Ратушной.

Во-первых, само понятие пешеходной улицы в центре города сбило тогда меня с толку. Зачем? Для чего? Кому это нужно? А где же проехать автомобилям? Непорядок. (Силен все-таки Хорь в русском человеке!) И потом: откуда у датчан столько ювелирных магазинов? Золото-то у них не добывается, драгкамней не водится. Странно... И Калиныч окончательно-таки покинул меня в этот вечер, уступив место подозрительному скептику Хорю.

Между тем время неумолимо бежало вперед и сокращало мою остановку в Копенгагене. С чувством гордости истинного хозяина, показавшего свои апартаменты гостю, Гордиевский усадил меня в свой «Форд-кортину» и повез к себе домой «откушать». По пути где-то справа мелькнуло наше посольство, потом американское, потом проехали парк и наконец мы въехали на улицу Тагенсвай. Здесь в старинном,

солидном по московским меркам доме, посольство снимало для атташе Гордиевского двухкомнатную квартиру.

Нае встретили милая и добрая хозяйка Лена, жена Гордиевского, и... свирепый сиамский кот Барсик, изодравший своими когтями всю посольскую мебель и обои в квартире. Барсик приветствовал меня недоверчивым злобным шипением, но от прямой атаки воздержался, вычисляя, вероятно, что это за фрукт появился в его владениях. В течение всего обеда я чувствовал на себе его желтый взгляд и был наготове, чтобы отразить любую с его стороны гадость. Из-за Барсика я был лишен возможности вести непринужденную светскую беседу и наслаждаться гастрономическими раритетами вроде поданных в масле копченых мидий и мясного блюда «тартар».

Неравнодушен к вкусной пище, а также к сырам.

Настроение тем не менее было праздничное, пили знаменитый датский аквавит «со слезой», много болтали о Москве, о Копенгагене, о литературных новинках и о театральные премьеры. Как принято при таких встречах, я поведал Гордиевскому об общих знакомых в Центре. Они с женой были в восторге от Дании, от датчан, от Копенгагена, и оба торопились наперебой рассказать мне об этом. В приятном застолье незаметно пролетело время, и надо было собираться в путь. Атмосфера при встрече была, пожалуй, самой непринужденной за все мое знакомство с Гордиевским. Слегка пьяный и сытый я возвращался с ним обратно в Каstrup и уже довольно снисходительно, как и полагается сытому Хорю, поглядывал по сторонам.

Через час я сидел в полупустом «боинге-747» и переваривал духовную и материальную пищу, полученную в Копенгагене.

... Интересно, был ли Гордиевский уже тогда завербован? Думается, ответ должен быть положительным.

... Процессу переваривания активно способствовали разнообразные и подаваемые в неограниченном количестве горячительные напитки. «Лофтлейдир» не жалел денег на угощение, пытаясь привлечь больше пассажиров на свой трансатлантический рейс. Свой полет исландцы начали в Люксембурге, продолжили его в Дании и Великобритании, по пути делали посадку у себя дома, а заканчивали свой путь аж в Нью-Йорке. Несмотря на такой длинный маршрут, в салоне самолета собралось не более двадцати человек, и все они летели до Рейкьявика.

Очевидно, экипаж самолета решил взять реванш за пустой салон спиртными напитками. Стюардессы выкатили несколько тележек с бутылками и распределили их по местам более-менее кучного скопления пассажиров, чтобы забрать их уже перед самой высадкой в Кефлавике. Сидевший рядом молодой человек после пары «лонг-дринков» вступил со мной в разговор, из которого он выяснил, кто я и откуда, а я узнал, что он — норвежский студент, обучающийся по обмену с Исландией в Рейкьявикском университете. Каким викинг был филологом, судить не берусь, но виски и джин он держал великолепно. А я-то грешным делом думал, что это качество характеризует исключительно одних вятичей.

К спиртному относится лояльно — пьет любые алкогольные напитки.

Норвежец, кажется, его звали Эриком, всю дорогу развлекал меня рассказами о своих успехах у исландок, и, глядя на его довольно заурядные внешние данные, я начал составлять о женской половине исландского населения довольно нелестное мнение. Филолог хохотал гомерическим смехом над своими шутками, и остальные пассажиры стали бросать в нашу сторону укоризненные взгляды. Потом норвежец достал фотоаппарат и истратил на меня минимум полпленки, старательно снимая со всех ракурсов. Последнее мне не понравилось, и я стал смотреть по

сторонам или прятаться за кресло, чтобы не попасть в объектив.

Я хорошо помнил советы, полученные в спецшколе: разведчик должен по возможности избегать публичности, чтобы не оставлять за собой никаких следов. Он должен пройти по этому миру бесшумной и незаметной тенью, зарезервировав лишь к старости единственную возможность скромно разделить неудовлетворенное профессиональное тщеславие на какой-нибудь встрече с молодым пополнением, на которое высокое начальство, может быть, как-то соизволит его пригласить*.

На пути в Англию самолет попал в жестокий циклон, огромный фюзеляж «боинга» трепало как соломинку. Мы то и дело проваливались в воздушные ямы, и под ложечкой у меня сильно подташнивало. Эрик рассказал мне, что исландские летчики летают в любую погоду и известны своей бесшабашностью и мастерством. Я, в отличие от Эрика, не был слышан о достоинствах исландских авиаторов и сидел как на иголках, ожидая, когда же мы рухнем вниз. Гомерический хохот соседа звучал как реквием на похоронах, но тем не менее я был благодарен Эрику за то, что он помог скрасить мне бесконечно тянувшееся время и притупить страх за свою молодую жизнь в самом начале разведывательной карьеры. «Слабительное для души» не позволило нам с Эриком заметить короткую техническую посадку то ли в Манчестере, то ли в Ливерпуле, а может быть, в самом Бирмингеме.

Ранним декабрьским утром самолет приземлился наконец в Кефлавике.

Кефлавик во время Второй мировой войны использовался союзниками в качестве военно-воздушной базы. Сначала на остров пришли англичане, а за ними — американцы. После войны американцы так и «застряли» на нем, развернув свои подразделения уже против бывшего союзника по антигитлеровской

* Сразу оговорюсь, что так было. В наши же времена завеса тайности и секретности вокруг разведки приподнялась. Может быть, даже слишком.

коалиции. (До сих пор американцы так и не научились соблюдать меру в пользовании чужестранным гостеприимством: куда бы их не пустили, уходить они оттуда не собираются.) Практически городок стал американской территорией, войдя в инфраструктуру НАТО. Правда, поскольку на территории Исландии не было других аэродромов, американцы позволили использовать Кефлавик в качестве гражданского аэропорта для исландских авиалиний. Таким образом, в период холодной войны советским гражданам, попадавшим в Исландию, предоставлялась уникальная возможность легально находиться, пусть недолго и под соответствующим контролем, на территории военной базы США.

За стеклом иллюминатора было темно хоть глаз выколи. Прожорливому и кровожадному волку Фенриру, по всей видимости, все-таки удалось обмануть самого Одина и проглотить-таки наше солнце*. Одинокие огоньки скудно освещали окрестность, не давая возможности составить о ней ясное представление. Жиденькой струйкой пассажиры потянулись к небольшому строению, оказавшемуся административным зданием международного аэропорта. Американских военных видно не было. Паспортные формальности продолжались недолго, иммиграционный чиновник без всяких вопросов поставил в паспорт штамп о прилете и отпустил меня восвояси. Через пять минут я в нерешительности стоял в большом холле, ожидая, когда ко мне подойдет кто-нибудь из посольства или резидентуры. Я сразу узнал «своего», как только он появился в дверях. Встречал меня сам резидент, немолодой уже мужчина, отработавший, по всей видимости, последнюю свою командировку.

— Борис Николаевич? Меня зовут Николаем Ивановичем. Поехали?

Я с радостью согласился, тем более что моего отца тоже звали Николаем Ивановичем. Мы прошли к его

* Волк Фенрир — персонаж из скандинавской мифологии. Один — главный бог скандинавского пантеона.

машине. Вокруг по-прежнему темно, хотя по московскому времени уже пора было бы светать. Отъехав от аэропорта, мы сразу нырнули в густую мезозойскую темноту, прорезаемую ярким кинжалом фар. На бледном фоне покрытого плотными облаками неба отражались причудливые холмы и вздыбленные кучи неизвестной мне породы, будто оставленные поработавшим на славу гигантским бульдозером.

Асфальт был великолепный, и «форд» бесшумно нес нас по какой-то обручевской Плутонии, правда, лишенной малейшего намека на растительность. Наконец я не вытерпел:

— Николай Иванович, что это такое? — Я показал пальцем за окно.

— Лава.

— Что-о-о?

— Застывшая лава. Вулканическая порода.

Я сразу вспомнил о вулканическом происхождении Исландии, но одно дело читать, а другое — увидеть все это наяву.

— И что — вся страна такая?

— Да нет, местами встречается и травка, мхи. Ведь у исландцев масса овец, чем-то кормиться они должны.

— А деревья?

— Практически нет. Вот сейчас под Рейкьявиком планируется разбить парк, но это все когда еще будет*.

Когда мы въехали в Рейкьявик, начало светать. Однако город разглядеть не удалось. Николай Иванович отвел меня в гостевую комнату и предложил хорошенько выспаться.

Спать почему-то не очень хотелось, перед глазами проходили шикарные предрождественские картинки Копенгагена, перемежаемые фантастическим пейзажем Исландии, в ушах раздавался пьяный смех филолога-ловеласа Эрика, а в полутемном окне по-

* Уже работая в длительной командировке в Копенгагене, помню, как мне пришлось встречать следовавшую из Исландии транзитом домой семью одного нашего дипломата. Трехлетняя дочка дипломата показывала пальцем на деревья и спрашивала: «Папа, а что это?».

луподвальной гостевой мелькала морда сиадца Барсика. Ко всему прочему в нос лез неистребимый запах тухлых яиц: здание посольства, как и весь город, обогревалось горячей водой из гейзерных источников, содержащих сильную концентрацию серы. Потом я куда-то поплыл и сразу провалился в бездну.

Проснулся я оттого, что меня здорово, как на корабле, качало. Комната ходила ходуном, стены трещали, и люстра раскачивалась из стороны в стороны, готовая вот-вот упасть на мою голову.

«Когда же кончатся эти кошмарные сны!» — подумал я с досадой за допущенный накануне перебор по части горячительных напитков и закрыл глаза, чтобы продолжить сон. Но что-то было не то, в нос опять полезла сера, и я понял, что уже не сплю. Я прислушался: в доме было тихо, обитатели, вероятно, продолжали спать. Дом на какое-то время успокоился, не двигал своими стенами, люстра замерла на своем месте.

«Чертовщина какая-то! Значит, все-таки мне *это* приснилось?»

И тут как бы в опровержение этого нелепого предположения по дому опять прошла крупная дрожь, где-то вдаль прокатился гул, люстра вновь пришла в движение. Я испуганно вскочил с постели. Землетрясение! Как я раньше не догадался, ведь Исландия — страна вулканическая, молодая, и землетрясения здесь не являются редкостью. Первой мыслью было: «Бежать!» Но не услышав в доме и за его пределами каких-либо признаков беспокойства или паники (люди вообще куда-то пропали), я уговорил себя остаться в постели, чтобы не показаться смешным в глазах аборигенов. Подумать только: испугался землетрясения!

Как ни странно, я снова заснул, и проспал еще несколько часов без всяких сновидений. Поздним утром в гостевую заглянул Николай Иванович и рассказал, что в районе Рейкьявика было пятибалльное землетрясение, в городе кое-где дали трещины дома, лопнули трубы водяного отопления, но человеческих жертв нет. Все хорошо, прекрасная маркиза!

После завтрака резидент повел меня, как это полагается, представлять послу. Негласный этикет взаимоотношений «резидентурских» с «посольскими» непременно предполагал эту процедуру, независимо от сроков пребывания командировочного в стране, его чина и звания и целей командировки. Правда, если прибывший занимал солидное положение, время аудиенции значительно увеличивалось, и беседа могла кончиться на весьма дружеской ноте и даже приглашением «вместе отобедать» или «накоротке отужинать».

Кроме чисто протокольных соображений такие визиты имели сугубо прозаическое объяснение: главе дипломатического представительства было полезно убедиться, что представитель «ближних соседей» появился в посольстве не для того, чтобы делать под кого-нибудь «подкопы» или искать «компру». «Чистые» дипломаты в своей практической деятельности непременно учитывали благоприобретенный исторический (в основном отрицательный) опыт и в отношениях с представителями КГБ не отходили от ставшей генетической линии поведения: «держись от чекистов подальше», хотя в описываемое время эти комплексы проявлялись все-таки не в такой острой форме, как тридцать лет тому назад. Впрочем, это зависело от того, какими людьми были чекисты и какими — сами «чистые».

Посол был неглупый мужик, к представителям разведки относился без предубеждений, поэтому долго на моей персоне задерживаться не стал. Через пять минут мы с Николаем Ивановичем вышли из его кабинета и уединились за «секретной» дверью резидентуры, чтобы обсудить мое задание и способы его выполнения. Оговорюсь сразу, что заданием не предусматривалась вербовка агентов или проведение явки с ценным источником. Все было значительно проще: нужно было собрать максимум общедоступной информации, на основании которой можно было сделать вывод о возможности и целесообразности работы по Исландии. Скажу также, что такая возможность априори не просматривалась, но для формаль-

ного закрытия вопроса, как в науке, требовались определенные оперативные выкладки.

Две недели в Рейкьявике я провел в стенах посольства, листая различные справки, отчеты, обзоры посольства и резидентуры и беседуя с дипломатами. Я с благодарностью вспоминаю о помощи, которую мне оказали «чистые» сотрудники посольства Подражанец, Комиссаров и Шаманин. С Сережей Комиссаровым, владеющим несколькими скандинавскими и европейскими языками, мне пришлось потом вместе поработать в Дании и Швеции, а с Шаманиным тоже столкнуться в Швеции.

Кстати, о языках. Кроме того, что мы впереди планеты всей в области балета, нужно отметить, что ни в какой другой стране, кроме нашей, не поставлено так дотошно дело изучения иностранных языков. Где, в каком государстве вы встретите дипломатов, владеющими исландским языком, на котором говорят всего двести тысяч человек? У нас же такие люди были и, я надеюсь, еще живы. Я знал их и видел. Это упомянутые выше Комиссаров и Подражанец, ученики известного в кругах МИДа и за его пределами профессора Якуба. Как скандинавист могу подтвердить только, что это явление на уровне маленького чуда света.

Свободное время я использовал для прогулок по городу, а вечера — для хождения в «киношку». Рейкьявик — небольшой по нашим, да и по европейским масштабам город, и его можно обойти за пару часов. Компактный центр и деловая часть столицы с министерствами, банками, магазинами и офисами; университетский район на окраине (где-то здесь вращается мой знакомый норвежец); порт с многочисленными причалами и рыбацкими шхунами и баркасами; бассейн с подогретой морской водой у самой кромки океана; старейший в мире парламент — альтинг (британский парламент на самом деле моложе исландского)*, приютившийся на краю

* Альтинг собирался в июне месяце на 2 недели, начиная с 930 года.

искусственного озера, по которому плавают лебеди; бессадаир — резиденция президента; мрачные средневековые каменные церкви; памятник норвежскому конунгу Лейфу Счастливому, открывшему Америку в незапамятные времена, и на сколько хватает глаз — безбрежный океан.

Это Рейкьявик — единственный город в Европе, а может быть и в мире, вмещающий со своими 95 тысячами почти половину населения своей страны. Примерно столько же жителей насчитывается в небольших городах-поселках, разбросанных по побережью острова, в которые можно попасть либо по воздуху, либо по морю (Акурейри, Нескаупстадур, Боргарнес и др.). Остальные двадцать пять-тридцать тысяч исландцев живут на фермах, хуторах или в охотничьих домиках, большую часть года отрезанные от всего мира, поддерживая связь с цивилизацией только по радио.

Здесь, в Рейкьявике, четверть века тому назад формировался конвой из судов союзников, который должен был доставить в Мурманск помощь по лэнд-лизу и о котором написан великолепный роман В. Пикуля...

Говорят, что когда первый переселенец из Западной Норвегии Ингольв Арнарсон в 874 году приблизился к Исландии, то увидел, что весь берег был покрыт льдом, и назвал новую страну Ледяной. Это название сохранилось за ней до сих пор: Исландия в буквальном переводе с норвежского означает «страна льдов».

Внешний вид обманчив, и норвежскому викингу пришлось в этом скоро убедиться*. На самом деле льды занимали лишь центральную горную часть страны, а прибрежные долины были покрыты сочной травой, по ним протекали чистые источники, кишасшие жирными форелями и хариусами, климат был достаточно мягким для того, чтобы предоста-

* Таких парадоксов в истории географических названий много. Например, когда те же викинги открыли Гренландию (Зеленую страну), они никак не предполагали, что она покрыта льдом. Вообще-то Гренландия и Исландия должны были поменяться названиями.

вить убежище свободолюбивым викингам, которым стало тесно на своей исторической родине. Конечно, это не шло ни в какое сравнение с райскими тропическими странами, но свободной земли было очень много, врагов поблизости не было, а это главное, чего искали неутомимые варяжские пассионарии.

За первыми переселенцами последовали другие, и к началу двенадцатого века в Исландии образовались довольно многочисленные колонии норвежцев, успешно занимавшиеся овцеводством, коневодством (исландцы вывели неприхотливую породу низкорослых густошерстных лошадок-пони) и молочным животноводством. Но главным занятием исландцев стало рыболовство.

Исландия — настоящий полигон для лингвистов, и исландский язык еще ждет своих исследователей. Дело в том, что если подойти очень строго, то исландского языка не существует вовсе. Да, да. Исландцы говорят на старонорвежском наречии, сохранившемся во всей своей чистоте со времен первого норвежского поселенца и Лейфа Эйриксона! Представляете? Язык викингов законсервировался и практически ничуть не изменился с тех пор. Если бы ученым каким-то образом удалось оживить первооткрывателя этой островной страны, то он без труда мог бы понять язык современного писателя-классика Халлдора Лакснесса.

История страны благодаря тому, что она начала создаваться уже во время нашей эры — современные исландцы считают себя всего тридцать вторым поколением — и что по ней не прокатывались полчища каких-нибудь гуннов и мировые катаклизмы миновали ее стороной, описана весьма подробно и достоверно. Если у нас на Руси с трудом, буквально по крохам, можно собрать скудные отклики современников о прославившем себя в веках князе — ну хотя бы о Дмитрие Донском или Александре Невском, то исландцы спокойно могут почитать о каком-нибудь своем предке в тридцатом колене, например о крестьянине Ньяле, сыне Торгейра:

«Он был такой знаток законов, что ему не было

равных. Он был мудр и ясновидящ и всегда давал дельные советы. Он был доброжелателен, обходителен, великодушен, прозорлив и памятлив и никому не отказывал в помощи, кто бы к нему ни обращался».

Здорово, правда? Фраза тысячелетней давности, которую полностью можно вставить в текст служебной характеристики, например, офицера советской разведки.

Практически до нас дошло очень много текстов саг, написанных грамотными викингами и монахами. (Кстати, большинство ценных свитков, на которых были записаны саги, хранится в архивах Копенгагена.) Эти средневековые повести на протяжении многих мрачных столетий были единственным достоянием народа, стоявшего на краю гибели и черпавшего из них веру в себя и в будущее своей нищей страны.

С XI века до 1550 года в стране господствовала католическая церковь, а новое лютеранское течение с трудом пробивало себе дорогу, наталкиваясь на принципиальную верность исландцев тому, что они однажды приняли для своей души. Имена католических епископов Эгмунда Паульсона и Йоуна Арасона, боровшихся против «выкорчевывания из людских сердец» истинной веры, знает теперь каждый школьник. Новая религия навязывалась силой датчанами из Копенгагена и потому воспринималась особенно остро и неприязненно.

Конечно, исландцы из-за суровых условий, в которые их поставила природа, не сумели создать шедевров архитектуры, музыки, живописи или скульптуры, равные по своему значению, например, итальянским или французским. Естественно, длительное время оставаясь в своем развитии в стороне от «столбовой дороги цивилизации», Исландия была обречена на провинциальный образ жизни и мышления. Исландцы — это нация рыбаков и крестьян. Но можно смело утверждать, что в литературе исландцы оставили свой весомый и неповторимый след. И не столько выдающимися и потому единичными име-

нами типа Х. Лакснесса, сколько своим массовым участием в ней.

Дело в том, что почти каждый исландец — в душе либо поэт, либо прозаик. При этом он не стремится заниматься этим профессионально, чтобы зарабатывать литературным трудом себе на жизнь. Исландец сочиняет сагу, балладу или риму (поэму) просто для выражения своих чувств. Вместо литературных салонов и клубов он пользуется любой сходкой — крестинами, свадьбой, собранием фермеров или рыбаков, для того чтобы выразить свою потребность в самовыражении и на людях заявить о своем мастерстве. Во всяком случае, так было до недавнего прошлого, до наступления т. н. массовой культуры, которая, к сожалению, коснулась и этого провинциального уголка Европы. У исландцев было принято устраивать специальные поэтические состязания — нечто похожее на описанное И. С. Тургеневым в рассказе «Певцы». Случалось, иной литератор-самоучка должен был совершить длинный путь чуть ли не через всю страну, чтобы «сразиться» с каким-нибудь признанным скальдом*, мастером баллады.

Формы и размеры исландского стиха настолько разнообразны и сложны, что они требуют особого исследования. Взять, к примеру, хотя бы стих слъехтубенде — хорейческое четверостишие с аллитерацией пятого и седьмого слога первой и третьей строки с первым слогом соответственно второй и четвертой! (Уфф!) После этого становится понятным, почему лауреат Нобелевской премии Х. Лакснесс обратил на себя внимание публики уже в шестнадцатилетнем возрасте, когда он написал свой первый роман.

Если исландец не сочиняет, то все равно является большим ценителем и знатоком поэзии. Душа всех северных народов скрыта в исландских сагах, утверждают сами исландцы.

Двести тысяч исландцев — это население одного такого города, как Елец или Таганрог, поэтому немудрено, что они почти все знают друг друга. Для этого

* Поэт.

не обязательно быть знакомыми и встречаться хотя бы время от времени. Информация о людях содержится в самой фамилии исландца или исландки, а вернее — в их отчестве, ибо их фамилии, как и в России, в большинстве своем и по форме, и по происхождению являются отчествами. Если фамилия женщины — Гудмундсдоттир, что означает буквально «дочь Гудмунда», а мужчины — Гудбьяртурссон, то есть сын некоего Гудбьяртура, то исландцу достаточно вспомнить о роде Гудмунда или Гудбьяртура, чтобы однозначно определить, с кем он имеет дело. Раньше фамилии вообще не были в ходу в Исландии, многих просто называли «Гудни из Редсмири», «Тоурир из Гилтейги» или «Эйнар из Ундирхлида», прибавляя к имени название хутора, фермы или местности.

В раннем средневековье Исландия была относительно процветающей страной, однако позднее страну постигло большое несчастье. Последствия прошедшей по всей Европе, в том числе и по Исландии, эпидемии чумы для исландцев были просто катастрофичны. От страшной болезни вымерло более двух третей населения. Людские ресурсы были настолько подорваны, что страна не смогла оправиться от этого удара до сегодняшнего дня. Впрочем, эпидемии голода и заразных болезней наступали с такой же регулярностью, с которой происходили землетрясения и извержения вулканов. А трясет в Исландии и извергаются вулканы так же часто, как в какой-нибудь Японии или на Курилах.

Исландия обрела самостоятельность только в 1944 году. В 1918 году была провозглашена ее независимость, но она существовала только на бумаге. Исландия продолжала быть связанной унией с Данией еще двадцать шесть лет, прежде чем ее вековая зависимость от датчан была наконец-то полностью ликвидирована*. Исландия — вероятная, единственная страна в мире, которая не имеет армии (около ста полицейских обеспечивают внутренний поря-

* Интересно, что когда Дания отпустила на волю исландцев, она сама находилась под пятой гитлеровской Германии.

док на всем острове) но, занимая важное стратегическое положение, привлекла к себе внимание НАТО. Английская, а потом американская военно-воздушная база в Кефлавике в 1949 году вошла в инфраструктуру НАТО, и никогда и ни с кем не воевавшие исландцы очутились под эфемерным зонтиком безопасности этого военного блока. Взамен НАТО обещала защищать остров от любого агрессора.

Значение важности этого фактора трудно переоценить.

Свою свободу исландцы потеряли в XIII веке, когда на остров пришли хозяйничать материковые норвежцы — в 1262 году король Хокон Четвертый Старый присоединил Исландию к Норвегии. А после, в результате экономической, военной и политической экспансии, Дания подмяла под себя Норвегию, заодно и Исландия стала датской колонией. «Серый Гусь» — исландский свод законов, выработанный еще до принятия христианства — перестал существовать. (Вообще, маленькая Дания оказалась на редкость жадной и прожорливой: кроме Исландии и Норвегии в разное историческое время она «заглотнула» практически всю Скандинавию. Гренландия, в десятки раз превосходящая свою метрополию по территории, и Фарерские острова с населением около 70 тысяч человек до сих пор входят в состав датского королевства на правах автономий.)

Самым тяжелым испытанием для исландского народа были XVII и XVIII века, когда гнет датчан был особенно невыносим и на карту было поставлено само существование исландцев как нации. Датчане ввели монополию на торговлю с Исландией, из-за которой цены на вывозимые товары были низкими, а на ввозимые — непомерно высокими. Впрочем, истощенной многочисленными войнами Дании и это не помогало. Исландия все-таки оказалась большой обузой для королевской казны, и король Фредрик IV всерьез взвешивал возможность продать Исландию немецким купцам.

Как для крыловской мыши не было зверя сильнее кошки, так и для исландцев восприятие вселенной ограничилось вездесущей Данией. Исландцы были склонны во всем видеть тайную волю Копенгагена. Северная война, начатая Петром Первым против Швеции, была, по их мнению, инспирирована датчанами, которым «удалось направить на шведов далекие народы».

Трудное историческое прошлое сформировало исландцев суровыми и аскетичными людьми, мужественно и смело борющимися с природой, с гнетом и несправедливостью. Исландец решителен, непокорен, бескомпромиссен. Он придает королям не очень серьезное значение. Все исландцы равны перед Богом, и если исландец не слуга другого, то он сам себя считает королем. Исландцам в высшей степени присуще чувство национального достоинства, вера в свои силы. Надежда покидает их последней.

Экономические условия и уклад жизни в современной Исландии таковы, что мужчине трудно прокормить семью, имея только одну профессию или работая только в одном месте. Как правило, все исландцы подрабатывают по крайней мере еще где-нибудь, а то и в двух местах, или дополнительно осваивают другую (нередко третью) профессию. Очень часто в биографии того или иного лица можно прочесть, что имярек был поэтом, крестьянином и кузнецом. (Интересно, что сейчас подельывает Владимир Ашкенази, молодой и талантливый пианист, которого как-то настойчивая исландка увезла с собой на самом взлете его музыкальной карьеры. Освоил ли он тоже смежную профессию рыбака или клерка? Музыканту его уровня в Исландии, конечно, делать нечего. Ашкенази наши власти долго не выпускали из страны, но исландцы задействовали мощную «артиллерию», подключив к решению частной семейной проблемы правительство и дипломатию. С оглядкой на общественное мнение Запада Ашкенази в конце концов отпустили к своей исландской супруге.)

Когда к берегу подходят косяки сельди или трески, то жители столицы и других прибрежных поселков

бросают все и выходят в море ловить рыбу. Рыба — основа экономики страны. Природных ресурсов на острове практически нет. Есть вода, есть гейзеры и ... лава. Травяной покров составляет очень небольшой процент поверхности. Плодородного слоя почвы нет. Из домашних животных преобладают овцы. Они дают шерсть (знаменитые исландские свитера!), мясо и скиур — нечто среднее между йогуртом и кумысом, национальный напиток исландцев.

Рыба напоминает о себе везде. Ее запах разносится по всему Рейкьявику. Треска штабелями навалена в порту на складах, развешена на крючьях для естественного вяления на сыром морском воздухе, продается во всех магазинах и кафе, консервируется и упаковывается в банки на фабриках, загружается в трюмы пароходов, а около моря валяется под ногами. Повсюду сельдь и треска, треска и сельдь.

... Я брожу по улицам столичного города и постоянно ощущаю свою значимость. Впервые в жизни я стал объектом внимания серьезной государственной структуры. За мной по пятам неотступно следуют два филера. Они добросовестно выполняют выученные, вероятно, у датских коллег приемы, не упускают случая зайти вместе со мной в какой-нибудь магазинчик, дышат мне в затылок и отворачиваются в сторону, когда я ненароком сталкиваюсь с ними взглядом. Приятно убедиться в том, что исландские филеры действуют в точном соответствии с тем, чему нас в свое время учил инструктор по наружному наблюдению. Значит, филер он и в Исландии филер. Набор приемов у него такой же, как у русского «наружника».

Сочувствую ребятам, потому что они уже в годах, и трех-четырёхчасовые прогулки для них достаточно обременительны. Сесть в машину, как это принято в больших городах, они не могут: во-первых, в автомобиле вести слежку несподручно, потому что я то и дело меняю направление и куда-нибудь захожу. Развернуться исландским детективам негде — не те

масштабы: о том, чтобы сесть за руль, им и в голову не приходит, потому что объект сразу их расшифрует. Медленно ползущая за пешеходом машина в Рейкьявике — это все равно что слон, наступающий вам на пятки на улице Горького. В этой связи приходит на ум рассказ нашего инструктора о работе филеров в двадцатые годы. Иностранцы и нэпманы передвигались, как правило, на автомобилях, в то время как сотрудники бригад наружного наблюдения ЧК обходились тогда в крайнем случае велосипедом, а чаще — «одинадцатым номером». Так вот, отчеты сотрудников «НН» частенько заканчивались фразой: «Объект сел в авто и исчез в неизвестном направлении. После этого НН за ним не велось».

Объект пришел в парк, подошел к пруду и как в воду канул.

Я, конечно, тоже могу взять такси или кануть в озеро, но делать этого не следует. Зачем бестолку дразнить людей? Пусть себе ходят за мной, мне так спокойней. Ну, уйдешь от них один раз, так следующий раз они так тебя обставят, что не возрадуешься! Себе дороже такие штучки, испытывать на прочность «наружников» надо в тех случаях, когда это крайне необходимо. Например, если нужно во что бы то ни стало выйти на встречу с важным агентом.

Со стороны Атлантического океана не переставая дует сильный и влажный ветер, подгоняя ровные, густые черно-свинцовые хлопья облаков. День в декабре длится часа четыре, а остальное время — это сумерки и приполярная ночь. Снег выпадает, но быстро тает. В общем, погода похожая на наш поздний ноябрь. Изредка блеснет из-за облаков яркий луч солнца и подсветит все ярко-оранжевым светом — спичка спелеолога, заблудившегося в лабиринтах огромной и мрачной пещеры. Пожалуй, если бы в Рейкьявике держался снег, было бы легче переносить это время года, но расточительный Гольфстрим не оставляет для этого никакого шанса. И какому чудаку пришла в голову мысль из-

брать этот остров местом для своего жилища? (Я тогда, естественно, не предполагал, что спустя пару десятков лет мне доведется увидеть более дикие места, чем Исландия.)

... Вот он стоит передо мной, конунг Лейф Счастливейший, совершенно один, открытый всем ветрам, опустив к правой ноге тяжелую секиру и устремив свой взор вдаль к морю. Это он, сын Эйрика Рыжего, в конце X века, опередив Христофора Колумба на целых 500 лет, откроет берега Америки и назовет ее Винляндией, Страной Винограда.

Фигуры «наружников» маячат в отдалении, ожидая, когда же этот хлюст из Советов совершит оплошность и продемонстрирует наконец, для чего он приехал за несколько тысяч километров от своих медведей. Не для того же, чтобы осматривать памятники норвежским викингам!

Ладно, надо пожалеть ребят. Свожу-ка я их в «киношку». Валера Шаманин сказал, что в «бочке» — каком-то ангаре, сооруженном в начале 40-х американскими солдатами и приспособленном для показа фильмов, — идет «Доктор Живаго». Краем уха я уже слышал про одноименный роман Б. Пастернака, и не посмотреть фильм было бы непостижительно с моей стороны. Да и «наружники» пусть за казенный счет хоть что-то узнают о далекой и загадочной России.

Хотя что им наши проблемы? По описанию Х. Лакснесса, приведенному в его романе «Самостоятельные люди», исландские крестьяне, случайно узнав о том, что в далекой Европе «убили какого-то беднягу по имени Фердинанд», из-за чего началась большая заваруха, с удовлетворением говорят о том, что Первая мировая война повысила спрос на рыбу и рыбий жир, и это для них самое главное. А война — что война? Они всю свою жизнь воюют с нуждой, и их война будет посерьезней, чем убийство австрийского эрцгерцога.

... Кинотеатр действительно располагается в металлургическом ангаре с полукруглыми сводами — типичное сооружение для складских помещений. С ра-

достью отмечаю, что внутри тепло и можно отогреть окоченевшие от сырости члены. Билеты, по моим понятиям, стоят слишком дорого, не то что у нас дома. «Наружники» тоже проходят в зал и занимают места сзади. Как только свет в зале гаснет, я полностью забываю о них и слежу за перепитиями бедного русского интеллигента в исполнении египетского актера. Такой революции я себе до этого представить не мог. Артисты, изображающие на экране революционных солдат и чекистов, создают гротескные образы, и это в моем восприятии снижает достоверность фильма. Надо бы обратиться к самому роману, благо я где-то уже видел его перевод на английский язык. За неимением русского варианта на первый раз сгодится и английский.

Выхожу из «бочки» под сильным впечатлением. Омар Шариф, сукин сын, хоть и египтянин, но где-то ему удалось ухватить суть образа мятущегося интеллигента Живаго, и он запоминается. Но главное, конечно, это использованная в фильме в качестве лейтмотива музыка. Говорят, эту мелодию создатели фильма случайно «раскопали» в Бразилии, где в одном из кафе ее исполнял какой-то русский эмигрант. Это якобы старинная — восемнадцатого века — мелодия, передаваемая в семье эмигранта от старших к младшим по наследству. Как бы то ни было, но романс из «Доктора Живаго», что называется, берет за душу и долго еще будет звучать в моем сознании.

Странно вообще устроена человеческая жизнь. Для того чтобы задуматься над своим прошлым, над историей России, надо сходить в какую-то исландскую «бочку» и посмотреть запрещенный для советских людей фильм. Пребывание в Исландии в моей памяти до сего дня ассоциируется с «Доктором Живаго», ностальгической мелодией фильма, напоминающей мне о чем-то безвозвратно утраченном, непоправимо упущенном и достойном глубокого сожаления. У меня не остается сомнений в том, что

мелодия имеет русскую первооснову, иначе почему бы она встревожила мою душу?

Но я, кажется, утомил тебя, нетерпеливый читатель, лирическими отступлениями. Я знаю, что ты жаждешь наполнить свою умную и пытливую голову полезной информацией. Ты не тратишь время зря на такое никчемное чтиво. Ты тоже бежишь с неудержимо рвущимся вперед табуном навстречу... своей зрелости, подставляя грудь под свежий ветер ойкумены. Но однажды и ты остановишься, и ветер донесет до твоего слуха давно отзвучавший топот копыт...

... Я сижу в гостевой и мысленно «подбиваю бабки» под своей командировкой. Валера Шаманин попросил сыграть в волейбол за команду молодых дипломатов, но я отказался. Две недели пролетели как один миг, и я с сожалением думаю о том, что не все удалось сделать. Я вижу эти упущенные возможности, но Хронос не оставляет шанса на их исправление. В будущем я, конечно, учту этот опыт, а сейчас надо собираться домой.

В отчете о командировке, который пойдет в Центр дипломатической почтой, ляжет на стол начальнику управления и по цепочке спустится к Георгию Михайловичу, чтобы потом очутиться в досье, которое я сам и веду, делается вывод о «невозможности использования Исландии в наших оперативных целях». Я с сожалением «закрываю» эту страну для отдела, да и для себя, потому что знаю, что только дикая случайность может привести меня обратно на эту землю. Ну что ж, отрицательный результат в разведке, как и в науке, тоже результат.

Через имеющиеся в резидентуре возможности нами не получены конкретные сведения, подтверждающие ваши первоначальные предположения.

В дверь раздается стук. Это Николай Иванович, добросовестно отыграв в волейбол, зашел за мной, чтобы отвезти меня к себе домой на прощальный ужин.

Завтра рано утром короткий бросок в Кефлавик и на восток, через Атлантику и всю Европу в родную Москву. Нет, что не говорите, а лететь куда-то намного интересней и заманчивей. (Как потом я узнаю, такое ощущение возникло оттого, что мой исследовательский жар не совсем насытился. После же насыщения, наоборот, наступает такая жуткая ностальгия, тоска по своим, по грязным, но родным улицам, знакомым лицам, что хочется бросить все и бежать босиком домой.)

Я опять делаю пересадку на аэрофлотовский рейс в Копенгагене (обратный полет до Дании мне совершенно ничем не запомнился), но меня никто не встречает и встречать не должен. Как мне объяснили в Рейкьявике, времени на пересадку в Копенгагене будет в обрез. И действительно, в транзитном зале на табло читаю надпись о том, что посадка на московский рейс уже заканчивается. Я бегу к нужному выходу, но никого из пассажиров или служащих аэропорта там не обнаруживаю. Выход к самолету прегражден зеленым шнуром. Все, я опоздал! Сейчас самолет отойдет от раструба и улетит без меня домой! Что делать?

Я перепрыгиваю через барьер и несусь по узкому тоннелю. Но что такое? В конце тоннеля светлое пятно — самолета нет. Значит, мои предположения правильные. Я кубарем скатываюсь по ступенькам на летное поле и метрах в ста от себя вижу наш родной флаг на белом фюзеляже. Люк самолета закрыт, но трап почему-то еще не убран. Может, я еще успею? Вокруг никого нет, вскарабкиваюсь на трап и изо всех сил стучу кулаком в дверь. В самолете тихо, тогда я настойчиво стучу еще раз, и люк перед моим носом распахивается, в проеме появляется молоденькая стюардесса, поправляющая на ходу кофточку и высоко взбитую прическу «Бабетта идет на войну».

— ???

— Я ваш пассажир.

— Ну и что?

— Как что, я опоздал на посадку и вот...

— Какую посадку, молодой человек? Она еще не объявлялась. Самолет задерживается на два часа.

Становится ясно, что произошла накладка, чуть ли не стоившая мне разрыва сердца. Сразу наступает апатия, я бормочу «извините» и плетусь обратно в транзитный зал. В Каструпе мне придется бывать потом чуть ли не каждый день, но такой благодушной обстановки в международном аэропорту я больше не видел. Советский разведчик (причем, начинающий!) бесконтрольно и беспрепятственно дважды за какие-то десять-пятнадцать минут пересек в оба конца государственную границу датского королевства.

Скоро дадут о себе знать террористы, торговцы наркотиками, нелегальные эмигранты, беженцы, и власти постепенно установят в Каструпе строгий режим безопасности. А декабрь 1968 года принадлежал еще той — застойной — эпохе.

Р. S. А Эрик-филолог и потомок норвежских викингов оказался все-таки не совсем простым человеком. Года три спустя, когда я уже сменил на посту О. Гордиевского и работал в копенгагенской резидентуре, однажды на свой адрес в посольстве получил письмо. Открываю и достаю из конверта несколько цветных фотографий, на которых в разных ракурсах изображена моя личность. Сразу не могу «врубиться», где же это меня угораздило... Но потом сразу вспоминаю перелет из Копенгагена в Рейкьявик.

Хорошо, что Эрик не забыл выслать фотографии. Но как же все-таки он меня вычислил?

Он был весьма порядочным человеком, связанным с западными спецслужбами.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЙ ПОЛИГОН

*За границей не проживал, а был в ДЗК**

Засоризм

Пора в путь-дорогу!

*Малькольм: Утешьте всех: мы выступаем.
Десять тысяч войска нам Англией даны.*

У. Шекспир. Макбет

Проработав целых четыре года в Центре, я наконец дождался решения руководства на замену О. Гордиевского. Мой подопечный пробыл в командировке почти пять лет и, судя по всему, не возражал бы продлить ее срок еще на столько же, если бы на этот счет не существовали определенные ограничения.

В своей книге «Следующая остановка — расстрел» Олег Антонович утверждает, что его замена, то бишь ваш покорный слуга, буквально копытами бил от нетерпения, снедаемый желанием поскорее вкусить блага капиталистической демократии и припасть к живительным родникам западной цивилизации. Истина как раз заключается в том, что будущий предатель всеми фибрами души не хотел возвращаться домой и нажимал на все педали, чтобы продлить срок пребывания в любимой им Дании. Читатель подумал, что Гордиевский не успел завербовать очередного агента, и теперь ему мешают довести дело

* Длительная заграничная командировка.

до конца? Не тут-то было! Ему нужно было задержаться в Копенгагене, чтобы купить кое-какую мебелишку! Уже тогда будущий «идейный борец» за демократию и справедливость обращал на себя внимание повышенным интересом к вещам.

Весь 1969 год я уже целенаправленно готовился к отъезду в Данию, проходил медицинскую комиссию, выездную комиссию ЦК КПСС, собирал информацию о стране, стажировался в различных подразделениях Службы и МИДа, хлопотал о документах и билетах, бронировал свою квартиру, чтобы избежать ее отчуждения в пользу Моссовета, дорабатывал легенду, начал переписку с резидентурой о приобретении автомашины и аренде подходящей (то бишь, дешевой) квартиры в Копенгагене, готовил к командировке жену, ребенка. При всем этом ПЭГЭ не освобождал меня от текущих оперативных обязанностей куратора скандинавских стран.

Ни я, ни мои родственники за границей не проживали, не проживают, кроме нахождения меня в загранкомандировке.

Вся процедура оформления в ДЗК в среднем занимала по времени целый год. У некоторых молодых разведчиков она растягивалась и на полтора, а то и два года.

В нашем европейском направлении работал сотрудник, который несколько лет ждал своей очереди на поездку в Париж. Наконец ПЭГЭ дал долгожданный сигнал на прохождение медкомиссии, и механизм подготовки в командировку был запущен. Пройдя все формальности и «муки ада», отдел кадров приготовился было подавать документы на получение французской визы, как вдруг МИД затеял с ПГУ тяжбу из-за какой-то должности в посольстве, и наш товарищ терпеливо ждал, когда же наконец этот вопрос «утрясут» на самом верху. Прошло несколько месяцев, и подали визовое ходатайство. Но и здесь его поджидала неудача, потому что из-за технической ошибки, допущенной машинисткой Консуль-

ского управления МИД, это ходатайство дважды пришлось переделывать. Когда наконец и это препятствие было успешно преодолено и французская виза была получена, у оперработника заболела дочка, в связи с чем он попросил отложить свой выезд до ее выздоровления. Когда дочь выздоровела, кончился срок визы, и пришлось получать ее заново, но тут слег в постель уже он сам, да так, что больше уже не поднялся. Спустя полтора года после прохождения медицинской комиссии, признавшей его здоровым, его поразила тяжелая форма рака. Лежа на смертном одре, он до конца верил в свою поездку и извиняющимся тоном попросил посетившее его начальство « подождать немного, пока он оклемается ». Он умер через несколько дней в возрасте 35 или 36 лет.

Думаю, того времени, в течение которого оперработник готовится в командировку, с лихвой хватило бы на то, чтобы подготовить из него космонавта и дважды забросить на Марс или Венеру. Но таковы были тогда установки, спущенные «сверху». Они, кажется, специально придумывались для того, чтобы доставить нам больше хлопот. До сих пор не понятно, какого рожна нужно было проверять нас перед каждой командировкой, как будто мы пришли с улицы, а не прошли массу всяких спецпроверок при поступлении на работу? И помогла ли эта утомительная процедура изобличить хоть одного предателя?

Но даже если ты на пути к государственной границе преодолел все объективно выставленные препоны, то не надо забывать еще и о так называемых субъективных трудностях, которые вносят в процесс оформления не меньшую нервозность. Это — сам противник. Он ведь тоже заранее готовится к твоему приезду в Данию, и если контрразведка располагает сведениями о том, что Гордиевский «подкачал» и по всем внешним признакам поведения не может быть отнесен к безобидной категории «чистых» дипломатов, то она может отказать мне во въездной визе, и тогда год напряженной подготовки пойдет «коту под хвост». А если наш родной МИД заупрямится и не даст согласие на то, чтобы и в будущем мы продолжали ис-

пользовать должность атташе в этой стране? А если какой-нибудь влиятельный и пробивной начальник подразделения затеет сложную комбинацию с рокировкой должностей в резидентуре, в результате которой окажется, что твоя должность куда-то уплывет в другую страну? А если МИД страны будущей работы начнет с нашими дипломатами визовую войну?

В общем, надо обладать железной выдержкой и колоссальным терпением, для того чтобы вынести все эти испытания и успешно проплыть между Сциллой собственных бюрократических препонов и Харибдой вражеских козней, прежде чем приступить к основной твоей работе.

Нужно было поднять владение собой до уровня самовнушения.

При оформлении в ДЗК разыгрываются своеобразные игры с супругой разведчика. Правда, они начинаются еще на этапе его учебы в спецшколе и продолжаются во время работы в Центре, но особую интенсивность приобретают перед отправлением семьи в заграничную командировку. На всех этих этапах непосредственный начальник должен непременно познакомиться с женой подчиненного и поддерживать с ней постоянный контакт, чтобы быть в курсе того, что происходит в семье оперработника. Время от времени он напрашивается к своему подчиненному в гости, чтобы воочию убедиться, чем дышит его супруга, какие у нее отношения с мужем, что она из себя представляет как личность и чего от нее можно ожидать в условиях заграничной командировки*.

При оформлении мужа в командировку жену вызывают к нескольким вышестоящим начальникам и согласно иерархической «лественнице» проводят с ней душевительные беседы. В ходе таких встреч им вряд ли удастся узнать что-либо интересное, но общее впечатление о человеке тем не менее создает-

* В ЦРУ придерживаются, между прочим, того мнения, что хорошая жена не может претендовать на лавры за успехи мужа, но плохая жена может просто погубить его. И это — правда.

ся. Главное при этом — и все это понимали — соблюсти формальность и закрыть один из пунктов плана подготовки сотруddника в ДЗК.

До сих пор ветераны СВР помнят один анекдотический случай. Довольно часто мужу приходится выезжать в командировку одному без жены и детей, чтобы самому на месте подобрать себе подходящее жилье. Так случилось и с неким молодым оперработником, вынужденным спешно занять открывшуюся нишу в одной европейской столице. Жене было объявлено, что как только супруг найдет квартиру, она немедленно воспоследует за ним к месту командировки. Проходит определенное время, супруга начинает тосковать по своей дражайшей половине, но тот пишет ей, что квартирный вопрос в этой проклятой европейской столице решается очень и очень туго: триклятые капиталисты понастроили дорогие дома, и бедному советскому дипломату никак не «влезть» в установленные посольством финансовые рамки. Дело затягивается. С момента отъезда оперработника проходит год, а его половина все еще сидит в Москве на чемоданах и ждет не дождется момента, когда можно будет взять в руки эти чемоданы. Наконец терпение ее лопается, и она обращается к руководству службы.

— Как? Вы здесь? А почему мы ничего об этом не знаем? — удивляется руководство. — Вы что — приехали в отпуск?

— Какой отпуск! — возмущается бедная женщина. — Я еще вообще никуда не выезжала!

— Как не выезжала? — возмущается в свою очередь начальник и ... прикусывает язык. Его вдруг осеняет одна мысль, но он боится высказать ее даме. В Службе ведь известно, что оперработник уже давно воссоединился с семьей. Так кто же обеспечивает ему там тылы, если законная супруга утверждает, что звонит из своей московской квартиры?

Начинается короткое служебное расследование, в ходе которого выясняется, что тылы все это время обеспечивала любовница оперработника! Он привез ее в ДЗК с паспортом и визой своей жены и успешно проработал около года, собираясь выехать со своей новой пассией в отпуск.

Встречи руководства с женами сотрудников проводятся формально, без создания соответствующих условий для интимного контакта.

И вот наконец «отходная»!

Без «отходной», как свадьба без гармошки, не проходят ни одни проводы в заграничную поездку — независимо от того, идет речь о долгосрочной или краткосрочной командировке. Это — святое, религиозный обряд, заменяющий напутствие священника, благословляющего воинов перед походом. («Приходные» — по возвращении из оных — устраивались с такой же регулярностью и непреклонностью, как и очередное повышение в звании или должности.)

Нужно заранее определить круг участников и заказать столик в ресторане. Официально начальство такие встречи не одобряет. Оно делает вид, что это — сугубо личная инициатива «именинника» и умело хмурит брови, услышав об очередной инициативе отъ(при)езжающего. Сидения в ресторанах слишком часто заканчивались плачевно для его устроителей — московская милиция, словно нарочно, умудрялась отлавливать не в меру перебравших спиртного чекистов, приводить их в участок и торжественно передавать дежурному КГБ для принятия мер. Естественно начальство, с чьего молчаливого согласия поддерживалась упомянутая традиция, оставалось в стороне, поскольку де оно официального разрешения на «пьянку» не давало, и виновными оказывались их подчиненные, так неудачно «обмывшие» присвоение очередного звания или отправку за рубеж. Установилась своеобразная игра, в которой все ее участники старательно исполняли свои зафиксированные роли, хотя самой игры вроде бы и не существовало.

Сколько выговоров по служебной и партийной линии — строгих, с занесением и без — «схлопотал» оперативный состав в те годы из-за «неправильного употребления алкогольных напитков», несмотря на магическую фразу, в обязательном порядке присутствовавшую в их характеристиках: «К спиртному от-

носится нормально» или «Спиртное употребляет умеренно»! Сколько присвоений званий и повышений в должности было задержано по этой причине! Скольких оперработников переводили в «отстойники» и технические службы! Несть им числа!*

Помнится, в соседнем отделе отправляли в ДЗК одного подполковника, которого все звали Пушкиным, потому что имя и отчество у него совпадало с именем и отчеством знаменитого классика русской поэзии. После товарищеского ужина в ресторане на Чистых прудах «народ» вышел на улицу. Подкрепленные армянским коньячком и в меру отягощенные котлетками по-киевски, оперативные желудки по каналам секреции немедленно сообщили в центр управления каждого оперработника приятные эмоции. Когда человеком овладевают приятные эмоции, то он зачастую перестает их контролировать. В таком приподнятом настроении участники проводов «Пушкина» проявили живой и неподдельный интерес к плавающим в прудах лебедям и решили их отловить. Благо пруд оказался не глубоким — всего по колено. Чистые пруды наполнились гоготанием испуганных лебедей и криками гонящихся за ними солидных, но достаточно возбужденных взрослых дядек.

Всех взяли и сдали дежурному по Комитету. Утром «Пушкину» на работе объявили об отмене его командировки за рубеж, а остальным охотникам на лебедей — о вынесении выговоров.

... И вот после сложных и длительных переговоров с администрацией ресторана, в которой у кого-то всегда оказывался знакомый, столик заказан, меню согласовано, круг участников застолья определен, начальство приглашено, способы контроля за «ненадежными» оговорены, и все небольшими группками, чтобы не возбуждать подозрений, исчезают с работы — «огородами, огородами и к Котовскому!»

* По количеству ЧП в службе «пьяным» делам уступали только прегрешения по женской части и высылки из страны из-за козней противника.

Все чинно рассаживаются за сдвинутыми столиками и бросают откровенно плотоядные взгляды на блюда и подносы. Мэтр и официант с выражением беспредельной преданности клиентам стоят навтыжку у входа в зал. Желудочный сок уже «отходит», но нет главного гостя — начальника отдела. Наконец ПэГэ появляется в зале и занимает положенное ему — центральное — место. Он берет бокал с вином и на эзоповом языке произносит тост:

— Дорогие товарищи! Сегодня наш «спортивный» коллектив» провожает за рубеж для участия в «международных соревнованиях» «спортсмена» товарища Григорьева. Это — ответственная миссия, и руководство нашим «спортивным обществом» надеется, что он с честью оправдает наше доверие. Хочется пожелать ему успехов, набрать больше «очков» и по возможности занять «призовое место».

Следующий товарищ подхватывает почин и продолжает не менее витиевато и непонятно:

— Хочется пожелать товарищу Григорьеву дойти до финиша, несмотря на все препоны и трудности!

(Что он несет? Какой финиш? Посадка в самолет или возвращение домой? А может быть, досрочный отзыв по «аморальным» соображениям?)

Впрочем, избранной спортивной терминологии придерживаются только первые ораторы, и после двух-трех рюмок следующие тостующие сбиваются на оперативную, поэтому парторгу и ПэГэ приходится то и дело их поправлять. Но все проходит гладко, обслуга держится на почтительном расстоянии и делает вид, что происходящее за столом их никоим образом не интересует. А главное — всем удастся благополучно миновать бдительные посты милиции и добраться домой без приключений. Утром звоню на работу и с облегчением узнаю, что потерь среди участников вчерашнего застолья в «Араги» нет.

Все довольны, и начальство тоже.

Вот теперь все. Можно собираться на Белорусский вокзал.

Мечта идиота сбывается

— *Ай эм рашен фром зе совет делегашен!*
Английская форма засоризма

Как бы то ни было, а к концу 1969 года я был готов выехать на новое место работы. Для того чтобы ввести в заблуждение ПЭТ*, моего будущего противника, руководство сначала отозвало из командировки Гордиевского, выждало, пока в посольство в Копенгагене не заехал «чистый» атташе, которого датчане должны были принять за его замену, и только после этого «на арену выпустили» меня. Была по всем правилам разыграна классическая комбинация, призванная якобы обеспечить безопасность моей работы, а на самом деле предназначенная в основном для соблюдения хорошей мины при плохой игре. Потому что легальный разведчик, если он по-настоящему занимается своим делом, примерно через три месяца после прибытия в резидентуру берется под подозрение, а еще через три-четыре месяца местная контрразведка ставит на нем однозначное клеймо шпиона, только не знает чей он: из ГРУ или КГБ.

А дальше оперработник становится чрезвычайно уязвимым. Он превращается в объект изоощренной охоты на волка, которого обкладывают в логове, устанавливают режим и выслеживают на маршрутах передвижения (наружное наблюдение, агентура), расставляют красные флажки, ограничивая свободу его маневра (агентура в наиболее вероятных объектах интереса разведчика), оставляют на виду отравленные приманки (подставы), расставляют коварные капканы (женщины и другие виды провокации), создают шумовые эффекты (средства массовой информации), — одним словом, контрразведка любой ценой пытается создать для тебя невыносимые условия, во что бы то ни стало добыть неопровержимые доказательства твоей разведывательной деятельнос-

* Контрразведывательная служба Дании.

ти, взять с поличным на встрече, чтобы дать весомые основания своему МИД для объявления тебя «персональной нон грата», то бишь, нежелательным для страны иностранцем.

В моем же конкретном случае все эти «приличные манеры» поведения оказались излишними еще и потому, что контрразведка поставила клеймо разведчика замене Гордиевского автоматически, независимо от сроков и способов этой замены. Причины этого будут разъяснены позже.

И вот ты уже в стране и ходишь все время под колпаком у местной спецслужбы и всем своим видом стараешься ей показать, что все ее подозрения для тебя просто оскорбительны. Если ты обнаруживаешь за собой слежку, то благодаришь судьбу и за это — значит, что-то еще в твоей личности контрразведкой не разгадано, и у тебя есть шанс поработать на родное государство еще какое-то время. Если «наружник» не стесняется зайти за тобой в банную парилку и с вежливой улыбкой перешагивает через твое напрягшееся тело, то ты улыбаешься ему в лицо, как доброму знакомому, и мысленно возносишь молитву к Богу, чтобы он не наступил на твою любимую мозоль или еще более дорогой орган тела. Ты старательно избегаешь на людях общения со своими коллегами и «приклеиваешься» к какому-нибудь «чистому» командировочному, который с трудом терпит твое присутствие. Ты строчишь на скорую руку оперативные отчеты, чтобы «отписаться» к очередной диппочте и нервничаешь из-за того, чтобы не слишком долго задерживаться в посольстве, потому что у «чистых» рабочий день уже закончился, и они, обнимая одной рукой пополневший стан супруги, а другой — стакан с пивом, уже давно валяются на тахте и смотрят по телевизору шоу с участием любимца публики Тома Джонса. Ты соревнуешься с «чистым» дипломатом в том, кто чаще встречает и провожает делегации из Союза и выполняет другие поручения посла, — ты лезешь из кожи, чтобы доказать свою добропорядочность.

И контрразведка, если у нее еще не накопилось

против тебя достаточно улики, делает вид, что верит тебе. А ты делаешь вид, что веришь, что она верит тебе.

Пребывание за границей требует большой специфики разведывательной работы.

... На пути к Копенгагену — я имею в виду буквально железную дорогу, которую я выбрал в качестве средства доставки к месту работы — меня подстерегал неприятный сюрприз. В Восточном Берлине прямой копенгагенский вагон, который обычно цепляли к так называемому среднеевропейскому экспрессу, был в очередной раз забракован местными железнодорожниками и для дальнейшего путешествия признан непригодным. Проводники вагона посоветовали мне, не мешкая, перебраться в указанный экспресс, заверив, что приобретенный в «Метрополе» железнодорожный билет для этого годится.

Перебраться нужно было на соседний перрон, но для этого мне надо было воспользоваться подземным переходом, что при наличии багажа мест в десять-двенадцать представлялось весьма трудоемким делом. Я приступил к перебазированию в одиночку, и когда с подгибающимися коленками наконец перетаскил последний чемодан, среднеевропейский «красавец» «Митропа» уже собирался покинуть Восточный вокзал. Пришлось в спешке забрасывать вещи в первый попавшийся вагон. Им оказался почему-то вагон с сидячими местами, так что из Берлина до Копенгагена я ехал в «комфортабельных» условиях подмосковной электрички.

Грязный, невыспавшийся, с ломотой во всех членах, я прибыл на Центральный вокзал Копенгагена и, слава Богу, был встречен там третьим секретарем Валентином Ломакиным! В посольстве получили информацию о том, что наш вагон задержан в Берлине, но правильно предположили, что я все-таки найду способ прибыть к месту дальнейшего прохождения службы без опозданий.

Поезд вполз под огромный дебаркадер Центрального вокзала, и какая-то незримая атмосфера нового и неиспытанного коснулась меня, как только я вылез из душного «митроповского» вагона. Эту незримую атмосферу я почувствовал органами обоняния. Замечал ли ты, дорогой читатель, тот особый синтетический запах, который встречает тебя сразу по прибытии за границу? Кажется, что ты попал в огромную парикмахерскую, наполненную легкими, еле обоняемыми ароматами духов. Переход от нашей родной «кислой» гаммы запахов к ихней особенно резок при пользовании самолетами, — его можно заметить с закрытыми глазами и ушами.

Время было раннее, воскресное. Вокзал был пуст, за исключением нескольких личностей кавказского типа, которые бесцельно слонялись по перрону, убивая время.

— Турки, — прокомментировал Ломакин и стал грузить мои вещи на тележку.

К нам присоединился водитель посольского микроавтобуса, мы вместе выкатили тележку на привокзальную площадь, погрузили вещи и поехали в посольство. Там меня поселили в маленькой комнатке на верхнем этаже флигеля, в котором обитали технические сотрудники с семьями. На первом этаже располагалась начальная школа, а в подвале — кооперативный магазинчик, помогавший советским загранработникам выживать в условиях чувствительного разрыва между покупательной способностью советских дипломатов и ценами на повседневные товары в городе. Мне предстояло прожить тут пару месяцев, пока не будет подобрана квартира в городе.

Начальство до конца выдержало линию на соблюдение конспирации и на первых порах приставило ко мне «чистого» дипломата Ломакина, чтобы у датских контрразведчиков не возникло «шалых» мыслей о моем настоящем «профессьон де фуа». В те поры в моде было наставничество, и сразу по приезде в Данию я в лице Ломакина тоже получил наставника. Валентин отвечал за контакты с местным «Обществом дружбы с Советским Союзом». Он был ненамно-

го старше меня, но уже успел поработать пару лет в Дании и считался опытным работником внешнеполитического фронта.

По характеру осторожен, замкнут, женат.

В его задачу входило введение меня в курс датских культурно-политических событий и реалий и плавное подключение к коллективной работе посольства. Ломакин представил меня руководству Общества, и под его наблюдением я стал делать первые робкие шаги на попроще укрепления дружбы Дании с Советским Союзом. Конечно, большинство активистов Общества были коммунистами, но не все. Уже тогда мне бросилось в глаза, что средний возраст членов Общества, как и в датской компартии, склонялся к шестидесяти годам, что давало пищу для размышлений. Конечно, не все симпатизирующие нам в те годы датчане состояли в Обществе, но если среди активистов преобладали одни старики и коммунисты, то напрашивался вопрос: кто же встанет во главе этой организации через десяток лет?

При мне сменились несколько руководителей Общества. Когда я приехал в Копенгаген, правление возглавлял Ингмар Вагнер, но в 1973 году его сменил 78-летний адвокат и общественный деятель Хермуд Ланнунг — можно сказать, легендарная личность. Благодаря своему колоссальному опыту и авторитету, он в значительной степени способствовал активности этой общественной организации, но в силу своего преклонного возраста с трудом уже справлялся со своими обязанностями. К тому же Общество было у него не единственной общественной нагрузкой.

Хермуд Ланнунг — ходячая история нашего века. Родился он в семье датского помещика на острове Зеландия (впоследствии он будет называть себя «деревенским пареньком»), окончил провинциальную гимназию города Соре, которая дала стране не одного политического и государственного деятеля. Главной особенностью этого датского Кэмбриджа было

то, что уже в начале века там преподавали русский язык. Это и определило судьбу Хермуда.

В начале 1917 года в одной датской газете появляется объявление о том, что датской миссии в Петрограде требуется сотрудник со знанием русского языка. Студент юридического факультета Копенгагенского университета не раздумывая подает заявление в Министерство иностранных дел, и в марте 1917 года он уже гуляет по улицам революционной русской столицы, представляя кроме датского МИД также и Датский Красный Крест. «Деревенский паренек» из Зеландии становится свидетелем исторических событий в России, оказывается в самой гуще политических перепитий. Он закладывает вату в уши от выстрелов «Авроры», видел и слышал Ленина, представившего первый декрет советской власти о мире, ходил на Дворцовую площадь сразу после взятия Зимнего дворца революционными матросами, солдатами и рабочими и нюхал запахи разлитого ими на площади вина из царских подвалов.

В 1919 году Дания прерывает отношения с большевистской Россией, и Ланнунг возвращается домой. Но уже в 1922 году он появляется в нашей стране снова — на этот раз в качестве комиссара Миссии норвежского полярного исследователя, путешественника и гуманиста Фритьофа Нансена с целью оказания помощи голодающим. За два года работы Хермуд Ланнунг исколесил почти всю матушку-Россию, многое там увидел и пережил. В январе 1924 года он оказывается в Москве и как представитель нансеновской миссии участвует в похоронах Ленина, сопровождая гроб с его телом с Павелецкого вокзала и стоя в почетном карауле в Колонном зале рядом с Крупской. Обо всем этом он написал в своей книге «Моя молодость в России».

В Дании Ланнунг вступил в радикальную партию, традиционно занимающую пацифистские позиции, и активно участвовал в движении за мир и разоружение. В течение двадцати лет Ланнунг неразрывно был связан с деятельностью ООН — сначала как представитель Дании в ООН, а потом сотрудник ее

аппарата на должностях председателя различных комитетов и комиссий. За свою неутомимую работу в интересах мира он награжден медалью ООН — случай чрезвычайно редкий в практике этой международной организации.

После работы в ООН, не прекращая общественно-политической деятельности, Ланнунг открывает в центре Копенгагена свою адвокатскую контору, и вот в этом качестве мне посчастливилось застать его в Копенгагене в 1970—1974 годах.

Хермуд Ланнунг вел тогда дела Иньюорколлегии — общественной организации при Коллегии адвокатов Советского Союза, созданной для оказания помощи советским гражданам, у которых за границей открывалось наследство от умерших родственников. Практически во всех странах Европы и Америки Иньюорколлегия имела своих представителей в лице местной адвокатуры и исправно выколачивала деньги из-за границы. Наследственная масса в виде твердой валюты, за вычетом гонорара и накладных расходов адвокатов, поступала в советскую казну, а наследникам выдавался ее эквивалент в рублях — опять же за вычетом налога и стоимости услуг Иньюорколлегии.

Консульские учреждения Советского Союза выступали в качестве посредников между вышеуказанной организацией и иностранными адвокатами на местах. В консульском отделе посольства мне был сразу передан участок работы по линии Иньюорколлегии, и я был представлен Хермуду Ланнунгу. Как только в стране открывалось наследство в пользу советского гражданина, к нему сразу подключался Хермуд Ланнунг. Он сообщал, какие формальности нужно выполнить для реализации того или иного дела — как правило, эти формальности ограничивались сбором и пересылкой в консульский отдел различных метрик с доказательствами степени родства советского наследника с умершим в Дании наследодателем, я уведомлял об этом Иньюорколлегию, и та приступала к розыску наследника на обширных территориях Советского Союза.

Дела эти велись годами, но тем не менее большинст-

во их реализовывалось — по пять-шесть дел в год, и консульский отдел с гордостью отчитывался о пополнении государственной казны энной суммой в валюте.

Х. Ланнунгу уже было под восемьдесят, но выглядел он достаточно бодро, не пропускал ни одного приема в посольстве и твердо держал своей сухонькой ручкой стакан с джином и тоником. Чувствовалась большая дипломатическая школа! Небольшого роста, сухонький, осанистый, с седым чубчиком на коротко постриженной маленькой воробьиной головке, вросшей в плечи из-за приобретенной сутулости шеи, одетый в строгий темный костюм с галстуком, он важно восседал в адвокатском кресле, когда я приходил к нему в контору, или с той же значительной миной на лице и подчеркнутой значимостью своей персоны расхаживал по представительскому залу посольства. Казалось, что перед тобой важный и неприступный деятель.

Но все это было чисто внешнее, навязанное обстоятельствами и условностями его бывшей деятельности. При разговоре его одухотворенное личико расплывалось в доброй сердечной улыбке, он приятно скашивал головку, смотрел снизу-сбоку-вверх на своего собеседника и начинал щебетать. Да, да, именно щебетать. С возрастом его голосовые связки утратили звонкость, и он шелестел-щебетал милым птичьим говорком, внимательно выслушивая своего визави и стреляя в него молодыми, сохранившими юношеский блеск цепкими глазками. Он так непринужденно вел беседу, что я забывал, что являюсь всего-навсего каким-то атташе посольства, стоявшим на самой низшей ступеньке посольской иерархической лестницы, и чувствовал себя, по крайней мере, бывалым советником.

Ланнунг всегда старался говорить со мной на русском языке, которым он владел очень и очень неплохо. Он любил во всем точность и часто переспрашивал, словно начинающий студент, правильно ли выразил мысль.

Х. Ланнунг доказал, что можно питать к нашей стране самые теплые и дружеские чувства, не являясь коммунистом. Как деятель буржуазной радикальной (либеральной) партии он не мог согласиться со всем,

что происходило в Советском Союзе, и откровенно высказывал свою точку зрения по тому или иному вопросу. Но ему удавалось делать это в такой деликатной, чисто датской манере, что его критика не была деструктивной или обидной. Он не получал никаких благ или преимуществ от дружбы с нашей страной, и потому его чувства были самыми искренними. Я не помню, чтобы кто-то из наших недругов в Дании попытался критиковать, укорять или ругать Ланнунга за его приверженность к России. Он был вне всяких подозрений.

Это был несомненно великий датчанин нашего времени.

... Из-за того, что квартиры в городе у меня не было, я выехал в Копенгаген пока без семьи. Правда, консул Серегин Анатолий Семенович, мой непосредственный начальник, уже ушедший из жизни в конце «перестройки», через свои связи в Большом Северном Телеграфном Обществе — в том самом БСТО, которое еще в конце прошлого века, а потом и в 20-е и 30-е годы активно помогало России и Советскому Союзу телефонизировать города, — довольно быстро подыскал крошечную двухкомнатку в рабочем районе Ванлесе на расстоянии примерно десяти километров от посольства. Так что жена с четырехлетней дочерью скоро присоединилась ко мне, и тыловое обеспечение для будущей активной работы было создано в срок.

Владение шведским языком не решало проблему полнокровного общения с местным населением, потому что датчане меня понимали, но моего шведского для понимания их устной речи не хватало. Пришлось срочно переучиваться и переходить на датский язык, для чего я воспользовался услугами всемирно известной школы Берлитца.

Посол Орлов, которого я имел честь лицезреть мимоходом в аэропорту Каструп в 1968 году, умер от инфаркта за несколько месяцев до моего приезда, и временным поверенным в делах СССР в Дании был советник Бондарь, человек добрый, незлобивый, с большим чувством юмора, умеющий ладить со всеми и исключительно опытный и осторожный чиновник. Он, казалось, был абсолютно лишен каких-либо

амбиций, принципиально не вмешивался в дела как «ближних», так и «дальних» соседей и тихо, без надрыва вез свой воз. Работать с ним было легко и приятно. Он по очереди проработал во всех странах северо-европейского региона, хорошо знал проблемы каждой страны и смешно разговаривал на «скандинавском» языке: акцент был полтавский, словарный запас — шведско-датско-норвежский, а мелодия — русская. Когда ему попадался «тупой» собеседник, до которого не доходила его тарабарщина, то он, с трудом сдерживая раздражение, прибегал к помощи немецкого, и тогда со стороны казалось, что школьный учитель отчитывает своего ученика за невыученный урок. Впрочем, такое случалось редко.

Я старательно следовал советам Вали Ломакина, постоянно вращаясь в кругу благожелательно настроенных датчан, друзей Советского Союза; накатывал с преподавателем километро-часы на горбатом «фольксвагене», в то время как мой шикарный «форд-17М» сиротливо стоял в посольском дворе под навесом; и исправно посещал школу Берлитца, где один сердитый молодой человек, студент филологического факультета Копенгагенского университета, ломал мой хороший шведский на непонятно какой датский.

По-датски говорить — два пуда соли съест

Наличие «толчка» — одна из характерных особенностей фонетического строя датского языка. Он представляет собой короткий перерыв в воздушной струе при произнесении гласного за счет смыкания или сильного сближения голосовых связок, после чего воздушная струя как бы выталкивается снова наружу.

Из учебника по датской фонетике

Для тех, кто не знает, хочу пояснить, что скандинавские языки (кроме, конечно, исландского и фарерского, которые в силу своей архаичности стоят особняком) очень близки по своему грамматическому и лексическому строю, например, как русский, ук-

раинский и белорусский, поэтому все скандинавы понимают друг друга, даже если они говорят каждый на своем языке.

Если попытаться датский и шведский языки разнести по разным полюсам, то норвежский окажется где-то посередине между ними. (Впрочем, с таким же успехом на разные полюса можно поставить норвежский и датский, чтобы между ними поместить шведский.)

Лингвисты, занимающиеся сравнительным языкознанием, при описании близких по строю и словарному запасу языков давно обратили внимание на то, что эта близость, как правило, совпадает и с соседством географическим. Они утверждают, что если медленно (то бишь, пешком и с остановками на сеновалах) двигаться из одной страны в другую, то можно не заметить, что ты попал уже в другую языковую среду — настолько, оказывается, постепенно один язык «уступает» другому.

Таким образом, если начать движение из Дании, перебраться в Норвегию, а оттуда — в Швецию, то можно на всем пути общаться с местным населением, не обнаружив при этом, что ты разговариваешь не с Енсенем или Серенсенем, а с Карлссоном. Никто еще не проверил на практике, насколько правы лингвисты, но в голову приходит еретическая мысль: а зачем трудиться изучать все языки, когда достаточно знать хотя бы один?

Для иностранца, однако, владеющего каким-то одним скандинавским языком, общаться с носителем другого родственного ему языка на первых порах достаточно трудно*. Поэтому мне пришлось переходить со шведского на датский. До сих пор вспоминаю об этом не без содрогания. Могу с полной ответственностью утверждать, что овладеть этим языком в совершенстве, как это удастся многим иностранцам при изучении английского, французского или итальянского языков, практически невозможно. В дат-

* Потом, когда я научился понимать датчан и норвежцев, переходить на их язык мне не пришлось: я говорил по-шведски, они — по-норвежски или по-датски, и мы отлично друг друга понимали.

ском языке есть несколько звуков и особенностей произношения, которые делают эту сверхзадачу невыполнимой. Датский язык был четвертым по счету на моем пути, но я чуть не вывихнул свой язык (который во рту), пока более-менее сносно научился более-менее фонетически грамотно выражать на нем свои мысли. И понимать датчан я научился лишь ко второму году пребывания в стране. Кошмар!

Шутники утверждают, что если хочешь послушать, как звучит датская речь, то возьми в рот горячую картошку и попытайся говорить по-шведски. Получится похоже. Рассказывали, что после войны в Дании скрывалось много бывших нацистов, которые пытались выдать себя за местных граждан. Разоблачить их помогали лингвисты. Они предлагали произнести мнимым датчанам фразу «овсяная каша со сливками» и сразу становилось ясно, что датчане из них получились такие же, как из козлов пианисты.

Владеющие немецким языком хорошо знакомы с таким лингвистическим явлением, как твердый приступ (Knacklaut) в начале слова, начинающегося с гласного звука. Освоить твердый приступ в немецком языке в общем-то не представляет больших трудностей — кряхтеть русские могут вполне прилично. А вот явление «стедет» в датском языке практически не выполнимо для иностранцев: это твердый приступ в конце слова, оканчивающегося на гласный звук. Сколько ни бились со мной в школе Берлитца, вместо «стедета» я производил только противное покряхтыванье, характерное для человека с плохим стулом. Я не был честолюбив до такой степени, чтобы убиваться из-за какого-то «стедета», и в конце концов решил обходиться без оногo. Смысловая нагрузка, которую несет этот толчок-стедет, в ходе долголетней практики общения с датчанами вроде бы не страдала.

В силу слабости характера...

Предатель В. Пигузов, воспитывавший молодые кадры для разведки и продававший их прямо на кор-

ню американскому ЦРУ до того, как они заканчивали спецшколу, написал нечто вроде диссертации на тему: «Некоторые вопросы лингвистического обеспечения встреч с иностранцами». Предатель владел одним английским языком, и тем, говорят, через пень колоду. Думаю, что с его расстрелом несколько поторопились. В качестве наказания за измену я бы заставил его до самой смерти «лингвистически обеспечить» встречи с датчанами.

Ближе к делу

*За все благодарю я Бога!
Теперь судья мне он один!
Везде мне скатертью дорога
И сам себе я господин.*

М. А. Дмитриев

Проницательный читатель наверняка уже заметил, что я как-то бочком обхожу вопрос о тех прелестях Копенгагена, которые произвели на меня при первом с ним свидании неизгладимое впечатление. Мною тогда владело эдакое восторженно-радужное настроение, и я даже воспользовался тургеневскими и андерсеновскими образами, для того чтобы точнее описать мое тогдашнее умонастроение. Кстати, именно первое впечатление о стране оставляет самый глубокий след.

Что ж, должен признаться, что поэзия краткосрочных заграничных командировок не идет ни в какое сравнение с прозой длительных. Во-первых, наслаждаться достопримечательностями в ДЗК некогда: нужно устраивать свой быт, начинать работать, ходить по магазинам, экономить, выяснять отношения в советской колонии, ходить на собрания, — то есть жизненная установка здесь принципиально иная. Во-вторых, тобой овладевает определенная инерция (проистекающая из первого объяснения), согласно которой мы не очень-то торопимся сходить в Третьяковку или Большой театр в Москве. А зачем? Всегда успеется. Вот эта занятость, ежедневная загружен-

ность, усталость и инерция, к сожалению, не создают того благоприятного фона, на котором происходят короткие набегии на границу.

... А между тем я постепенно расправлял крылышки и осторожно стал выходить «на люди» — резидент разрешил предпринимать целенаправленные шаги по заведению полезных связей. Это совпало с завершением занятий по вождению у датского преподавателя, и я мог наконец-то сесть за руль закрепленной за мной машины.

Всем дипломатам, впервые выехавшим в иностранную командировку, первые три месяца запрещалось самостоятельно передвигаться по городу на автомашине, а перед тем как сесть за руль, дипломат должен был сдать своеобразный экзамен по вождению посольскому шоферу-механику. В течение всего карантина я кругами ходил возле «моего» «форда-17» и любовно сдувал с него пылинки.

Боже праведный, что это был за автомобиль! Синий, как датское весеннее небо, стройный, как арабский скакун, сильный, как табун тех самых семидесяти лошадей, что были спрятаны под его капотом. Он весь сиял, сверкал краской и никелировкой, дурманил свежим синтетическим запахом и ждал, терпеливо ждал, когда же я сяду за руль. Каждый день я проходил мимо навеса, и сердце мое сжималось от тревожно-радостного ожидания. И вот спустя три месяца с момента прибытия в резидентуру «шеф» разрешил наконец взять застоявшееся оперативно-транспортное средство.

До сих пор я крутил руль автомобиля только в присутствии инструктора: сначала с дядей Борей в спецшколе на «Волге», потом с господином Хансеном на «фольксвагене». Совсем другое дело остаться один на один с огромным лимузином в общем-то незнакомом городе.

Дело прошлое, и теперь могу признаться, что испытание карантином я не выдержал. При выезде из-под навеса я от перевозбуждения не обратил внима-

ние на то, что «форд» стоял с резко вывернутыми колесами, и когда я медленно тронулся с места, то его сразу повело вбок, и по всему правому борту раздался характерный скрежет от соприкосновения упругой жести с грубой деревянной стойкой. Я похолодел от страха, но продолжал обреченно ехать вперед, чтобы провести царапину от переднего крыла до заднего. Чувство стыда перед возможным свидетелем моего позора перевесило обуревавшее чувство неизгладимого горя, и я с царапиной на новеньком авто выскочил с посольского двора и направился к месту моего проживания в Ванлесе.

Как ни странно, после вышеописанного мелкого недоразумения все пошло хорошо и гладко, и мне показалось мало тех десяти километров, которые отделяли Ванлесе от посольства, я позволил себе выехать на автостраду, ведущую в город Роскилле. Движение там было очень интенсивное. На оживленном перекрестке, пропуская встречные машины,двигающиеся нескончаемым потоком, я начал выполнять левый поворот, но замешкался, не успел воспользоваться паузой между желтым и красным светом и остался стоять посередине, загородив дорогу хлынувшему поперечному потоку транспорта. Датчане стали гудеть и выражать свое недовольство. Ничтоже сумняшеся, я стал пятиться назад, но маневр был сразу прерван каким-то досужим джипом. Он прошелся своим рогатым металлическим бампером по задней стенке багажника и смылся по направлению к Роскилле. Когда я наконец завершил левый разворот, то мною владело настроение, близкое к самоубийству.

Домой вернулся в мрачном состоянии духа. Общение с женой оптимизма не прибавило. Прошла бессонная ночь. На следующий день поделился своей бедой с коллегами, и они меня тут же утешили:

— Бери с собой пару «вискаря» и поехали познакомим тебя с Володей. Он у нас мастер на все руки. Шеф ничего не узнает.

Володя оказался мастером-жестянщиком с фигурой Гаргантюа и замашками Швейка, содержавшим небольшую мастерскую и постоянную клиентуру в

основном из таких же, как я, бедолаг-дипломатов, нуждающихся в быстром ремонте автомашин. По рассказам, Володя был потомком русских эмигрантов и через пень колоду говорил по-русски. Он бросил беглый взгляд на повреждения и сказал, что на следующий день все будет готово. Говорил Гаргантюа-Швейк таким писклявым голосом, какой обычно бывает у кастратов, и я невольно подумал о том, не исполняет ли он одновременно и должность главного надзирателя в каком-нибудь подпольном копенгагенском гареме. Я прошел с ним в маленькую конторку и «выгрузил» на стол две бутылки «Вани-пешехода»*. Володя-жестянщик тут же переместил их в шкафчик и запер его на ключ. Он подмигнул мне правым глазом, мол, все будет «хоккей» и взял у меня из рук ключи от машины. Никаких документов на ремонт он, естественно, оформлять не стал.

Забегая вперед, скажу, что этот удобный сервис, который Володя любезно предоставлял некоторой части дипкорпуса под страхом наказания со стороны полиции и налоговых властей, стал со временем довольно дорогостоящим предприятием. Датский Швейк вошел во вкус (вероятно, сказала все-таки русская натура!) и повысил таксу за нелегальный ремонт до пяти, а к концу моей ДЗК и до десяти единиц вышеуказанного алкогольного изделия.

Еще одной колоритной фигурой, скрашивавшей однообразный быт советской колонии в Дании, был Оскар. Оскар арендовал часть огромного озера рядом с городом Фреденсборгом, летней резиденцией королевской четы, куда заядливые рыбаки посольства, в том числе посол, часто выезжали на отдых. Оскар за символическую плату выдавал рыбакам лодку, а если улов у них был никудышный, то и снабжал рыбой из своего личного садка.

Оскар был добродушнейшим человеком, настоящим эпикурейцем, большим любителем поговорить «за жизнь», порассуждать о природе вещей или по критиковать глупых правительственных чиновни-

* Марка шотландского виски «Johnny Walker».

ков в Копенгагене. Он часами рассказывал о том, как он, участник Сопротивления в годы немецкой оккупации Дании, обманывал «фрицев» и какие опасные задания ему давали подпольщики. Одна из комнат в доме Оскара была увешена охотничьим и боевым оружием, и он иногда выносил какой-нибудь «манлихер» и как ребенок забавлялся с ним, прицеливаясь в пролетающую галку и звуком «паф» изображая мнимый выстрел. В нем было что-то от Тараса Бульбы и от деда Шукаря одновременно.

В один прекрасный день Оскар перестал брать деньги за предоставляемые традиционные услуги и перешел к сбору натурального налога. Думается все-таки, что на эту мысль натолкнули его сами клиенты, которым было дешевле расплачиваться с ним спиртным, покупаемым по дипломатической скидке, чем деньгами, которых им платили не так уж и много. (Достаточно отметить, что водитель троллейбуса в Копенгагене получал в месяц больше, чем советский посол.)

К Оскару стали ездить не только и не столько рыбаки, сколько любители рыбных продуктов. Он стал отлавливать сетями большие партии щук, лещей, налимов, угрей и продавать их за «бутилки». Скоро у него на полках образовались целые батареи аквавита — Оскар был в этой части большой патриот и пил только датскую водку. В качестве подарков он не брезговал и виски, джином или русской водкой, но за рыбу просил ольборгский* напиток. Со временем Оскар наладил продажу копченостей, птицы и мясных продуктов. Особым спросом у советских гурманов пользовался копченый угорь, которого он отлавливал в своем озере и отдавал коптить в Хельсингер — тот самый город, где по легенде происходили действия, описанные в шекспировском «Гамлете». Угорь был действительно королевским: он весь лоснился от жира, был подрумянен, вкусен и толст, как питон средних размеров.

Оскар хорошо изучил спрос русских на продукты и заранее готовился к их приезду.

* Одна из марок аквавита производилась в городе Ольборге.

— Вилль ди ха эль*?

— Да.

— Битте шен**. А рапп-рапп-рапп? — Так Оскар предлагал мороженных уток. — Едда? Аборре***?

Закончив торг, Оскар делал широкий жест и приглашал гостя к себе в дом. Он усаживал его за стол и предлагал на выбор аквавит или пиво с орешками. После этого начиналась беседа, затягивавшаяся не на один час, особенно если его русский собеседник хоть немного понимал и говорил по-датски. Если гость нравился Оскару, он вызывал свою экономку, полуглухую и полуслепую старуху, и заставлял ее приготовить горячее — обычно оленину, которую ему поставлял зять из Ютландии.

Каких-либо склонностей за ним замечено не было.

Скоро я получил хоть некоторое представление о стране пребывания, и помог в этом Геннадий Федорович Попов, заместитель ПЭГэ, прибывший в Копенгаген в краткосрочную командировку для «оказания помощи на линии». На самом деле необходимости в такой помощи я не испытывал — просто для руководящего состава Службы существовали плановые ежегодные поездки за границу, чтобы не позабыть, как она выглядит.

Многим моим коллегам в течение всего срока ДЗК так и не удалось выбраться за пределы Большого Копенгагена или, в лучшем случае, острова Зеландия. Путешествовать по стране в то время могли послы, в крайнем случае резиденты и сопровождающие их лица, да и то при наличии убедительных мотивов.

Так что мне здорово повезло, потому что ГЭФэ, переговорив с резидентом, быстро справился со своими служебными поручениями и выразил желание совершить небольшую экскурсию по Дании. Естественно, сопровождать моего начальника должен был я.

* Хотите утря? (*дат.*)

** Пожалуйста (*нем.*)

*** Щуку? Окуня? (*дат.*)

Мы выехали на юг, спустились до крайней точки острова Зеландия в городе Вордингборге, сели на паром и вышли на плоскую землю острова Лолланд-Фальстер, пересекли ее с востока на запад, в городе Накскоу опять сели на паром, переплыли на остров Лангеланд и в местечке Рудкебинг остановились на ночевку. На утро мы по мосту переехали на остров Фюн, главную житницу и оплот фермерского консерватизма Дании, пересекли его с юга на север до города Богенсе, вернулись в главный город острова Оденсе, а оттуда тронулись в обратный путь. В городе Ньюборге опять сели на паром, пересекли пролив Большой Бельт и в Корсере снова ступили на землю Зеландии.

Дания — островная страна. Она занимает более 400 островов, на 90 из которых живут люди. Следовательно, вопросы сообщения между собой встали перед датчанами не сегодня. Главным средством коммуникации является паром. Паромы используются самые разные: от примитивных, бестрюмных, которые работают на малых переправах, до огромных современных красавцев, перевозящих в своем чреве железнодорожные составы и автомобили через Большой Бельт, через границу в ГДР или ФРГ.

Удивительно слаженно и четко работают эти паромы! За считанные минуты в просторные трюмы въезжают десятки и сотни автомашин, и не успеешь подняться из машины на палубу, как он уже отошел от причала и на приличной скорости режет форштевнем воду.

Во время этой поездки я впервые столкнулся с другим датским феноменом — наличием в стране огромного количества замков. Пожалуй, ни в одной другой стране не приходится столько замков и дворцов на душу населения, сколько в датском королевстве. Большинство их, несмотря на преклонный возраст, прекрасно сохранились до наших дней и составляют завидную культурную коллекцию. Ожесточенные войны и сражения, которые на протяжении веков вела Дания, в том числе и на собственной территории, почти не сказались на их состоянии. Ра-

зумеется, все это стало возможным благодаря государству и отдельным частным лицам, не жалеющим денег на поддержание памятников старины в надлежащем состоянии.

Помню, в Вордингборге наше внимание привлекла старая полуразрушенная Гусиная башня, сооруженная в середине четырнадцатого столетия легендарным королем Вальдемаром Аттердагом. Дания в тот период находилась в экономической, военной и политической блокаде со стороны экспансионистской купеческой державы ганзейских городов. Ганза безуспешно пыталась подмять под себя королевство Аттердага, а тот в знак презрения к германским «купчишкам» решил соорудить башню, вершину которой украсил фигурой гуся. Почему именно гуся? Да потому, наверное, что на немецком языке слово «гусь» и «Ганза» имеют один и тот же корень. Недаром Вальдемар Аттердаг сравнивал ганзейскую державу со стаей гусей. Ганзейцы намек короля поняли, неоднократно пытались взять башню штурмом, но успеха в этом предприятии не достигли. Что ж, всему, видно, свое время. Спустя шесть с лишним веков никакие Гусиные башни уже не смогли сдержать мощный экономический натиск Германии, являвшейся хребтом Общего европейского рынка, и Дания была обречена на присоединение к этому «ганзейскому» в полном смысле сообществу.

Гусиная башня являлась частью средневекового бурга, воздвигнутого королем Вальдемаром Великим примерно в ту пору, когда на Руси княжил Владимир Мономах и его сыновья. От города-крепости остались одни руины.

Поразил наше воображение замок Эгескоу, который мы посетили специально, свернув с главной дороги на второстепенную. Замок является классическим образцом архитектуры эпохи расцвета Ренессанса, но главная изюминка этого туристского аттракциона состоит в другом: он построен на дубовых сваях прямо на воде. Замок состоит фактически из двух зданий с двумя параллельными крышами. Он стоит в своем первозданном виде, не претерпев ни-

каких изменений с момента окончания строительных работ в 1554 году. Замок окружает огромный парк с многочисленными аллеями, садами, цветниками, клумбами, растительными заборами и лабиринтами, оформленными в стиле рококо. Отдельные кусты пострижены в «скульптуры» различных птиц и зверей. Чувствуется, что эпоха Кристьяна IV для страны была очень продуктивной с культурной точки зрения. Его с полным правом можно назвать королем-строителем.

В Оденсе нас больше всего интересовал сказочник Ханс-Кристьян Андерсен. Мы увидели в университетском парке большой памятник этой датской знаменитости и скромный даже по датским масштабам музей писателя, расположенный в крошечном домике в центре Оденсе на улице Ханс-Енсен-стрэде — в домике, в котором будущий писатель провел свои детские годы. В двух-трех комнатках музея выставлены предметы сохранившейся домашней утвари, несколько рукописей и прижизненных изданий сказок и очерков. Вся улочка, шириной в пять шагов, сохранена в том виде, какой она была при жизни молодого Андерсена — игрушечные фахверковые прилепившиеся друг к другу разноцветные с мезонинчиками домики под черепицей с витыми лестницами внутри, в окошках герань или фарфоровые статуэтки, кое-где — круглые зеркальца в проемах окон, через которые хозяйка дома, не высываясь наружу, удовлетворяет свое женское любопытство и узнает, что же происходит на улице.

Признаться, такая умеренность в почитании выдающегося земляка нас тогда неприятно удивила. Но таковы датчане: они не склонны создавать себе кумиров и рассматривают свои знаменитости, не отрываясь от грешной земли. Но именно эта неприятная обстановка в доме сказочника и вокруг него по-настоящему дает хоть какое-то представление о той атмосфере, которая существовала в период написания им запавших в детскую память сказок о Дюймовочке, Оле-Лукойе, Снежной Королеве и стойком Оловянном солдатике.

... В этих мирных сельскохозяйственных местах в свое время разыгрывались весьма драматические события. В 1657 году здесь появилось войско шведского короля Карла X. Начав кампанию против польского короля Юхана Казимира, отпрыска королевского рода Васа, дедушка Карла XII был вынужден ее прервать, потому что в это время коварная Дания объявила шведам войну. Вообще-то объявление датчанами войны Карл X использовал в качестве предлога для того, чтобы выйти из неудавшейся войны с поляками и русскими, не потеряв престижа. Награбив в достаточном количестве серебра, золота, картин, статуй, gobеленов и т. п., шведы выступили в поход против датчан и скоро появились на южных рубежах Ютландии. Датчане ждали шведов и укрепили свою границу с Голштинией, но шведское войско прорвало укрепления и беспрепятственно вошло в Ютландию.

Ранним утром 24 октября три шведские колонны двинулись на штурм датской крепости Фредриксоdde на побережье Малого Бельта — первого препятствия на пути к острову Фюн. Южной колонне удалось преодолеть глубокий ров, подобраться к воротам крепости и подорвать их. Это решило исход двухчасовой битвы, и шведы одержали полную победу. Более тысячи датских солдат и мирных жителей пали при взятии крепости, около двух тысяч было взято в плен. Часть пленных присоединили к шведскому войску, что в те времена наемничества было обычным делом.

Последний оплот Дании в Ютландии пал, но датчане оставались еще не побежденными на своих островах, и датский флот неусыпно контролировал пролив Малый Бельт. К зиме Бранденбургское герцогство заключило оборонительный союз с Польшей, и внешнеполитическое положение Швеции значительно осложнилось. Карлу X нужно было во что бы то ни стало принудить Данию к капитуляции. Шведам был нужен сепаратный мир.

Но как преодолеть Малый Бельт?

Патовая ситуация получила разрешение в декабре, когда наступили сильные морозы и Малый Бельт стал покрываться льдом. Лед сковал действия датско-

го флота и выстлал дорогу шведам на Фюн. В конце января шведская армия в полном боевом порядке ступила на ледовый мост и двинулась на восток. Лед гудел и потрескивал под тяжестью артиллерии и лошадей, но держал. У самого фюнского берега шведов встретили датские войска, но в коротком бою они были рассеяны и обращены в бегство. Карл X, потеряв две роты кавалерии, которые в полном составе провалились под лед и ушли навсегда в морскую пучину, овладел Фюном и вышел со своими солдатами на его восточный берег.

Но впереди был пролив Большой Бельт, который по сравнению с Малым представлял вроде бы непреодолимое препятствие. Однако шведам отступать было уже поздно. Ставка была сделана, и нужно было двигаться только вперед. Высланные по побережью патрули скоро доложили, что для перехода пролива лучше всего подходит место напротив острова Лангеланд, у юго-восточной оконечности Фюна.

5 февраля шведы выступили в свой решительный поход в направлении Лангеланда. Под тяжестью людей, лошадей и артиллерии лед треснул, и вода выступила на поверхность. Приходилось идти по колено в ледяной воде, ночью отдельные группы солдат попадали в промоины, но войско с пути не сворачивало. Оно выбралось на берег, маршем прошло через Лангеланд, таким же способом, как и ранее, преодолело водную преграду между Лангеландом и Лолланд-Фальстером и 8 февраля 1658 года вступило на зеландский берег. До Копенгагена оставалась какая-то сотня километров.

Ледяной поход был завершен. Карл X сделал рискованную ставку и выиграл. 26 февраля в городе Роскилле был заключен мир. Согласно его условиям, Швеция получила в свое владение провинции Сконе, Халланд, Блекинге, Бухюс, а также норвежский Трондхейм и датский остров Борнхольм.

Честолюбивому шведскому королю эта победа показалась недостаточной, и через полгода он нарушил перемирие с датчанами, чтобы «раз и навсегда решить северный вопрос», то есть уничтожить датское коро-

левство и утвердить шведское господство во всей Скандинавии. Шведское войско осадило Копенгаген.

Датчане похолодели от страха — слишком хорошо они почувствовали на себе все «прелести» бесчинств шведской солдатни. Нужно отдать должное датскому королю Фредрику Третьему: он мобилизовал своих подданных на оборону страны, призвал на помощь немцев, бранденбуржцев и поляков. Скоро в проливы вошел также голландский флот и снял осаду с Копенгагена. Февральской ночью 1659 года Карл X Густав предпринял генеральный штурм датской столицы, но датчане отбили атаку шведов и продолжали удерживать город. Война со шведами продолжалась более года, пока наконец в мае 1660 года в Копенгагене не был заключен новый мир, который в основном подтвердил условия Роскилле, но Швеция была вынуждена вернуть Дании Борнхольм и норвежскую губернию Трондхейм.

Накануне мира неожиданно скончался сам шведский монарх. Его наследнику, отцу Карла XII, было всего четыре года. В Швеции было установлено регентство, а это на время отключило шведов от внешних активных действий и спасло Данию от их дальнейших посягательств. Но ненадолго: и Карл XI и его лихой сынок Карл XII попортят еще много крови датчанам!

... Нам с ГэФэ при передвижении с одного датского острова на другой, естественно, не пришлось испытывать тех трудностей, с которыми в свое время столкнулся шведский король. Мы сделали большой крюк на север Фюна, чтобы лицезреть статую «Мальчика Пис», включенную в список туристских аттракционов городка Богенсе. ГэФэ очень настаивал на посещении этого местечка именно из-за «Мальчика Пис», которого он видел в оригинале в каком-то бельгийском или французском городе.

Мы долго колесили по улочкам городка, пока случайно не наткнулись на полуметровую ординарную гипсовую статуэтку этого мальчика, который, раскинув ручонки, писал маленькой струйкой на землю.

Разочарование было полное, особенно у Геннадия Федоровича. Он почему-то ожидал, что датская копия должна по всем параметрам превзойти оригинал, а когда он увидел то, что увидел, то... Одним словом, он молча сел в машину и стал ждать меня. Вместо мощного заключительного аккорда к приобретенным в поездке богатым впечатлениям он получил хилую вульгарную струйку «пис».

А я до сих пор вижу себя стоящим посреди небольшой, почти игрушечной пустой площади в плотной провинциальной тишине городка Богенсе. Ни одного движения, ни малейшего звука не зафиксировали мои зрение и слух. Казалось, мы попали не в город, а взяли билет в театр на спектакль, для которого на площади была выстроена декорация из картонных одноэтажных домиков под черепицами. Но спектакль отменили, актеры и зрители, предупрежденные заранее, в театр не явились, и только мы с ГэФэ, русские туристы, не узнали об этом. Вот-вот появятся рабочие сцены и заберут с собой, вместе с волшебными лучами вечернего заката, и мальчика «пис», и нас, и эти ненастоящие домики с придуманным, наверное, Андерсеном городком.

Спустя много лет мы с ГэФэ вспоминали о посещении Богенсе: он — с изрядной долей юмора, а я — с грустью. Мне было жаль, что взятые нами билеты на спектакль пропали и что я так и не увидел сцен из датской провинциальной жизни начала XIX века.

Чего я ожидал там увидеть, я не знаю до сих пор.
Наверное, что-то очень хорошее.

Еще ближе к делу

Хотел бы похвалить, но чем начать, не знаю.

Г. Р. Державин

Нетерпеливый читатель может задаться вопросом: чего это автор то углубляется в мелкие детали, с жаром описывая каких-то статистов на своих оперативных подмостках, каковыми несомненно являются

Оскар и Володя-жестянщик, то предается меланхолии по поводу какого-то провинциального городишки, то делает экскурс в историю? Где же ночные схватки в подворотнях с соперниками из ЦРУ и СИС? Где, на худой конец, леденящие душу донесения агентов из штаб-квартиры НАТО? Где вообще разведка, шпионаж, погони, слежка, кинжалы, пистолеты и плащи?

Не спешите с выводом, дорогой читатель. Во-первых, вся наша жизнь проходит в окружении статистов. А во-вторых, эти маленькие эпизоды позволяют перейти мне к некоторым философским обобщениям, которые могут пригодиться для любого русского, путешествующего за границей. А в-третьих, вернитесь к предисловию и вспомните, чего я вам не обещал.

Именно Статист-Обыватель в высшей степени является выразителем сущности нации. Общение с людьми чиновными и высокопоставленными не всегда продуктивно с точки зрения познания менталитета и особенностей людей, населяющих страну пребывания, ибо они не всегда могут быть искренними с советским дипломатом и, как правило, либо заражены духом космополитизма, европейского превосходства, либо еще какими-нибудь предрассудками по отношению к нам, иностранцам, а к русским — в особенности.

А история помогает лучше понять современное состояние нации.

Датчане — небольшой народ, но именно это обстоятельство объясняет, почему каждый отдельно взятый ее представитель так болезненно относится к тому, как его воспринимают иностранцы. Представители большой нации могут позволить себе не беспокоиться по поводу того, как на них смотрят со стороны*.

К сожалению, я не могу утверждать, что в среде наших заграничников не встречались люди, относившиеся к истории страны и местному населению без должного уважения. Я сталкивался с эпигонами от дипломатии, равно как и с эпигонами от разведки, для которых пределом мечтаний была работа, к при-

* Исключение составляют, пожалуй, только русские.

меру, в США или — в крайнем случае — в Англии или Франции. Дания, Швеция или там Греция воспринималась ими как оскорбительная ссылка. Помните Маяковского? И прочие разные шведы... Хотя такая разборчивость некоторых из них мне по-человечески понятна: в больших странах большие резидентуры и большой размах работы, а значит, и более благоприятные условия для того, чтобы быстрее проявить себя и в хорошем смысле слова сделать карьеру. К сожалению, среди этой категории было много и таких, для которых США и Англия были нечто вроде «роллс-ройса» или «шевролета», которым можно похвастать у себя в Москве перед «задрипанными» «москвичами» и «жигулями».

Глубоко уверен в том, что если ты едешь в страну работать (пусть не обязательно шпионить, а, к примеру, заниматься бизнесом, учиться или торговать), то должен если не полюбить местное население, то хотя бы относиться к нему с подобающей терпимостью. Иначе ты просто «пройдешь по касательной», и все своеобразие культуры, обычаев, порядков и мышления людей останется для тебя *terra incognita*, и ты можешь считать, что твоя командировка прошла впустую. И, конечно же, надо не забывать соблюдать элементарное правило не судить о стране пребывания со своей родной колокольни. Чтобы добиться успеха в чужой среде, надо попытаться завоевать ее доверие, понравиться.

Прав был Честерфилд, когда говорил: *«Большинство искусств требует длительного изучения и усердия, но самое полезное из всех искусств — искусство нравиться — требует только одного — желания».*

А вообще-то мне, конечно, приходилось видеть и премьеров, и членов кабинета министров, и известных артистов и политиков, и королеву Маргарет и ее элегантного супруга, датского принца и французского графа де Монпезана. Не хочу сказать о них ничего предосудительного или негативного, но они были за пределами моего круга связей и потому большого интереса для меня не представляли. А потому особенно глубокого следа в моей памяти не ос-

тавили. Смею, однако, утверждать, что всеми ими владеют такие же мысли и страсти, какие сидят внутри каждого из нас, но их статус диктует им более строгие рамки поведения, нежели те, которые годятся для любого из их подданных и подчиненных. Это особенно верно для скандинавов, где высокое положение более обязывает, чем возвышает.

Кстати о принце. Когда датская принцесса в начале шестидесятых достигла совершеннолетия, то она чисто по-современному решила свою личную проблему. По окончании гимназии она поехала отдыхать в Приморские Альпы и совершенно случайно встретила там своего принца, который был бедным, но порядочным графом. Их роман длился недолго, и скоро они сыграли свадьбу. Француз переехал в Амалиенбург, чтобы стать еле заметной тенью своей крупной и рослой супруги, напоминающей нам, русским, Елизавету Петровну. Тенью, потому что никакими правами на датскую корону он не располагает, даже если его супруга по каким-либо причинам перестанет быть королевой. В любом случае наследственными правами на трон будут обладать их общие дети. Граф де Монпезан, со своей стороны, не проявляет ни малейшего желания, чтобы как-то изменить свое положение, и живет замкнутой жизнью, воспитывая своих детей и увлекаясь охотой.

Помнится, как-то в первый день рождества я рано встал и поехал прогуляться с дочкой по центральным улицам города. На Бредгаде, расположенной в непосредственной близости от королевского замка, никого не было. Полубовавшись на Мраморный собор с его самым объемным в Европе куполом и задержавшись на минутку у русской православной церкви Александра Невского, я обнаружил появившегося из-за угла джентльмена примерно моего возраста, державшего за руки двух маленьких мальчишек. Подойдя поближе, я увидел, что мальчишки были зачарованы огромным заводным Санта-Клаусом, мчавшимся на санях с огромным мешком за спиной. В элегантно, но скромно одетом мужчине я узнал датского принца-отца, который, вероятно, восполь-

зовался безлюдным часом, когда все подданные еще спят беспробудным сном, переваривая в туго набитых желудках шинку*, для того чтобы спокойно показать сыновьям праздничные витрины.

Мальчишки, судя по расстроеным выражениям, не хотели отходить от витрины до тех пор, пока отец не раскошелится на понравившуюся игрушку. Отец терпеливо объяснял наследникам датского престола, что магазин закрыт и что он обещает купить Санта-Клауса чуть позже. Поравнявшись с королевской семьей, я сказал с русским акцентом «гу дэ». Принц как ни в чем не бывало раскланялся со мной с приветливой улыбкой на губах и ответил мне тем же «гу дэ», но уже с галльским прононсом. Так мы мирно разошлись: принц-отец потащил за руки своих принцев-наследников по направлению к королевскому дворцу, а я взял за руку дочь и повел ее в противоположную сторону.

Возможно, эта мимолетная встреча с русским дипломатом на улице каким-то образом повлияла на образование одного из этих принцев, потому что он выучил потом в совершенстве русский язык и неоднократно приезжал в Россию.

Король с удовольствием танцует в неофициальной обстановке.

Наш читатель, вероятно, мало наслышан про бывшую принцессу Маргарет, ныне королеву Дании. Ее скромное поведение — ни тебе семейных скандалов, ни экстремистских выходов в политике — обеспечивает ей особое место в пантеоне коронованных и августейших персон нашего времени. Между тем она вполне заслуживает того, чтобы быть упомянутой не только на страницах данной книги. Как монарх она вносит свою незаметную лепту в стабильность и благополучие страны, живет полноценной жизнью женщины и матери, наслаждается художественным

* Датская маринованная ветчина, непременный атрибут праздничного рождественского стола.

творчеством, потому что наделена даром ценить искусство и творить его. Королева Маргарет является обладательницей незаурядного таланта художника и от своих британских царственных коллег отличается безупречным поведением.

Король по своим взглядам — убежденный монарх.

В прошлом веке широко известный в Дании проповедник пастор Биркедаль очень часто заканчивал свои проповеди следующей молитвой:

— Господи, дай, если это возможно, нашему королю Кристьяну IX датское сердце!

Жаль, что этот проповедник не дожил до наших дней. Он бы убедился, что нынешние наследники Кристьяна IX, по всей видимости, вняли этому призыву. Они отлично понимают, в какое время царствуют, и поэтому предпринимают все для того, чтобы укоротить дистанцию, отделяющую их от своих подданных. У них внутри не только датское сердце, но и датские печенька, желудок и селезенка, и все они говорят по-датски, а не по-немецки или по-французски, а в своем быту предпочитают иностранному все датское.

Да и Х.-К. Андерсен, вероятно, умилился бы при виде нынешних монархов, не вмешивающихся в жизнь датчан и старательно подчеркивающих на каждом шагу, что они такие же налогоплательщики, как все Енсены, Ларсены, Петерсены, Расмуссены и Якобсены.

А вообще-то полезно знать, что датский королевский дом — самый старый в мире! Уже в 500 году нашей эры на Зеландии и в Ютландии существовали два королевства. В 725 году утрехтский епископ посетил ютландского короля Агантиора и оставил нам о нем описание как о человеке «тверже камня и более дикого, нежели звери лесные».

В эпоху викингов у датчан над всеми возвышается король Сигфред, который на равных встречался с самим Карлом Великим, королем франков. Предводитель викингов Рольф, спасаясь от преследований

датского короля то ли Хардекнуда Свенсена, то ли Горма Хардекнудсена Старого, в 911 году бежал во Францию и стал там править под именем Роберта, герцога Нормандии. Герцог был предком Вильгельма Завоевателя, который в 1066 году покорил Англию.

Горм Старый и является праотцом датского монархического гнезда. Нынешняя королева Маргарет II является потомком в пятом колене короля Кристьяна IX и в тридцать втором колене — потомком Горма Хардекнудсена Старого!

Романтическое путешествие на остров Борнгольм

Я смотрел на остров, который неизъяснимой силой влек меня к берегам своим; темное предчувствие говорило мне: «Там можешь удовлетворить своему любопытству, и Борнгольм останется навеки в твоей памяти».

Н. М. Карамзин. Остров Борнгольм

В мае 1970 года Европа торжественно и широко-масштабно отмечала четверть века с момента окончания Второй мировой войны. Датские политики, комментируя это событие, пересказывали нам натовскую точку зрения на это событие, пытаясь убедить в том, что «пора забыть прошлое и перестать делить Европу на победителей и побежденных». Они заявляли, что День Победы над Германией будет праздноваться в стране последний раз, и по этому случаю устроили невиданные до сих пор празднества. В Копенгаген съехались многочисленные делегации из бывшего союзнического антигитлеровского блока, были организованы встречи с ветеранами датского Сопротивления и масса других официальных мероприятий. Застрельщиками всех событий, естественно, оказались коммунисты, но и представители буржуазии и консервативных кругов Дании были вынуждены присоединиться к проводимым повсеместно мероприятиям: встречам, банкетам,

возложениям венков на могилы, приемам в посольствах, концертам и народным гуляниям.

Впервые удалось ощутимо и зримо почувствовать последствия сохранившегося за двадцать пять лет расслоения в датском обществе на «красных» и «белых», на антигитлеровцев и их приспешников, на бедных и богатых. Отсидевшие свой срок в концентрационных лагерях с возмущением шикали на какого-нибудь высокопоставленного полицейского, помогавшего в годы оккупации наводить немецкий порядок в стране и сидевшего теперь рядом с ними за столом. Нажившиеся на поставках мяса и масла германским войскам фюнские бароны кривили физиономии при виде активистов из общества дружбы «Дания — СССР». Неприятие друг друга было вполне искренним, но достаточно сдержанным и пристойным. До драк, рукоприкладства и плевков в «морды лица» дело не доходило.

В предмайские дни посольство лихорадочно и напряженно готовилось к торжествам. Все дипломаты были распределены по группам, каждая из которых отвечала за проработку и подготовку какого-нибудь вопроса. Меня как консульского работника включили в группу с уловным названием «Память», куда вошли в основном сотрудники военно-морского атташата посольства. Кажется, впервые после войны МО СССР попыталось навести хоть какие-то справки о понесенных во время войны потерях и отыскать следы погибших и пропавших без вести.

Дания не была фронтовой страной в полном смысле этого слова, но некоторые военные действия все-таки имели место на ее территории. Во время высадки войск фельдмаршала Монтгоммери на полуостров Ютландия германские войска почти не оказывали сопротивления и сдавались англичанам в плен целыми дивизиями. Волею судеб в Дании к концу войны оказались какие-то части РОА генерала Власова. Вот они-то и воевали с английскими войсками. Воевали упорно и обреченно, понимая, что помощи им ожидать неоткуда. Они попали в классическое окружение, которое им устроили в начале войны где-

нибудь под Киевом и Минском танковые части Гудериана. Видно, им на роду было написано все время попадать в «котлы» и в плен. Но в плен британцам «ютландские» власовцы решили не сдаваться, потому что боялись, что Монтгоммери непременно выдаст их Сталину. «Томми» устроили им настоящую «молотилку», перемолов и смешав авиацией и артиллерией человеческую плоть с землей.

Когда мы вместе с сотрудником атташата выехали в Ютландию, чтобы составить для себя хотя бы грубую картину захоронений русских на полуострове, то убедились, что эта задача нам не по плечу. Во-первых, потому, что датчане не очень охотно открывали перед нами свои архивы, а во-вторых, велись эти архивы в отношении погибших власовцев не так уж тщательно. Единственное, что отложилось у меня в памяти после этой поездки, так это большое число погибших — сотни, если не тысячи наших соплеменников остались гнить в песчаной почве Ютландии. Хоронили их датчане, и — нужно отдать им должное — отнеслись они к этому делу основательно и уважительно. Но захоронения проходили в спешке, полную информацию о личности русских солдат им получить, естественно, не удалось.

В те годы всем уже было известно, кто такие власовцы, но чувство щемящей жалости к рязанским, воронежским и псковским ребятам все равно присутствовало. Кто знает, если бы не были бездарными в начале войны наши военачальники, подставлявшие своих солдат под немецкие танковые клинья, и если бы не было такого безобразного отношения к попавшим в немецкий плен, то еще не известно (а вернее, известно), какой могла быть судьба сотен тысяч обманутых людей, лишившихся родины.

Учеты могил по соответствующим церковным приходам сохранились, но составлялись они на основании попавших в руки датчан личных документов погибших, а хоронившие не всегда владели немецким или русским языками. К моменту нашего появления на кладбищах холмики с могилами власовцев стали уже зарастать травой и постепенно ис-

чезать с поверхности земли. Нужна была целая экспедиция архивных работников, чтобы описать всех погибших и установить их личности.

Когда майские торжества завершились, о погибших в Ютландии солдатах РОА просто-напросто забыли. Да и что тут сетовать, где искать виновных, если нашей памяти и уважения зачастую не хватает не только на предателей, но и на настоящих героев?

На востоке же Дании оставили свой след солдаты Советской Армии. Дивизия генерала Ф. Ф. Короткова освобождала от немцев остров Борнхольм — самую восточную часть Дании, примечательную в основном тем, что здесь родился и жил известный пролетарский писатель Мартин Андерсен Нексе («Дитте — дитя человеческое»), имя которого теперь носит небольшой поселок острова, и что на этом рыбацьем в основном острове ловят и по особому коптят «беклинга» — борнхольмскую то ли селедку, то ли корюшку, то ли салаку.

Генерала Короткова сейчас мало кто помнит, а в послевоенные годы он был хорошо известен и в Норвегии, и в Дании. Так уж получилось, что его дивизии пришлось освобождать северные районы Норвегии от горных егерей генерала Дитла — отборных частей германского вермахта, прославившихся успешными боевыми действиями против англичан на Крите и в Нарвике. Состоявшая на первых порах почти из одних ополченцев, дивизия Короткова первой на Карельском фронте получила звание гвардейской, первой приняла на себя удар корпуса Дитла, остановила их на подступах к Мурманску, три года на скалистых сопках тундры держала оборону, а когда пришло время наступать, первой устремилась вперед в норвежские фьорды, десантировалась на берег у Киркенеса и освобождала губернию Финнмарк.

Сам генерал Коротков, по свидетельствам очевидцев, внешне мало походил на героя — невысокий, сухонький, безусый офицер даже не выглядел по-гвардейски. Писатель Геннадий Фиш, в прошлом фронто-

вой журналист, написавший несколько книг о Скандинавии, вспоминает о том, как во время наступления коротковцев он с трудом отыскал штаб их дивизии и валился с ног, когда в штаб вошел Коротков.

— Откуда? Как дела? Устал? На, выпей и ложись спать, — приказал генерал, протягивая Фишу полный стакан водки.

— Я не пью?

— Ты что — больной? — искренне удивился генерал.

Трудно сказать, почему генерал Коротков в Дании превратился в полковника Короткова, но отлично помню, что все в посольстве и в Копенгагене называли его именно полковником. То ли из-за пристрастия к алкогольным напиткам, которым на Руси подвержены все или почти все талантливые, неординарные личности, то ли из-за строптивости и непокорности начальству, то ли еще по каким причинам, которые в те непростые времена и придумывать не нужно было, чтобы «загнать за Можай», но на Борнхольм прославленная дивизия, вероятно, пришла с пониженным в звании начальником. Впрочем, уже после высадки на Борнхольм Ф. Ф. Короткову было возвращено генеральское звание — скорее всего потому, что на остров собирался прибыть кронпринц Фредерик с супругой, и для его встречи звания полковника в Москве показалось не достаточным.

Весной 1945 года на острове скопилось тысяч полтораста гитлеровцев, бежавших из-под ударов Советской Армии в Прибалтике и Польше. Отрезанные стремительно продвигавшимися к Берлину советскими частями, немцы морским путем уходили на запад. Но Дания и север Германии были уже заняты войсками союзников, поэтому единственным прибежищем для разбитых солдат и офицеров вермахта оказался Борнхольм. К весне 1945 года он буквально кишмя кишел деморализованными и мародерствующими немцами.

Вполне понятно, почему выбор советского командования пал на Короткова и его дивизию. Кроме чисто воинских достоинств коротковцы при освобож-

дении северной Норвегии получили опыт дипломатической и административной работы со скандинавами, а какие мысли относительно слишком удаленного от Копенгагена острова блуждали в голове у Сталина, можно только предполагать.

В то время, когда Гитлер с Евой Браун в бункере рейхсканцелярии ходили вокруг импровизированного брачного алтаря, гвардейцы Короткова на импровизированных подручных средствах высаживались с десантных судов на остров. Слегка напуганные нашими бомбардировщиками и штурмовиками, немцы оказали им в отличие от солдат РОА в Ютландии слабое сопротивление. В коротких схватках дивизия потеряла девять или десять солдат и офицеров. Остатки Курляндской группировки Гитлера сложили оружие и сдались в плен. Началась оккупация Борнхольма советскими войсками.

Однако Борнхольму было суждено не долго оставаться под администрацией Короткова. Наши западные союзники «поднажали» на Сталина, и через несколько месяцев дивизия Короткова покинула остров. Дания полностью перешла под эгиду Запада. А в каменистой земле Ренне — главного города острова — так и остались лежать тела погибших при его освобождении наших земляков. Могилы перешли на содержание местных коммунальных органов, а представители советского посольства каждый год 9 мая приплывали из Копенгагена и возлагали на них венки.

К началу 70-х годов, когда дух боевого сотрудничества союзников окончательно выдохся и над Европой навис жупел холодной войны, датские власти все менее охотно стали предоставлять нашим дипломатам возможность посещать Борнхольм. На острове возникли инфраструктуры НАТО, в частности, была смонтирована мощная радиолокационная станция слежения за акваторией Балтийского моря и всем прилегающим побережьем, а также размещена датская воинская часть, и у коммунальных властей Ренне почему-то стал сказываться недостаток в средствах на содержание могил советских солдат. К мо-

менту моего пребывания в Дании за могилами было поручено ухаживать на общественных началах одному датчанину.

Теплым тихим вечером 8 мая 1970 года наша группа, состоящая из четырех человек: «чистого» секретаря посольства Толи Тищенко, будущего посла в Норвегии, двух сотрудников военно-морского атташата — военно-воздушного Кости Белоусова и военно-морского атташе (фамилию его запомнил) и меня, на причале Внутренней гавани Копенгагенского порта грузилась на борт парома «Борнхольм» для участия в церемонии возложения венков на могиле советских солдат в Ренне. В связи с 25-летием Победы датчане, скрипя сердце, разрешили советским дипломатам (и разведчикам!) посетить Борнхольм, но еще раз подчеркнули нежелательность продолжения этой традиции в будущем.

У Тищенко своей машины не было, а военные, экономя на бензине, попросили моего шефа, чтобы я взял с собой в командировку закрепленный за мной и успевший побывать в стычках с другими машинами «форд».

— Соседям нужно кое-что посмотреть на острове, так ты помоги мужикам, повози их на своей машине, — сказал на прощание резидент.

Если бы я был более опытным и щепетильным работником, озабоченным своей карьерой, то я, чтобы отказаться от такого «почетного» поручения, привел бы в оправдание «железный» довод: какая же тут конспирация, если мне придется вывозить на визуальную разведку установленных разведчиков? Я расшифруюсь, даже не приступив к своей оперативной работе! Но я был молод и неопытен, резидент — халатен, пришлось согласиться удружить «дальним соседям» и дать им возможность «пожабить» глаза на натовские военные объекты, а заодно посмотреть, как они работают, как работает датская «наружка» и слегка пощекотать свои нервы.

Автомшины бригады наружного наблюдения Костя Белоусов «усек» сразу, как только мы прибыли на Хаунегде. Это были «фольксваген» и «форд» с копен-

гагенскими номерами. Они буквально подпирали меня сзади, когда я на своей машине заезжал в трюм парома, и по пятам ходили потом за мной в Ренне и его окрестностях. Они и вернулись вместе с нами в Копенгаген на том же пароме. Это была классическая демонстрационная слежка, и я внутренне был горд тем вниманием, которое датская контрразведка уделяла нашим скромным персонам*.

— Ну, Боб, принимай боевое крещение, — сказал бывший летчик Белоусов свое ветеранское напутственное слово, кивая головой в направлении «фольксвагена» и «форда». Этот молодой подполковник ГРУ справедливо считал себя бывалым разведчиком и полагал необходимым опекать меня во время всей поездки. Капитан 1 ранга, пришедший в ГРУ прямо с палубы или из трюма боевого корабля, сдержанно помалкивал и при дидактических упражнениях своего коллеги снисходительно улыбался. Тищенко делал вид, что его это все мало касается. Впрочем, это на самом деле несколько его не волновало.

... В Ренне утром 9 мая нас встретил адъютант военного коменданта острова и сопроводил до местного «гранд отеля». После размещения в гостинице мои коллеги отправились в город наносить визиты: Тищенко — местному демиургу — губернатору Борнхольма, а «войки» пошли к военному коменданту. Я на некоторое время был предоставлен самому себе и пошел побродить по городу. Каменная кирха с кладбищем, несколько магазинчиков, ратуша с обязательной площадью, рыбацкие причалы, порт — и безбрежное море. Вот и все, что представлялось взору. Провинциальность выглядывала из каждого дома и двора главной улицы борнхольмской столицы и сопровождала меня до номера в гостинице с громким названием.

Казалось, здесь мало что изменилось с момента посещения острова нашим писателем и историком Карамзиным, побывавшим на Борнхольме почти двумя столетиями раньше. Николай Михайлович,

* Такого «телячьего» восторга в ходе командировки и вообще карьеры я, естественно, при виде «хвоста» уже больше не испытывал.

возвращаясь из Англии в Россию на борту британского судна «Британия», плыл шестеро суток и изрядно измучился от приступов морской болезни, пока наконец корабль не бросил якорь в виду нелюдимого, обрамленного неприступной каменной грядой острова. Судя по рассказу, судно подошло к Борнхольму с северной стороны, по выражению капитана, к месту дикому и опасному для кораблей.

Нашего славного земляка на остров неумолимо тянула тайна несчастной романтической любви, о которой он случайно узнал перед отплытием из Лондона, и вопреки предупреждениям капитана он добился того, чтобы его свезли на шлюпке на берег. Он целую ночь провел в заброшенном замке и при весьма таинственных обстоятельствах разузнал-таки об этой страшной тайне, но наотрез отказался поведать ее нам, пообещав сделать это как-нибудь в другой раз и в другом месте. Эту тайну он унес собой в могилу, так и не успев выполнить свое обещание 1793 года — помешала многотрудная работа над «Историей государства Российского».

Кстати, историк утверждает, что беседовал с борнхольмцами на датском языке, которому выучился в Женеве у своего приятеля некоего NN. Если это так, то делает честь и без того заслуженно знаменитому Карамзину!

Скоро со своих протокольных мероприятий вернулись оживленный летчик с моряком и пригласили меня «прокатиться» на моей машине по острову. Времени до возложения венков было достаточно. «Парадом», естественно, командовал летчик. Он заранее выбрал маршрут и корректировал наше движение, заглядывая в истрепанную туристскую карту Борнхольма, приобретенную, вероятно, еще предыдущим поколением сотрудников атташата.

«Наружка» четко взяла нас от самой гостиницы и вела всю дорогу, не делая каких-либо попыток маскироваться. Наш путь пролегал вдоль берега, и мы должны были по кругу против часовой стрелки объ-

ехать весь остров и вернуться через пару часов обратно в Ренне. Справа мы непрерывно видели голубое с белыми барашками море, в некоторых местах берег круто обрывался к воде и обнажал белую известняковую породу. Местность была пересеченной, и за холмами открывался вид то на одинокий хутор с постройками, то на возделанные уголья и мирно пасшееся на лугу стадо коров, то на какую-нибудь сельскохозяйственную букашку-машину, мирно ползущую по полю. Изредка небо протыкали шпили церквей или отдельно стоящих деревьев.

Я был полностью поглощен окружающей нас природой и машинально выполнял команды сидевшего на заднем сидении летчика притормозить, замедлить ход, остановиться или свернуть на поселочную дорогу. У них в груди kloкотали шпионские страсти, им нужно было что-то сверить по карте, отметить на местности какие-то признаки каких-то военных объектов, остающиеся для моих глаз невидимыми, а я наслаждался путешествием как турист. Ни цель, ни результаты этого визуального приключения меня не интересовали. В зеркале я постоянно видел знакомые силуэты автомашин копенгагенских контрразведчиков, но они только являлись украшением идиллической картины в виде борнхольмского ландшафта.

Эх, мчись, мой Гипомах*, по гладкой асфальтовой дорожке! Когда еще подвернется случай сочетания приятного с полезным? Какой же русский не любит быстрой езды?*

Движение по кругу рано или поздно предполагает возвращение в исходную точку. В Ренне мы все вернулись довольные. Нужно было торопиться на возложение, и обычно флегматичный и спокойный, как тюлень, Тищенко встревоженно встретил нас в холле гостиницы и сделал реприманд за опоздание.

Кладбище с могилами советских солдат располагалось на высоком холме рядом с церковью и зани-

* История утверждает, что так греки называли своих боевых коней.

** «...Тот, на котором ездят», — утверждает бывший начальник разведки Л. Шебаршин.

мало площадку не более 0,3 га, обсаженную по краям деревьями типа туи или кипариса. Могилы были ухожены, аккуратно обложены дерном, надгробные плиты чисто вымыты, а весь комплекс украшал привычный для глаза типовой обелиск с красной пятиконечной звездой. С холма открывался живописный вид на море. Если отвлечься от вида солдат и офицеров в чужой униформе — комендант острова по сложившейся традиции выделил в почетный караул взвод солдат — и гортанной датской речи, то можно было бы подумать, что мы находимся где-нибудь на смоленщине или псковщине, отдавая дань павшим в боях.

При нашем появлении почетный караул стал вылезать из крытых грузовиков и под командой молоденького лейтенанта выстраиваться в шеренгу. У меня создалось впечатление, что строевая подготовка не принадлежит к сильной стороне датской армии. Впрочем, жесткая дисциплина и формалистика никогда не были в характере лукавых и слегка ленивых датчан. На «вольво» защитного цвета подъехал полковник — комендант борнхольмского гарнизона и подошел к нам, чтобы поздороваться. На каком-то непонятном лимузине пожаловал вице-губернатор — его босс оказался где-то занятым. Рядом с нами откуда-то возникла небольшая кучка датчан в гражданском — то ли живших поблизости зевак, то ли активистов местного общества дружбы с Советским Союзом, то ли людей из свиты вице-губернатора.

Почетный караул наконец выстроился, взяв ружья на плечо. За ним заняли место военные музыканты. Наша группа во главе с Тищенко с заранее купленным венком направилась к обелиску. Датский полковник приложил руку к козырьку и замер в почетной позе. Послышались резкие слова команды, раздался сухой треск троекратного залпа из винтовок, спугнувшего с деревьев стаю галок. Возложив венок, мы вернулись к полковнику и стали рядом. Под звуки неизвестного датского марша караул торжественным церемониальным шагом прошел по площадке и стал спускаться вниз, где у подножия холма сто-

яли грузовики. Вся процедура заняла по времени не более пяти минут.

Официальные датские представители стали прощаться с нами и рассаживаться по машинам. Я впросительно посмотрел на коллег. Что же дальше?

— Подожди, сейчас будет явление Христа народу, — загадочно произнес Костя. Толя Тищенко при этих словах заулыбался. Мы с моряком изобразили фигуру вопроса.

В это время со стороны спуска, за которым только что исчезла свита вице-губернатора и коменданта, послышался характерный треск — кто-то с трудом, надрывая маломощный мотор, поднимался на мотоцикле. И действительно, над обрезом показалась одетая в крестьянскую шляпу голова, потом мощный крестьянский торс и, наконец, само транспортное средство, грубо нарушившее своим шумом и гамом овладевшее нами торжественно-приподнятое настроение. На крошечном кналлэрте (по-нашему, мопеде) восседал, словно Санчо Панса на маленьком ослике, волоча ноги по земле, грузный пожилой пейзаж.

— Это Енсен, — узнал седока Тищенко.

Енсен въехал на площадку, утихомирил свой кналлэрт и осторожно положил его на траву. Взяв шляпу в руки и смущенно теребя ее узловатыми коротенькими пальцами, Панса направился к нам. Он остановился от нас в нескольких шагах, вежливо поклонился в сторону Тищенко и сказал «гу дэ».

Это послужило сигналом к торопливым действиям со стороны наших военных. Летчик стал суетливо извлекать из своего портфеля бутылки с этикетками «столичная» и «московская» и передавать их Енсену-Санчо. Тот брал спиртное из рук «грушника» и молча рассовывал бутылки по карманам потрепанного пиджака и брюк. Движения его были неторопливыми и уверенными — точно так русский мастеровой забирает у нас магарыч после какой-нибудь «халтурки» на даче. Когда наконец щедрая рука дипломата иссякла, Енсен поклонился, сказал «такк»*, поставил на

* По-датски «спасибо».

ноги своего «ослика», пришпорил его как следует и, в знак признательности отдавая нас вонючим дымом, медленно сполз в горы.

Мы с моряком находились в полном недоумении относительно значения только что разыгравшейся на наших глазах немой и хорошо отрепетированной сцены. Именно отрепетированной.

— Это Енсен, тот самый датчанин, который ухаживает за могилами, — пояснил Толя Тищенко. — Ему никто не платит за эту работу, только вот коллеги подбрасывают ему 9 мая свои сувениры. Кстати, говорят, что он совсем не пьет, а нашей водкой угощает тех, кто хоть чуточку помнит о том, кто освобождал Борнхольм от немцев. Сегодня он дома устроит у себя «сабантуй».

— Да, — задумчиво произнес немногословный моряк. — Датчанин уже не первой молодости. Умрет он — кто будет присматривать за нашими ребятами?

Вопрос повис в воздухе, никто из нас не попытался на него ответить. Было ясно, что он носил риторический характер.

... До конца моей командировки ни одной поездки в Ренне из советского посольства не состоялось. Не знаю, были ли они после меня. Кто теперь ухаживает за могилой наших солдат? Доброму Енсену теперь за девяносто, если он вообще еще жив.

О Борнгольм, милый Борнгольм!
К тебе душа моя
Стремится беспрестанно;
Но тщетно слезы лью,
Томлюся и вздыхаю!
Навек я удален...
... От берегов твоих!

Так пел один датчанин на страницах рассказа Н. М. Карамзина, разлученный со своей родиной. Не менее горестные чувства испытывал и сам автор, покидая остров:

« Море шумело. В горестной задумчивости стоял я на палубе, взявшись рукою за мачту. Вздохи теснили

грудь мою — наконец я взглянул на небо — и ветер свеял в море слезу мою».

И ветер свеял в море слезу мою...

... А «наружка» ПЭТ* после возвращения с Борнхольма «плотно села на мои плечи», чтобы не слезать с них до конца командировки.

Что ж, искусство требует жертв.

За весь период ДЗК ко мне прилипали люди определенного типа, и полностью отлипнуть от них я не смог до самого отъезда из страны.

Их нравы

*Quamodo vales?****

Как бы я сейчас ни пытался, оглядываясь назад, анализировать пережитое глазами беспристрастного наблюдателя, все равно я не могу избавиться от чувства, что внутри меня живет и функционирует вполне самостоятельное и не всегда подчиняющееся моей воле то ли фильтрующее, то ли синтезирующее устройство. Читая книги моих коллег по профессии, я вижу, что и они тоже не вполне свободны от этого недостатка, а может быть, преимущества по сравнению с другими литераторами. Все-таки профессия накладывает отпечаток на образ мышления — от этого никуда не денешься. Треть столетия работы в разведке дают о себе знать.

Изображая канувшие в Лету события, описывая те или иные характеры и явления, невольно ловишь себя на мысли, что все это существовало не само по себе, а только служило в качестве своеобразных декораций, на фоне которых разыгрывался сценарий

* Датская контрразведка.

** Как живете? (*лат.*)

твоей оперативной пьесы. И ты сам, никудышный актеришка на подмостках копенгагенского театра действий, изо всех сил стараешься более-менее сносно сыграть свою роль, так чтобы зритель не заподозрил, что его «дурят»; следишь, чтобы ненароком не отклеились усы или борода, чтобы не забыть сказать нужные слова и главное — в нужный момент. А если уж чувствуешь, что проваливаешься и в тебя вот-вот полетят тухлые помидоры, стараешься сделать хорошую мину при этой подлой игре и не спеша, с достоинством уходишь со сцены. Не забывая сделать поклон публике.

Разведчику несомненно приходится быть актером, он тоже играет свою роль — роль в общем-то другого человека, и система перевоплощения Станиславского оказывается для него совсем не лишним средством, хотя разведка сама по себе — все-таки ремесло. Что бы там ни говорили мои коллеги, для разведчика важнее правильно пользоваться кулисами, нежели занавесом — аксессуаром, более характерным для чистой дипломатии. Оперативная работа — как правило, театр одного или двух актеров. Остальные вокруг них получают роль статистов, от которых тем не менее во многом зависит, как будет сыграна пьеса под названием «Двое на качелях». Впрочем, в любом ремесле бывают таланты, и тогда ремесло становится искусством. Хуже, если из ремесла пытаются делать науку. Становится невероятно скучно.

В разведке, как и в театре, присутствуют все жанры: драма, трагедия, фарс, водевиль, комедия. Надо только не перепутать их и вовремя распознать, в каком жанре в данный конкретный момент разыгрывается пьеса.

Как-то звонят мне из китайского посольства и любезно сообщают, что вновь прибывший китайский атташе такой-то желает нанести мне визит вежливости. (Тогда в дипломатии еще сохранялись такие реликты этикета, и мы их усиленно пытались культивировать.) Я тут же позвонил на кухню и попросил принести мне к такому-то часу кофе, печенье и пр. , а из своих консульских запасов достал кое-какие горячи-

тельные напитки. Китайцы тогда находились с нами в идеологической «контре», на контакт не шли и ходили по городу группами по два-три человека. А тут китайский атташе собственной персоной едет со мной знакомиться!

В назначенный час к посольству подъезжает лимузин, его впускают в ворота, и из машины вылезают два человека. Я тут же подозреваю что-то неладное, потому что рядом с известным нам переводчиком посольства, чеканя шаг, шефствует личность в военном мундире. Но думать уже некогда — китайцы входят внутрь консульского помещения, я их радушно приветствую и приглашаю пройти к накрытому столу.

Переводчик представляет мне нового военного атташе посольства, и тут мне все становится ясно: визит состоялся не по моему адресу, принимать китайца должен был наш военный атташе и мой однофамилец капитан первого ранга Григорьев! Приходится объяснять гостям, что я — простой атташе, а им надо к военному. Китайский полковник, не допивая, в ужасе ставит бокал на стол. Он начинает жарко дискутировать с переводчиком на языке мандаринов, а я на русском языке звоню каперангу. К счастью, он оказался на месте, но не в военной форме. К черту форму, кричу ему в телефон, надо избежать скандала.

Водевильная ситуация закончилась в духе добропорядочного святочного рассказа.

Прошу прощения за такое длинное «лирическое» отступление и перехожу к делу.

Итак, о Дании и датчанах. С точки зрения национального характера датчане — весьма посредственный материал для разведчика. Повторяю: с точки зрения разведки. Датчане — прекрасный народ (плохих народов вообще не бывает). Они добры, гостеприимны, общительны, любознательны, трудолюбивы, снисходительны к чужим недостаткам, неутомимы, терпеливы, обладают чувством юмора, любят хорошенько повеселиться, выпить и поесть, хорошо живут и не мешают жить другим, но... они не умеют держать язык за зубами.

Рано или поздно — чаще рано — они кому-нибудь «по секрету» поведают о том, что у них появился знакомый из советского посольства. Этот кто-нибудь без всякого злого умысла вскользь упомянет своему приятелю о том, что Енсен-то мол встречается с советским дипломатом. И тогда это известие начинает порхать по Копенгагену и непременно дойдет окольными путями до заинтересованного официального лица. Нет, датчанин не стукач и не ябеда, он не побежит докладывать о контакте с господином Григорьевым в контрразведку (что достаточно типично для его северного собрата-шведа), он может, сам того не желая, просто спонтанно выболтать угнетающий его секрет близкому человеку. Тайна угнетает датчанина, у него есть внутренняя и неосознанная потребность делиться ею с другими. Любой секрет рано или поздно становится достоянием прессы, радио, телевидения или досужих слухов. Датская столица полна всяких слухов, и с информационной точки зрения усилия разведчика в конечном смысле компенсируются. Так недостаток национального характера диалектически переходит в достоинство.

Датчане были когда-то воинственны, а Дания считалась крупной европейской державой. Ну, взять хотя бы национальный флаг страны: белый крест на красном фоне. Датчане называют его «Даннеброгом», и возник он отнюдь не за купеческим прилавком и не рядом с сохой земледельца, а на поле битвы. 15 июня 1219 года датское войско сражалось с некрещеными еще эстонцами, и язычники так стали наседать на христиан, что ряды последних заколебались. И тут на датчан снизошло чудо: в руки оказавшегося тут весьма кстати епископа Сунесена с неба упало красное знамя с белым крестом. Оно воодушевило захватчиков, и битва окончилась поражением эстонцев. Однако впоследствии «Даннеброг» не всегда помогал датчанам. Шведские короли, в том числе и Карл XII, немецкие князья и английские монархи не раз брали верх над датчанами — вероятно, потому, что они тоже были христианами, и за ними стояла церковь.

Небольшая страна Дания подарила миру целый ряд блестящих имен, среди которых есть писатели, драматурги, художники, ученые, музыканты, политики: Людвиг Хольберг — датский Мольер, скульпторы Бертель Торвальдсен и Кай Нильсен, астроном Оле Ремер, сказочник Ханс-Кристьян Андерсен, Грундтвиг — поэт и педагог, датский Ушинский, писатели Понтoppiдан, Мартин Андерсен-Нексе и Ханс Шерфиг, лингвист Ельмслев, физик-атомщик Нильс Бор, комики Пат и Паташон (К. Шенстрем и Х. Мадсен) и многие другие. Эту «талантерею» можно продолжить, если хотя бы вспомнить, что Витус Беринг, прославивший Россию, и Владимир Даль, обогативший русский язык, тоже были датчанами. На душу населения знаменитых датчан, пожалуй, больше, нежели в других странах. Чем-то этот феномен, наверное, объясняется. Мне сдается, чисто датской терпимостью к недостаткам и достоинствам своих ближних и глубоким уважением к своим предкам.

Датские короли в средневековье считали Швецию и Норвегию своей вотчиной, а знаменитая Кальмарская уния была для покоренных шведов и норвежцев ничуть не лучше какого-нибудь британского или французского протектората в Африке.

В создании скандинавского союза, который, несмотря на серьезные политические и экономические издержки, сегодня считают пробразом Северного Совета, выдающуюся роль сыграла королева Маргарет Датская. Дочь датского короля Вальдемара IV Аттердага и жена норвежского короля Хокона VI, Маргарет правдами и неправдами в 1376 году добилась избрания своего малолетнего сына Улафа на датский престол, еще при живом муже стала его регентшей, а когда Хокон VI почил в бозе (1380) — правительницей Норвегии. Но Улаф оказался хилым мальчиком и скоро скончался. Маргарет стала королевой обоих государств — и Дании и Норвегии.

«Железная леди» Скандинавии не успокоилась на достигнутом. Искусными интригами она добилась изгнания шведского короля Альбрехта Мекленбург-

ского с престола и украсила свою расчетливую голову еще и шведской короной. В 1397 году она собрала в Кальмаре представительное собрание из числа норвежских, шведских и датских сословий и провозгласила тройственный союз Дании, Швеции и Норвегии, сохранив к тому же за своей династией преемственность в наследовании общескандинавского трона. Но бедняжка осталась без прямых наследников, и после ее смерти на трон посадили ее племянника герцога Эрика Померанского. Вечные проблемы с немцами, шведами и англичанами естественно подталкивали датчан к поиску союзников, и они нашли его в лице России, когда во главе ее стал царь-реформатор, царь-большевик.

Густав Васа, шведский Иван III, осмелился серьезно заявить о независимости Швеции, а Карл XII в начале XVIII века отнял у Дании Норвегию. Но датские фогды-наместники еще будут крепко и долго держать в своих мягких рукавицах Исландию, Гренландию и Фарерские острова, территория которых в десятки раз превосходила метрополию. В середине прошлого столетия только Исландия обрела полную независимость, а Гренландия и Фареры на правах автономии по-прежнему принадлежат датскому королевству. Один или два депутата от этих автономий заседают вместе с двумястами датчанами в фолькетинге* и решают вместе с ними свою судьбу. Справедливости ради стоит сказать, что метрополия в последние годы прошлого столетия уделяла Гренландии и Фарерам много внимания в плане оказания культурной, материальной и всякой другой поддержки.

Вспоминаю, как однажды в приемные часы в консульский отдел ко мне обратился молодой и совершенно «одатчанившийся» эскимос, в котором я узнал представителя гренландского студенческого землячества в Копенгагене.

За несколько недель до этого я работал вместе с писателем Юрием Рытхэу, приехавшим в Копенга-

* Датский парламент.

ген и пожелавшим встретиться со своими собратями из Гренландии. Правительство Дании проводит в отношении гренландских эскимосов примерно ту же политику, что и Советский Союз по отношению к народам Севера. Как правило, детей у родителей забирают в школы-интернаты, дети отрываются от родной среды, лишь поверхностно воспринимая достижения европейской цивилизации. Они, подобно нашим эвенкам и ненцам, быстро приучаются к алкоголю, наркотикам и постепенно деградируют. И европейцев из них не получается, и настоящими эскимосами они так и не становятся. Впрочем, принимавшие Рытхэу гренландские студенты были совершенно другими людьми: они критически рассматривали датское общество, были обеспокоены будущим своего малочисленного народа и выглядели вполне интеллигентно и пристойно.

Гренландец представился — труднопроизносимую фамилию удержать в памяти было невозможно — и попросил уделить ему несколько минут времени. Мы прошли в мой рабочий кабинет, где нам никто не мог помешать, и гренландец, усевшись в кресло, сразу огорошил меня неожиданным предложением:

— С кем мне нужно вступить в контакт по вопросу покупки оружия?

— ???

— Да, да, вы не ослышались — оружия!

Беседа касалась цен на оружие на черном рынке и других нейтральных тем.

— Кто вы и кого представляете?

— Я вхожу в организацию патриотически настроенных гренландцев, выступающих за отделение от Дании и приобретение полной государственной независимости Гренландии.

— Независимости Гренландии?

Я представил себе необозримые снежные просторы крупнейшего в мире острова, горы, ледники, суровейший климат и разбросанное по восточному

побережью редкое население, столицу Гренландии — поселок Готтхоб (в переводе с датского — Добрая Надежда), с какой-то тысячью жителей, чуть ли не половину которых составляли датские чиновники, управляющие островом.

Допустим, что Гренландия стала независимой. Что будет с ней? Она тут же обернется легкой добычей США или Англии, которые превратят ее в опорный пункт НАТО, и эскимосы опять погрузятся в дремучее полуродовое состояние, из которого они только-только начали выходить с помощью датчан. Да если Гренландия и сохранит свою независимость, что она будет делать с ней? Ни полезных ископаемых, ни промышленной, ни торговой базы на острове после ухода датчан не останется. Образованных специалистов-эскимосов можно пересчитать по пальцам. И потом: если встал вопрос о приобретении оружия, значит подразумевается возможность вооруженной борьбы. Эскимос приспособлен к жизни рядом с водой, в горы и в глубь страны он не уйдет. Хорош он будет в своей утлой лодчонке с «калашниковым» в руках против датского фрегата или вертолета! Один раз он вместе с лодкой нырнуть успеет, а вот вынырнуть...

Все эти размышления мгновенно пронеслись в моей голове и вызвали на лице улыбку.

— А вы не шутите? Ваша организация действительно хочет бороться с оружием в руках против Дании?

— Да, конечно, и мы рассчитываем на помощь Советского Союза, который поддерживает право народов на самоопределение.

Ну что тут можно возразить такому «подкованному» человеку? Как переубедить его и его организацию в том, что на данном этапе сосуществование вместе с Данией — это единственный реальный шанс гренландцев выжить в этом сложном мире? Горячие ребята забили себе голову революционной теорией, и теперь убедить их в обратном — значило представить СССР в совершенно другом свете — пособником империалистов.

«Э» не поддается влиянию: его невозможно переубедить, если он прав, хотя и производит впечатление человека, вынашивающего прогрессивные взгляды.

Тогда я заявил ему без всяких обиняков:

— Первое: мы не торгуем оружием. Второе: не желаю обидеть вас, но откуда мне знать, что вы не провокатор?

— Но ведь вы продаете же оружие ирландской ИРА?

— Это измышления буржуазной пропаганды. Мы оказываем помощь национально-освободительным движениям, это так, но не террористам.

— Значит, вы отказываетесь связать меня с людьми, которые...

— У нас таких людей в посольстве нет.

Гренландец медленно поднялся и пошел к выходу. У двери он остановился и на прощание бросил:

— Вы меня здорово разочаровали. Что ж, попытаем счастья в посольствах других социалистических стран.

— Желаю удачи.

Студент-террорист пребывал в умалишенном состоянии.

Это был единственный случай в моей жизни, когда я слышал о существовании националистической гренландской группы. Больше она, кажется, никак о себе не заявляла. Начало семидесятых ознаменовало собой появление первых ростков терроризма* — итальянского, латиноамериканского, арабского, западногерманского. Ему, вероятно, были даны такие мощные космические или подземные импульсы, что они были услышаны даже гренландскими эскимосами. Но тогда о терроризме как массовом явле-

* ИРА в счет не идет. По моему личному мнению, она все-таки представляет движение за самоопределение и независимость Ирландии, хотя и использует сомнительные формы и средства борьбы.

нии конца двадцатого века никто и подумать не мог. К тому же он стал распространяться под лозунгами справедливой борьбы за независимость — под маской патриотизма.

А Гренландия — самый большой остров в мире — получила-таки самостоятельность в виде самоуправления. Это случилось в 1979 году. Гренландцы вернули своей стране старое название Калааллит Нунаат (Страна гренландцев), Годтхоб переименовали в Нуук (мыс) и сразу же вышли из Общего рынка. Этим самым гренландцы, или, как они себя сами называют, иннуиты продемонстрировали пока единственный пример выхода из «европейского дома», куда так безуспешно стремился попасть Горбачев и Ельцин. Думается, все эти акции иннуитов не прошли без участия моего собеседника, посетившего меня в консульстве летом 1971 года.

... Дания занимает промежуточное положение между Скандинавией и остальной Европой, а потому и сами датчане по своему жизненному укладу и образу мышления находятся в более близком родстве с остальными европейцами нежели, например, их северные собратья — самые типичные скандинавы — шведы или норвежцы. Это сходство почти неуловимо, но оно чувствуется и в архитектуре, и в более свободных нравах, более утонченной культуре и вкусах. Датчане на фоне других скандинавов выглядят не такими строгими пуританами и провинциалами. Все это объясняется, конечно, историческим развитием и не в последнюю очередь более выгодными климатическими условиями. Когда Дания уже превратилась в развитую, культурную сельскохозяйственную и торгово-промышленную державу, шведы и норвежцы влачили еще жалкое, в основном рыбацко-крестьянское, существование, мало чем отличаясь от средневековой Руси.

Лишившись шведских и норвежских территорий, Дания перестала считаться пугалом для Европы и в основном сосредоточилась на своих внутренних

проблемах. Оказалось, ей это пошло на пользу — датский уровень жизни, культурные, промышленные и социальные достижения датчан известны теперь всему миру.

На протяжении последних двух веков Дания традиционно поддерживала добрые и ровные отношения с Россией. Еще Борис Годунов предпринял попытку породниться с датской королевской династией, но попытка эта закончилась трагически. Прибывший в Москву датский герцог, жених Ксении, дочери Годунова, пришелся не ко двору замшелым русским боярам, и они сжили его со света, подлив яда в пищу. Датчане были союзниками, хоть и не очень искренними, петровской России в борьбе со шведами. Мать Николая II, супруга Александра III, была датчанкой, известной в Дании как принцесса Дагмар. После революции она вернулась в Копенгаген и скончалась там в преклонном возрасте спустя много лет после расстрела в Ипатьевском доме, где ее убиенный сын, последний российский царь, принял мученическую смерть.

В 70-х годах следы бывшего отношения датчан к русским — особенно на бытовом уровне — все еще давали о себе знать, хотя и довольно слабо. Сказывалась политика атлантической солидарности. Но отношение среднестатистического «натовского» датчанина к Советскому Союзу и к русским было намного благоприятней, чем, скажем, шведов в соседней нейтральной Швеции. Россия и СССР ничем не запятнали себя перед Данией, никогда не воевали с ней, а даже, наоборот, помогали или были союзниками. Поэтому восприятие датчанами нас, в отличие от шведов, не отягощено историческими прошлым, и это чувствовалось при общении с местным населением. Чисто эмоционально советские или русские были в Дании даже более предпочтительны, чем американцы. Слов нет, Дания входила в НАТО и во всем следовала линии, вырабатываемой в Брюсселе и Вашингтоне, но это все большая политика, которая к настоящей жизни не всегда имеет прямое отношение.

Перед Второй мировой войной датчане разбогатели за счет своих фермеров: датский бекон, масло, сыры и злаки составляли базис всей экономики страны, обеспечивая ей хорошую прибыль. После войны, особенно начиная с шестидесятых годов, Дания выдвигается в ряд промышленных держав, сосредоточивая свои усилия на новых технологиях, в том числе и на электронике. Становой хребет судостроения, фирма «Бурмейстер ог Вайн», постепенно хирела, как и вся эта отрасль в Европе, уступая место японцам, но зато мир стали завоевывать сепараторы «Брюеля и Къера», детские игрушки-конструкторы «Лего», мансардные окна «Велюкс», медикаменты фирмы «Нова» и многое другое.

Сейчас почти во всех наших магазинах строительных материалов выставлены окна фирмы «Велюкс» — нехитрое в общем-то изобретение, но очень прочное, практичное и удобное изделие, позволяющее эффективно решить проблему использования подкрышного — мансардного — пространства. Англичане говорят, что необходимость — мать изобретательства. Так оно и есть. Окна «Велюкс» — красноречивое доказательство этому. В послевоенные годы, ознаменовавшиеся, как и у нас в России, взрывом деторождения и массовым переселением в города, остро встал вопрос жилой площади. Новые дома и квартиры, естественно, строили, но это все еще не позволяло расселить людей. И тогда кому-то пришла в голову мысль об использовании пустующих чердаков. Каждый дом мог безболезненно и дешево приобрести еще один этаж. Надо было только придумать подкрышные окна. И раз существует потребность, она немедленно удовлетворяется.

Но сельскохозяйственное производство по-прежнему остается одной из главных отраслей экономики страны. Датчане «переплюнули» здесь, пожалуй, всех, в том числе и шведов, и американцев, и голландцев, и немцев. Когда хотят продемонстрировать эффективность сельского хозяйства, то на Западе всегда приводят подсчеты, сколько человек в состоянии прокормить один земледелец. Самых высоких

показателей добились за последнее время австралийцы и голландцы: их фермер может прокормить 60—70 человек. В 1987 году Сельскохозяйственный Совет Дании сообщил, что датский фермер может прокормить 160 человек!

Жизненный достаток породил другие проблемы (как бы у нас выразились несколько лет тому назад, «болезни роста»). Особое место в подъеме экономики страны сыграла порнография. В середине 60-х годов в датском обществе повеяли новые (я бы не стал утверждать, свежие) ветры. Скандинавский традиционный сексуальный комплекс (или, по-русски, надрыв на половой почве) неожиданно стал находить свой выход во вседозволенности. Добропорядочные датчане, словно сорвавшись с цепи, пустились во все тяжкие — кто в дебаты о свободной любви, кто в эротику как средство выживания, кто в полигамию и групповой секс. Стали создаваться браки по любви, но без регистрации, возникли многопарные семьи с общими детьми, словно грибы выросли порношопы, порностудии, порнокинотеатры. Большое распространение получили т. н. live show — незатейливое театрализованное представление, в котором зрителям «в живом виде» показывали половой акт. Вчерашние секретарши, студентки, фермерши и матери семей стали сниматься в фильмах, в которых сексуальными партнерами выступали бедные животные. Была провозглашена полная свобода сексуальным меньшинствам. Фолькетинг принял на вооружение несколько законов, коренным образом изменивших устоявшиеся взгляды на семью, эротику, стыд.

По мнению Ли-Сяо, в годы «культурной революции» в половом вопросе все было так зажато, что теперь произошло бурное извержение.

Порнопродукция полным ходом печаталась в лучших типографиях страны и отгружалась к южным границам. Дальше она распространялась в других странах — в основном нелегально. Несколько лет датчане доминировали на этом позорном рын-

ке, пока к ним не поспешили присоединиться шведы, за ними — французы, американцы, немцы, а потом уже весь Запад сошел с ума, и порнография практически была легализована во всех странах Европы. Когда Дания доминировала в порнографической области, то ее совокупный национальный продукт на одну треть составляла порнография, одну треть — сельскохозяйственные продукты, а одну треть — все остальное.

Что греха таить, всем советским в Копенгагене было жутко интересно посмотреть на то, как выглядит порнография в живом виде. И мы ходили на знаменитую и включенную во все туристические справочники улицу Истедгаде и смотрели, стараясь соблюдать пристойный вид, чтобы где-то не к месту не захихикать на русский манер, держать рот закрытым, а глаза — прищуренными. Скажу честно, *это* какое-то время щекотало нервы, но быстро надоедало. Во всяком случае, большинство, насытив любопытство, тут же теряло всякий интерес и относилось к подобной продукции без всякого ажиотажа.

Впрочем, мне известно одно исключение: мой бывший коллега Олег Антонович Гордиевский не утратил интереса к этой области «массовой культуры» к концу первой, да и, как мне рассказывали, второй командировки в Данию. Мне кажется, что интерес этот был вряд ли здоровый: в одном и том же нормальном человеке не могут ужиться влечение к грубому с определенной деликатностью, интеллигентностью и достаточно высоким культурно-образовательным уровнем. Думается, в психике этого человека есть какой-то изъян, червоточина, возможно, послужившая причиной того поступка, который он потом совершил.

Когда я в начале 1970 года прибыл в страну, в порнографии наметился упадок, население несколько приустило от картинок с женскими и мужскими половыми органами, у Дании появились конкуренты, и тогда авангардистская молодежь нашла новую забаву — наркотики. И опять к дискуссии подключились политики, считая более полезным для общества ле-

гализовать потребление марихуаны, чем держать ее под запретом*. Почти все наши контакты, особенно среди радикальной молодежи, приходили на встречи под «парами».

Дело до легализации наркотиков, как в Голландии, однако, не дошло, но и борьбы с ними практически никакой не велось. На глазах у всей общественности, полиции и правительства в центре Копенгагена возникла «Республика Христиания». Когда датские военные за ненадобностью освободили использовавшуюся в качестве складских и казарменных помещений старую крепость-форт Христианию, ее тут же быстренько заняли хиппи, наркоманы, деклассированные элементы, любители острых ощущений, профессиональные кабинетные революционеры и представители многих других сексуальных и политических меньшинств. Они установили строгий пропускной режим на территорию форта (строже, чем он был у военных), создали свое правительство и ввели там новые «революционные» порядки. Никому из посторонних, даже близким и родителям сбежавших детей, не разрешалось пересекать границу вновь созданного мини-государства, зато туда хлынули любители легкой жизни. В «республике» появились свои магазины, клубы, кинотеатры, кафе и рестораны, где повсеместно распространялись наркотики и спиртное. Налоговое законодательство в Христиании не действовало, и это больше всего взбесило власти. Они отключали подачу в «хипповую республику» — то попеременно, то комплексно — света, воды и газа, резали телефонные кабели, но «христиане» не сдавались, и «республика» продолжала жить.

Как всегда, общество раскололось на противников и сторонников «республики Христиания». Одни говорили, что это гнездо разврата нужно взять штурмом, а ее обитателей разогнать по тюрьмам; другие

* В западной криминалистике издавна существует течение, имеющее своей целью борьбу с преступлениями не с помощью репрессивных мер, а путем изъятия того или иного преступления из списка наказуемых. Хочешь снизить показатели уголовной статистики — сними запрет на преступление.

утверждали, что «так для общества лучше» — ведь вся преступность укрылась за стенами форта; третьи видели в Христиании ростки нового и прогрессивного; четвертые зарабатывали на этом деньги, потому что о республике внутри монархии узнали за границей, и в стране резко прибавилось количество иностранных туристов.

Из сотрудников посольства на территорию республики Христиания удалось проникнуть лишь третьему секретарю Вячеславу Белову. Он с гордостью рассказывал о своих приключениях среди наркоманов и алкоголиков, а мы все страшно ему завидовали.

— Торговля гашишем идет во всю прямо на улицах. Дети, грязные, оборванные, забытые и брошенные своими родителями, бродят неприкаянными стайками в надежде чего-нибудь раздобыть себе на пропитание. — Белов рассказывал в таком восторженном тоне, словно повидал одно из чудес света. — Ну прямо беспризорщина, как у нас в гражданскую войну.

— А как тебе удалось туда пройти? Ведь хиппи никого к себе не пускают? — удивлялись мы.

— А очень просто. Среди граждан Христиании оказался мой старый контакт из организации троцкистов. Он узнал меня и поручился, что ничего плохого и вредного для республики я не совершу.

Христиания просуществовала несколько лет. Она зачахла на корню и прекратила свое существование только тогда, когда у ее создателей иссяк бунтарский дух и лопнули по швам короткие штанишки*. Переболев «детской болезнью авангардизма», они в большинстве своем превратились в исправных налогоплательщиков и уважаемых бюргеров. Дети же «республиканцев» не последовали примеру своих родителей — у «молодой поросли» были уже свои интересы в жизни.

* Чисто формально республика Христиания существует и ныне, но это уже не та бескомпромиссная и свободная территория, которой она была в 70-х.

Внутреннее положение Дании нынче чревато.

Политическая жизнь Дании весьма насыщена и разнообразна. Пожалуй, пристрастие к политике можно назвать отличительной чертой датчан. Страной долго правили социал-демократы, и они много сделали для того, чтобы создать для населения шикарные социальные условия. Каждому датчанину гарантирована адекватная и достойная оплата за труд, и это — главное. Если ты не способен трудиться, общество опять же позаботится о тебе. Слабые — инвалиды, дети, старики — всегда в центре внимания социальной политики правительства.

Я был поражен наличием в стране большого числа инвалидов. Только потом до меня дошло, что число инвалидов в Дании не больше, а меньше, чем у нас. Просто, датские инвалиды благодаря великолепным коляскам и приспособлениям в городском транспорте, а также солидному пособию, живут нормальной жизнью, как обычные граждане, в то время как наших инвалидов мы на улицах не видим, потому что они, бедные, прикованы — хорошо, если только к своей квартире — а если к постели? Наверное, не ошибусь, если скажу, что датчане были первыми в мире, кто придумал спортивные соревнования для инвалидов.

К 70-м годам влияние социал-демократов, достигших пика своей популярности при Отто Енсе Краге, стало падать. При Анкере Ергенсе, маленьком лысом чернявом человечке, похожем больше на жителя Бердичева, чем Копенгагена, сделавшем карьеру в профсоюзном движении, социал-демократы были вынуждены, чтобы остаться у руля, пойти на «исторический компромисс» с народными социалистами — партией Акселя Ларсена, первого «еврокоммуниста» в мире, порвавшего с Москвой и с коммунизмом в том виде, как его исповедывали в странах социалистического лагеря.

В 1971 году с официальным визитом в Дании побывал А. Н. Косыгин, и я в первый и последний раз живым увидел Крага и его жену, популярную киноак-

трису. В отличие от своего импозантного и самоуверенного предшественника, в премьерском кресле Анкер Ергенсен сильно проигрывал своей незаметностью и приземленностью. Въехав в Кристьянсборг*, он остался в своей четырехкомнатной квартире в рабочем районе Вальбю и по утрам ездил на работу на велосипеде, чем ставил в неудобное положение свою охрану, привыкшую разъезжать в автомашинах.

Акселя Ларсена я не застал — он умер пятью или шестью годами раньше. Это легендарная фигура в рабочем движении Дании, пламенный революционер, отдавший свою жизнь «борьбе за лучшее будущее человечества». Он много раз бывал в Москве, поддерживал активные контакты с руководителями двух Интернационалов и чудом остался в живых. Это умный и проницательный политик, мужественный человек, способный отвечать за свои поступки. После венгерских событий 1956 года А. Ларсен открыто выступил с осуждением Советского Союза, вышел из КПД и увел с собой ее большую часть, образовав Социалистическую народную партию.

После А. Ларсена председателем СНП стал Гердт Петерсен, всем своим внешним видом и манерой поведения очень похожий на Троцкого. Заядлый курильщик, настоящий интеллигент, острый полемист, аскет, он пользовался большой популярностью на политических подмостках Копенгагена и как носитель информации являлся предметом достаточно пристального внимания многих разведрезидентур.

С ним встречался, в частности, и Гордиевский. Детали их контакта мне не известны, однако с уверенностью могу сказать, что вербовкой там и не пахло. Во-первых, Гордиевский с его «полным отсутствием присутствия» импровизационных способностей и неумением устанавливать с людьми близкий психологический контакт *не мог* завербовать лидера СНП, а во-вторых, Гердт Петерсен ни за какие коврижки *не хотел* вербоваться в какую бы то ни было разведку.

* Резиденция правительства и фолькетинга — парламента Дании.

Возникшие потом слухи о том, что у русских внутри СНП есть агентура, указывали вроде бы и на А. Ларсена, и на его преемника. О Г. Петерсене я сказал. Что касается Ларсена, то зачем было КГБ его вербовать, если он до 1956 года был человеком Москвы, беспрекословно выполняющим все ее указания? После же разрыва с Советским Союзом вряд ли можно было надеяться, что А. Ларсен решится на такой сомнительный контакт.

После ухода своего лидера компартия Дании переживала кризис, от которого ей не удалось оправиться и в последующие десятилетия. Численность ее состава и влияние на массы сократились до минимума, и если бы не поддержка КПСС, то КПД давно бы прекратила свое существование. Кнуд Есперсен, бывший руководитель датского комсомола, не смог уже вдохнуть в партийные слои новую жизнь, да эта задача была не под силу даже титану политической мысли. А Кнуд титаном не был. Он был неплохим человеком и нормальным партийным бюрократом, постепенно привыкшим к подачкам Большого Брата и потреблению благ, расточаемых со Старой площади всем зарубежным борцам за социальную справедливость, а также членам их семей. Нравы, царившие внутри партийной элиты КПСС, отрицательно сказывались на политическом и моральном облике европейских коммунистических лидеров. Они быстро переняли у советских товарищей все их отрицательные привычки, главные из которых — непогрешимость, инертность и самоуспокоенность.

В КПД было много честных и способных товарищей. Одним из них был Ингмар Вагнер, сын «генерала Вагнера», рабочего-коммуниста, которому датское правительство без всякой аттестации и стажа, за большие заслуги в период оккупационного режима, присвоило офицерское звание (случай небывалый в датской, да и не только датской практике). Ингмар долго «вез» на себе тяжелый и неблагодарный «воз» — он возглавлял «Общество дружбы Дания—СССР», пока не подорвал здоровье. Его место на короткое время занял Алан Фредерисия, датский

художественный критик с манерами нашего Бориса Моисеева, мягкий, обходительный и, кажется, совершенно безвольный человек, всегда появлявшийся в сопровождении своей блистательной супруги-шведки фон Росен, хореографа и балерины Королевского датского театра. А. Фредерисия создавал впечатление «зитц-председателя» из романа Ильфа и Петрова, человека не на своем месте. Его выдвинули руководить обществом по советскому принципу: хороший специалист должен быть и хорошим общественником.

Теплые воспоминания оставил после себя Херлуф Бидstrup. Признаться, я был здорово удивлен, что датчане Бидstrupа не знали. У нас его альбомы выходили огромными тиражами и являлись предметом вожделения каждого культурного человека, а в Дании... он был известен «узкому кругу ограниченных лиц». Это был искренне преданный коммунистической идее талантливый художник и великолепный, скромный и обязательный человек*. Он часто бывал в посольстве, как правило, с супругой, незаметно проходил куда-нибудь в угол и коротал там время, мило улыбаясь по сторонам, пока его не извлекал оттуда какой-нибудь старший дипломат. Он жил в пригороде Копенгагена Лиллереди, живописном уголке, дружил с известным писателем-коммунистом Хансом Шерфигом, талантливым писателем и выдающимся деятелем партии. Каждый воскресный номер газеты коммунистов «Ланд ог фольк» выходил с карикатурой Х. Бидstrupа.

В гости к датским коммунистам ездили многочисленные функционеры со Старой площади. Чаще всех — политический обозреватель «Правды» В. Корионов и заведующий скандинавским сектором отдела международных связей аппарата ЦК КПСС Н. Шапошников. От их визитов создавалось впечатление, что они не столько переживали за дела партийные, сколько стремились улизнуть из дома из-

* «Был», потому что не знаю, жив ли он в настоящее время или уже умер.

под контроля своих жен, чтобы «погусарствовать» на стороне.

Буржуазный блок партий представлен в основном тремя традиционными партиями: консервативной (промышленность), радикальной (интеллигенция) и «вэнстре» (сельское хозяйство). Аналог этих партий имеется во всех странах Скандинавии, только в Норвегии и Швеции они носят другие названия. Ничего примечательного в их адрес вспомнить не могу, стоит отметить, правда, ведущую роль в этом блоке радикальной партии, наиболее опытной, разумной, прагматичной и ловкой во всех отношениях. При относительно небольшой численности радикалы весомо заявляют о себе на политическом Олимпе Дании, активно участвуют во всех начинаниях и акциях и если уж входят в коалицию со своими партнерами, то занимают в правительстве, как правило, ключевые посты. Партию обслуживает газета «Информашун» — наиболее интересное и информативное издание, из которой вышел нынешний министр иностранных дел Уффе Эллеман-Енсен*. Радикалы умело подбирают, воспитывают и выдвигают свои партийные кадры.

В фолькетинг в результате выборов попадают представители десятка партий, и от политиков требуется большое мастерство, чтобы договориться и сблокироваться на весь мандатный период. В искусстве политической игры и компромиссов датчане большие мастера. Приходится вертеться — ведь ни одна партия не набирает на выборах нужного большинства голосов. Оппозиция, в отличие нынешней российской в Думе, занимает конструктивные позиции и по многим вопросам сотрудничает с правительством. Если бы я был президентом, я бы непременно организовал для наших думцев обязательную стажировку в фолькетинге. Там есть чему поучиться. Впрочем, наши депутаты уже давно «схватили Иисуса за бороду», они все знают, все умеют и учиться ничему и ни на чем — даже на собственных ляпсусах — не желают.

* Верно на период написания рукописи.

Южная часть Ютландии — Шлезвиг — является приграничной с Германией областью. Она населена наполовину этническими немцами, а наполовину — датчанами. Организованной по национальному признаку партии Шлезвига гарантировано несколько мест в парламенте независимо от результатов голосования на выборах. Как известно, Дания вела длительные территориальные споры с германским Шлезвиг-Гольштейном, но так и не сумела решить этот спор в свою пользу. Шлезвиг остался разделенным между Германией и Данией. Царь Петр III незадолго до своего свержения готовил на помощь своим гольштейнским родственникам русское войско, но выслать его в поход не успел.

Один из городов Шлезвиг-Гольштейна — Тендер — приобрел широкую известность в основном тем, что в нем до предела были упрощены правила вступления в брак. Достаточно было поместить в местной газете оповещение о предстоящем бракосочетании и через два дня после этого посетить местную ратушу, где под звуки вальса Мендельсона жаждущие породниться получали от городской головы вполне законное свидетельство о браке, признаваемое всеми странами. Тендер стал местом паломничества влюбленных со всего мира, а отцам города оставалось только организовать для них хорошее туристическое обслуживание и не забывать собирать в городскую казну звонкую монету.

Политическую тишь да благодать Дании в начале 70-х годов взорвала Партия прогресса. Она возникла на демагогических лозунгах ее создателей и на недовольстве части населения приевшимися политическими блюдами, которыми их из года в год кормили социал-демократы и буржуазные партии. Захотелось чего-то остренького и соленького. Это желание в полной мере удовлетворила Партия прогресса.

Создал ее Могенс Глиструп, бывший коммунист и адвокат, сколотивший себе солидный капитал на торговле недвижимостью. Ренегат как идеолог, мошенник как предприниматель, циник как личность, Глиструп тонко почуял подспудные запросы обывателя и

смело вступил на политическую арену. Будучи адвокатом, он досконально изучил налоговое законодательство страны и извлек из этого практическую пользу: он ни одного эре* не выплатил в государственную казну, хотя и не скрывал своих миллионных доходов. Он на практике доказал, что датские законы не препятствуют увиливать от главной обязанности датчанина — платить налоги и что в конечном итоге содержание государством налоговых чиновников — пустая трата денег.

По своим взглядам он коммунист, но в то же время не верит и в бога.

— Долой налоги. Датчане не должны платить налогов вовсе, — заявил Глиструп во всеуслышание.

Это был первый политический лозунг Глиструпа и его сторонников, с которым он обратился к народу. Сначала все подумали, что это шутка. Как не платить налоги? А на что же нам содержать алкоголиков и наркоманов? Но народ понял Глиструпа. Налоги составляют половину всех расходов датчанина, и призыв опытного мошенника попал в самую точку.

Вторым популистским лозунгом прогрессистов было требование упразднить и распустить армию. Какой смысл тратить на ее содержание огромные деньги налогоплательщиков, если она не в состоянии защитить страну от агрессии с Востока?

— Нам нужно иметь в генштабе всего одного офицера, который мог бы в случае необходимости ответить по телефону по-русски: «Мы сдаемся», — убеждал Глиструп население.

И население с пониманием отнеслось и к этому аргументу коммуниста-рenegата, как будто оно никогда не слышало аналогичные лозунги и призывы, исходившие от настоящих коммунистов.

Чем дальше в лес, тем больше дров заготавливала новая партия. Широко используя приемы демагогии, эпатируя публику различными выходками, брызгая

* Сотая часть кроны.

слюной на слушателей, игнорируя выпады и колкости в свой адрес, Глиструп последовательно делал свое дело. На следующих выборах Партия прогресса легко преодолела планку 4% и вошла в фолькетинг. Датский истэблишмент был шокирован. Преступник, которого за неуплату налогов нужно было упрятать в тюрьму, расселся в кресле депутата фолькетинга и мутил воду внутри этого богоугодного заведения! Круглое мясистое лицо Глиструпа с пухленькими щечками и жирными масляными губами, крупными на выкате бычьими глазами, с прической «а ля Титус» замелькало на страницах газет и экранах телевизоров. Своим огромным пивным животом, всегда одетым в черный шевиот, он смело раздвигал пространство для своих политических эскапад и нагло улыбался тому, кого едва не затоптал своими маленькими слоновыми ножками. (Чисто внешне Глиструп представлял собой стопроцентный образчик буржуа, которого у нас в Окнах Роста 20-х годов изображал В. Маяковский.)

С виду он маленький толстенький человек и похож на свою фотографию. Телосложение без внешних признаков половой принадлежности.

О, этот любитель марципанов заставил заговорить о себе всю страну, всю Скандинавию, Европу, а потом и весь мир! Выпущенный из бутылки джин — вроде на потеху, как в свое время хиппи в крепость Христианию — стал принимать демонические-таки формы. Он заговорил и забросал слюной весь политический Олимп, он превратил его в конюшню, отхожее место и ... продолжал исправно не платить налоги. В следующие выборы Партия прогресса достигла еще более впечатляющих результатов, набрав 10% голосов избирателей.

Резидентура предвидела неожиданную победу кандидата правящей партии.

Скоро сказка сказывается, но не сразу дело делается. Даже в королевстве датском. Власти долго би-

лись и боролись с Могенсом, чтобы посадить его на скамью подсудимых, но эти преследования в глазах избирателей только создавали ему ореол борца и мученика за справедливость и еще больше способствовали его популярности. Тогда депутаты фолькетинга пошли наконец на решительный шаг и лишили возмутителя спокойствия депутатской неприкосновенности. Все мы знаем, как трудно наступить на себя, как нехотя члены всех парламентов идут на эту меру, но депутаты фолькетинга переступили через эту черту, пренебрегая, возможно, собственным благополучием.

Но замордовать до конца партию Глиструпа не удавалось. Она жила и боролась теперь за освобождение из тюрьмы своего вождя. Желтое пламя «прогресса» перекинулось между тем в соседние страны. В Норвегии и Швеции, а потом и в других странах Европы среди избирателей также нашлись недовольные системой. Партии недовольства начали свое триумфальное шествие за пределами Дании. К концу 80-х годов призрак демагогии достиг благословенных российских границ, нашел здесь благодатную почву, и теперь мы можем ежедневно лицезреть последователей незабвенного Глиструпа в собственном доме.

... В феврале 1996 года я летел в краткосрочную командировку в Стокгольм. По пути в шведскую столицу самолет сделал посадку в Каструпе и взял на борт пассажиров из Копенгагена. Рядом со мной оказались гимназисты старших классов, направлявшиеся в качестве туристов в Россию. Я заговорил с одним мальчиком и стал расспрашивать его о том, чем живет современная датская молодежь, что происходит в Дании и что их интересует в Москве. Гимназист оказался достаточно подготовленным молодым человеком и бойко отвечал на мои вопросы. Когда я его спросил о Партии прогресса и Могенсе Глиструпе, он сказал, что такого политического деятеля не знает... Возможно, он войдет в историю как политик эпохи какого-нибудь Шалопая датской эстрады.

А я до сих пор ощущаю на своей ладони липкое

прикосновение пухленькой ручки Могенса Глиструпа, короля блефа и демагогии, которого я удостоился на одной из политических тусовок Копенгагена. Б-р-р-р!

... Самым крупным при мне политическим событием, повлиявшим на обстановку в стране, был референдум по вопросу вступления Дании в Общий Рынок — тогда ЕЭС. Если можно вообще сравнивать датчан с нами, то можно отметить, что они в 1971—1972 годах были взбудоражены этим событием не менее, чем русские распадом СССР. В течение года самой главной темой для разговоров было присоединение Дании к Европе. Это было на устах у всех — от премьера и руководителя партии до рабочего «Бурмайстер от Вайна» и домашней хозяйки.

Население расколосось на два противостоящих лагеря, которых усиленно стали обхаживать политики. Копенгаген превратился в сплошной дискуссионный клуб. Буржуазные партии выступали за присоединение к ЕЭС, рабочие и левые — против. Последних поддерживали «прогрессисты» Глиструпа. Многочисленные опросы общественного мнения показывали, что силы у сторонников и противников ЕЭС были примерно равны. Оглядываясь назад, можно сказать, что у противников все-таки преобладали эмоции и элементы политической конъюнктуры, в то время как аргументы сторонников носили более реалистический характер. Дания без объединенной Европы обречена на застойное развитие.

Конечно, членство в Общем рынке предполагало, что датчанам предстоит выдержать сильную конкуренцию, чтобы иметь возможность экспортировать свои товары — без экспорта страна моментально скатится в пропасть. Вот этого и побаивались социал-демократы и профсоюзы, привыкшие к стабильному развитию и гарантированным социальным выплатам. Как ни странно, но буржуазные партии занимали в данном вопросе более дальновидную политику.

Но первая попытка Дании вступить в ЕЭС не уда-

лась — население с небольшим перевесом проголосовало против. Помнится, накануне дня референдума по пешеходной улице прошла крупная манифестация противников Общего рынка, которую замыкали с десятков молодых парней и девиц, одетых в костюмы Адама и Евы. В руках они несли полотнища с надписями: «Вот какой станет Дания, если вступит в Общий рынок». Полиция нравов не посмела вмешаться в демонстрацию, опасаясь обвинений в политической предвзятости накануне референдума, хотя формальные основания для этого у нее были. Несмотря на свободу нравов, ходить нагишом по улицам никому не дозволено!

Секретарь парткома молодой коммунистке, явившейся на собрание в прозрачной блузке и мини-юбке:

— Ты мне, пожалуйста, Петрова, партийную жизнь не оживляй!

Ну что, может быть, хватит о политике?

Русские в Дании

Русский за границей, если не штион, то дурак.

А. П. Чехов

Не помню кто — кажется, Талейран — сказал примерно следующее:

Жизнь дипломата складывается из общения с иностранными представителями, составления отчетов в свою столицу и контактов со своими соотечественниками. Первое не представляет больших хлопот и даже доставляет ему удовольствие, со вторым он более-менее сносно справляется, а вот третье — наиболее сложное и неприятное занятие.

Мои собственные наблюдения, сделанные уже в то, советское время, подтверждают это высказывание. И действительно: на контакты с иностранцами — официальные или неофициальные, част-

ные — дипломат настраивается заранее, он ставит на встречах с ними минимальные, во всяком случае, реальные цели, он знает, чего от них можно ожидать. Маловероятно, что иностранец, если, конечно, он не действует по заданию контрразведки — приготовит вам сюрприз. А ежели и приготовит, то обернет его в красивую упаковку, и дипломат или разведчик, если и будет раздосадован, то вполне оправданно, потому что такие моральные издержки априори заложены в его профессии.

А вот от своих только и жди подвоха. Начальник может договориться с Москвой об изменении твоего статуса не в выгодном для тебя ракурсе или несправедливо оценить результаты твоей работы; посол может затеять интригу, рассчитанную на увольнение твоей жены с работы и трудоустройство на ее место своей протеже; офицер безопасности может заподозрить тебя в нарушении норм поведения за границей и начнет плести вокруг тебя паутину подозрения; коллега может за твоей спиной пустить какую-нибудь сплетню; «друг или подруга семьи» может доверительно предупредить твою жену о том, что тебя видели веселым в обществе каких-то посторонних женщин и т. д. и т. п.

Твои отчеты в первопрестольную, как правило, подвергаются «тщательному анализу», в основу которого зачастую положен элементарный принцип перестраховки и нежелания брать на себя ответственность. За каждым шагом сотрудника резидентуры работникам Центра чудится провокация противника. Слов нет, Центр располагает более широкими возможностями оценить и перепроверить то или иное действие заграничного аппарата, предупредить слишком беспечного оперработника от опрометчивых поступков, но уж слишком часто он злоупотреблял этими возможностями в ущерб здравому смыслу и оправданному в шпионском деле риску.

И что интересно: тот же работник Центра, который успешно «рубил» на корню любую инициативу своего заграничного подопечного, через три-четыре года меняется с ним местами, по закону рокировки пре-

вращается в мальчика для битья, доказывающего, что он — не верблюд, а сотрудник резидентуры занимает его кресло и, победоносно свесив ноги с московского Олимпа, бросает в него через «бутор» разящие огненные стрелы.

Нигде так откровенно не раскрывается человеческая сущность, как в условиях заграницы. Нигде так остро не ощущается несправедливость и потребность в человеческом тепле, как за границей. Общественный строй и социальный прогресс не играют здесь роли — во все времена и эпохи работа за границей — эта ярмарка тщеславия — была сопряжена с нездоровыми явлениями. Все заграничники прошли через полосу горьких разочарований и обид. Не миновала сия чаша и меня.

Самый неприятный, на мой взгляд, компонент жизни в советской колонии — это взаимоотношения дипломатов с техническим составом. Считается, что первые — это несправедливо богом избранные люди, проводящие свое время в приятных контактах с иностранцами, на приемах и коктейлях, разъезжающие по стране на машинах, снимающие в городе служебные шикарные квартиры. А вот технический состав — это несправедливо ущемленный в своих правах народ, они вынуждены заниматься обеспечением работы дипломатов, обслуживать их, ютиться в посольских коммуналках, ходить пешком и наблюдать за красивой жизнью только со стороны.

Замешанное на человеческой зависти отчуждение отравляет твою жизнь, и что бы ты ни делал, какое внимание и помощь ты бы не оказывал коменданту, шоферу или машинистке посольства, все равно ты останешься для них «высокомерной белой костью». Думается, и руководители посольств проводили сознательную политику «кнута и пряника», поощряя и приближая к себе поваров и завхозов и держа на расстоянии не только атташе, но и своих советников. В некоторых посольствах вторым лицом в коллективе был не советник-посланник, а хитрый проныра-завхоз, умевший угождать, а где надо — шепнуть на ухо

послу или сказать комплимент его увядающей от возраста супруге.

Посол — он и в Африке посол. Он обладает полной властью в советской колонии и если захочет, то настаит на своем решении, независимо от того, что на это скажут руководители других представленных в стране ведомств.

Кстати об Африке. Ведь был же в Мавритании послом представитель одной среднеазиатской республики (в то время было модно направлять послами в африканские и азиатские страны узбеков, туркменов, азербайджанцев, казахов), который завел при посольстве в Нуакшоте ферму и заставлял отрабатывать на ней определенное время и дипломатов и технический состав. (Партия как раз провозгласила курс на всемерное увеличение сельхозпродукции за счет подсобных хозяйств.) Многочисленные жалобы в Москву не выходили за пределы здания МИД на Смоленской площади, и посол продолжал бесчинствовать. На ферме появился любимый барашек, которому посол чуть ли не присвоил ранг первого секретаря. (О бедный Калигула, твой конь в сенате — ничто по сравнению с нуакшотским барашком, а ты сам с твоей извращенной фантазией и в подметки не годишься послам-самородкам из эпохи Великого Застоя!)*

Терпение у дипломатов, как и у римской знати, оказалось небеспредельным. Когда рьяный проводник партийной линии отбыл в очередной отпуск, один дипломат зашел в коралль и прирезал ненавистного барана. Мясо пошло на шашлыки для всех сотрудников посольства. Когда посол вернулся из отпуска, ему доложили о случившемся, и виновный нахал был взят челядью посла под стражу и посажен на хлеб и воду. Тут уж взбунтовалось все посольство, и посол вскоре был отозван из страны и благополучно возвращен в свою республику. В отличие от Калигулы, который за свои извращенные выходки поплатился жизнью.

* Римский император Калигула сделал своего любимого коня членом сената.

... Советник Бондарь недолго руководил посольством — Дания не та страна, чтобы место посла оставалось вакантным, и в мае 1970 года к нам прибыл Чрезвычайный и Полномочный посол Н. Г. Егорычев. Он был один из немногих, кто поплатился почетной дипломатической ссылкой за свою излишнюю самостоятельность на партийной и государственной работе — большинство же назначенцев из этой категории просто не справлялись со своими обязанностями, и их «пристраивали» подальше от Москвы. С точки зрения партии, послом мог быть каждый — ведь и кухарке было обещано управлять государством!

Первые шаги посла на новом поприще не обещали ничего хорошего. Он устраивал форменные разносы своим подчиненным за то, что датчане почему-то не испытывали энтузиазма от мирных и других инициатив Москвы и не торопились выполнять ее инструкции. Бывшему первому секретарю московского горкома КПСС это казалось непозволительным безобразием, и он готов был вызвать к себе на ковер самого датского министра иностранных дел и «вчинить ему форменный разнос за невыполнение». Понадобилось время, в течение которого посол понял, что Копенгаген — это не Москва, датские чиновники — не члены партийной городской организации, а сам он — дипломат, а не первый секретарь партийной ячейки. Кстати, из Егорычева получился, как говорят, неплохой заграничник, и это делает ему честь. Он проработал в Дании десять лет и был назначен потом послом СССР в Австралию. Но это — исключение из правила. Другие партийно-номенклатурные послы, сумевшие чему-нибудь научиться за границей, мне не известны. А Н. Г. Егорычев теперь на пенсии, и его последнее время частенько стали интервьюировать журналисты. Ничего плохого, кроме хорошего, я о его выступлениях сказать не могу.

... Разведчика-дипломата на каждом шагу подстерегают опасности. Это и коварная контрразведка, которая спит и видит, как бы тебе подставить подножку. Это и традиционная дань уважения любого русского

к веселию, которое питание есть. Это и бдительный Центр, каждую минуту готовый опустить над твоей головой дамоклов меч откомандирования за оперативную бездеятельность и отсутствие результатов.

Но если вы считаете, что своей работой не вношу достойного вклада в копилку советской разведки, то и здесь я не прав.

Но главная опасность таится не там. Это — женщины. Это заграничные адюльтеры. Боже мой, сколько приличных работников погорели на слабостях к женскому полу! Сколько разрушенных семей, разбитых сердец и поломанных карьер связано с пребыванием за бугром! Несть им числа!

Нужно отдать должное нашим замужним женщинам. Они оказались более прочно скроенными, чем представители сильного пола. Вся статистика амурных походов за границей падает на женатых мужчин. Вероятно, в каждого из нас, как только мы пересекаем государственную границу, вселяется некий сладострастный чертик, постоянно и назойливо подзуживающий и стимулирующий мужской авантюризм или, как его называют на западе, либидо. Зато слабая половина всегда лидировала в «чрезмерном увлечении вещами».

Она волновала мое мужское начало.

Любовные дела, эти сугубо личные, интимные стороны бытия, становятся предметом обсуждения всей советской колонии. Но этого мало. К нему подключается общественность, партийная, то бишь, профсоюзная организация, непосредственное начальство, посол, в конце концов, и несчастный Казанова становится жертвой лицемерной пуританской морали, надуманных инструкций, трусливой перестраховки и неприкрытого произвола.

В том случае, если он «согрешил» с иностранкой, дело ясное: ему немедленно предлагают выехать из страны и навсегда забыть о том, что где-то существу-

ет за граница. Не так быстро и гладко разрешаются амурные дела внутри колонии. Там сначала проходят все «муки ада» по ритуалу, выработанному досужими кадровиками еще в начале 20-х годов, а потом уж «отправляют под фанфары» домой с заключением, что впредь товарищу Х. работа за границей противопоказана. Человек, приезжая в Москву, как правило, разводится, теряет работу, квартиру, семью и переходит в разряд рядовых советских невыездных граждан. Теперь зарубежную действительность он будет наблюдать по передачам Ю. Сенкевича, если вообще хватит денег на покупку воронежского «Рекорда», а самое длительное путешествие он предпримет на троллейбусе от дома до новой работы и обратно.

Морально устойчив, в семейных отношениях незатейлив.

В начале своей командировки в Данию я был свидетелем того, как перед моими глазами разворачивалось одно такое дело. Сотрудник ГРУ, носивший имя славного шведского викинга, положившего начало целой династии русских князей, завел роман с секретаршей-машинисткой, незамужней и немолодой уже вертлявой особой, выезжавшей за рубеж в основном, как выяснилось позже, в поисках мужа. Военный разведчик так «раскис» от нахлынувших чувств, что не смог скрыть от посторонних свою преступную связь и стал «крутить любовь» напрапалую. Он внимательно выслушивал советы встревоженных товарищей, но тактично посылал их куда подальше и продолжал на глазах всей колонии встречаться со своей пассией. Что-то в нем сломалось, а в его действиях сквозила какая-то непонятная обреченность.

Отношения с женой «П» строил правильно, так как она не знает о его любовницах и размере зарплаты.

Его жена не выдержала такого афронта и, не видя другого средства урезонить мужа, обратилась за помощью... в консульство. Консул Серегин А. С. серьез-

но воспринял сигнал и тут же вызвал к себе в кабинет коварного возмутителя спокойствия. Он предложил ему в присутствии супруги повиниться во всех грехах и дать обещание, что впредь... Одним словом, консул обещал оставить дело без последствий.

Но дипломат упорно твердил, что он любит другую и жить с семьей не намерен. Тогда консул вызвал в кабинет объект его любви и продолжил разборку при участии всех заинтересованных лиц. Секретарша, однако, нахально отрицала факт сожителства с дипломатом и валила все на него. Получилась «в огороде бузина, а в Киеве дядька».

Посоветовавшись с кем надо, консул вышел на Москву с ходатайством об откомандировании супружеской пары из страны. Секретаршу оставили в Копенгагене до конца срока ее командировки. Когда она возвратилась домой, то все в посольстве были заинтригованы концовкой этой драматической связи и спрашивали у приезжающих из Москвы, чем же все дело кончилось.

— А ничем, — отвечали знатоки. — «Он» развелся с супругой и живет один.

— А как же большая любовь?

— Какая любовь? «Он» послал «ее» на все четыре стороны и стал закоренелым холостяком.

Да, неисповедима ты, загадочная русская душа!

По части морального облика наших сотрудников есть кое-какой неприятный задел и на текущий год.

Большим испытанием для советских командированных являлось изобилие товаров в магазинах и невозможность их приобретения. Мизерная зарплата, хватаящая только на то, чтобы затыкать дыры в семейном бюджете, высокие цены на товары подталкивали людей к тому, чтобы как-то ловчить, изворачиваться и находить возможности. Большинство стойчески вступали на путь экономии за счет желудка. Некоторые переходили на использование «жидкой валюты» и натурального обмена ее на товар. Это — очень опасный путь, и контрразведка только и

ждала такого случая, чтобы поймать контрабандиста с поличным и предложить ему единственный выход без шума и полубовно решить вопрос — стать предателем и работать на них в качестве агента.

В мою бытность в Скандинавии на весь мир «прославились» дипломаты из северокорейских посольств в Копенгагене, Осло и Стокгольме. Пхеньян объявил экономию валюты и практически перестал переводить деньги на содержание посольств. Дипломаты были вынуждены приобретать по дипломатической скидке спиртное и перепродавать его по городской цене своим контактам. Разница шла на выплату зарплаты и поддержание «представительских штанов». Но не долго музыка играла, не долго фраер танцевал! Все эти незаконные операции стали предметом пристального внимания полиции. Она собрала необходимый компрометирующий материал и направила его в свой МИД. Некоторое время спустя все северокорейские посольства были закрыты, потому что в них некому было работать. Все дипломаты и техсостав были объявлены персонами нон грата и высланы из страны.

Однажды консул М. Федосеев, сменивший А. Серегина, вошел в приемную консульства и попросил меня выехать с ним в город.

— Ты мне понадобишься, если возникнет необходимость в твоём датском. — лаконично бросил он на ходу, садясь в машину.

— Куда мы едем?

— В полицию.

— Что-то случилось?

— Случилось, — Федосеев выругался и достал из «бардачка» сигарету. — Жену завхоза взяли за воровство в магазине. Она сидит в кутузке в Политигордене*.

Мы молча въехали в мрачный двор полицейского дома, сказали дежурному офицеру фамилию комиссара, и он по лабиринтам провел нас к нужному кабинету.

* Здание датского «Шкотланд-Ярда».

Комиссар был настроен агрессивно и без предисловий объяснил суть дела, по которому он попросил приехать советского консула: госпожа имярек, находясь в магазине тканей на Триангеле, вошла в примерочную, намотала на себя кусок понравившейся ей материи и пыталась выйти с ней из магазина.

— Вот вещественное доказательство. — Комиссар полез в ящик стола и выбросил на стол метров десять какого-то цветастого штапеля.

Мы покраснели со стыда, и консул высказал предположение, что «возможно возникло какое-то недопонимание».

— Вы думаете, моим ребятам нечего делать, как устраивать провокации советским дамочкам из посольства? — оскорбился комиссар. И действительно, подумал я, у криминальной полиции своих дел по горло, чтобы отбирать еще хлеб у ПЭТ. — Этот кусок материи мы размотали с нее при свидетелях на месте преступления.

— Мы просим прощения за причиненные вам хлопоты, — начал было консул, — и готовы извиниться за нашу гражданку...

— Ладно, — смягчился комиссар, — забирайте ее с собой и что хотите, то с ней и делайте.

Через пять минут в кабинет комиссара ввели заплаканную жену завхоза и сдали ее нам на руки под расписку. Она пыталась всю дорогу объяснить, что «не помнит, как ее бес попутал», и что она сожалеет о случившемся, а мы молчали. К консулу, заместителю резидента по вопросам безопасности, и раньше поступали сигналы о неблаговидном поведении завхозихи, и ее судьба была предрешена. Ее посадили на ближайший рейс «Аэрофлота», а через некоторое время, когда подобрали нового завхоза, следом отправили мужа.

...

Особую главу в нашей жизни в Копенгагене составляли многочисленные делегации из Советского Союза. В отличие от какой-нибудь Сьерры-Леоне

или Бурунди в Дании дня не проходило без того, чтобы ее не осчастливила своим присутствием какая-нибудь делегация из Союза. «Посланцами доброй воли» мог быть кто угодно: то министр сельского хозяйства, прибывший ознакомиться с широко известными в мире, в том числе в его собственном министерстве, достижениями датчан по части маточного свиноводства; то скромный референт из международного отдела ЦК с заданием разъяснить датским коммунистам смысл очередной инициативы Москвы, о которой уже раструбили по всем странам ТАСС и АПН; то какой-нибудь академик, ученый, профсоюзный деятель, еще ни разу не выезжавший за пределы социалистического лагеря.

По следам только что возвратившейся делегации выезжала новая, с точно таким же заданием, но уже не из Ростовской области, а из Липецкой. И липчане из тех же номеров гостиницы, в которых ночевали ростовцы, ехали по тому же маршруту на фирму «Брюэль и Кьер», примеряли там те же самые белые халаты, охали, ахали, цокали языками, сокрушенно мотали головами, а оттуда направлялись на ферму Ларса Ларсена, смотрели, как он ловко доит породистых коров, кушали парное молоко, аккуратно записывали свои впечатления в толстые блокноты, заинтересованно обсуждали их, мечтали, обещали ввести «ихние» методы у себя в Лебедяни или в Данкове, забросать пустые прилавки магазинов колбасами, сыром и прочей снедью...

Отчеты о поездках за границу уже не умещались в официальных хранилищах министерств и комитетов, их переносили в подвалы и котельные, и они пылились там никому не нужные, пока дядя Вася-истопник не задвигал их кочергой в печку. Но нефтедоллары продолжали исправно поступать в казну государства, и делегаты, удовлетворив собственное любопытство в Дании, собирались в новые страны, например Швецию или Голландию, чтобы наглядно представить себе успехи фирмы «Альфа Лаваль» и сконского изобретательного фермера Ларсона.

Кажется, если бы хоть одна сотая полученных впе-

чатлений была внедрена в практику сельского хозяйства Советского Союза, он до сих пор бы процветал, и Горбачеву вряд ли бы пришлось затевать перестройку. Но если мы не смогли воспользоваться полезным опытом капитализма при строительстве коммунизма, то почему же он так же плохо помогает нам строить тот же капитализм?

Наиболее ответственные делегации посол Егорычев приглашал в посольство, где по утрам на читку местной прессы собирался весь дипломатический персонал, ответственные руководители других ведомств, журналисты. Эти «утренние молитвы» использовались также для проведения совещаний на злободневные темы. Чаще всех присутствовала тема бдительности и соблюдения норм поведения советских граждан за границей.

В кабинет посла набивалось до сорока-пятидесяти мужиков, и «молитва» превращалась в настоящую баню, потому что окна кабинета наглухо закрывались, чтобы противник не мог подслушать выступления обремененных секретами докладчиков из Москвы. Воздух вентилировался слабо, через двадцать минут кислород полностью замещался углекислым газом, и почтенные заграничники, как рыбы на берегу, хватали воздух ртами и еле успевали вытирать пот с крутых лбов.

Посол полагал, что обмен мнениями с ответственными чиновниками из Союза должен был способствовать высоким целям воспитания людей, их объективного информирования в условиях ежедневно противостоящей им наглядной буржуазной пропаганды, сплошь и рядом грубо искажающей советскую действительность.

Резонанс от новых советских мирных инициатив был столь велик, что его не удалось умолчать, несмотря на полное умалчивание.

Каждый из докладчиков считал своим долгом подчеркнуть важность своей командировки в Данию для процветания отечества и стеснительно скромно,

как-то вскользь, отдавал дань достижениям датчан. Потом переходил к изложению внутривосточной или внутривосточной ситуации, которая сложилась к моменту его отлета из Шереметьево. Пожаманившись немного и покрасовавшись на виду такой почтенной публики, докладчик переходил к фактам. Его рассказ в конечном счете выливался в гневное и нелицеприятное обличение бесхозяйственности и разгильдяйства. Делалось это с таким неподдельным пылом, который естественно предполагал непричастность самого рассказчика ко всем этим безобразиям.

Он доводил до сведения притихших присутствующих, как пьяные нефтяники загубили в Тюмени целое месторождение, способное обогатить два Кувейта и три Бахрейна; как было начато строительство атомной электростанции на зыбучих песках Волго-Дона; как была решена проблема нехватки целлюлозы за счет существования Байкала. Он разъяснял, почему на совещание КПСС не прибыли румыны, итальянцы и испанцы, и что замышляют против нас еврокоммунисты, сионисты и масоны; какой бардак творится в Госплане; кому набил морду сын министра внутренних дел Щелокова; за что был снят со своего поста первый секретарь Рязанского обкома; какими болезнями страдают наши вожди и когда наконец будет в основном построено коммунистическое общество.

Слушатели закрывали от ужаса глаза, шевеля беззвучно губами, творя, по-видимому, молитву «Спаси и сохрани нас, Господи, от погибели». Некоторые смущенно перешептывались между собой. Посол начинал кряхтеть и бросать неодобрительные взгляды в сторону не в меру распоясавшегося красная из столицы. Отдельные члены совколонии, искренне верившие до сих пор сообщениям «Правды» и «Известий», хватались за сердце и всем своим видом умоляли прекратить эту невыносимую для них пытку.

Ошарашенные дипломаты, дождавшись, когда докладчик-садист наконец выдохнется, спешно покидали кабинет посла и бурными потоками расте-

кались по коридорам посольства, образовывая островки жарких яростных дискуссий. Начинались споры до хрипоты, переносившиеся вместе с участниками совещания в стены других загранучреждений. Получив мощный толчок, вулкан продолжал еще долго клокотать на периферии советского анклава, пока энтропия ежедневной рутины не гасила его энергию.

Встречи с делегациями, несомненно, способствовали воспитанию дипломатического состава, но далеко не в том направлении, какого желал посол. Порцию такого воспитательного воздействия пришлось получить и мне. В качестве воспитателей выступили упомянутые уже выше Корионов и Шапошников.

Как-то меня к себе вызвал резидент и сообщил, что от посла поступила просьба проводить работников ЦК в аэропорт Каструп.

— Они уже завершили свою работу, — хмыкнул он иронично, как бы ставя под сомнение правомерность употребления термина «работа», — и возвращаются назад в Москву. Свяжись с ними и договорись, когда им надо выезжать из посольства. Только будь осторожен: мужики они крутые, своенравные. Постарайся, чтобы в наш адрес не было нареканий. Хоккей?

— Понятно. Как бы чего не вышло... То-то посол не отрядил своих на проводы.

— Ладно-ладно. Приказы не обсуждают.

Делегаты со Старой площади слишком хорошо были известны всем сотрудникам посольства, но не благодаря своему выдающемуся вкладу в международное коммунистическое движение, а своему пристрастию к горячительным напиткам. Останавливались они всегда в гостевой комнате посольства и до конца своего пребывания за ворота советской территории не выходили. Очевидно, чистота их партийных взглядов не позволяла ступать на грязную почву идеологических противников.

Спали и дневали они в небольшой комнате и оставляли ее по самой крайней нужде, например, когда в посольство приходили их партнеры из ЦК КПД. По

возвращении со встречи они писали пространные простыни-телеграммы, передавали их послу через секретаря и принимались за новые опусы, призванные привести к коммунистическому перевороту в датском королевстве. Но революция в Дании задерживалась, а значит, у Шапошникова и Корионова оставалась возможность еще многожды посещать эту благословенную страну.

— И откуда только они черпают свою информацию? — удивлялись их плодовитости дипломаты.

— Как откуда? — отвечал заведующий референтурой Иван Сергеевич Ануров. — Все оттуда же... со дна граненого стакана. — Ивану Сергеевичу дважды «почастливилось» уезжать из страны пребывания в связи с разрывом дипломатических отношений: в июне 1941 года — из Германии, а в июне 1967 года — из Израиля. Он многое пережил и многое повидал, а потому все, что он говорил, воспринималось как сущая правда.

И в самом деле, этот слаженный партийно-пропагандистский тандем не имел себе равных в опораживании коньячных бутылок. К концу «рабочего» дня посланцы Москвы так «урабатывали» себя, что с трудом ворочали языками и укладывались спать не раздеваясь.

— Неужели им не интересно выйти в город, посмотреть на людей, обстановку? — спрашивали новички, впервые услышав рассказ о Корионове и Шапошникове.

— Чудак ты, Василий. Им это не нужно. Они не за этим приехали сюда. Они ездят сюда, чтобы хорошенько напиться, как ездят в Ялту некоторые мужички погулять с бабцами, — объяснял Ануров. Иван Сергеевич был с комсомольских лет знаком с секретарем Верховного Совета Михаилом Порфирьевичем Георгадзе и мог судить о нравах в партийных верхах со знанием дела.

— А чего же наш посол терпит их безобразия и не «капнет» на них в Москву?

— Писал, милок, «капал» не единожды. Да что толку-то? У *них* своя игра.

Рассказывали, что подгулявшие номенклатурные работники били у себя в гостевой посуду и выбрасывали через окно пустые бутылки из-под «армянского» (благо, окно выходило во двор, а не на тротуар, по которому ходили датчане), приставали к жене повара, приносящей им еду, и пели песню «По Дону гуляет казак молодой».

Конфликт возник из-за того, что хозяин дома пристал к моей жене с известными намерениями...

Посол действительно неоднократно «сигнализировал» в Москву о недостойном поведении партийного журналиста и чиновника, пытался «сбагрить» их на руки Кнуду Есперсену, но все оставалось по-старому. Парочка не желала останавливаться в гостиницах, ссылаясь на обладание партийными и государственными секретами, из-за которых коварный враг может устроить им провокацию. И тут визитеры были правы: их поведение было настолько вызывающим, что они сами напрашивались на провокацию. В посольстве же они были в безопасности.

... Я поднялся наверх и позвонил в дверь гостевой. Никто за дверью не ответил. Осторожно нажав ручку, я приоткрыл дверь и просунул в проем голову. Моему взору представилась идиллическая картина безмятежного сна двух русских богатырей, расположившихся прямо в креслах. Завсектором смачно чмокал во сне губами и одной ногой делал некое подобие антраша. Галстук съехал на бок, руки безжизненно повисли. Партийный журналист-обозреватель сладко похрапывал, примостившись в узком для него кресле бочком, подложив под голову обе руки. На столе стояла недопитая бутылка коричневой жидкости и два граненых стакана. Хрусталь по распоряжению посла им больше не доверяли.

— Кхе-кхе, — осторожно кашлянул я, надеясь таким способом разбудить спящую надежду пролетариата. Но сон был крепок и глубок, поэтому пришлось легонько потрясти обозревателя «Правды» за штанину.

— А? Что? Где я? — всполошился Корионов, мгновенно просыпаясь. — Ты кто такой?

— Моя фамилия Григорьев. Посол поручил мне проводить вас в аэропорт.

— А-а, ясно... Коля, вставай. Ну вставай же ты, наконец! Ехать пора!

Корионов засуетился по комнате, собирая с кровати и с пола оставшиеся неупакованными вещи, запихивая их, как попало, в чемодан и большой портфель. Поскольку завсектором возвращался к действительности медленно, то Корионов стал собирать и вещи своего друга. Создалось впечатление, что вещи у них были общие, потому что журналист засунул в портфель две электрические бритвы, две мыльницы и две зубные щетки. Шапошников проснулся уже настолько, что мог тупо и надменно наблюдать за происходящим, не поднимаясь все еще с кресла.

— Ну что ж, Коля, давай выпьем на дорожку.

Эти слова заставили-таки Шапошникова встать. Он четким шагом, как-то по-солдатски, подошел к столу, налил себе полстакана жидкости и с отворачиванием высосал его содержимое.

— Фу... какая гадость...

— Время поджимает, — попытался я напомнить и тут же пожалел об этом.

— Ты кто такой, чтобы мне... Я тебя в бараний рог... — заплетающимся языком пригрозил завсектором, надевая пиджак задом наперед.

Наконец компания, пошатываясь, выползла наружу и втиснулась на заднее сиденье «форда», который я предусмотрительно загнал во двор, чтобы избавить прохожих от позорного зрелища.

— Ямщи-и-к, не гони лошаде-е-е-й... — совсем покупчески затянул Шапошников.

— Коля, держись, — посоветовал ему верный друг Виталий, усвоивший рядом с завсектором роль то ли дядьки, то ли слуги и наставника в одном лице.

Доехали без приключений, если не считать того, что при виде привлекательной датчанки за окном машины у Шапошникова вдруг разыгрались сильные

мужские чувства, и он стал настаивать на том, чтобы остановиться и познакомиться с ней лично.

Оставив машину на стоянке для дипломатических машин и сунув отъезжающим вещи в руки, я повел их в здание аэропорта. Коля тут же выронил свой чемодан, и Виталику пришлось взять его на себя.

— Сейчас пройдем к стойке, где оформляются дипломаты, — предупредил я их. (Делегаты путешествовали всегда с диппаспортами под защитой Венской конвенции.) Неуверенной походкой горе-дипломаты добрались до стойки и с грохотом бросили вещи на пол.

— Обслужить! — властно приказал аппаратчик, уставившись, как бык на новые ворота, на сотрудника авиакомпании SAS.

Тот вежливо через силу улыбнулся и по-английски попросил паспорта и билеты пассажиров. Из ниоткуда материализовался представитель «Аэрофлота» и стал услужливо привязывать бирки к чемодану. Клерк закончил регистрацию и протянул мне билеты и паспорта. Я поблагодарил датчанина и повернулся, чтобы отдать документы их владельцам, но они куда-то исчезли. Я посмотрел по сторонам и увидел обоих дядек — о ужас! — в противоположном конце зала. Они, словно играя в салки, убегали от преследовавшего их представителя «Аэрофлота» и от души дурачились над ним. Представитель, покраснев от напряжения, раскинул в стороны руки, словно загонял на насест кур. Коля с Виталиком с гиком и криком, с легкостью расшалившихся слонов, ускорили бег и стали отрываться от «аэрофлотовца». Стоявшие вокруг пассажиры и служащие аэропорта недоуменно наблюдали за этим необычным хэппенингом.

Наконец «аэрофлотовцу» удалось загнать веселую компанию в угол. Тут подоспел и я, и вдвоем нам удалось повернуть их энергию в нужном направлении. Когда мы проходили вдоль натянутого каната с табличкой «Посторонним вход запрещен», Шапошников не выдержал, задрал ноги и на глазах у дежурного полицейского перелез через барьер. Дело начина-

до принимать дурной оборот, потому что полицейский пошел прямо на нас.

— В чем дело? Почему господа нарушают порядок?

К этому времени нам удалось вернуть завсектора на место, и в него обеими руками вцепился теперь верный оруженосец-журналист, готовый перегрызть за друга глотку любому полицейскому. Пришлось извиниться перед представителем власти и объяснить (в приукрашенном виде, естественно) ему суть ситуации.

Полицейский недоверчиво посмотрел на меня, перевел взгляд на парочку, которая в этот момент, вероятно, позировала невидимому художнику, собравшемуся писать с них картину «Расстрел коммунистов», и благоволил удалиться. В общем конфликт был улажен, и храбрые интернационалисты, сопровождаемые под локоток представителем «Аэрофлота», исчезли наконец в транзитном зале.

К сожалению, это был не единственный пример хамского, барско-высокомерного и пренебрежительного по отношению к достоинству страны поведения со стороны сильных мира того.

Вера в партию у меня окончательно была поколеблена.

... Неизгладимое впечатление оставил у меня официальный летний визит в Копенгаген двух кораблей Балтийского ВМФ. Не знаю, какой пропагандистский и другой эффект он произвел на местное население, но на членов советской колонии — самое глубокое. Двое суток стояли они пришвартованные на причале Лангелиние, в самом центре города, и двое суток копенгагенцы толпились на причале, стояли в очереди, чтобы подняться по крутому трапу на палубу крейсера и вспомогательного корабля, заглянуть в кубрики к матросам, машинное отделение, залезть верхом на ствол зачехленной пушки, а в конце посещения — попробовать флотского борща и компота.

А вечером на палубе крейсера выстраивался духо-

вой оркестр, и над широким заливом неслись волнующие звуки «Сопок Манчжурии», «Дунайских волн» или «Марша Преображенского полка». К оркестру присоединился хор, и толпящиеся внизу датчане танцевали под «Катюшу». Вечер на Лангелиние превращался в настоящее народное гулянье. наших детей и жен, которым моряки оказывали особое внимание, с трудом можно было увести домой.

Посольство вместе с командованием Балтфлота устроило грандиозный прием, на котором я впервые увидел столько военных из стран НАТО. Настроение у всех было приподнятое, праздничное. Никто в посольстве эти два дня не работал, и все дипломаты выступали гидами для групп офицеров и матросов, рассыпавшихся сине-белыми пятнами по улицам Копенгагена.

На приеме я стоял с нашим капитаном 2-го ранга и еще одним коллегой из посольства, когда к нам подошел верзила в форме подполковника ВВС США. Он молча стал рядом и, не представившись, слушал, о чем мы разговариваем. Капитан 2-го ранга рассказывал что-то о службе, о дальних походах, а я завидовал ему и впервые пожалел, что не пошел служить моряком. В это время американец наклонился ко мне и громким голосом, перекрывая многоголосый фон, сообщил мне прямо в ухо:

— Все равно мы вас разбомбим!

Я недоуменно посмотрел на него, но того и след простыл. Храбрый подполковник исчез в толпе гостей.

— Что случилось? — подошел ко мне Николай Коротких, 2-й секретарь посольства.

— А что за американец только что был рядом с нами?

— Помощник атташе по военно-воздушной части американского посольства.

Я рассказал о наглой выходке помощника.

— Пойдем найдем и набьем ему морду, — предложил Коротких.

Мы долго искали американца, но не нашли. Вероятно, он не стал рисковать и покинул прием. А жаль: настроение у нас с коллегой было боевитое. Зато я получил наглядный урок относительно того, что американцы — серьезный противник, и нам никак

не следует расслабляться. Международная разрядка не про нас, разведчиков.

Провожали отряд кораблей всем посольством. Корабли были расцвечены яркими флажками. Команда выстроилась на верхней палубе и замерла в ожидании. Раздались слова команды «отдать швартовы». Оркестр на палубе грянул «Прощание славянки», и корабли стали медленно отходить от причала. У всех нас на глазах выступили слезы. Мы стояли на Лангелинии и еще долго махали руками вслед символу нашей славы, дисциплины, безупречного порядка и русской лихости, пока силуэты крейсера и вспомогательного судна не слились с белыми барашками на горизонте.

Вот это был визит!

А вообще-то командированные граждане жили в Копенгагене скучно и однообразно. Большинство из нас считало, что заграникомандировка — это подготовительный период к настоящей жизни, которая начнется лишь по возвращении на родину. А здесь жизнь не всамделишная. Одним словом, ДЗК.

Такая философская установка, конечно, не способствовала полноценному и свободному проявлению личности. Неизбежные объективные ограничения внешнего плана накладывались на добровольные самоограничения, и, как результат, мы выглядели на фоне жизнерадостных датчан и прочих иностранцев довольно скукоженно.

Все мы копили и откладывали часть мизерных зарплат на покупку автомашин, квартир, одежды, техники; бегали по магазинам и выписывали товары по дипломатической скидке; складывали все приобретения в коробки, упаковывали их накануне отъезда и везли домой, где ничего подобного не было и любая безделица воспринималась на «ура». Я с грустью вспоминаю все эти сборы-проводы, погрузку в поезд, толпы провожающих, норовящих вручить отъезжающему свою посылку-передачку, презрительные взгляды датчан, наблюдающих сцену «переселения народов» эпохи гражданской войны, встречи на Белорусском вокзале с адресной раздачей вещей... Какое убожество!

Вся советская колония была разбита на группы общения, формируемые в основном по ведомственному признаку и редко — по интересам. Мы часто ходили друг к другу в гости, слушали пластинки и аудиопленки, выпивали и поедали массу блюд с национальным русским уклоном, сплетничали и тосковали по дому.

Но мы были молоды, жизнь нам еще улыбалась, и мы были полны надежд и оптимизма.

В 1972 году в копенгагенскую резидентуру приехал работать Олег Гордиевский. Он поменял подразделение — из нелегальной службы перешел в политическую разведку и теперь в новом качестве прибыл к нам в точку.

Его приезд я воспринял с большим энтузиазмом. Все эти два года мы поддерживали между собой регулярную связь, активно переписывались, обменивались мнениями. Мне казалось, что, находясь на расстоянии, мы еще больше сблизились и теперь будем работать рядом, общаться каждый день, дружить семьями. Я надеялся также найти в нем опытного товарища и советчика, хорошо знавшего страну и владеющего местной обстановкой.

Первое свидание не предвещало ничего тревожного. Гордиевский был сдержан, но приветлив и внимателен. Я сразу предложил пообедать у меня, потому что быт его был пока не устроен, но он вежливо отклонил приглашение, добавив, что у нас будет еще время пообщаться. Я не стал настаивать, но первый осадок в душе незаметно отложился.

Шло время, мы каждый день встречались на работе, но Гордиевский по-прежнему соблюдал по отношению ко мне дистанцию «вежливого нейтралитета» и за рамки чисто служебных встреч и контактов не выходил. Между тем мне стало известно, что он часто ходит в гости к другим дипломатам и разведчикам, правда, более старшего ранга и звания. Это обстоятельство, признаться, неприятно поразило нас с женой, но некоторое время я все еще делал вид, что ничего плохого между нами не происходит.

Но Гордиевский так и не принял ни одного моего приглашения и ни разу не пригласил нас с женой к себе в дом. Это уже был симптом. Только симптом чего? Поразмыслив, мы пришли к выводу, что он предпочитает для себя более представительное и солидное общество, подобающее его возрасту, рангу 2-го секретаря и честолюбивым планам на будущее, и что навязывать свою дружбу нет смысла.

На том и порешили. Внешне наши отношения оставались ровными, дружелюбными, но искренность, открытость исчезла. Мы просто стали коллегами и хорошими знакомыми.

Гордиевский по сравнению с тем, что я о нем слышал в первую командировку в Дании и видел сам несколько лет назад, здорово изменился — как мы тогда в шутку говорили, «возмудел и похужал». Он уже не лез на рожон, чтобы до хрипоты отстаивать свои либерально-демократические взгляды, как он это делал раньше со сталинистом Серегиным; не высказывал открыто своих оценок о людях и не превозносил до небес датскую действительность. Я отнес это на счет его возраста и опыта.

Так мы проработали в одной резидентуре еще два года, и ничего существенного между нами до моего отъезда из страны в сентябре 1974 года так и не произошло. Но тишь и благодать существовала всего лишь на поверхности. Под маской лицемерия и лояльности, как выяснилось впоследствии, бушевали шекспировские страсти.

Противник не дремлет

*In hostem omnia licita**

Любая иностранная колония в чужой стране — это вещь в себе, доступная для понимания и обозрения лишь местной полиции и своего консульства. С помощью полиции, которая регистрирует

* По отношению к противнику все дозволено (*лат.*)

иностранцев и дает разрешения на пребывание и работу, можно получить более-менее достоверные официальные статистические сведения о количестве, например, албанцев, их распределении по административно-территориальному, половому и профессиональному признаку, но не больше. Самые интересные сведения, о которых можно судить лишь по косвенным признакам, остаются за семью печатями.

А узнать о них очень хочется

Потому что нужно.

Нужно, потому что иностранцы, находящиеся на территории дружественной им страны, — это совсем другие люди, нежели на своей родине. Это — стадо непуганых слонов. К ним можно подходить очень близко, наблюдать, как они играют, щиплют травку и идут на водопой, но... надо только их найти. Недаром все контрразведывательные службы мира предупреждают своих граждан об опасностях, которыми полна жизнь эмигрантов. Значительное количество вербовок, если не большинство, происходит за границей.

Каждое стадо слонов имеет свое излюбленное место, куда оно регулярно выходит на водопой. Иностранцы тоже имеют такие места, где они собираются, чтобы обменяться новостями, порасспросить о своих земляках, поговорить на родном языке. Бедные турки и пакистанцы собираются на центральном вокзале, финские землячества имеют свои дома-клубы, англичане приходят в «пабы» и бары, а русские в советское время либо просто слонялись по городу, в основном по местам распродаж, либо ездили на рыбалку и за грибами.

Дания — это многочисленные острова, окруженные со всех сторон водой, поэтому возможности для рыбалки там практически неограниченные. Закидывай удочку с берега и лови окунька, камбалу или тресочку. Но русский всегда ищет «эксклюзив», ему не нравится то, что очевидно и доступно. Ему подавай такое-этакое!

Наши «рыбаки» по «дипломатическим каналам» нашли ходы к капитану одного полуразвалившегося

катера, который за определенную мзду в виде одной бутылки «московской» или «столичной» с одного дипломатического носа согласился вывозить их в море на рыбалку. Улов рыбы сразу возрос в несколько раз, а значит, семейный бюджет мог выдерживать увеличенные нагрузки. Дело оказалось, таким образом, не дорогое (бутылка водки обходилась дипломату в семь-восемь крон, то есть чуть больше доллара) и полезное. Капитан-датчанин тоже не оставался в накладе, потому что за один день он собирал до нескольких десятков бутылок водки, что в пересчете на кроны давало заработок в размере, достигавшем уровня среднемесячной зарплаты (стоимость той же бутылки водки в магазине равнялась пятидесяти кронам).

По советской колонии активно работали американские и английские разведчики. Среди сотрудников СИС особо выделялся первый секретарь британского посольства Роберт Браунинг. Он как две капли воды был похож на известного киноактера Роджера Мура (мне до сих пор кажется, что это был именно Мур, которого СИС направило в Копенгаген под псевдонимом Браунинга) — такой же высокий, стройный, голубоглазый блондин. Он был обходителен, как дьявол, очарователен, как новенькая стоцолларовая купюра, и остроумен, как двадцать клубов «Белый попугай», когда там выступал еще Ю. Никулин. Я уж не говорю о его великосветских манерах, неотразимой улыбке и безупречной одежде. В моих представлениях он был не британским разведчиком, а самим его символом.

Браунинг содержал в Копенгагене большую виллу — трудно было представить, чтобы ему для жилья подошла квартира, он сорил деньгами налево, направо и вокруг себя. Его вилла постоянно гудела от мужских и женских голосов, потому что каждый день он устраивал какое-нибудь «пати». Он везде поспевал, знал, что, где и когда происходит в городе, был в курсе всех событий и сплетен. Летом, когда все дипломаты выезжают в отпуск на родину, Браунинг с большой компанией отправлялся в Грецию, где у не-

го имелись собственный остров и яхта. Судя по всему, разведка была для него хобби, а потому он добивался на этом поприще неплохих результатов.

Я познакомился с ним на ланче в клубе младших дипломатов (мы его называли разведклубом). Язык Браунинга произносил слова беспредельного восхищения его хозяина знакомством с русским атташе, а глаза, глаза хитрой Лисы, забавляющейся с Колобком, откровенно говорили: «Ну что ж, милый кэгэбэшник, здравствуй! Какой ты неотесанный и желторотый! Так и хочется тебя съесть, то есть завербовать. Ну что ж, за мной дело не станет».

Он «подбирал ключики» и «подбивал клинья» почти под каждого из нас и не ленился делать это и в будни и по выходным дням. Рауты и приемы уже не устраивали Браунинга, и он избрал другой путь обхождения этих странных русских. Он немного владел русским языком и однажды, переодевшись в «рыбацкое» — грубую брезентовую куртку и резиновые сапоги, — с бутылкой «столичной» в кармане явился на причал, от которого отходил катер с посольскими и торгпредскими рыбаками. Некоторые обратили внимание на незнакомого человека, но мало ли кто это мог быть: новенький или временно командированный, чей-то приятель из польского или чешского посольства. Главное, он, как и все, явился вовремя, поздоровался и предъявил «билет». Во время лова рыбы в нем трудно было узнать лондонского дэнди, потому что он быстро усвоил пролетарские замашки постоянных участников этих походов и ничем не выделялся из общей массы. Сказывалась, вероятно, школа Сиднея Рейли!

Наблюдая за карманами брюк «Д», никаких вытирающих предметов я не наблюдал.

Браунинг сделал несколько таких отчаянных «ходов», пока не был опознан одним нашим дипломатом. Когда он в очередной раз поднимался на борт катера, в вежливой форме ему было предложено убираться восвояси.

Конечно, во время рыбалки он вряд ли кому делал предложение о сотрудничестве, но завести полезное знакомство вполне мог. Обстановка на катере этому благоприятствовала.

У меня существует подозрение, что первым английским разведчиком, который работал с Гордиевским, был именно Роберт Браунинг.

Не уступали англичанам в наглости и сотрудники местной резидентуры ЦРУ. Американцы действовали более нахраписто и без особых затей. Они чувствовали себя в Дании как дома и не утруждали себя хитроумными комбинациями в попытках установить контакты с советскими гражданами.

Как это ни странно, но такова американская действительность.

Попытаюсь продемонстрировать это на собственном примере.

В поисках оперативных связей мы с моим коллегой В. Ф. наткнулись на одну смешанную датско-англо-американскую компанию молодых ребят, которые поочередно собирались у себя дома и играли в покер.

— Боря, давай подружмся с ними и тоже попробуем поиграть с ними в карты, — предложил В.

— Так мы и играть-то не умеем, — возразил я.

— Ничего, научимся. Да покер — это лишь предлог, главное...

— А даст ли «добро» «резак»?

— Попробуем уговорить. Все-таки это выход на англичан и американцев.

Как ни странно, резидент довольно быстро сдался на наши уговоры, и в ближайшую пятницу мы отправились в гости к датчанину Поулю, у которого намечалось очередное заседание импровизированного покерного клуба. Играть нам разрешили исключительно «по маленькой», не выходя за рамки тех оперативных средств, которые отпускаются на организацию встречи с первичными связями.

Заседание интернационального клуба начина-

лось довольно поздно — часов в десять вечера. Перед игрой его участники подкреплялись «чем бог послал» за счет хозяина дома, а потом уж садились за карты. Двое начинающих «покеристов»-русских, благодушный улыбчивый датчанин, азартный англичанин и бесшабашный американец представляли собой весьма любопытное зрелище. «Посиделки», как и полагается, длились до рассвета, а когда начал ходить городской транспорт, гости разъезжались по домам.

Как новичкам, нам с В., естественно, прилично везло, и мы были даже в небольшом выигрыше, что дало повод подозрительному англичанину обвинить нас в заговоре. При этом наш контакт с членами клуба постепенно креп, углублялся и приобретал доверительный характер. Мы с В. уже прикидывали, кого из них кому «взять на себя» и кем заняться, так сказать, в индивидуальном порядке, как только клуб прекратит свое существование. В том, что клубу была отпущена короткая жизнь, мы были уверены: если он сам не распадется, то приложим к этому руки мы.

Все шло по плану, пока очередь на проведение «заседания» клуба не подошла к американцу. Он снимал небольшой коттедж на окраине Копенгагена, и после плотного ужина мы с хозяином дома вышли покурить на веранду.

Луна горела в полнакала, ветерок взбрыкивал теленком.

— Борис, — обратился он ко мне, загадочно улыбаясь и делая ударение на первом слоге, — ты ведь работаешь в КГБ?

— Манфред, — ответил я ему в тон, — откуда у тебя такие сведения?

— Сведения самые достоверные, можешь не сомневаться.

— Это все похоже на бред сумасшедшего.

— А вот Билл, — и тут Манфред назвал фамилию известного нам сотрудника американского посольства, установленного разведчика, — утверждает, что

ты шпион и он поручил мне за тобой присматривать, изучать тебя и обо все ему докладывать.

Интересное дело! Некто «закладывает» мне американского разведчика и одновременно расшифровывает и себя как его агента!

Этот Билл недавно был переведен в Копенгаген из Бангкока и сразу начал искать контакты среди советских дипломатов. Он сделал несколько прямолинейных и неуклюжих попыток «законтачить» со мной, но я быстро распознал его «профессон де фуа» и дал ему от ворот поворот. Теперь Билл, изгнанный в дверь, ломился ко мне в дом через окно. Похоже, что Манфред действовал согласно заранее намеченной и одобренной резидентурой ЦРУ линии.

— А я предлагаю, чтобы ты сообщал мне, что тебе говорит при встречах Билл и какие он тебе дает поручения.

Оправдываться перед агентом ЦРУ или посылать его к черту было бы глупо. А вдруг Манфред сообщил *все это* с самыми добрыми пожеланиями? Нет, лучшее средство обороны — это наступление.

— Ха-ха-ха! Это ты здорово придумал! — С какими бы намерениями не выступал Манфред, мой ответ ему понравился. — Но с Биллом шутить опасно.

— А ты думаешь, с нами это можно делать запросто?

Улыбка исчезла с губ американского агента, и он задумался.

Улыбка, похожая на приоткрытый кошелек.

— Ладно, давай не будем сейчас ломать голову, — примирительно сказал я, — лучше поговорить об этом в другое время и в другом месте. Как насчет завтра где-нибудь в баре?

— Гм-м... Давай послезавтра.

Понятно. Ему нужно время связаться с Биллом и успеть согласовать дальнейшую линию поведения.

— Хорошо. Послезавтра.

Мой рассказ об эпизоде с Манфредом вызвал у нашего заместителя по контрразведке большое ожив-

ление. Он немедленно согласовал план действий с Центром, и скоро я был облечен полномочиями осуществлять оперативную игру с резидентурой ЦРУ. Расчет строился на том, что Манфред по заданию своего босса в посольстве волей-неволей будет вынужден сообщать мне некоторые полезные сведения о работе американской резидентуры, и в конечном итоге нам удастся «перетянуть» его на свою сторону, то есть из агента-двойника сделать нашего человека.

Поистине наполеоновский замысел! Теперь-то я понимаю бессмысленность всей нашей затеи, но тогда, в разгар холодной войны, подбросить лишнюю чурку в костер, чтобы продлить процесс горения, было святым делом.

Естественно, я «сгорел». Манфред аккуратно выходил на встречи, я вытягивал из него кое-какие сведения, он пытался — правда, неумело и робко, как бы стесняясь — «обрабатывать» меня, мы оба отчитывались о проведенных беседах перед своим руководством, в столицы СССР и США шли соответствующие реляции... Все это производило впечатление полезной работы, а на самом деле похоже было на еврейскую мельницу: мельница стоит, а еврей бегает вокруг. Единственным полезным «завоеванием» для меня было то, что датчане прекратили за мной слежку. Им незачем было тратить силы и средства на объекта, который встречался с агентом ЦРУ. Но расшифровался я в ходе этой игры полностью.

«Игра в покер» продолжалась несколько месяцев, пока вовремя не вмешалось мое непосредственное начальство в Москве. Оно запретило дальнейшие встречи с Манфредом. Вместо меня с ним стал встречаться зам по контрразведке, годившийся агенту в отцы, и это показалось Биллу не очень перспективным делом. Сделав несколько неудачных попыток восстановить контакт со мной, Манфред стал игнорировать встречи с замом, и скоро дело было похоронено по обоюдному согласию противоборствующих сторон.

Впрочем, Билл предпринял последнюю отчаянную попытку оживить дело. За день до окончатель-

ного моего отъезда в Москву, который тщательно скрывался от окружения, ко мне домой заявился улыбающийся Манфред с огромным букетом цветов. Прошла уже пара месяцев с того момента, когда мы виделись с ним последний раз.

— Это супруге, — сказал он, как ни в чем не бывало, входя в квартиру.

— Спасибо.

— Что ж ты так неожиданно уезжаешь?

— Закончился срок командировки. Пора домой.

— Жаль, — искренне вздохнул Манфред вздохом крокодила, у которого из пасти ушла лакомая добыча, — очень жаль. Билл, кстати, просил передать, что если ты выберешь путь сотрудничества, то он гарантирует тебе миллион крон.

— Передай Биллу, что я гарантирую ему два миллиона крон, если он будет сотрудничать со мной. А теперь иди домой.

Несмотря на отсутствие разведвозможностей, «Ж» наотрез отказался от сотрудничества.

Улыбаясь и извиняясь, Манфред ушел и навсегда исчез из моей жизни. Товарищи потом сообщали мне из Копенгагена, что он после моего отъезда стал пить, перестал бриться и следить за своим внешним видом. Переживал, значит.

Он пытается найти свое потерянное лицо.

Зато во второй командировке американцы оставили меня в покое. Каждый раз, когда я в Стокгольме сталкивался где-нибудь на приеме с установленным сотрудником ЦРУ Майклом, он многозначительно жал мне руку, смотрел в глаза и, улыбаясь, проходил дальше. Мне это нравилось больше. Приятно, когда противник относится к тебе с уважением.

Подобного рода эпизоды были типичными для того времени, а подставы — наиболее излюбленными формами дискредитации разведчика.

Датская контрразведка тоже не сидела сложа руки

и старалась, как могла, не отставать от своих старших братьев. Время от времени под видом доброжелателей, захотевших положить жизнь на алтарь строительства коммунизма в отдельно взятой стране, она засылала в посольство свою агентуру, снабдив ее предварительно каким-нибудь «горячим» материалом.

Буквально накануне моего приезда в Копенгаген датчане сделали нам подставу, соблазнив А. Серегина и Н. Коротких каким-то натовским документом. Заявитель пришел в посольство и предложил свои услуги. Самой информации он с собой не взял «по соображениям безопасности», а предложил передать ее на встрече в городе. Оперработники решили рискнуть и посмотреть, что из этого получится на самом деле.

Уже на подходе к месту встречи они обнаружили, что оно буквально напичкано автомашинами наружного наблюдения. Тогда они развернулись обратно и поспешили к своей машине, оставленной за углом. В это время на сцене появился доброжелатель с пакетом в руках (контрразведке ничего не оставалось делать, как срочно выпускать его из засады, чтобы все-таки попытаться всучить дипломатам компромат). Он бежал за удаляющимися Серегиним и Коротких и жалобным голосом умолял:

— Господа, куда же вы? Я принес обещанное!

Но господа сочли за благоразумное побыстрее укрыться на советской территории на Кристианиагаде, где чувствовали себя более уютно и безопасно.

Все разведслужбы используют доброжелателей — добровольцев на сотрудничество и добиваются зачастую неплохих результатов. Только надо убедиться, что доброжелатель настоящий, а не прошел предварительный инструктаж у инспектора ПЭТ Енсена. Конечно, в поведении агента контрразведки можно отыскать даже при первой беседестораживающие моменты и определенные несоответствия, но ведь приход в иностранное посольство и честно-го заявителя, многим рискующего и делающего *это* в первый и, возможно, единственный раз в жизни, тоже может вызвать массу вопросов. Жизнь много-

гранна и удивительна, и в разведке стандартное мышление чревато серьезными осложнениями. Ошибиться и оттолкнуть от себя близкого нам человека — это тоже оставляет в душе заметный шрам.

Одним словом, правильно построить работу с заявителем — большое искусство.

В момент проведения операции «Д» и я были взвинчены на острие ножа.

В моей оперативной биографии недостатка в заявителях и доброжелателях не было. Но должен признаться, что отношение к ним у меня на первых порах складывалось с точностью до наоборот и больших дивидендов они не принесли. Кроме отрицательного опыта, который с профессиональной точки зрения тоже может рассматриваться полезным. Для своего успокоения могу сказать, что решения по каждому из них принималось вышестоящим руководством и мое личное мнение, если и учитывалось, то не было определяющим.

О заявителях, доброжелателях и не только о них

Зачем ты послан был и кто тебя послал?

М. Ю. Лермонтов

Были приемные часы в консульском отделе на Кристианиагаде, 1. Как всегда, я был на дежурстве, а заведующий консульским отделом — он же заместитель по контрразведывательной части — Серегин Анатолий Семенович, ныне покойный, находился рядом в здании посольства, готовый прийти мне на помощь по первому требованию. Дел у него всегда было невпроворот, он вечно всем был нужен или сам кого-нибудь искал, поэтому в отдел заходил, когда этого требовало какое-нибудь неотложное дело.

Закончив прием последнего посетителя — до закрытия оставалось минут пятнадцать, — я отправил-

ся в служебное помещение, в котором сидели жены дипломатов и обрабатывали визовые ходатайства датчан. Не успел я обменяться с ними парой фраз, как в дверь постучали. Такое бывало и раньше: какой-нибудь нетерпеливый представитель туристического бюро, не обнаружив дипломата в приемном помещении, начинал тут же его разыскивать.

Открыв дверь, я обнаружил перед собой молодого неприметной наружности человека. Оглядываясь по сторонам, он вытащил из сумки увесистый пакет и протянул его мне:

— Это вам.

— Это что — паспорта?

— Нет. Это информация.

— Какая информация? — В общем-то я сразу догадался, о какой информации идет речь, но мне нужно было «раскрутить» этого молодого «ходока», чтобы составить о нем и о материале хоть какое-то представление. Брать пакет я, естественно, не торопился.

— Это секретная информация, к которой я по роду работы имею доступ и которая несомненно представит интерес для вас.

— А где вы работаете? — Времени на обдумывание не было, игодились прямые вопросы.

— Гм-м... скажем в одном из военных штабов.

— А все-таки?

— Это не имеет значения.

— А о чем эта информация и что вы за нее хотите получить взамен?

— Ничего. Я хочу ее подарить вам.

Мне как-то трудно было поверить, что датчанин запросто так отдаст советскому дипломату военные секреты. Но датчанин посчитал разговор законченным и стал прощаться.

— Позвольте, позвольте, — обратился я к нему, — почему вы думаете, что я — именно то лицо, для которого военная информация представляет интерес. Извините, мне это не нужно. До свидания.

Я развернулся и ушел в комнату, краем глаза наблюдая, как датчанин топтался на месте, собираясь уходить. Но через минуту он вновь открыл дверь, во-

шел в комнату, при всех бросил пакет на стол и скрылся. Мало сказать, что все мы были удивлены этим поступком.

Заявитель подал просьбу эмигрировать в СССР, в противном случае он пригрозил выехать в США.

Вызвал Серегина, и мы вместе вскрыли пакет. Внутри конверта лежала толстая пачка отксерокопированной инструкции НАТО о тактике уличных боев в условиях большого города. Оценить мы с ним эту информацию были не в состоянии и обратились в аппарат военно-морского атташе. Там нам однозначно сказали, что если бы мы добыли такую инструкцию, то могли бы «крутить на пиджаке дырки и спокойно не работать до конца заграникомандировки».

Резидент долго и брезгливо вертел инструкцию в руках, а потом бросил ее, как гремучую змею, на стол и стал демонстративно смотреть в окно. Было ясно, что решение сегодня дается ему с особым трудом.

В это время зазвонил телефон.

— Я вас слушаю, Николай Григорьевич. — Звонил посол. — Да, да, угу, я вас понял. Конечно. Конечно. Так и сделаем.

Он положил трубку и с победоносным выражением лица объявил нам:

— Только что послу позвонил Кнуд Есперсен. В штаб-квартиру КПД явился какой-то хмырь и демонстративно вручил секретарше секретный пакет с такой же инструкцией. Кнуд считает это провокацией по отношению к партии и попросил совета у Егорычева. Посол посоветовал Кнуду с официальным письмом вернуть инструкцию властям. И я тоже думаю, что мы должны вернуть наш экземпляр в МИД Дании.

— Да ради бога, но давайте хотя бы перефотографируем документ, — не выдержал я. — Мы же ничего не теряем, раз уж инструкция оказалась у нас в руках.

— Не торопись. Я иду к послу. Ждите.

Через пятнадцать минут резидент вернулся, но

инструкции при нем не было. Мы недоуменно переглянулись с консулом.

— Ты что — отдал ее перефотографировать? — спросил Серегин.

— Нет. Я оставил ее у посла, вернее, у его секретаря. Он срочно готовит ноту в МИД о том, что мы отмежевываемся от провокации в наш адрес и возвращаем пакет обратно датским властям*.

По отмеченным фактам было сделано устное представление в письменной форме.

Ноту с пакетом повез нарочный, а мы, словно побитые, поехали по домам обедать. Через несколько дней в газетах появилось таинственное сообщение о том, что датской полицией арестован сержант объединенного штаба командования северной группой войск НАТО при попытке передать секретный материал представителям одной из стран Варшавского блока. Сержанта ожидает военно-полевой суд.

Благодаря бездарному поведению начальства мы не только упустили из рук важную для страны информацию, но и подвели хорошего человека «под монастырь». Вычислить сержанта при тотальной слежке за воротами консульства со стороны ПЭТ особого труда не составило**.

Данный эпизод показывает, как осмотрителен должен быть офицер разведки с людьми, которые попадают на его пути. Легко- или недомыслие могут обернуться для них самым жестоким и драматическим образом.

Вообще должен отметить, что мне «везло» на заявителей. Особую категорию составляют люди большие, которые в условиях западной терпимости к ним как пчелы на мед слетаются на иностранные предста-

* По сравнению с акцией последнего председателя КГБ Бакатина этот просчет кажется невинной шуткой.

** Для самоуспокоения могу сообщить читателю, что точно в такую ситуацию несколько лет спустя попал резидент польской разведки в Стокгольме. Тогда шведская служба безопасности посадила за решетку подполковника ВВС.

вительства и тоже предлагают там свои услуги. Распознать их новичку в дефиците времени не так просто. Есть такие формы шизофрении, которые требуют по крайней мере длительного общения с пациентом, прежде чем становится ясно, с кем имеешь дело. А если шизофреник еще и с образованием и с фантазией, то он может довольно долго морочить голову своими на первый взгляд «разведвозможностями».

Самые незатейливые из них раскрываются после двух-трех фраз. Один такой тип, например, приходил ко мне на консульский прием несколько раз и, представившись проживавшим в Финляндии потомком князя Юсупова, предлагал план поиска крупного клада, оставленного «предком» в одном из дворцов Ленинграда.

Но вообще с каждым из таких посетителей стоит все-таки хорошенько разобраться. И вполне нормальный человек на Западе может иметь такие причуды, что его легко принять за больного. Жизнь подсовывает иногда такие невероятные варианты, которые не может нарисовать в своей голове самый талантливый и изобретательный фантаст.

... Ноябрьским хмурым и прохладным утром в приемную консульского отдела зашел датчанин лет тридцати трех — ничем не примечательная личность в джинсовом костюме, если не считать, что обут был не совсем по сезону — на грязных от пыли пальцах красовались выдавшие виды резиновые шлепанцы, или так называемые «вьетнамки».

Одевается строго: пиджак, брюки, иногда водолазка.

«Вероятно, закаляется», — подумал я, устав уже чему бы то ни было удивляться в Дании.

Посетитель держался довольно уверенно, я бы сказал, с чувством собственного достоинства, которое, однако, резко диссонировало с его простецким внешним видом.

— Чем могу быть полезен? — произнес я дежурную фразу.

— Полагаю, что полезен могу быть вам я, — не принужденно ответил датчанин и занял место напротив.

— Каким же образом? — «Еще один чудак», — подумал я, почти не скрывая своего недоверия.

— Самым тривиальным. У меня есть деньги, в которых, как я понимаю, нуждается ваша страна.

— А с кем я имею дело?

— Можете называть меня Енсенем.

«Луи» холост (об остальном — ниже).

— Господин Енсен, и какой же суммой вы располагаете? — «Ну точно, шизофреник, играющий в спасителя человечества».

— Довольно крупной. Десятки миллионов крон.

— Вы миллионер?

— Не только «кроновый», но и многократный «долларовый».

— Вы не шутите?

— Отнюдь. Я являюсь главой фирмы закрытого типа, специализируюсь исключительно на финансовых операциях. Мои деньги, помимо Дании, хранятся на счетах в банках Цюриха, Лондона, Франкфурта-на-Майне.

— Вы достаточно молодой человек, господин Енсен, чтобы в датских условиях успеть стать богатым человеком. Как вам удалось сколотить свой капитал?

— Это длинная история. Я окончил в свое время финансово-экономическую школу и досконально изучил законы экономики. Постепенно я пришел к тому, что стал в состоянии отслеживать тенденции и конъюнктуру на рынках и биржах. Остальное — все дело техники. Мой главный инструмент — телефон.

— И большая у вас фирма?

— Если говорить о персонале, то в ней только я. Нужных специалистов и исполнителей для конкретного дела нанимаю в разовом порядке.

— Ну а какую примерно сумму вы хотели бы подарить советскому государству.

— Хочу уточнить. Речь не идет о денежном подарке в чистом виде — это будет сделать довольно сложно. А вот оплатить какую-нибудь сделку Советского Союза на Западе я бы мог.

Новоявленный датский Савва Морозов стал меня интересовать. Неужели в наше время среди датчан могут быть такие люди?

— Скажите, пожалуйста, а почему вы хотите заниматься благотворительством вместо того, чтобы пустить ваши капиталы на их приумножение?

— Деньги перестали интересовать меня. Я пришел к выводу, что было бы лучше всего поделиться ими с нуждающимися. В чистую благотворительность я не верю — сразу найдутся нечистоплотные люди, которые приберут мои деньги к рукам, а те, кто действительно нуждаются в помощи, так и не дождутся ее.

— И вы хотите оказать финансовую помощь именно Советскому Союзу?

— Да.

— Почему? Вы разделяете наши взгляды, идеологию?

— Не совсем. Я не интересуюсь политикой. Однако мне кажется, что именно ваша страна заслуживает уважения. Западный мир прогнул насквозь, как утверждают ваши лидеры, и ему нужны не деньги, а нечто другое, что способно переродить его.

Разговор стал принимать заинтересованный с моей стороны характер, и хорошо, что никто из посторонних нам не мешал. Передо мной сидел самый настоящий спонсор революции собственной персоной и в такт своим ответам покачивал ногой во «вьетнамке». Я решил не церемониться и, отбросив всякую дипломатичность, задал прямой вопрос:

— Ну хорошо, господин Енсен, а чем вы можете доказать, что на самом деле располагаете крупными суммами денег? Признаться, в нашем представлении миллионеры выглядят несколько иначе.

Кривая улыбка еле заметно исказила бледное лицо то ли настоящего, то ли мнимого Енсена, но мой

бестактный вопрос не вывел его из душевного равновесия. Казалось, он хорошо владел каким-то восточным искусством самоконтроля, потому что в отличие от всех нас и своих соплеменников он был начисто лишен всякой суетливости, чрезмерной ажитации, тщеславия и внимания к мелочам жизни. Он производил впечатление принадлежности к какой-то если не секте, то к особой когорте людей. Он в моем теперешнем представлении был «посвященным».

«Савва Морозов» полез во внутренний карман джинсовой куртки и извлек оттуда коричневую книжечку:

— Вот взгляните, убедитесь.

Это была чековая книжка шведского банка «Скандинависка Эншилльда Банкен», собственности миллиардеров Валленбергов, солиднейшего предприятия не только в Скандинавии, но и во всем мире. Господину такому-то открыт счет в копенгагенском филиале банка на сумму... И тут у меня замелькало перед глазами от нулей. Я еще раз внимательно посмотрел на цифру, но зрение меня не обманывало. Цифра была семизначной! Она изображала несколько миллионов датских крон! Новоявленный Корейко не врал — у него действительно водились деньжата. Но может быть, книжка не настоящая? Или не его? Как бы то ни было, но что-то за всем этим скрывается. Во всяком случае дело стоит того, чтобы им заняться.

— Хорошо, господин Енсен, вы меня убедили в том, что вы действительно состоятельный человек. Пока вопросов у меня нет. — В дверном проеме появилась голова очередного посетителя. — Такие вопросы, как вы понимаете, естественно, не решаются сиюминутно. Я доложу о вашем предложении послу и о нашей реакции на него мы сообщим вам отдельно. Мы можем с вами как-то связаться?

— Конечно. Визиток я принципиально не держу. Я вам сейчас напишу номер моего домашнего телефона. Вот держите.

— Спасибо. Еще одна деталь, господин Енсен. Вы не смогли бы одолжить вашу чековую книжку на не-

сколько минут? Я хочу показать ее нашему финансовому специалисту.

— Пожалуйста.

— Прошу вас, посидите здесь, я скоро вернусь.

Я опрометью выбежал во двор и направился прямо к резиденту. Резидент был вообще воплощением скептицизма, ну а в данной ситуации особенно. Сидевший рядом Серегин внимательно слушал, вертел в руках чековую книжицу, курил, ходил по комнате, и когда он понял, что я перед резидентом уже исчерпал все аргументы и что мне уже не убедить его в том, что игра при минимальном с нашей стороны риске стоит свеч, неожиданно выступил на моей стороне:

— Анатолий Александрович, а чего мы, собственно, теряем? Ничего. А приобрести можем крупную сумму в валюте. Давай не будем пока информировать Центр, проверим все сами, и если все подтвердится, подключим к делу Центр. Мне что-то кажется, что этот Енсен — нормальный мужик.

Если заместитель по контрразведке не возражал, это уже снимало часть ответственности с резидента. Во всяком случае зам разделял эту ответственность с ним. Скрепя сердце, резидент дал «добро» на то, чтобы я занялся Енсеном.

— Но ты слабо разбираешься в финансах, я подключу к тебе в качестве эксперта Шарова. У него по этой части имеется опыт, — крикнул вдогонку резидент.

Перефотографировав чековую книжку «Корейко» — такой псевдоним был единодушно присвоен ему в резидентуре, я вернул ее владельцу и договорился, что мы с ним в ближайшее время свяжемся по телефону.

У моего старшего коллеги Толи Шарова голова была прикручена к плечам правильным местом и играла роль не только вешалки для шляпы, и вместе мы быстро выработали план дальнейших действий. Главным пунктом этого плана были проверочные действия в отношении состоятельности подпольного датского миллионера.

Первым делом мы осмотрели жилище «Корейко»,

местонахождение которого было указано в чековой книжке. Это был скромный коттедж в ближайшем пригороде Копенгагена, в котором проживали представители среднего класса столицы. Он ничем не выделялся из окружавших его других частных сооружений, если не считать высокого забора, за который заглянуть с улицы было невозможно. Мы несколько раз выезжали на местность, чтобы попытаться зафиксировать хоть какие-то признаки активности вокруг виллы, но все было напрасно: она каждый раз таинственно смотрела на нас закрытыми глазницами ворот, и даже самого ее владельца мы ни разу не видели ни входящим, ни выходящим. Это, конечно, могло свидетельствовать о чем угодно, в том числе о наших ограниченных возможностях.

Следующим нашим шагом была проверка кредитоспособности объекта. Мне было поручено под видом германского бизнесмена, заключавшего с нашим клиентом сделку, позвонить в «Скандинависка Эншильда» и спросить, можно ли и насколько можно доверять при этом Енсену. Как мы узнали, обращение в банк клиента было обычным делом при проверке его кредитоспособности, и ничего противозаконного в наших действиях не содержалось. Естественно, от имени советского посольства или торгпредства звонить было не разумно.

Я выехал в город и на немецком языке позвонил по справочному телефону в банк из телефона-автомата. Меня быстро соединили с клерком, отвечавшим на хорошем же немецком. Он подтвердил, что наш «Корейко» значится среди клиентов банка, что на его счету имеется солидная сумма, а когда я уточнил, можно ли мне заключать с ним сделку в размере нескольких миллионов крон, клерк ответил утвердительно.

Это уже было кое-что, но не все. Существовала теоретическая возможность того, что за обращением «Корейко» к нам стояла непонятная пока провокационная акция противника, и организовать подстраховку в банке для спецслужбы особых трудностей не представляло. И все-таки мы каким-то шестым чувст-

вом чуяли, что на провокацию это не было похоже и что миллионер с нами искретен, хотя и не до конца. У него были какие-то серьезные обстоятельства, не позволявшие пока до конца раскрыться перед нами — например, налоговые обязательства перед датским государством, сложные взаимоотношения с партнерами по бизнесу, родственниками или знакомыми и — в конце-концов — естественное недоверие к нам.

— Давай пригласим его в шикарный ресторан и заставим раскошелиться. Простенькая, но эффективная комбинация, — предложил Шаров. — Посмотрим на его поведение. Помнится, в Лондоне мы таким способом разоблачили жулика.

Я стал было сомневаться, пойдет ли на это сам объект проверки (джинсовый костюм и шикарный ресторан в моем представлении слабо увязывались вместе), разрешит ли нам резидент встречаться с ним без согласования с Центром, но все быстро уладилось: «Корейко» без колебаний пошел на встречу и принял наш вызов (в разговоре с ним я нагло напросился вместе с еще одним коллегой угоститься за его счет!), а резидент дал добро «погулять на «халяву».

Объект дал согласие на его проверку.

В назначенный вечер после тщательной поверки мы входили в надушенный всеми запахами синтетической парфюмерии вестибюль гостиницы «Шератон». Ресторан был несколькими этажами выше, и бесшумный лифт в несколько секунд вознес нас в царство кулинарии. Модерновый интерьер, приглушенная музыка, медленно передвигающиеся официанты, стекло, бетон, мрамор и современные скульптуры, плеск и близкое ощущение воды. Неужели «Корейко» опять появится здесь в джинсовом костюме и резиновых шлепанцах на босую ногу? Кстати, где же он?

Он возник откуда-то из соседнего зала и материализовался перед нами во всей своей красе: тот же потертый джинсовый костюм, те же вьетнамки, с той

только разницей, что на сей раз пришел в носках. Уму непостижимо, как он удерживал шлепанцы через носки на ногах.

Изменений во внешнем виде «Х» за истекший период не произошло, за исключением ампутации левой ноги.

Я представил ему Шарова по имени, и мы прошли в отдельный кабинет, где нас встретил предупредительный официант во фраке.

«Корейко» дал нам карт-бланш на заказ, а сам ограничился каким-то простым блюдом типа омлета. Мы долго изошрялись, пытаясь выбрать блюда и напитки подороже и поэкзотичней, но при всей нашей фантазии не могли выйти за пределы 300—400 долларов. Обед проходил несколько натянуто — это была первая встреча с объектом, и беседа касалась в основном общих тем. «Корейко» ел исключительно мало, ссылаясь на необходимость соблюдать диету, а пил только «рамлесу» — шведскую минеральную водичку.

Во время беседы мы в общих чертах обрисовали ему схему финансовой операции, в которой ему придется участвовать. Наше положение упрощалось в том смысле, что нам не пришлось что-то выдумывать или врать. Сама жизнь заставляла нас следовать условиям, в которые был поставлен Советский Союз в семидесятые годы. Наши западные противники в очередной раз устроили блокаду, запретив своим бизнесменам продавать в Советский Союз современные технологии. Инициаторы блокады США в рамках так называемого комитета КОКОМ навязали эту линию своим союзникам, и те были вынуждены следовать ей вопреки своим экономическим и торговым интересам. У некоторых представителей частного бизнеса эти беспардонные действия американцев вызывали законный протест, и они с удовольствием нарушали запреты и списки КОКОМа, когда для этого возникали благоприятные условия. К благоприятным условиям относились наличие у нашей стороны денег и соблюдение тайны.

Все это как нельзя лучше соответствовало духу и букве нашей разведывательной инициативы, и научно-техническая разведка — и КГБ и ГРУ — достаточно успешно решала задачу по обеспечению страны самой современной научно-технической информацией и ноу-хау. Только сделки надо было осуществить так, чтобы не торчали «советские уши». Для этого подыскивались подставные фирмы и лица, организовывали достаточно длинную цепочку трансфертов, переносили операцию в другие страны и т. д. Сами наши партнеры помогали повернуть дело так, чтобы комар не подточил носа. Если разобраться, то КОКОМ даже благотворно повлиял на приток нужной информации в Москву.

«Корейке» предлагалась роль финансиста в оплате одной из таких полуполюгальных сделок в пользу Советского Союза. Когда Шаров нарисовал ему в общих чертах идею сотрудничества, «Корейко» понял его с полуслова и принял условия безоговорочно. Он сказал, что подобными схемами приходилось пользоваться ранее и что он продумает в деталях всю операцию, как только мы сообщим ему необходимые исходные для сделки сведения.

В секретном, но неофициальном соглашении стороны открыто призывают к сотрудничеству.

Таким образом, встреча прошла в обстановке взаимопонимания и на высоком организационном уровне.

При оплате ужина «Корейко» выписал чек, положил выписанный официантом счет в карман, а сотрудник чебукогодия благодарно принял чаевые и удалился.

— Спасибо за приятный вечер, — сказал «Корейко», поднимаясь из-за стола, как будто это не он, а мы только что расплатились за обильную трапезу. — Надеюсь скоро от вас получить сигнал. Всего хорошего.

И он исчез из кабинета, чтобы больше никогда не попадаться на нашем пути. Бедный господин Енсен, если бы мы знали, чем все это закончится!

— Да-а-а, — с удовлетворением отметил Шаров, плотоядно поглаживая себя по животу. — Деньжата у него водятся.

Он тоже остался довольным встречей, хотя сетовал на то, что с заказанными блюдами справиться так и не удалось.

На следующий день мы обстоятельно доложили обо всем в Москву и через несколько дней получили разрешение на проработку целевой сделки в соседней стране с участием нашего богатого датского друга. Но в это время непредвиденные осложнения, вызванные перепитиями вокруг описанного выше покерного клуба и оперативной игры с резидентурой США, заставили нас отложить работу с Енсенем. Потом настало время моего отъезда, и все дело подвисло, потому что контакт с ним поддерживал я. При отъезде мы договорились, что Шаров попытается связаться с ним, но какие-то обстоятельства не позволили сделать это и ему.

В Москве я скоро забыл об этом деле — на меня навалились другие обязанности и заботы, и мне было не до Дании и датских миллионеров. Спустя некоторое время А. Шаров вернулся из командировки, и мы с ним случайно встретились в коридоре. Я вспомнил о «Корейко» и спросил, чем же все-таки закончилось наше общее дело.

— Закончилось оно, Боря, довольно трагически. Наш «Корейко» погиб.

— Погиб? Каким образом?

— Этого мы никогда не узнаем. Он был найден мертвым в своем доме. Кто-то убрал его с дороги, инсценируя самоубийство.

— И когда это произошло?

— Примерно спустя месяц или два после нашей трапезы в «Шератоне».

— И откуда такие данные?

— Не беспокойся, данные самые надежные.

— Похоже, он с кем-то был связан и кому-то стал мешать.

— Похоже.

Мы перевели разговор на другую тему, но вероят-

но у Анатолия, как и у меня. возникла в голове мысль о том, что волей-неволей толчком к загадочной гибели Енсена послужило его обращение в советское посольство*.

Чтобы закончить тему перебежчиков, хочу привести еще один пример. Он будет уже из разряда курьезных.

Однажды, возвращаясь в посольство с обеда, я столкнулся в воротах с незнакомыми мне мужчиной и женщиной. Они пытались через переговорное устройство договориться о чем-то с дежурным посольства, но тот их — да и не только их — понимал плохо и «лаялся» с трудом усвоенными фразами «Ху ю?» или «Эмбасси клозет». Как только дежурный нажал кнопку замка, иностранцы вместе со мной вошли на территорию.

В вестибюле я их спросил, по какому вопросу они пожаловали в советское посольство, и в ответ получил: — Мы просим у вас политического убежища.

Я провел их в специально отведенную комнату и опросил более подробно. Затравленно озираясь по сторонам, мужчина поведал мне, что до последнего времени работал в БНД**, но из-за разногласий с начальством был несправедливо уволен без права получения пенсии, в связи с чем решил отомстить службе и попытаться начать новую жизнь в СССР или ГДР. В БНД он специализировался по странам социалистического блока, неоднократно выезжал с заданиями в ГДР, ЧССР и ПНР. Перед бегством из ФРГ он прихватил копии многочисленных материалов БНД и в устной форме может сообщить важную оперативную информацию об агентуре БНД в соцстранах. Его спутница — это подруга, которая согласилась разделить с ним все тяготы эмигрантской жизни.

В подтверждение своих заявлений мужчина — назовем его условно Фогелем — открыл портфель, туго набитый документами, и предъявил просроченное

* Эпизод с Енсеном описан в моей книге «Иуда из Ясенева».

** «Бундеснахрихтендинст» — разведслужба ФРГ.

удостоверение сотрудника западногерманской разведслужбы.

Вместе с появившимся А. С. Серегиним мы еще раз опросили Фогеля и его спутницу и пошли докладывать резиденту. Через десять минут в Москву полетела срочная телеграмма о заявителе, а через час мы уже имели инструкции о начале конкретной и целенаправленной работы по снятию с заявителя информации.

В ходе содержательной двухчасовой беседы источник упорно молчал.

Мы поселили Фогеля с подругой в укромной комнате посольства и три дня неустанно, с утра до вечера, трудились, расспрашивая его обо всем, что тому было известно о деятельности БНД. Полученные сведения были поистине впечатляющими. Фогель сообщил данные на десяток агентов БНД, сидящих на ключевых административных и партийных постах в Софии, Праге, Варшаве, Берлине и Москве, рассказал о некоторых конкретных операциях службы, выдал список известных ему оперативных сотрудников БНД и характеристики на них.

Вся эта обширная информация немедленно направлялась в Центр. Серегин и я непрерывно сновали между убежищем перебежчиков и кабинетом резидента, забросив всю консульскую работу, появляясь в консульском отделе только для того, чтобы подписать визы или решить какой-нибудь другой срочный вопрос. Коллеги по работе, естественно, обратили внимание на наши передвижения по посольству и с завистью наблюдали за важной государственной работой, которая отображалась не только на наших физиономиях, но выпирала из каждой складки одежды, просвечивалась через дырки каждой пуговицы.

Не скажу, что у нас с Серегиним не было сомнений относительно привалившего оперативного счастья. Червь сомнения и суеверия глодал нас постоянно, и мы часто спрашивали друг друга, не является ли Фогель хитроумным исполнителем коварной акции

противника или не состоит ли он на учете в какой-нибудь гейдельбергской психиатрической клинике. Но нет, информация Фогеля производила впечатление взвешенной, реальной и логично поданной, а само его поведение выглядело вполне адекватным.

Наконец у Центра лопнуло терпение, и мы получили указание переправить Фогеля со своей дамой в Москву, чтобы руководящие товарищи успели сами приобщиться к «снятию сливок». Не буду пересказывать, каким образом мы выполнили эту задачу, но в скором времени перебежчики оказались в Москве. В качестве сопровождающего лица вместе с ними выехал консул.

Он вернулся в Копенгаген через неделю возбужденный и радостный и рассказал, что товарищи из Центра активно продолжают работу с Фогелем, что о нем, как и полагается, проинформировано руководство страны и что мы с ним можем «крутить дырки». Любимый Центр обещал нас представить к награде!

— Можешь без надрыва заниматься своими делами, — успокоил меня Серегин, — считай, что командировка сделана! Сам видел, как начальник ПГУ подписывал рапорт на Председателя.

И действительно, настроение у меня было такое приподнятое, что заниматься черновой работой — звонить связям, ходить на какие-нибудь мероприятия, писать скучные справки — желания не возникало. Коллеги, от глаз и ушей которых ничто не могло укрыться, любовно хлопали по плечу и ласково говорили:

— Ну Боб, молодца! Далеко пойдешь.

Целый месяц я был в героях и запустил оперативную работу донельзя. Ни резидент, ни его зам даже и не пытались напомнить мне о том, что «надо делать дело».

Но время шло, а долгожданных известий из Москвы о наградах и почестях не поступало. Внутри меня уже поселился червь сомнения, я спрашивал консула, но тот только пожимал плечами и приговаривал:

— Пути любимого Центра неисповедимы! Жди.

Но я почувствовал, что ждать нечего и стал поти-

хоньку возвращаться у своим «баранам» — рутинной оперативно-поисковой работе. Товарищи перестали хлопать меня по плечу, а в глазах некоторых из них стал поблескивать огонек злорадства.

Скоро я окончательно выздоровел от «звездной болезни», втянулся в повседневную оперативную страду и начал «вкалывать» по-старому. Однажды с одной из связей во время перерыва спектакля я прогуливался по залам Королевского театра оперы и балета и вдруг увидел перед собой знакомое лицо коллеги. Он стоял в стороне, стараясь привлечь мое внимание. Извинившись перед иностранкой — это была женщина, — я подошел к нему и спросил:

— В чем дело? Ты тоже взял билет на спектакль?

— Нет, меня послал резидент. Срочно езжай в посольство.

— А что случилось?

— Там «твой» объявился.

Больше задавать вопросов я не стал — я сразу догадался, о ком идет речь.

— Один из наших сотрудников попал в автоаварию, и мне нужно срочно выехать на место происшествия, — соврал я иностранке и оставил ее досматривать современную постановку Флемминга Флиндта, в которой балеруны и балерины по ходу действия измазывали себя с ног до головы красной краской.

Резидент с насупившимся лицом дожидался моего появления. Его тоже вызвали из дома, и время было уже позднее.

— Внизу сидит Фогель. Спустись и разберись, в чем там дело.

В слабо освещенной приемной, сжавшись в жалкий комочек, действительно сидел несчастный Фогель! Он сразу узнал меня и, словно в лихорадке, стал рассказывать, не дожидаясь моих недоуменных вопросов:

— Ваши товарищи уговорили меня вернуться домой и продолжить работу на вас с территории ФРГ. В Брюсселе меня арестовала полиция, потому что моя подруга предала меня. Но мне удалось бежать, и вот я с трудом добрался до вас, чтобы с вашей помощью укрыться в Швеции, где у меня есть друзья. Мне нужны деньги.

— Хорошо, посидите немного. Я сейчас вернусь.

Я поднялся в кабинет к резиденту, и мы вместе составили срочный запрос в Центр. Через час шифровальщик принес ответ и положил его на стол шефу. Текст гласил, что Фогель признан психически неуравновешенным человеком, в связи с чем от него решили избавиться, для чего под легендой будущего сотрудничества его выдворили обратно в ФРГ. Выдворение осуществлялось через ГДР, а подчиненные Маркуса Вольфа, дав хорошего пинка (Фогель действительно когда-то работал в БНД и был известен спецслужбам ГДР), выставили бедолагу в Западный Берлин. Подруга Фогеля узнала о его болезни только в Москве, и бедняжка страшно переживала, что дала втянуть себя в такую аферу, как поддержка тылов свихнувшемуся с ума мужику. И самое интересное: Центр своевременно сориентировал все европейские точки о том, чтобы Фогеля, если он опять появится в их поле зрения, гнали в шею. Не проинформирован был только Копенгаген. Вероятно, это следовало расценивать как тонкую месть резидентуре за то, что мы подсунули им тухлый товар!

— Иди выпроводи своего друга куда хочешь, — холодно сказал резидент и пошел домой.

Я опять спустился вниз и спросил Фогеля:

— Сколько вам денег требуется для того, чтобы добраться до Швеции?

— Сто крон.

— Держите. Я вас сейчас выведу на улицу через черный ход. Как только вы окажетесь на месте, мы с вами свяжемся.

— Да, да, я понимаю.

Я молча открыл калитку и подтолкнул Фогеля в сырую ночь. Откуда нам стал известен адрес его шведских друзей, он не спросил. Да это было и не нужно ему — главное, что он опять оказался при деле.

Кровные сто крон, врученные Фогелю, резидент компенсировать мне из кассы резидентуры отказался:

— Это тебе будет уроком, чтобы впредь был более внимателен с «пшиками».

Среди ложных добровольных помощников разведчика процент шизофреников в Дании несомненно выше, чем у представителей сексуальных меньшинств. Последние все-таки более приземленные, в политику не лезут и на пути иностранного дипломата встречаются редко. Но все-таки встречаются.

Встретился и мне один такой тип.

Дело было жарким летом, когда все датчане и сотрудники посольства с семьями уезжали к морю. Излюбленным нашим местом было Тисвиляе — небольшой поселок на севере Зеландии с хорошим песчаным пляжем и чистым мелководьем. Это было первое мое лето в Дании, и вопрос заведения полезных связей стоял во весь свой рост. Поэтому даже на отдыхе я думал о том, как бы выйти на интересного человека, с помощью которого можно было бы изменить соотношение сил между Варшавским блоком и НАТО в пользу первого или проникнуть в сейф к президенту Никсону.

Выезжая на пляж и стараясь подъехать как можно ближе к воде, я застрял на своем «форде» и, несмотря на помощь коллег, вылезти из песка никак не мог.

— Проблемы? — услышал я характерный датский акцент в английской фразе.

Передо мной стоял белокурый красавец в плавках, эдакая типичная арийская бестия, и улыбался мне неподдельной голливудской улыбкой. По дипломатическому номеру машины датчанин определил, что имеет дело с иностранцем.

— А вы можете мне помочь?

— Естественно. Минуточку.

Он залез в огромный американский «шарабан», подъехал спереди, ловко подцепил мой «форд» тросом и без всяких усилий вытащил меня на безопасное место.

Естественно, я не захотел упускать случая поближе познакомиться с красавцем, который произвел на меня положительное впечатление своими изысканными, прямо светскими манерами, культурной речью, обходительным дружелюбием. Мы разговорились, потом обменялись телефонами и договори-

лись встретиться в Копенгагене в один из ближайших вечеров.

Он сказал, что позвонит мне в посольство, но я настоял на том, чтобы я заехал за ним домой, поскольку выяснил, что он холостяк и один живет в небольшой пригородной вилле. В обусловленное время я позвонил в дверь небольшого со вкусом отделанного особняка, и на пороге появился мой Красавчик. Он был одет в шикарную рубашку свободного покроя, светлые облегающие фигуру брюки, на шее был небрежно повязан шелковый платок, и несло от него изысканными ... женскими духами! Я принял все это на счет последнего крика моды, и смело шагнул внутрь дома.

Х. особых примет не имеет, если не считать, что низ у него шире плеч.

Были уже ранние сумерки. Окна большой гостиной были задрапированы. Стоящий у журнального столика торшер бросал скупой свет на выставленное угощение. Интимность обстановки подчеркивала тихая квадрофоническая музыка, льющаяся откуда-то с потолка. Хозяин предложил мне присесть и налил лонг-дринк. Он объявил, что хотел бы свозить меня, если нет возражений, в один из пригородных ресторанов. Я ответил согласием, потому что почувствовал себя в его доме как-то скованно. В ресторане, на нейтральной почве, я буду чувствовать себя с ним на равных.

В это время он как-то мягко и плавно опустился рядом со мной на диван и, продолжая разговор, как бы ненароком положил руку мне на колено. Не подозревая никакого подвоха, я тоже продолжал беседовать, как ни в чем не бывало. Святая простота! Я принял этот жест за проявление датского дружелюбия, хотя, признаюсь, он меня все-таки в глубине души неприятно и странно насторожил.

Впрочем, датчанин быстро убрал руку с колена и предложил ехать.

Ресторан располагался в Клампенборге и посещался весьма изысканной публикой. Угощение было шикарное, но я по-прежнему чувствовал себя весьма

и весьма скованно и неудобно. Мягкие женские движения собеседника постепенно надоедали больше и больше. Он несколько раз, как бы невзначай, пытался коснуться меня, потрогать плечо, положить руку на мою, внимательно поглядеть в глаза.

И настал момент, когда в голове стрельнула мысль о том, что моя связь является не кем иным, как гомосексуалистом. Я стал присматриваться к нему, и этот вывод становился все убедительней. Необходимо было прекращать контакт, но сделать это надо было достаточно деликатно, чтобы не обидеть человека. В конце концов, говорил я себе, он не сделал мне ничего плохого. До сих пор.

И я придумал себе оправдание.

— Закажите мне водочки, — попросил я датчанина после того, как мы справились с датским бифштексом и французским «бужеле».

— Водки? — поднял датчанин брови.

— Да именно, водки, — нахально настаивал я на своем.

Он нехотя позвал официанта и заказал рюмку «смирновской». Что делать с этими русскими: ведь водка у них — национальный вид спорта!

— Нет, не рюмку, а стакан! — Мне было уже плевать на то, что обо мне подумает метрдотель и все окружающие.

— Хорошо, хорошо, — поторопился подтвердить заказ официант и скоро появился с наполненным наполовину стаканом. Датчанин молча наблюдал за мной, со страхом ожидая следующего моего шага.

Я спокойно «кинул» эти жалкие сто граммов, но слегка закашлялся — на публику пить я еще не привык, но датчанин все равно уважительно посмотрел на меня.

— Ну как? Все о'кей? — спросил он на всякий случай.

— Нет, надо повторить, — ответил я, поняв, что после обильного обеда водка не «брала» как следует.

— Еще? — с ужасом спросил «гомик».

— Конечно.

Официант снова принес мне полстакана, и я с отвращением выпил и эту порцию. Теперь в голове за-

шумело, и я мог смело и натурально изображать состояние опьянения.

Датчанин был шокирован и не знал, как со мной поступить. А я громко разговаривал с ним на ужасном датском, так что сидящие за соседними столиками посетители стали бросать на нас укоризненные взгляды. В конце концов я сам подсказал выход из положения:

— Отвези... зите меня... домой!

Датчанин сразу засуетился, расплатился по счету и, поддерживая меня бережно за локоток, повел к машине. Он усадил меня на заднее сиденье и, вероятно сожалея об упущенной возможности, погладил меня-таки подлец — на прощание — по коленочке! Меня чуть не стошнило, но я стиснул зубы и напомнил ему о его долге отвезти пьяного гостя домой.

— Да, да, конечно.

Прощаясь у подъезда моего дома, Красавчик выразил надежду, что наш контакт продолжится и в будущем.

— Непременно! — безапелляционно заверил я его. — Несомненно! Завтра я позвоню вам.

— Буду ждать вашего звонка.

Интересно, ждет ли он моего звонка до сих пор?

«Д» является почти заядлым холостяком, поскольку не совсем уверен в завтрашнем дне.

Шерше ля фам!

*Красавица, не трать ты времени напрасно
И знай, что без любви все в свете суета...*

Г. Р. Державин

Любителям женского пола могу со всей определенностью заявить, что после русских женщин — датчанки самые красивые в мире, чего нельзя сказать о датчанах. Сильная половина Дании, с моей точки зрения, изуродовала свою фигуру чрезмерным потреблением пива и сосисок и, за редкими ис-

ключениями, оставляет желать лучшего. Вот если бы датчанкам дать высоких и стройных шведов, то получилась бы нация хоть куда!

Эмансипированные датчанки курят. Во всяком случае в 70-х многие представительницы слабого пола страдали этим недостатком. Я был просто шокирован, когда увидел датчанок, «смоливших» ... сигары! Правда, не гаванские «торпеды», которые так любил Черчилль, а небольшие «черруты». Но все-таки, признайтесь, сигара во рту женщины выглядит довольно экзотично. Полагаю, пристрастие к подобным табачным изделиям надо отнести к достоинствам датских женщин.

Самое эстетическое зрелище, которое можно наблюдать в Копенгагене, — это летнее солнечное мягкое утро, когда весь город на колесах отправляется на работу. И тогда автомобилисту следует смотреть в оба, чтобы не попасть в аварию. Да, движение автомашин в городе бойкое, но дело не только в нем. Справа и слева по специально оборудованным велосипедным дорожкам едут многочисленные велосипедисты и велосипедистки, и вот велосипедистки-то и представляют главную опасность. Чуть зазевался на стройную фигурку с длинными, как у фотомодели, ножками, вращающими педали, как ты уже и врезался в задний бампер впереди идущей машины. А если тебе нужно смотреть и в зеркало заднего обзора, чтобы видеть, кто за тобой следует, то вождение автомобиля в условиях Копенгагена может быть приравнено к искусству эквилибристики. Куда там Цезарю, делающему одновременно три дела!

А велосипедистки, все как на подбор, они все едут и едут, и несть им числа.

Свобода нравов не означает, однако, доступность женщин. Многие иностранцы, приезжая в Данию, ожидают, что датчанки прямо вешаются на шею первому попавшемуся мужчине. Ничего подобного! Если действовать, как действовал поручик Ржевский, то можно и в морду схлопотать. Как справедливо говорил один из героев М. Зощенко, в жизни нужен и романтизм, а не только голый интерес.

Автор книги полковник СВР в отставке Б. Н. Григорьев.

Учебное здание школы № 101 КГБ при Совете Министров СССР.

Удостоверение Б. Н. Григорьева к нагрудному знаку «10 лет Управлению внешних связей СВР России».

Памятный нагрудный знак
"10 лет Управлению внешних связей
СВР России"

Григорьев

Борис

Николаевич

награжден
памятным нагрудным знаком
"10 лет
Управлению внешних связей
СВР России"

Начальник
Управления внешних связей
генерал-майор

[Signature]
В. Зимаков

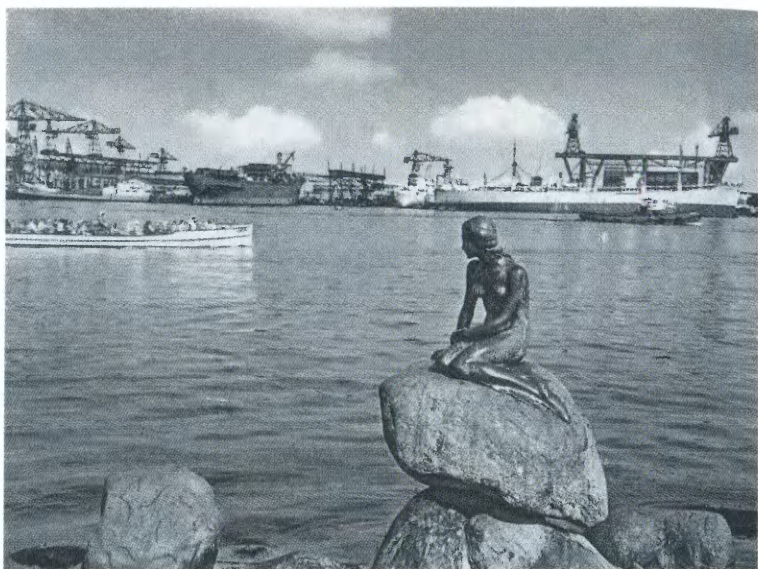
" 3 " февраля 2003 г.

Панорама Рейкьявика.

Памятник первому
поселенцу Исландии
Ингольву Арнарсону.

Памятник Русалочке (женам моряков, ждущим своих мужей с моря).
Копенгаген.

Почетный караул королевских гвардейцев на площади Амалиеторг
перед королевским дворцом. *Копенгаген.*

Панорама Копенгагена с высоты птичьего полета.

Вид на ратушу со стороны бульвара Андерсена. *Копенгаген.*

Д. А. Быстролетов —
выдающийся нелегал 1930-х гг.

А. Г. Дейч. *Портрет П. Г. Громушкина.*

Советский быт. *Зарисовки Д. А. Быстролетова. 1930-е гг.*

К. Т. Молодой (Бен). ▲
Портрет
П. Г. Громушкина.

Р. И. Абель. Портрет
П. Г. Громушкина.

Р. И. Абель.
Подмосковье.
Рождественская
открытка, нарисованная
в тюрьме США. ❖

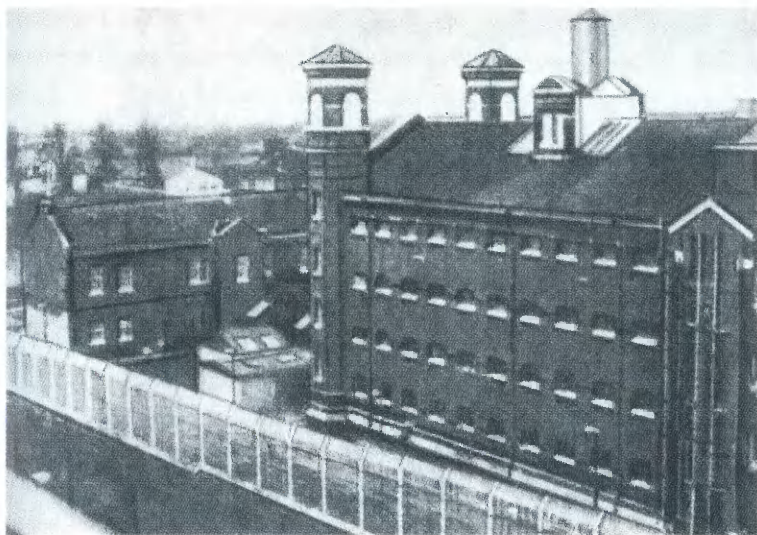

П. Крогер.
Портрет П. Г. Громушкина.

Х. Крогер.
Портрет П. Г. Громушкина.

Памятный почтовый конверт, выпущенный к 70-летию юбилею советской внешней разведки с автографами Питера и Хелен Крогеров.

Тюрьма Уормс-Скрабс, где в заключении находились советские нелегалы (К. Т. Молодой (Бен), Питер и Хелен Крогеры, Дж. Блейк).

Дж. Блейк.

Ким Филби.

Летний дворец шведских королей в Дроттнингхолле.

Приглашение на прием в связи с официальным визитом У. Пальме
в Москву. Апрель 1976 г.

По случаю официального визита в СССР премьер-
министра Швеции Улофа Пальме

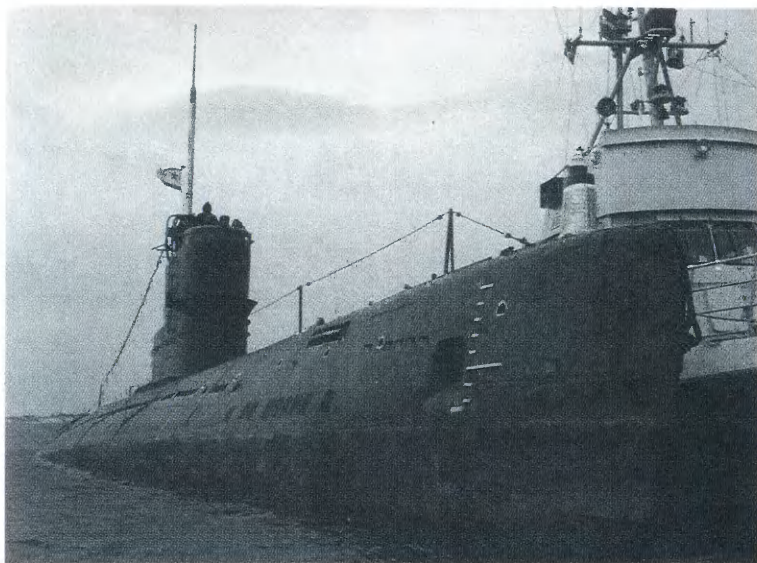

Чрезвычайный и Полномочный Посол
Швеции в СССР
и
госпожа Рюдинг

имеют честь пригласить *господина Г. Н. Григорьева*
с супругой
на *прием, в среду 7 апреля 1976 г.* с *18.00 до 20.00*

Мосфильмовская ул., 60
тел. 1479009

Благодарны за ответ.

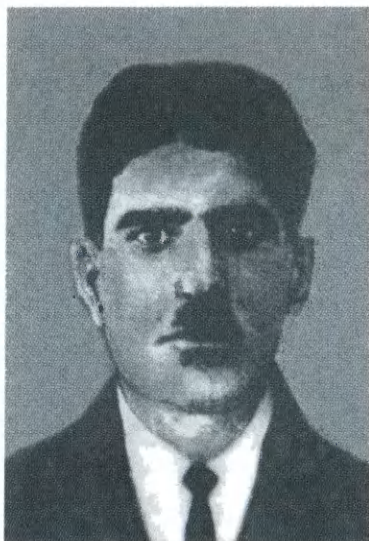
Советская дизельная подводная лодка класса «Виски» (по классификации НАТО) на рейде Карлскруны.

Обложка изданной в Швеции книги с портретом капитана советской подводной лодки У-137 Анатолия Гушина.

Карлскруна. Слева направо: Ю. Просвирнин, шведский офицер связи П. Бьерлинг, Б. Григорьев.

Сотрудник ИНО ОГПУ
перебежчик Георгий Агабеков.

Изабель Стритер. Фото 1960-х гг.

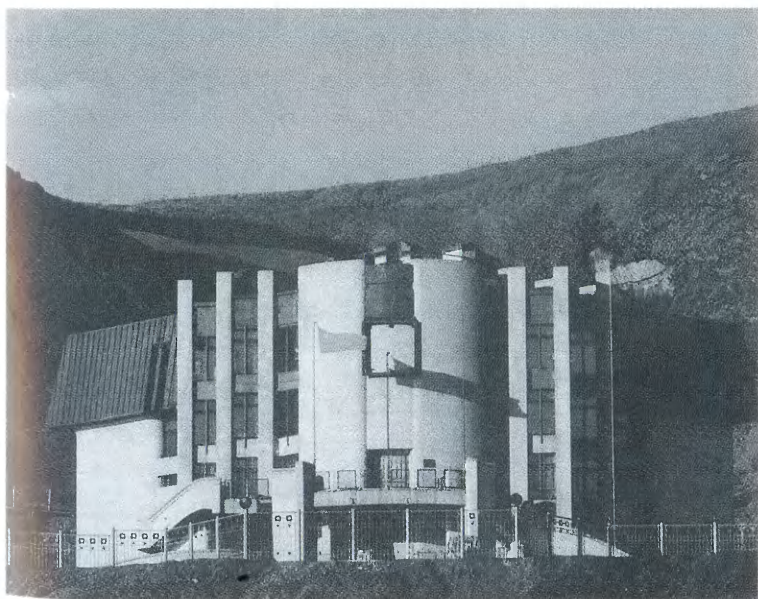
Предатель О. А. Гордиевский.

Борис Николаевич и Наталья Геннадиевна Григорьевы на балконе консульства СССР в Баренцбурге. *Шницберген.*

«Замок Иф» — консульство СССР в Баренцбурге.

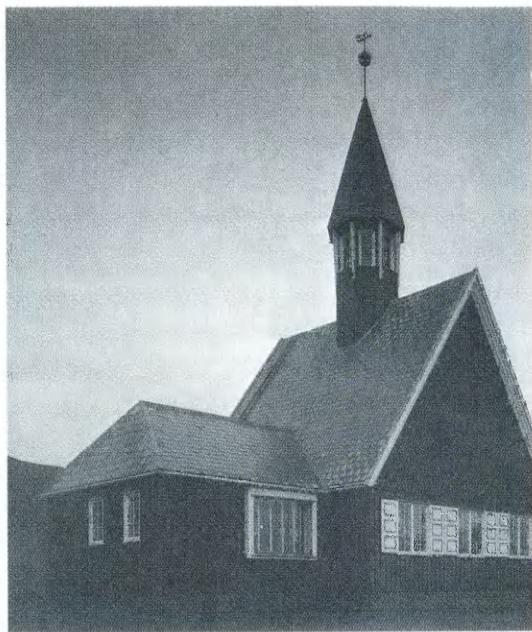

Вид на норвежский поселок Лонгйербуен. *Шпицберген.*

Совместный обед сотрудников консульства и норвежской правительственной делегации. Крайний справа — секретарь консульства и предатель (агент СИС) Платон Обухов; третий справа — вице-консул Б. Н. Григорьев, четвертый справа — сюзельман (губернатор) о. Шпицберген Л. Элдринг.

Норвежская
протестантская
церковь
в Лонгйербюене.

Полярная ночь
в Лонгйербюене.

«Берегите
Шпицберген!».
Герб суссельмана.

Хозяин архипелага
Шпицберген.

Но нас интересует не просто женщина, а женщина в разведке.

Женщина-шпионка — не такое уж редкое явление. Кто не слышал о знаменитой и несправедливо приговоренной к смерти Мата Хари; о германской разведчице времен Первой мировой войны Лизе Блум, путешествовавшей по датскому, кстати, паспорту; француженке Бланш Потен, влюбившейся в немецкого офицера и ставшей на путь предательства, или о проживавшей в Скандинавии француженке Еве де Бурнонвиль, завербованной немцами и арестованной англичанами! Наши женщины тоже зарекомендовали себя на шпионском поприще не с самой худшей стороны: Е. Ю. Зарубина, долгое время проработавшая вместе с мужем на нелегальной работе; З. И. Воскресенская-Рыбкина, ставшая потом известной писательницей; «Патрия» — испанская коммунистка Африка де Лас Эрас и многие другие.

Накануне своего увольнения с активной оперативной работы мне довелось услышать одну занимательную историю о том, как британская разведчица, выступающая под дипломатическим прикрытием в одной европейской столице, настойчиво пыталась разрабатывать нашего высокопоставленного дипломата. Он постепенно был втянут в двусмысленную ситуацию, в которой как джентльмен не мог оперировать тем же набором средств и уловок, чтобы «отшить» ее, который он не задумываясь мог бы применить в отношении мужчины. Но когда сотрудница СИС стала предлагать ему сотрудничество, то тут уж дипломат был вынужден пренебречь светскими предрассудками и послать ее куда подальше.

Женщина — острое оружие в разведке!

Вообще-то женщину-вербовщика я себе представляю с трудом. Она хороша как помощница и техническая исполнительница, связник, аналитик, психолог, но как только она выходит один на один с мужчиной, то самым коварным образом подвергает себя риску из соблазнительницы превратиться в соблазненную.

«М» в целом морально устойчива, если не считать факта ее отчисления с курсов стенографии за многократные связи с мужчинами помимо собственного мужа.

Конечно, если она готова применить свое грозное оружие перед мужчиной, то ей не будет равной. Но верно и обратное положение: мужчина-вербовщик, способный влюбить в себя женщину-объекта, имеет не менее блестящие шансы добиться нужных разведывательных результатов. Достаточно вспомнить разведчиков ГДР, которые перевербовали чуть ли не всех страшеньких секретарш в министерствах и ведомствах ФРГ, обладавших секретами, предлагая им свое сердце, руку, а иногда и то и другое.

Одним словом, там где рыцари плаща и кинжала сталкиваются на узкой дорожке с противоположным полом, результат будет всегда или почти всегда обеспечен. Вопрос только — в чью пользу? Джеймс Бонд, к примеру, из этих поединков всегда выходил победителем, каких бы ему женщин КГБ не подставлял. Но на страницах детектива, я думаю, наш майор Пронин оказался бы тоже не хуже «альбионца».

Не будем лицемерами и ханжами. Советские спецслужбы довольно часто и успешно использовали женщин на оперативной работе, причем это не всегда согласовывалось с принципами коммунистической морали, да и вообще морали. В этом они несколько не отличались от своих западных коллег. Разведка — не то поле деятельности, на котором оттачиваются и совершенствуются принципы общественной морали. Скорее наоборот: шпиону эти принципы мешают.

Нелегал Д. Быстролетов шел на головокружительные комбинации по подставе своей собственной жены нужным источникам информации — правда, с ее собственного согласия. Она вступила в фиктивный брак с итальянским разведчиком, но отношения в постели с фиктивным мужем были вполне настоящие. Быстролетовы сознательно пошли на эту страшную жертву «во имя светлых идеалов за торжество идей

коммунизма». Сейчас это звучит дико, но в 30-е годы такие жертвы руководством советской разведки принимались и даже поощрялись. Правда, они не проходили бесследно. Для того же Быстролетова дело кончилось весьма и весьма печально: итальянец «застукал» нелегала с женой в своей спальне, когда тот «освободил» его сейф от секретов. Итальянца пришлось убирать, и разведчикам удалось замести следы своей неблагоприятной деятельности. Но результаты операции оказались разрушающими для самих Быстролетовых: жена ушла и из семьи и из разведки.

За необоснованную и неоднократную смену любовников руководство объявило «М» замечание.

Поскольку шпионское ремесло — в основном удел мужчин, то попробуем посмотреть на женщин как на объект их оперативных устремлений. Главный постулат или аксиома, выведенная чисто эмпирически, гласит, что в разведке не известны случаи вербовок женщин мужчинами, минуя постель. Чисто теоретически можно представить себе идеологический оазис, в который попадает разведчик и женщина и в котором ему, вероятно, будет хватать идеологических аргументов для того, чтобы склонить женщину к сотрудничеству. Но даже идеологическая близость вряд ли помешает их интимной близости.

Ну а на практике мне известен совершенно достоверный пример того, как наш оперработник (кстати, представитель одной из трех кавказских республик) на «морально-психологической» основе привлек к сотрудничеству одну незамужнюю женщину, сотрудницу посольства одной из стран НАТО; как эта агентесса категорически отказывалась работать с другими оперработниками и как наш вербовщик постоянно «мотался» по командировкам в те страны, которые по случайному совпадению являлись страной пребывания дипломата в юбке. Излишне упоминать о том, что информационная отдача агентессы достигала своего наивысшего пика, когда завербовавший ее сотрудник оказывался с ней рядом.

Целесообразно поставить вопрос о ее переводе в ранг агента, поскольку доверительные отношения с ней де-факто переросли в интимные.

А если разведчик не может или не хочет «перейти Рубикон», то разработка женщины превращается в сплошные «рыдания». У женщины, какой бы дурнушкой она не была, первый вопрос, который возникает при подходе оперативного работника, сводится, как правило, к одному: «Чего он от меня хочет?» Поскольку тот сразу не может сказать, что его интересуют не глазки, не ножки и не другие ее прелести, а то, что лежит у нее в служебном сейфе, и вынужден на первых порах заниматься непонятной для нее «тягомотиной» или, как говорят англичане, «бить палкой по кустам», то у нее однозначно возникает подозрение, что «я ему нравлюсь». Разная направленность интересов и ожиданий заканчивается, как правило, плачевно.

Это все теория, скажет нетерпеливый читатель. Где же конкретные примеры? Ну хорошо, вот один из них.

По заданию Центра я должен был встретиться с женщиной-агентом, прибывшей в Копенгаген из другой страны. Я как следует проверился в городе и в назначенное время вышел на явку. Место встречи находилось у витрины небольшого магазинчика, и я, выбрав более-менее удобную позицию для наблюдения, стал дожидаться появления агентессы. Время было воскресное, магазин закрыт, улица, застроенная небольшими коттеджами, пустынная, — в общем чувствовал я себя не самым лучшим образом.

У него была выгодная позиция наблюдать за мной: нос неправильной формы с увеличенными ноздрями, глаза на выкате. Другие черты не выделялись.

И вот вижу, как из-за угла появляется средних лет женщина. Она бодрой походкой приближается к пресловутому магазинчику, и я, как гончая на тяге, делаю стойку. Но что это такое? Вместо того чтобы

остановиться перед витриной и полюбоваться на выставленные там скобяные товары, женщина проходит мимо. Вот она уже оставила позади себя магазин, следующий за ним дом и скоро скроется за поворотом.

Что делать? У меня нет сомнений, что это *она*, но почему же она не соблюдает условия явки?

Опознавательный признак: оперработник — на руках перчатки, третью перчатку несет в одной из двух рук.

Я срываюсь с места, догоняю ее и тихим голосом, чтобы не напугать, говорю, проникновенно глядя ей в глаза, что-то вроде:

— Мадам, извините, не продаете ли вы славянский шкаф?

«Мадам», как ни странно, сообщает мне отзыв. Удача! Я все-таки не ошибся!

— А почему вы не остановились перед витриной?

— Разве? Ах, извините, я не придала этому значения.

— Больше так, пожалуйста, не делайте. Давайте пройдем вон в ту рощицу и поговорим.

Поздоровались. Отметив прекрасную погоду, он хотел было отправиться в гостиницу, но оперработник предложил более интересное место за углом.

В рощице нам пришлось изображать умеренно влюбленную парочку, чтобы не привлекать внимание редких, а потому внимательных к нам прохожих.

— Центр предлагает вам выехать в такую-то страну и сделать то-то и то-то.

— Ой, я не смогу этого сделать. Дома остался больной муж, за ним некому ухаживать.

И агентесса на глазах у публики самым нахальным образом, как малый ребенок, расплакалась. Пришлось мобилизовать все свои отцовские качества и по мере возможности утешать ее и уговаривать выполнить задание Москвы. Со стороны я наверняка

выглядел мерзким типом, соблазнившим эту хрупкую особу, а теперь делающим «прыжок в сторону». Отдельные датские старушки, степенно гулявшие по дорожкам, бросали в мою сторону укоризненные взгляды. Агентесса, подобрав ноги под себя, сидела на моем новом пиджаке, а я неловко скрючился поблизости, пытаясь привести ее в чувство.

Наконец слезы кончились. Договорились, что она вернется домой, поставит на ноги супруга, а после этого соблаговолит поехать туда, куда просят строгие дяди с площади Дзержинского. На поездку выдал ей деньги, и мы распрощались. Ее поездка в Копенгаген оказалась совершенно напрасной.

В качестве постскриптума к этому эпизоду можно было бы добавить, что и сама агентесса и ее муж к моменту выезда на явку в Копенгаген уже попали в разработку спецслужбы противника, были перевербованы ею и действовали строго в рамках правил навязанной им радиоигры с московским Центром. Но об этом мы узнали через много-много лет. Так что все оказалось не так уж и невинно, как это пыталась мне показать коварная агентесса. Она выбрала правильный тон в общении с представителем Центра. Лучший для женщины способ оправдаться перед мужчиной — слезы.

«Ж» охотно идет на выполнение просьб оперработника, в том числе и на материальное вознаграждение.

Ну как вы думаете: какого мнения я стал придерживаться о женщинах-агентах после описанного выше эпизода?

... На одном из приемов мне удалось познакомиться с секретаршей посла одной из стран НАТО.

— Прекрасно, — прокомментировал контакт резидент. — Давай займись. Парень ты из себя видный. Заморочь ей голову, а там...

— А что — там?

— Там поглядим.

Легко сказать — займись, заморочь голову. Надо

еще «вытянуть» ее на встречу. Как? Хорошо, что именно в этот момент в Копенгаген приехал на гастроль Кио со своей труппой. Я тут же добыл один билет на представление и послал его лично моей знакомой в посольство. В антракте мне не составило труда найти эту натовскую девицу и поболтать с ней на волнующую тему циркового искусства. Во время беседы выяснилось, что она любит балет и мечтает посмотреть одну из постановок Большого театра с участием Улановой или Плисецкой.

Что ж, в Москву было ехать ни к чему, а вот сходить на балет в Королевском датском театре — это пожалуйста.

Так начались наши совместные культурные вылазки.

Имеется возможность использовать ее культурные наклонности для осуществления определенных мероприятий.

Отношения с поклонницей Мельпомены развивались ни шатко, ни валко. Вернее, они развивались, но оперативная перспектива прорисовывалась пока слабо. В конце концов настало время прекратить посещение театров и концертов и вместо них вставить в программу нечто более провокационное, к примеру, ресторан. Ресторан — это грубо, но всегда зримо, весома. Он-то и даст толчок в нужную сторону, посоветовал мне резидент.

Секретарша с удовольствием приняла приглашение и в ресторан. После ресторана она впервые решила мне проводить ее до дома. Ага! Наконец-то, может быть, удастся зайти к ней на чашку кофе!

И действительно: расслабленный под мягкую чарующую музыку Вивальди, я весь вечер вкушал аромат собственноручно приготовленного секретаршей «мокко». Она загадочно мне улыбалась, садилась напротив в кресло, показывая безупречную ножку, вставала, ходила по обставленной посольской мебелью комнате, томно вздыхала, а я... Я сидел балбес балбесом и забивал ее очаровательную головку по-

литикой, чтобы постепенно вывести разговор на нужную тему. Меня, как Остапа Бендера, интересовала не сама Зося, а местонахождение исчезнувшего подпольного миллионера Корейко, то бишь сейф, где на тарелочке с голубой каемочкой... Ну вам-то не надо объяснять, что я имею в виду.

Но моя милая секретарша от моей сухой «бубниловки» довольно скоро сникла. Она сладко зевнула и напомнила, что ей завтра рано вставать на работу. Я с готовностью вскочил, извиняясь за грубую бестактность — эдакий мужлан, не соображает, что после одиннадцати пора и честь знать! — и в целостности и сохранности ретировался из квартиры.

Строгое следование правилам светского этикета стоило советской разведке потери контакта. После этого вечера секретарша оказалась на редкость занятой и на мои уговоры «посидеть где-нибудь, погулять или посмотреть что-нибудь» холодно отвечала, что вся ближайшая неделя у нее занята — звоните, мол, на следующей. Я исправно звонил через неделю, но история повторялась.

— Все ясно, — резюмировал резидент, — до нее дошло, что ты в ней не увидел женщину. Ставь на ней «крест» и займись другим делом.

На кладбище отпавших оперативных связей появился еще один свежеструганный дубовый крест.

Умные задним числом коллеги говорили, что «надо было ... это... ну... сам понимаешь, а ты... это... сробел, значит». Позвольте-позвольте, возражал я, о чем вы говорите? На *это* нужно специальное разрешение руководства. А оно *так* вопроса не ставило. Коллеги смотрели на меня как на невесту откуда появившегося марсианина и крутили указательным пальцем возле виска.

— Эх, правильный ты наш! Да ты бы сделал как надо, завербовал ее, а потом бы и доложил: так мол и так, это... попутно, мол, случилось. Кто ж победителя судит? Начальство, дорогой Боря, для пользы дела и обмануть не грех.

Но я слышал — и тоже от умных же людей, — что с

постельными делами при разработке женщины топиться не следует, потому что есть опасность так и остаться в кровати, ни на йоту не продвинувшись к сейфу, где лежат секреты. Можно так увлечься клубничной стороной вопроса, что позабудешь и об оперативном задании!

Одним словом, разведка не накопила и не обобщила достаточно надежных данных, на которых можно было бы построить теорию разработки и вербовки женщин. И не думаю, что в будущем она выведет какую-то правильную и однозначную формулу обращения с прекрасным полом. Все как в жизни — действовать надо по обстановке. Догмы в нашей работе — ее смерть.

На основании своего опыта контактов с женщинами для разработки могу рекомендовать только молодых.

Примерно так же у меня получилось с одной активисткой союза социал-демократической молодежи Дании. Датчанка, в отличие от секретарши иностранного посла, сразу поняла, чего мне от нее надо, и приняла энергичные меры по свертыванию контакта. В данном случае она поступила как настоящий мужчина: ей и не приходила в голову мысль о том, что советский дипломат мог интересоваться ею как женщиной (хотя была чертовски симпатична), она справедливо полагала, что в первую очередь она мне была интересна как функционер социал-демократической партии. Карьера этой активистки потом круто пошла вверх, Анкер Йоргенсен взял ее к себе в правительство, и она, говорят, как министр зарекомендовала себя ничем не хуже мужчин. И действительно, несколько лет спустя в прессе появились сообщения о том, что «министр соцобеспечения Дании имярек грубо использует свое служебное положение в личных целях». То есть, то ли брала взятки, то ли залезала в казну.

Да, крутая девушка попала на моем оперативном пути, но пусть ее вербуют другие.

Полицейские и воры

*Соперники в искусстве брани,
Не знайте мира меж собой:
Несите мрачной славе дани
И упивайтесь враждой.*

А. С. Пушкин

Как ни странно, но у меня остались самые приятные впечатления от моего естественного противника в Дании — датских полицейских. Возможно, я сейчас идеализирую их — противник он и есть противник, — но в те канувшие в Лету 70-е годы наше противостояние, ей-богу, больше походило на партнерство в игре с неписаными правилами. Игре, правда, опасной и рискованной, в которой на карту поставлены государственные интересы, служебная карьера, безопасность людей и многое другое.

Задача полиции — поддерживать порядок и закон в стране и следить, чтобы никто не нарушал его, не обходил и не подкладывал фугасы под фундамент безопасности. Наша задача — противоположная: обхитрить полицию, найти лазейки и дырки в системе превентивных мер и взять то, что плохо лежит, то есть, грубо говоря, украсть.

Сама суть игры — государственный интерес, понимаемый каждой стороной по-своему. Все остальное вокруг нее — чистый антураж, идеологическая, политическая, историческая и прочая мишура. Пока существует государство, будет жить и разведка. Разведка — это глаза и уши государства (правда, не единственные), без которых оно не может сделать ни одного шага на международной или внутренней арене без риска наломать дров.

Датчане по своему складу — достаточно беспечный и доверчивый народ. Они считают, что Дания — маленькая страна и большими секретами не обладает, а те тайны, которые все-таки попадают на ее территорию, все равно рано или поздно становятся достоянием широкой общественности. Поэтому охрана секретов никогда не являлась для датской полиции и контрразведки сверхзадачей. В значитель-

ной степени на охранительный менталитет датчан оказало влияние членство в НАТО. Приобщившись к большим тайнам, они, конечно, вынуждены соответствовать уровню атлантических требований.

При мне контрразведывательный режим стал заметно ужесточаться, но и в этом случае оперативная обстановка в стране была достаточно благоприятной по сравнению с другими странами блока. В конце 60-х годов шеф ПЭТ Арне Нильсен был вызван на «ковер» в Брюссель, где ему высказали «фэ» и устроили форменную головомойку за попустительство по отношению к шпионам Варшавского блока и «непринятие мер». Нильсен вернулся домой и слег в больницу с инфарктом. Поправиться ему так и не удалось, и скоро он умер.

Информация базируется преимущественно на эмоциях отдельных представителей правящих кругов страны пребывания.

Как бы то ни было, но старшие братья Дании по НАТО всегда проявляли недовольство «либерализмом» датчан и пользовались каждым поводом для того, чтобы оказать на них нажим и испортить жизнь советской разведке. Американские и английские спецслужбы действовали в Дании как у себя дома, и датские официальные лица смотрели на это сквозь пальцы.

Слежка, признаться, довольно часто баловала меня своим вниманием. Отчасти это, вероятно, объяснялось моей активностью в городе, а в основном тем, что я занял должность Гордиевского. В контрразведке с самого первого часа моего пребывания в стране знали, чье ведомство я представляю и чем намерен заниматься.

Но возможности у ПЭТ были не беспредельны, и у нее не хватало ни людских, ни материальных ресурсов, достаточных для того, чтобы приставить наблюдение к каждому разведчику из социалистических стран. Поэтому они работали по определенному графику и брали меня под наблюдение через опреде-

ленные промежутки времени — где-то один раз в два месяца сроком до недели, если, конечно, у них не появлялись веские основания предположить, что я планирую предпринять что-то экстраординарное. Тогда они могли бросить на меня бригаду «наружников» и в нарушение очередности. Это случалось, например, если я выезжал в другой город. В таких случаях слежка была практически обязательной.

Все сотрудники резидентуры и по приказу, и по велению сердца изучали повадки, личный состав и автопарк службы ПЭТ. Все данные концентрировались и обобщались, случайное отсеивалось, а наиболее часто повторяемое, в соответствии с теорией вероятности, признавалось за истину и заносилось в кондуит. Каждый оперработник знал наизусть номера автомашин, на которых разъезжали по городу сотрудники НН, и прежде чем выезжать на оперативное мероприятие, заглядывали в упомянутый выше кондуит. Я до сих пор помню белую «вольво» с регистрационным номером АК 52303.

Кстати, с этой машиной связаны также и другие воспоминания. Однажды в резидентуре появился «любимец публики и богов» Николай К. Он отчаянно пыхтел и сопел, поднимаясь по крутой лестнице и не выпуская из рук какой-то тяжелой штуковины. При ближайшем рассмотрении штуковина оказалась ржавым, грязным и перегорелым глушителем от машины.

— Коля, ты соображаешь — принес эту гадость в посольство? Ей место на свалке, а ты...

— Мужики, вы ни хрена не понимаете. Это глушитель от АК 52303.

— ???

— Иду на работу, гляжу — впереди знакомая «вольво» вертится. Обгоняет меня и слышу: трах-та-ра-рах! Она уезжает и оставляет за собой глушитель. Ну я и решил подобрать. Думаю, повесим его на стену: будет первым экспонатом в музее датской службы наружного наблюдения.

Экспонат повесили, но он так и остался единственным в этом музее. Больше ничего материального из автопарка датской НН нам добыть не удалось.

Сотрудники бригад наружного наблюдения — такие же люди, как и все мы со своими слабостями и предрассудками. Никому не понравится, если игрок начинает нарушать правила игры, передергивать карту, шельмовать. Не нравится это и «наружникам». Запрещенным приемом является грубая проверка со стороны разведчика, например, откровенное рассмотрение окружающих его людей, резкие развороты по ходу движения, нарушение правил уличного движения. Это провоцирует и слежку на нахальные действия, что не в интересах самого проверяющегося. Лучше всего, если ты видишь «наружку» и делаешь вид, что не замечаешь ее присутствия, а «наружка» делает вид, что так оно и есть на самом деле.

Пребывание в баре оперработник легендировал перед окружением желанием отвлечься от трудовых будней. Обнаружив за собой «НН», он решил не отворачиваться и пошел дальше спиной вперед.

Вообще же я чувствовал себя спокойней под слежкой. Когда ее не было, я начинал волноваться: а вдруг я ее не вижу? Ведь стопроцентной уверенности в том, что ты «чистый» выходишь на операцию, никогда не может быть. Противник может всегда перехитрить тебя на проверочном маршруте и зафиксировать твою встречу с агентом или связью. Естественно, такой груз сомнений, присутствующий, я думаю, у каждого разведчика с нормальной психикой и совестью, негативно сказывается на его нервной системе, создает благоприятные условия для накопления стрессов.

К концу командировки я настолько «подружился» с «наружкой», что часто отвечал на их улыбки, когда нельзя было избежать столкновения с ними лоб в лоб.

— Извини, старик, мы не специально подставились тебе, — улыбался наружник, проезжая или проходя мимо меня.

— Ничего, я понимаю, — улыбался я ему в ответ.

Когда я был отведен от работы с подставой ЦРУ (описанный выше Манфред, партнер по покерному клубу), то «наружка» стала ходить за мной буквально

по пятам: бампер в бампер — на машинах и дыхание в затылок — в пешем порядке. Это не всегда приятно, потому что такие маргинальные ситуации очень близки к провокациям типа захвата или задержания под благовидным предлогом. Откуда тебе знать, что у «них» при этом на уме: демонстративная слежка, чтобы поиграть на твоих нервах, или нечто более серьезное?

Дело дошло до того, что «наружники» заходили за мной в сауну, раздевались вместе в раздевалке, парились на полке и прыгали следом в бассейн с холодной водой. Если в парилке было много народа и места были заняты, сотрудник ПЭТ бесцеремонно расталкивал соседей и устраивался на полке рядом со мной. Такой «прессинг» продолжался больше месяца и кончился он лишь тогда, когда по окончании срока ДЗК вместе с семьей я сел в поезд, идущий на Москву.

При выезде за пределы столицы и пользовании гостиницей меня передавали по этапу бригадам слежки провинциальных отделений ПЭТ. Они, вероятно, скучали без работы, старались оправдать доверие столичных коллег и не отпускали без контроля ни на минуту. В мое отсутствие всегда заходили в номер и проверяли вещи, не затрудняя себя чрезмерным соблюдением правил конспирации.

По роду прикрытия я имел обширные связи в других подразделениях полиции Копенгагена, в первую очередь с иммиграционным отделом или полицией по делам иностранцев, в задачу которой входит наблюдение за иностранцами, паспортный контроль на КПП, выдача и продление разрешений на пребывание и работу, регулирование эмиграционных квот и выдворение из страны нежелательных или незаконно проникших в страну лиц.

Возглавлял отдел комиссар полиции Кристьян Мадсен — крупный колоритный детина с грубыми, словно вырубленными топором, чертами лица, которое украшал характерный красный нос-картошка и хитрые, с лисьим прищуром, занавешенные густыми белесыми бровями мутно-серые глаза, — кстати, очень похожий на предателя О. Калугина.

Уроженец острова Фюн — своеобразной колыбели датского консерватизма и оплота крупного фермерства, — с типичными манерами сельского мужлана и крепкой основательной крестьянской головой, он начал карьеру в полиции в период оккупации Дании гитлеровскими войсками и от рядового полицейского вырос до начальника крупнейшего подразделения. Цепкость ума, природная сметливость, расчетливость и прагматизм, настойчивость и умение рисковать и в то же время ладить с начальством позволили ему, несмотря на серьезное пятно в биографии — он продолжал работать в полицейском корпусе на потребу немцам и участвовал в облавах на участников Соппротивления, — удержаться на поверхности и после войны и зарекомендовать себя преданным датскому государству полицейским чиновником.

Впрочем, Мадсен был не одинок среди своих коллег — многие из них сотрудничали с оккупационными властями, но все они уцелели, потому что денацификация Дании практически не коснулась. Послевоенное правительство заняло в отношении коллаборационистов и предателей типа Скавениуса* примиренческую позицию и не стало их преследовать, как, например, сделали французы. А чтобы пострадавшим не было обидно, оно наградило их солидными пенсиями, особенно тех из них, кто отсидел срок в концентрационном лагере. Поэтому чиновничий аппарат остался незатронутым перипетиями войны и как ни в чем не бывало продолжал обслуживать новый послевоенный режим.

В отношении Дании Гитлер вообще занял особую позицию. Во имя сохранения за рейхом богатой продуктовой базы, он пошел на смелый эксперимент, предоставив датскому правительству определенную свободу действий. В оккупированной 9 апреля 1940 года стране долгое время все оставалось на своих местах, и гитлеровские наместники не пы-

* Социал-демократ, возглавлявший датское правительство в период оккупации Дании немцами.

тались вмешиваться в управление страной, собирая с датчан лишь богатые контрибуции в виде сливочного масла и свинины. Коммунистическая партия Дании оставалась некоторое время легальной партией и не пряталась в подполье. Сформированные из националистически настроенных датских военных батальоны отправлялись с песнями на Восточный фронт. Воевали датчане против нас в Западной Украине.

Только когда дела у немцев стали ухудшаться, когда в войну вступил Советский Союз и образовалась антигитлеровская коалиция, в Дании стало зарождаться сопротивление оккупационным властям, во главе которого в основном стали коммунисты и левые социал-демократы. И тогда немцы показали, на что они способны. В Швецию хлынул, спасаясь от холокоста, поток евреев. Молодые люди стали скрываться, чтобы избежать мобилизации в специальные датские батальоны. Население все больше переходило от пассивных (демонстративное зажигание свечей в окнах в национальный день) к активным формам сопротивления (саботаж, листовки, ликвидация предателей и оккупантов).

В Дании начались репрессии.

Но и здесь немцы избегали экстремизма и проводили «гуманную» линию, помещая датчан в относительно благополучные — без печей — концентрационные лагеря, куда имели доступ представители Международного Красного Креста и шведского правительства и в которых заключенным разрешалось получать посылки от родственников.

Мир в стране удалось сохранить, хотя недовольные, естественно, были — особенно в левой среде. Я помню, как художник Есперсен, участник Сопротивления, беспартийный, автор этикетки на бутылках пива «Карлсберг» (помните слоника, подпирающего здание пивзавода?), во время празднеств по случаю 25-летия победы над Германией неприязненно высказывался в адрес тех, кто запятнал себя сотрудничеством с нацистами, но не постеснявшихся четверть века спустя причислить себя к «сопротивленцам». Знал Есперсен и о «похождениях» в начале сороковых годов

комиссара Кристьяна Мадсена, на совести которого были люди, отсидевшие не один год на нарах.

Среди подчиненных К. Мадсена попадались и вполне порядочные, с нашей точки зрения, люди. В бытность моего предшественника О. А. Гордиевского, ставшего на путь предательства еще в первую свою командировку, произошел из ряда вон выходящий случай.

Наш нелегал, с которым Гордиевский поддерживал связь и который проживал в Дании под видом иностранца, пришел на прием к чиновнику полиции по делам иностранцев и попросил продлить себе вид на жительство и разрешение на работу. Чиновник на беседе с нелегалом повел себя самым странным образом:

— Вот что, дорогой мой друг, — сказал он негромко. — Вам не стоит продлевать вид на жительство.

— Почему? — удивился тот.

— Потому что я не рекомендую вам делать это.

— Я что-то нарушил? Или у меня документы не в порядке?

— Документы у вас в порядке, и придраться мне к вашему поведению нельзя. Но вам нужно как можно быстрее уехать из страны.

— Не понимаю.

— Объясняю: вам нужно не теряя времени покинуть Данию, в которой вам угрожает опасность. Вас в любую минуту могут арестовать и посадить в тюрьму. Верьте мне: я ваш истинный друг и желаю добра. Я узнал, что вас предали и что вам нужно бежать.

Нелегал ушел с беседы в страшном смятении. Что это — провокация? Шантаж? Стремление противника запугать и заставить сделать неверный шаг? Посоветовавшись с женой, нелегал решил последовать совету полицейского доброжелателя. Ему удалось беспрепятственно переправить в соседнюю страну жену с грудным ребенком, а потом и ускользнуть из Дании самому*. В Центре его поступка не поняли, многие посчитали его трусом и перестраховщиком, карьера нелегала была разрушена.

* Этот случай описан мной в книге «Иуда из Ясенева».

Момент истины наступил спустя много лет, когда Гордиевский был разоблачен и бежал к своим покровителям в Англию. Он поддерживал тогда связь с нелегалом и выдал его противнику при первой же возможности.

А «взяли» Олега Антоновича довольно примитивно: он, в нарушение режима пребывания советских граждан за границей, посетил какое-то злачное место, что не прошло мимо внимания ПЭТ. Контрразведка *моралью надавила на психику* и приобрела агента, с которым она долгое время не знала, что делать, пока не передала на связь в МИ-6 англичанам.

Среди подчиненных Мадсена запомнился Хельмут Краусе, шлезвигский немец, но совершенно далекий от своих этнических собратьев человек. Кажется, он пострадал во время войны, но карьеры не сделал. Он так и ходил до своей смерти в старших криминаль-ассистентах, что соответствует примерно нашему старшему оперуполномоченному, и возглавлял наряд иммиграционников в порту Копенгагена. Это был исключительно честный и порядочный человек, которому было чуждо всякое чиновничество, высокомерие или политиканство. Он лояльно относился к советским людям, ценил их доброту и широту души, любил ходить на советские суда и подолгу задерживаться там в барах, потому что после смены никогда не отказывался выпить хорошей и дешевой советской водки.

Он не выпускал изо рта сигареты и умер от рака легких. Его умное морщинистое лицо с высоким сократовским лбом совершенно искажалось, когда его тщедушное тело сотрясал периодический кашель. Любимым напитком Хельмута была водка с «лаймом». Вероятно, он формировал особый климат в своем наряде, потому что и другие ребята старались быть похожими на своего шефа.

Все или почти все иммиграционники, естественно, были связаны с ПЭТ и выполняли их задания. Самым активным контрразведчиком был сам Мадсен.

Он поддерживал инициативный контакт с заведующим консульским отделом посольства и всячески пытался выудить из него какую-нибудь полезную информацию. Комиссар любил пикироваться с А. Сергиным по поводу совершенств и недостатков социалистической системы и «заводить» экспансивного и эмоционального консула, играя на его слабых струнках. Впрочем, К. Мадсен и сам оказывал консулу услуги в рамках своих полномочий и часто доверительно сообщал ему нужную и полезную информацию. Общение должно быть обоюдовыгодным! Зато консульский отдел без особых трудностей решал вопросы продления виз и разрешений на пребывание в стране для сотрудников «Аэрофлота», журналистов и командированных специалистов. Мы обращались к Мадсену, и тот давал указание своим подчиненным решить вопрос положительно.

Вместе с представителями «Морфлота» Сашей Трубкиным и сменившим его Валерой Филипповым консульский отдел регулярно устраивал для отдела К. Мадсена приемы на борту пассажирских теплоходов «Эстонии», «Балтики» или «Надежды Крупской», курсировавших между Ленинградом и Лондоном. Датчане приходили вместе с женами и детьми, для них устраивался концерт силами художественной самодеятельности судна и обильное угощение за счет капитана. Вечера затягивались до полуночи и являлись для полицейских предметом длительных и приятных воспоминаний в течение всей последующей навигации. Часто тот или иной полицейский не выдерживал русского гостеприимства, «перегружался» горячительными напитками, и тогда К. Мадсен давал указание отвезти подчиненного домой на служебном автомобиле, который специально для этих целей подгонялся к трапу.

Непременным гостем на судах был также и начальник поста полиции порядка на причале Лангелиние старший ассистент полиции порядка Калле Динесен. Он отвечал за поддержание должного порядка на причале и исполнял свои функции с большим достоинством и подчеркнутой важностью. Ему

было уже за пятьдесят, впереди «маячила» пенсия, и небольшая, но руководящая должность, связанная к тому же с приятными представительскими обязанностями, льстила его самолюбию. Впрочем, это был добрый и веселый человек, внешне чем то напоминавший артиста Гафта, оставивший после себя только приятные воспоминания.

Отделение наружного наблюдения ПЭТ было сравнительно небольшим, и оно еле-еле справлялось со своими обязанностями. Нужно признаться, что задача им была поставлена непосильная: сдерживать натиск дружно и напористо работавших разведслужб Варшавского блока. «Обслуживание» одной советской резидентуры было не по плечу датчанам, а уж о полном охвате противника вообще речи быть не могло. Поэтому датчане работали выборочно: неделю за одним объектом, неделю — за другим, и тем самым в общем-то держали нас всех в напряжении. Шапкозакладательских настроений у нас не было и в помине.

Нашей резидентуре удалось нащупать канал, на котором «наружники» переговаривались между собой по радио, и тогда выход на оперативные мероприятия стал для нас более безопасен. Мы примерно представляли, в каком районе и за кем работали бригады НН. Но однажды, выручая из засады одного нашего сотрудника, мы продемонстрировали им нашу осведомленность, и датчане перешли на кодированные переговоры, смысл которых нам был уже не известен. Так ценой спасения товарища мы лишились важного оперативного преимущества.

Этот товарищ сидел с агентом в ресторане и не подозревал, что ресторан оцеплен контрразведкой и что в конце встречи он будет арестован с поличным. Когда наш оператор доложил о результатах прослушивания эфира, резидент принял решение послать в район засады консула А. Серегина. Консул был заядлый рыбак, он быстро собрал свои рыболовецкие причиндалы, сел в машину и «погнал» к ресторану. Он припарковался поближе к входу, вылез наружу в полном рыбацком облачении — куртка с капюшоном, болотные сапоги по пузо, в руках спиннинг с

сачком! — и смело дернул на себя дверь. Наружка не успела даже среагировать.

Появление рыбака в фешенебельном загородном ресторане произвело фурор. Посетители, обслуживающий персонал замерли в ожидании — чего хочет эта верзила?

Консул быстро отыскал взглядом нашего сотрудника, подошел к его столу и, не обращая внимания на удивленного агента, негромко сказал:

— Витя, ты что ж, дружок, манкируешь? Ты же обещал поехать на рыбалку, а сам тут водку пьянствуешь с каким-то хмырем!

Витя Кедров, небольшого роста, щуплый и худенький парень с редкими белобрысыми волосиками на голове, смотрел на Серегина и ничего не соображал. Какая рыбалка? Он в жизни не держал удочки! Потом до него стало доходить, что консул появился здесь неспроста, глаза стали принимать осмысленное выражение. Консул не стал дожидаться, когда мнимый рыбак прозреет окончательно, а взял его за рукав и потащил к выходу. Зрелище было не для слабонервных: незнакомый верзила на глазах у почтенной публики, со спиннингом и подсачником в одной руке, другой грубо волочил клиента ресторана на выход, а тот, не поспевая, спотыкаясь и падая, семенил за ним ножками, словно нашаливший сынок за отцом...

Консул втолкнул Кедрова в машину, дал газу и на глазах у изумленной контрразведки на полной скорости поехал в посольство.

После этой операции «Ы» датчане насели на нас всем составом и перешли на код.

Прощай, Дания!

Пора! В Москву! В Москву сейчас!

А. С. Пушкин

Моя командировка в Дании длилась четыре с половиной года. Признаться, я изрядно соскучился по дому, морально и физически устал от оперативных и бы-

товых неурядиц, поэтому уезжал из Копенгагена без сожаления. В страну мы с женой приехали с одним ребенком, а домой возвращались уже вчетвером — в 1974 году у меня в Копенгагене родилась вторая дочь.

Мне не удалось сделать революционного вклада в копилку советской разведки, но уезжал я в Москву с чувством исполненного долга. Дания стала для меня хорошей школой жизни, она открыла мне дверь в Скандинавию, расширила кругозор и создала базу для будущей работы в Швеции и на Шпицбергене.

Двадцать два года спустя я узнал, что Дания сыграла и роковую роль в моей биографии. В доверительной беседе с представителями СЭПО*, по приглашению которой я в течение трех дней в феврале 1996 года находился в Стокгольме, я узнал, что датские власти внесли мою фамилию в «черные списки» и тем самым закрыли въезд во все страны Скандинавии. Я отношу это на счет предательства Гордиевского, потому что ни в какие открытые конфликты с датскими властями во время моей командировки в Копенгагене я не вступал.

Впрочем, запрещать въезд в страну и объявлять иностранцев нежелательными персонами — это прерогатива компетентных властей этой страны. Я не держу зла на датчан, тем более чисто формально у них имелся повод для того, чтобы оградить датское общество от моего нежелательного присутствия.

Всем, кому я должен, того прощаю!

Память все-таки изменяет с годами, и за давностью лет она, вероятно, утратила многое из того, что мне довелось пережить, увидеть и услышать двадцать с лишним лет тому назад. Забываются фамилии и имена, становятся расплывчатыми события, но самое главное, кажется, осталось со мной.

Человеку свойственно окрашивать в розовые тона свое прошлое. Не являюсь исключением из этого правила и я.

Дания вызывает в моей памяти самые добрые чувства. Прощай, Дания!

* Контрразведывательная служба Швеции.

НЕЛЕГАЛЫ

— Я не то, что вы предполагаете, я не француз Дефорж, я Дубровский.

А. С. Пушкин. Дубровский

На Парижской сессии Генеральной ассамблеи ООН, проходившей в ноябре 1951 года, страны Запада протащили в повестку дня вопрос о судьбе греческих детей, «похищенных и насильно увезенных» за «железный занавес». В Греции только что закончилась гражданская война, в которой левые силы потерпели поражение. Дети погибших и попавших в тюрьмы коммунистов и социалистов, как и десять лет назад в Испании, остались беспризорными, и они были вывезены в СССР, Румынию, Болгарию и другие социалистические страны. Запад использовал любой повод для нанесения ущерба своему идеологическому противнику.

Американцам нужно было продемонстрировать единство капиталистического лагеря по этому вопросу, и они употребили все рычаги, чтобы это единство на сессии продемонстрировать. Среди выступавших на сессии был и член делегации Коста-Рики, посол этой страны в Италии. Регламентом сессии предусмотрено, что должно проводиться десять минут. В его речи

было все — и тезисы о гуманизме, и трогательные слова о детях как будущем человечества; он цитировал древнегреческих классиков, ссылаясь на Библию, впадал то в пафос, то в скорбь, — но не прозвучало ни одного слова осуждения Советского Союза. Все скучали, скучал и глава советской делегации Вышинский.

На следующей неделе, когда дебаты подходили к концу, взял слово Вышинский. Он сказал:

— Пришлось мне выслушать выступление одного латиноамериканского делегата. Не скрою, по части красноречия он достиг больших высот, но как политик он — пустышка. Это просто болтун, и место ему не здесь, на этом представительном форуме, а в цирке.

Формально Вышинский был конечно же прав — выступление этого делегата на самом деле было в высшей мере бессодержательным и не по делу. Но знал бы он, что в роли «пустышки» выступал наш нелегал Григулевич Й. Р., имевший оперативный псевдоним Макс, и что как советский гражданин он не мог допустить, чтобы в своем вынужденном выступлении с высокой трибуны ООН нанести урон родине. Вынужденном, ибо его к этому обязывали прикрытие и «просьба» госсекретаря США Дина Ачесона.

Нелегальная разведка возникла в незапамятные времена. Не всегда соглядатаям удавалось разузнать требуемое в своем собственном обличье, и тогда прибегали к маскировке, разведчики выдавали себя за другое лицо — лучше всего за соплеменника того государства, у которого надлежало выкрасть тайну. Наша древняя история не донесла на этот счет каких-то недвусмысленных фактов, но в новой и новейшей истории примеров этому достаточно. В 1898 году под видом кавказского купца Магомета Хасанова в Индию с разведывательным заданием поехал есаул Уральского казачьего войска Давид Иванович Ливкин. А в 1904 году на Тибет отправился подъяесаул Войска Донского Н. Э. Уланов со своим заместителем ламой Ульяновым. Они возглавили группу «буддий-

ских монахов», совершавших паломничество в Лхасу. В подготовке разведгруппы участвовал военный министр Куропаткин, который для зашифровки операции дал указание отправить Уланова в отставку.

Но наибольшее развитие российской (советской) нелегальной разведки происходило в двадцатом веке. Дополнительными причинами к этому послужили международная дипломатическая изоляция и блокада Советской России. Не имея в разведываемых странах своих официальных представительств, следовательно, не располагая базой для работы легальной разведки, Москва была вынуждена прибегать к иным формам разведывательной деятельности и успешно осуществляла это на практике. Нелегалы легко преодолевали выставляемые контрразведывательные кордоны и препоны, проникали в разведываемые страны под видом дружественных иностранцев и снабжали советское правительство необходимой информацией. Необходимость, согласно английской поговорке, является матерью всех изобретений.

Своеобразного пика достигло развитие советской нелегальной разведки в тридцатые годы, когда, по меткому определению моего коллеги Олега Царева, разведка была маленькой, а в ее рядах работали такие великие люди, как А. Г. Дейч, создатель знаменитой оксфордской «пятерки», А. М. Орлов, не пожелавший вернуться домой в ежовскую «мясорубку», Т. Малли, В. М. Зарубин, Д. А. Быстролетов, Л. Л. Линицкий, И. А. Ахмеров, Б. Я. Базаров, Г. И. Рогатнев, М. М. Аксельрод, Я. И. Серебрянский и многие другие, словно факиры открывавшие все сейфы, которые только существовали тогда в старушке-Европе.

В наше время широко известны стали разведчики-нелегалы Р. Абель (оперативный псевдоним Марк) и Г. Лонсдейл (он же Бен). Во многом их широкой известности послужили провалы в их оперативной работе и громкие судебные процессы над ними в США и Англии. Такова уж ирония судьбы — разведчик открывается широкой публике не по своей воле и именно в тот момент, когда его разведывательная деятельность прерывается самым драматичным образом.

Основное отличие нелегальной разведки от «легальной» состоит в том, что нелегал для своего прикрытия не использует документы и учреждения своего правительства, а выступает в качестве иностранца. «Профессия иностранец» — так образно и точно определяет писатель В. Аграновский амплу Абея и Лонсдейла в своей одноименной книге.

Следует подчеркнуть, что такой нелегальной службы, которой в настоящее время располагает российская разведка СВР, насколько мне известно, не было и нет ни в одной службе мира. Нелегалы ЦРУ США — это те же легальные разведчики, но более глубоко законспирированные под сотрудников частных фирм и компаний. В британской СИС (МИ-6) был знаменитый разведчик-нелегал Сидней Рейли, который успешно действовал в начале двадцатого века в России, да и то он был одесситом. Легкий камуфляж с заменой документов, но без отхода от родного языка и от своего гражданства — вот наиболее часто употребляемый всеми разведками прием. Но кардинальная перестройка с отходом от гражданства, от родного языка, национальности, религии, профессии имеет место лишь в нашей нелегальной разведке. Человек из гражданина Сидорова буквально превращается в мистера Смита. Еще вчера он выправлял справку о прописке в ЖЭК г. Урюпинска, а сегодня открывает небольшую фирму в Лондоне или Брюсселе. Несколько лет до этого он с трудом читал английский алфавит, а сегодня владеет языком Диккенса не хуже выпускника Кембриджского университета.

Конечно же, за всем этим стоит колоссальный труд — труд самого нелегала, целой команды специалистов, над обеспечением его будущей командировки работают многочисленные сотрудники Службы. Подготовка такого специалиста разведки — дело невероятно сложное, длительное и дорогостоящее. Отбор кандидатов для работы в особых условиях намного строже, чем для «легальной» работы. Физическая и психологическая нагрузка на человека, находящегося на подготовке, огромна, и не всякому удастся дойти до конца. Вместе с тем удачная оперативная

деятельность разведчика-нелегала с лихвой окупает все затраты. Нелегальный метод ведения разведки — острое оружие, не имеющее аналогов в мире.

Самый сложный период в жизни нелегала — это адаптация к новым условиям работы за границей. Нужно быть предельно внимательным и осторожным, чтобы не совершить роковую ошибку. А подводные камни подстерегают его на каждом шагу. Это сейчас, когда все «прелести» Запада широким (и грязным) потоком хлынули на нашу землю, можно составить о нем хоть какое-то представление. А в те времена наши люди знали о западном образе жизни мало или совсем ничего.

Рассказывает Рудольф Абель. Где-то в двадцатых годах он в первый раз выехал в нелегальную поездку в Германию, чтобы восстановить связь с пропавшим агентом. Когда он отправился на поиск этого человека в один из районов Гамбурга, навстречу ему выбежал какой-то мужчина и на русском (!) языке спросил:

— Слушай, мужик, где тут можно пос. . ть?

— Не знаю, — автоматически по-русски ответил Абель.

Он был шокирован и расстроен до глубины души: как, по каким признакам этот чужой человек, судя по всему, выходец из России, узнал в нем соотечественника? Значит, в его манере поведения сохранились какие-то неуловимые, но заметные со стороны детали, характерные для русских? Вероятно, так оно и было. Мне самому удавалось издали, по одной только походке, со спины, узнавать своих соотечественников на улицах Копенгагена или Стокгольма. К сожалению, мы не умеем правильно ходить, нас нигде не учат этому, мы с детства развиваем плоскостопие, раскачиваемся всем корпусом, и потому своей медвежьей походкой выделяемся из толпы.

Не выделяться из толпы, учит практика оперативной деятельности разведчика. Так-то оно так, считает нелегал Лонсдейл, но излишняя скромность тоже заставляет обратить на себя внимание. И он прав. Во всем нужна мера.

Очень часто ♣ нелегалов случаются накладки из-

за языка. Однажды, когда Григулевича спросили, нравятся ли ему картины Шагала, он резко (по-русски, разумеется,) ответил: «Нет!» Когда стоявшая рядом супруга толкнула его локтем в бок, нелегал тут же поправился: «Так, кажется, звучит отрицание на русском языке?» Его оппонент подтвердил, что так оно и есть.

В языке коварнее всего ведут себя междометия, потому что они — производные от эмоций, а эмоции трудно поддаются контролю. Если у русских выражением удивления служит междометие «ого!», то у американцев — «уау!», а у немцев — «нану!». Русская женщина кличет кур междометием «цып-цып», немка — «путт-путт», а шведка — «пуль-пуль». По халатности Центра в одном городке одного североевропейского государства в 50-х годах сошлись два нелегала. Волей случая они оказались в бане и, как водится в этой стране, с легким паром приняли несколько капель «на грудь». Разговорились. Один из нелегалов стал рассказывать, как у них в деревне гонят самогон, и для иллюстрации снабдил рассказ междометием «кап-кап-кап!» Скоро их встречи прекратились, потому что собеседник доложил о встрече в Центр, и тот вскорости развел любителей попариться в разные стороны.

Малоприятные накладки могут случиться и при воспроизведении названий художественных произведений — опер, картин, литературных произведений. Например, известная у нас опера «Чио-чио-сан» имеет совершенно другое название — «Мадам Баттерфляй», у нас названию оперы Вебера «Волшебный стрелок» соответствует немецкое название «Вильгельм Телль».

Но неприятней всего могут оказаться неожиданные столкновения нелегала со своими знакомыми земляками. Несмотря на кажущуюся ничтожную вероятность такого события, они все-таки случаются и положительных эмоций у нелегала отнюдь вызвать не могут, даже если ему встретился очень хороший друг.

Один школьный товарищ наткнулся на Бена прямо в магазине. Нелегал был не один, вместе с ним была какая-то молодая англичанка. На простое русское

«Конон*, здравствуй!» Бен не среагировал вообще, на повторное обращение — отвернулся в сторону, делая вид, что русская речь ему не знакома и это его не касается. Но когда школьный друг стал приставать и спрашивать: «Конон, ты что — не узнаешь меня? Ведь это я, Жора, мы же вместе учились!», нелегалу пришлось ответить на английском языке, что он уважаемого мистера не знает.

По прошествии многих лет, когда Бен уже вернулся на родину и собрал у себя дома старых друзей, в том числе и школьного друга Жору, зашла речь о заграничной жизни, и тогда Жора рассказал о том, как он в Лондоне встретил вылитого двойника Конона.

— Предлагаю выпить за необъятные возможности матушки-природы, — предложил Жора тост.

Бен его спросил:

— А мой двойник был один?

— Нет, с ним была какая-то цыпочка, — ответил Жора.

— А теперь скажи мне: если бы я шел по улице Горького с незнакомой тебе женщиной, ты, встретившись, тоже бы крикнул: «Конон, ты узнаешь меня?»

— Нет, конечно, — ответил Жора. — Что я — разве не понимаю?

— И ты считаешь себя воспитанным человеком, отчуждив подобное в Лондоне?

Разведчик, как я описывал выше, тоже актер и плохо-хорошо должен сыграть свою роль. Легальному разведчику в конце концов можно быть и посредственным актером, а вот нелегалу плохая или небрежная игра не простится. С него спрос особый. Легального разведчика, имеющего на руках дипломатический паспорт и находящегося под защитой Венской конвенции, могут в крайнем случае попросить из страны пребывания, а нелегалу грозит суд и тюрьма. И иногда нужно долго ждать того момента, когда у Службы в руках окажутся такие же козыри — арестованный в России за шпионаж какой-нибудь иностранца.

* Г. Лонсдейлом звали Бена по его канадским документам. Настоящее его имя Конон Трофимович Молодой.

нец, которого можно потом будет обменять на нашего разведчика. Помощники Бена по нелегальной резидентуре супруги Питер и Хелен Крогеры ждали такой возможности более десяти лет, прежде чем их обменяли на нашего же диссидента.

До того как попасть в Англию, Бен некоторое время жил и работал лесорубом в Канаде. Как-то он простудился и заболел, и его пришла навестить знакомая девушка. В верхней одежде она присела на краешек кровати.

— Как ты можешь прямо с улицы, не раздеваясь, садиться на чужую постель! — заметил Бен.

Девушка пристально посмотрела на нелегала и сказала:

— Забавный ты лесоруб!

Хорошо, что девушка была далека от шпионских «штучек» и не побежала делиться своими подозрениями в полицию. Она не знала, что у Бена мать была врачом, она с детства прививала ему правила соблюдения гигиены и чистоты.

...Бен решил сделать доброе дело и дал денег одному бедному художнику. Доброе дело чуть не обернулось бедой: художник с подозрением отнесся к нелегалу, не взявшему с него ни долговой расписки, ни процентов. Тут что-то нечисто. Так настоящие канадцы не поступают!

Абель рассказывал случай об одном нелегале, которому посчастливилось попасть в американскую разведшколу. Выдавая себя за датчанина, он прошел все тесты и тщательную проверку и приступил к учебе. Погорел он на мелочи: однажды курсанты всей группой пошли купаться, и наш нелегал тоже прыгнул в воду и поплыл от берега. Преподаватель школы сразу обратил внимание, что тот плавал необычным для западника стилем — сажонками. Он знал, что так плавают только в России. Подозрения пали на благодатную почву, «датчанина» взяли в разработку и арестовали.

Бен предостерегает разведчиков от детей — дети могут быть очень наблюдательны. Я бы еще посоветовал опасаться старушек: недаром одна из героинь Агаты Кристи, старая дева мисс Марпл, с таким успехом

разоблачает преступников — она очень внимательна к деталям. Старушки часто проводят время у окошка и внимательно смотрят за тем, что происходит на улице.

Хладнокровие и находчивость — вот что выручает разведчика в ситуациях, описанных выше. Бен получил из Центра новый загранпаспорт и пошел в авиакассау приобретать билет. Когда он подал документ в окошко кассиру, тот спросил:

— Что указать в билете?

И тут Бен неожиданно осознает, что свою фамилию по новому паспорту не знает! Он быстро думал и «крутил шестеренками» так, что пот прошиб.

— А поставьте фамилию, которая в паспорте, — ответил он кассиру.

Тот внимательно посмотрел на нелегала и расхохотался.

Одного нелегала срочно переводили из Франции в другую страну и снабдили для переезда новым паспортом. При прохождении пограничного контроля выяснилось, что Центр забыл проставить в документе штамп о въезде во Францию, на что пограничники обратили его внимание: где штамп?

Нелегал не растерялся и вместо обороны пошел в наступление:

— А что вы меня спрашиваете? Я что ли ставлю эти штампы? Это же ваша работа, а не моя!

Чиновнику не оставалось делать ничего другого, как почесать в затылке и проставить в документе нужный штамп.

А вот агенту израильского МОССАДа гражданину ФРГ Лотцу в свое время не повезло. Он открыл в Каире школу верховой езды, занял прочное положение в местном высшем обществе и наладил добычу ценной для израильской разведки информации. Президент Египта Насер ценил немцев и охотно приглашал их в страну. Среди тех, кого он использовал, были и нацистские преступники — была у него такая «слабость», на которую Москва смотрела сквозь пальцы.

Лотц спокойно бы проработал в этой стране много лет, если бы не одно независящее от него обстоятельство. Москва обратилась к Насеру с просьбой

принять с официальным визитом Вальтера Ульбрихта, чтобы вывести ГДР из международной изоляции. Насер, скрепя сердце, согласился. Чтобы избежать ненужных эксцессов, египетские власти на время визита Ульбрихта решили интернировать всех находящихся в стране западных немцев.

В число интернированных попал и Лотц с женой. Он не знал, почему его забрали, и понял, что провалился. Когда его стали допрашивать, он, чтобы спасти жену, сказал:

— Что вы хотите знать? Моя жена абсолютно не виновата.

Контрразведчик насторожился, но ничего не понял. На всякий случай решил пошутить:

— Мы знаем о вас все, вам лучше сознаться. Где ваше шпионское оборудование?

Лотц сказал, что его радиопередатчик закамуфлирован в ванне.

Контрразведчик не поверил собственным ушам, но решил проверить. Невинная беседа стала началом конца нелегала. И виной провалу была неадекватная реакция самого Лотца, которому вдруг изменили хладнокровие и выдержка.

А Абелю, которого арестовывали ночью в гостинице и которого подняли с постели в чем мать родила, удалось собрать всю волю в кулак и незаметно для представителей ФБР и иммиграционной полиции уничтожить некоторые уликовые материалы.

Заметил ли ты, читатель, что обстановка заговора, конспирации или секретности всегда сопровождается какой-нибудь причудливой комической деталью? Так и в разведке, особенно в нелегальной. Там «нахожешься» вдоволь.

...Бен выходит на явку в одном городе с представителем Центра. По условиям встречи, прежде чем вступить с ним в контакт, он произносит пароль:

— Самсон уж не такой плохой писатель, не правда ли?

Можно спорить о том, хорош ли этот пароль или безнадежно глуп, но в данном случае это не важно. Представитель как-то странно смотрит на нелегала, за-

держивается с отзывом, но произносит его наконец, и оба приступают к обсуждению оперативных вопросов.

Спустя много лет оба участника явки встречаются в Москве. Работник Центра спрашивает:

— Ты хоть помнишь, какой пароль ты произнес в городе N. ?

— А как же, память у меня отличная. «Самсон не плохой писатель...»

— Какой Самсон! Сименон, мать твою! Если бы я тебя не знал в лицо, я бы хрен передал тебе деньги!

При предъявлении пароля, как известно, нужно соблюдать точность. Никакие «усовершенствования» здесь не допустимы. Любая произвольная перестановка слов в условной фразе, не говоря уж об искажениях или пропусках, считается грубым нарушением и может послужить к срыву контакта. Вот такая история случилась с Зоей Воскресенской, прославленной советской разведчицей, ставшей потом известной детской писательницей. Привожу ее в сокращенном виде.

Была середина тридцатых годов, Воскресенская работала тогда в Финляндии и должна была передать одному нелегалу большую сумму денег. Она сидела на скамейке в парке, крепко держала в руке чемоданчик и ждала встречи. Нелегал должен был появиться с минуты на минуту.

Неожиданно перед ней возник высокий плотный мужчина, который молча сел с ней рядом. Он сидел и внимательно рассматривал Зою, потом усмехнулся и сказал:

— Хорошо отдохнуть рядом с вами.

Это была фраза, схожая по смыслу с паролем, но только часть его. Может, это был провокатор? Нет, на провокатора сосед по скамейке был не похож. Вслух Воскресенская как можно строже спросила:

— Что вам угодно?

— Вы позволите отдохнуть мне рядом с вами?

— Пожалуйста, садитесь, но я больше предпочитаю одиночество.

Назвав отзыв, Воскресенская назидательно сказала:

— Почему вы перепутали пароль?

— Ничего я не перепутал, — ответил нелегал. — Просто увидел симпатичную женщину и решил пошутить.

— Нашли время для шуток! — Зоя Ивановна пододвинула к мужчине чемоданчик: — Это деньги для вас, проверьте сумму.

Мужчина открыл крышку чемоданчика, посмотрел на пачки купюр и сказал, не считая:

— Здесь не полная сумма.

— Как не полная? — встрепенулась разведчица. — Этого не может быть. Что получили из Центра, то и передаю вам.

В глазах мужчины запрыгали чертики:

— Нет, здесь не хватает 15 копеек.

— Каких копеек? — оторопела Воскресенская.

— Тех самых 15 копеек, которые вы должны мне, Зоенька.

И тут у Воскресенской молнией сверкнуло воспоминание: заснеженная Москва 1935 года, воскресенье, троллейбус «Б» на Садовом кольце, отсутствие мелочи в кошельке, беспомощность кондукторши, не смогшей разменять ее десять рублей, и мужчина в серой шапке из каракуля, купивший ей билет за 15 копеек.

— Как же я вам верну эти деньги? — спросила она тогда мужчину.

Тот отказался от денег и попросил ее назвать себя. Она сухо и официально сообщила ему свое имя и отчество. «А можно я буду звать вас Зоенькой?» — спросил он. — «Вам нельзя!», — строго ответила она и вышла из троллейбуса.

...Комок подступил к горлу. Зое Ивановне хотелось броситься нелегалу на шею, обнять его, сказать что-то теплое, хорошее...

— Что же мне делать? — прошептала вместо этого Воскресенская. — У меня опять нет 15 копеек.

Уязвимым местом в деятельности нелегала является его биография: он появился из ниоткуда, живет одинокий как перст, родителей нет («Когда я был маленький, моя дорогая мама умерла, а папа погиб в автокатастро-

фе»), сестер-братьев — тоже («Когда я учился в школе, брат утонул в реке, а сестра вышла замуж и уехала на остров Пасхи»), женой обзавестись не успел. Такой человек у всякого порядочного и законопослушного бюргера вызовет повышенный интерес. Как же так: войн в Европе давно нет, и объяснять свое сиротство природными катаклизмами по меньшей мере как-то неудобно. Поэтому нелегалу настоятельно рекомендуется выезжать в командировку с напарницей, которая перед окружением будет выступать как законная супруга. Теоретически вроде выходит, что два нелегала вместе — это двойной риск и двойная опасность расшифровки, но в данном случае минус на минус дает плюс, супружество, наоборот, усиливает безопасность их работы.

Конечно, нелегалу предпочтительней, чтобы его тылы прикрывала законная супруга, но на практике это редко достижимо. Во-первых, молодой нелегал мог еще не успеть жениться — все было некогда. Во-вторых, по семейным ли причинам, по состоянию ли здоровья или по личным качествам, но жены редко сопровождают мужей в нелегальную командировку. Поэтому иногда Центр рекомендует разведчику напарницу. В некоторых случаях напарница становится не только надежным другом и боевым товарищем, но и любимой женой. Совместная работа нелегальной пары «Сева» и «Жанны» — яркий пример тому (см. их книгу «Будни разведки»).

До войны и после нее многие холостые нелегалы находили себе спутниц жизни и боевых подруг среди местных граждан. Такие браки очень способствовали укреплению легализационного положения разведчика. Как правило, он сначала вербовал свою будущую жену, а потом на ней женился. Жениться «втемную», а потом объясняться, кто есть *who*, вряд ли было резонно — не поняли бы ни Центр, ни сама женщина. Жены-иностранки при возвращении мужей на родину следовали за своими мужьями в Россию, многие повторили судьбу жен декабристов и шли за мужьями в ГУЛАГ.

Кто-то сказал, что супруга разведчика не может претендовать на лавры за успехи мужа, однако плохая жена может просто погубить его. Со второй посылкой высказывания трудно не согласиться, и это

нужно иметь в виду при подборе спутницы разведчику-нелегалу. А вот первая ее часть абсолютно неверна: в нелегальной работе жена и напарница является полноправным партнером, которая несет те же тяготы службы, что и муж и своим личным участием вносит весомый вклад в достижение общего успеха.

Верная подруга и любящая жена досталась нелегалу Мартынову*, арестованному в Аргентине по наводке предателя О. Гордиевского и переданному потом аргентинской контрразведкой в распоряжение ФБР США. Трудно описать все те ужасы и стрессы, которые пришлось пережить этой мужественной паре. Нелегалу пришлось опасаться не только и не столько за свою жизнь, а за жизнь жены и двух маленьких родившихся в Аргентине дочек**, попавших в руки аргентинской контрразведки во времена печально известного режима военной хунты. Жену с детьми сразу отделили от Мартынова, и длительное время он не знал, живы ли они и что с ними происходит. Это было самое слабое место в положении арестованного, и контрразведка давила на него с завидной садистской неумолимостью. Отступная легенда, рассчитанная усыпить бдительность спецслужб в случае провала, прозвучала не убедительно. Еще бы: О. Гордиевский, сам выходец из недр нелегальной службы, слишком хорошо знал ее методы и приемы и обо всем рассказал англичанам. Для спасения жизни семьи нелегалу пришлось на ходу менять линию поведения и притворяться, что он пошел на сотрудничество с противником. В результате Мартыновым удалось усыпить бдительность эфбээрэшников и совершить беспрецедентный побег на родину. Но свобода досталась им дорогой ценой — ведь Служба встретила их далеко не с распростертыми объятиями — но они заплатили ее без всяких колебаний.

О лаврах...

* См. книгу А. Мартынова «Явка в Копенгагене».

** Женам нелегалов не рекомендуется рожать детей за границей. Известны случаи провалов из-за того, что во время родовых схваток женщины теряли самоконтроль и кричали благим матом по-русски: «Ой, мама! Больно!» Жена Мартынова была мужественной женщиной и с честью вышла из этого испытания и заслуживает самого искреннего восхищения.

К сожалению, результаты работы разведчиков не всегда получают адекватную оценку. Взять, к примеру, хотя бы тех же Абеля и Бена: никаких материальных благ они, кроме накопленной на счетах за время сидения в тюрьмах зарплаты, не снискали. Наградили их всего-навсего орденами, потому что в те времена «разнарядки» ни на присвоение звания Героя Советского Союза, ни на получение генеральских лампасов не было. Да, они получили широкую и заслуженную известность в стране, которую еще не посетила гласность; мы, сотрудники разведки, обожали их, как героев Трои. Но, вернувшись на родину, они ведь были лишены возможности самого главного — отдаваться своему любимому делу, заниматься оперативной разведывательной деятельностью и использовались в основном как свадебные генералы. До сих пор в глазах стоит картинка: в комнате кадровика сидит, как рыцарь печального образа, Рудольф Иванович Абель и «смолит» одну за другой папиросу. Время от времени он перебрасывается с кадровиком какой-нибудь фразой, досиживает до обеда и уходит в столовую. По возвращении снова достает папиросы, закуривает. И так до окончания рабочего дня. Существовало дурацкое, выработанное еще в условиях «обострения классово-борьбы» правило, согласно которому побывавшего в руках противника разведчика допускать к высшим секретам Службы не рекомендуется. И не пуцали...

Хорошо что еще не сажали в тюрьму, как это было в 30-х, когда в застенках Лубянки оказывались вчерашние герои нелегальной разведки Д. Быстролетов, Т. Малли и многие их товарищи. То, что на оперативной работе считалось заслугой, следователи НКВД ставили в вину и «шили» дела о сотрудничестве с иностранными разведслужбами. Наши «демократы», огулом охаявшие НКВД и КГБ, распространили было свои расширительные представления о преступлениях прошлого и на разведку. А между тем никакая другая прослойка населения не пострадала так от репрессий, как разведчики. Многих из них отзывали под надуманными предлогами в Москву и отправляли по этапу на вос-

ток. Многие знали, что их ожидает дома, но партийная и служебная дисциплина, чувство долга и порядочности не оставляли им другого решения.

В этой связи не могу не сказать несколько слов о бывшем нелегале и одном из руководителей советской нелегальной разведки А. М. Орлове, он же «Швед». Когда его, резидента советской разведки в Барселоне, в 1938 году позвали домой, он не поехал. Слишком хорошо он знал, зачем его вызывает Москва, и принял свое решение. Он забрал с собой жену и дочь и под вымышленным именем попросил политического убежища в консульстве США. Его, как некоторых других сотрудников разведки, например, Агабекова и Кривицкого, перешедших на сторону противника, долгое время считали предателем. Но все оказалось намного сложнее и проще одновременно. Да, Орлов выступал в американской прессе и клеймил позором сталинские и ежовские преступления. Но странным образом он за все годы эмиграции не выдал ФБР ни одного сотрудника разведки, ни одного агента. Живыми и невредимыми оставались все члены оксфордской «пятерки», с некоторыми из которых он когда-то работал в Лондоне. Он сохранил верность присяге и не преступил той черты, за которой исчезает понятие долга, ответственности и совести. Когда в 1969 году разведка убедилась в его невиновности и отыскала его в Америке, Орлов с женой скромно жил на заработанную пенсию. Но возвращаться на родину ему было уже поздно — давала о себе знать старость и болезни*.

Нелегал — концентрированное выражение «государственного» человека. Хочется надеяться, что когда-нибудь в Россию вернутся времена, когда почитать будут не тех, кто поставил своей целью личную наживу и благополучие, а тех, кто выбрал бескорыстное служение своей стране.

* Всем рекомендую прочитать книгу О. Царева и Д. Костелло «Роковые иллюзии», вышедшую в издательстве «Международные отношения» в 1995 году.

ИСПЫТАНИЕ НЕЙТРАЛИТЕТОМ

Швеция есть гранитное государство...

В. А. Жуковский

... Всю ночь, почти без сна, ехали по Швеции... Такие же озера, как в Финляндии... Видно руку человека — леса разделаны, камни вынуты, и на полянках необычайно густой, прекрасный хлеб...

В. Г. Короленко

И снова в дорогу

Всяк долгу раб.

Г. Р. Державин

По свежим следам моих оперативных «похождений» в Копенгагене руководство отдела высказало мнение, что «дальнейшее использование капитана Григорьева Б. Н. на оперативной работе в Западной Европе и в Скандинавии, в частности, в силу расшифровки перед противником, вряд ли целесообразно». По большому счету оно так и было.

Но жизнь вносит свои коррективы, людей у нас, как всегда, не хватает, а мой датский опыт все-таки чего-то стоил. В 1975 году я ушел под «крышу» в скандинавский отдел МИДа и стал работать там в шведском секторе. Это означало, что я приступил к подготовке в длительную командировку в Стокгольм. Работа в секторе все расставила по своим местам — и степень моей расшифровки перед противником, и опасения начальства за негативное рассмотрение шведами моего визового ходатайства, и перспективу моей скандинавской карьеры.

Под руководством заведующего шведским сектором скандинавского отдела Ю. Степанова и при вза-

имодействии с сотрудниками вверенного ему сектора мне удалось «вписаться» в атмосферу МИДа, впервые познать дипломатическую работу с позиций центрального ведомства и заявить о себе шведскому посольству в Москве, с сотрудниками которого мне пришлось почти ежедневно сталкиваться.

Время стажировки в МИДе совпало с подготовкой и проведением визита Улофа Пальме в Москву. Сектор чуть ли не полгода трудился, не покладая рук, над обеспечением этого важного мероприятия. Приходилось задерживаться на работе после окончания рабочего дня, направлять многочисленные запросы в другие ведомства, составлять всякого рода справки, готовить предложения к переговорам, согласовывать, звонить по телефону, получать визы и делать еще многое другое. Впервые становилось ясно, какая титаническая работа предшествует появлению в Москве главы иностранного государства.

За свой труд весь наш сектор был вознагражден приглашением в только что отстроенное на Мосфильмовской улице шведское посольство на прием по случаю визита Улофа Пальме в Москву. Лично я был удостоен крепкого рукопожатия шведского премьера, и мои глаза на таком коротком расстоянии в первый (и последний) раз встретились с его. Швед стоял у входа в зал вместе с супругой Элисабет, рядом находился шведский посол в Москве и объяснял ему, кто есть кто. Улоф Пальме оказался намного выше, чем я предполагал, и его маленькая супруга казалась рядом с ним школьницей. Она почему-то напоминала мне нашу актрису Надежду Румянцеву из кинофильма «Девчата». Загнутый книзу по-ястребиному тонкий острый нос придавал Пальме довольно хищный вид, и когда он произнес надо мной «Добро пожаловать!» своим характерным слегка хриповатым голосом, мне послышался клекот старого и мудрого орла. Недаром дружеские — да и недружеские тоже — шаржи часто, как я полагал, утрированно, изображали его ястребиный нос, однако все они оказались довольно близки к оригиналу.

О шведском премьер-министре и лидере социал-демократов Улофе Пальме у нас писали достаточно много. Но мало кому известно, что погибший от руки пока неизвестного убийцы потомок балтийских баронов обладал ко всему прочему незаурядным талантом писателя. В Стокгольме, помнится, ходили слухи о том, что его перу принадлежит не одна книга, только писал он их под псевдонимом.

В конце 60-х — начале 70-х годов в Швеции был писатель Бу Балдерссон, который выпускал одну за другой свои саркастические и полные юмора книги, посвященные закулисным событиям шведской политической жизни. В героях его произведений шведы без труда узнавали своих политических деятелей, членов правительства, полицейских, адвокатов, представителей творческой интеллигенции. Всем было очевидно, что автор принадлежит к тому же кругу, который он описывает, потому что слишком хорошо знает особенности шведской политической кухни.

Но вот досада: увидеть этого популярного писателя или поговорить с ним никому не удавалось. Он никогда не появлялся на публике и оставался невидимкой до самой своей смерти. Бу Бальдерссон был похоронен на одном из кладбищ Стокгольма, на его могиле, как полагается, стоит лютеранский памятник, на котором высечены его имя и фамилия, годы жизни... С тех пор, как он умер — а это произошло незадолго до покушения на Пальме, книги этого писателя выходить перестали.

Мне, как и многим шведским экспертам, тоже почему-то кажется, что под псевдонимом Бу Бальдерссона скрывался Улоф Пальме, бесспорный лидер, лидер, который бы сделал честь любому народу. Я видел его потом много раз по телевидению, на расстоянии, наблюдал за ним не один год и думаю, что такие люди, как он, появятся у шведов, да и вообще на земле, не скоро — если вообще появятся. Не сомневаюсь, что за убийством Пальме стояли силы, испытывавшие страх перед его неутомимым реформаторским духом и активным неприятием вся-

кой социальной несправедливости, где бы она не имела место*.

...Как бы то ни было, но когда вопрос о командировке в Швецию перешел в практическую плоскость, виза мне была выдана без всяких задержек. В июне 1977 года на том же Белорусском вокзале я грузил вещи в прямой вагон до Стокгольма, идущий до Берлина с тем же самым поездом, что и прямой вагон до Копенгагена. Только копенгагенский вагон направлялся потом на паромную переправу Варнемюнде-Гедсер, а стокгольмский шел через Заснитц на Треллеборг.

По сравнению с Копенгагеном шведская столица показалась мне провинциальной, холодной и слишком официальной. Вероятно, и сам я был уже не тот восторженный Калиныч, который первый раз оказался за границей и все увиденное воспринимал уже как само собой разумеющееся.

В Копенгагене я наделал много ошибок. Желание добиться «конкретных результатов» в работе, показать себя с лучшей стороны, обрести свое «я» в разведке действительно привело к неоправданной расшифровке. Умудренный опытом, я сделал теперь для себя твердый вывод: на рожон не лезть, потому что шведская СЭПО была известна своим профессионализмом, а отношение шведов в своей массе было к нам более прохладным, чем у их южных собратьев.

Вообще же в разведке, как в любом занятии, связанном с риском, результатов, как правило, добиваются все-таки молодые. Им все по плечу, не страшны никакие опасности, они не заражены еще перестраховочными настроениями, а потому при наличии здорового авантюризма они способны свернуть горы. Вспоминаю, как в начале оперативной карьеры я хладнокровно шел на выполнение таких рискованных мероприятий, на которые сейчас вряд ли бы решился, а если бы и решился, то семь раз подумал.

Дорогу молодым и энергичным!

* Моя версия убийства Великого Шведа озвучена в книге «Шпион жизни».

На протяжении 7 лет тов. Петров являлся майором, поэтому в его поведении наблюдаются нотки пессимизма, связанные с продвижением по службе.

Именно потому, что во второй командировке мое восприятие нового уже несколько притупилось, что во многих отношениях Швеция похожа на Данию, а основные элементы оперативной деятельности на шведской земле рутинно повторились, в моей памяти застряло меньше деталей, о которых можно было бы рассказать современному читателю. Будь Швеция моей «первой любовью» — и все оказалось бы наоборот!

Мне также кажется, что о Швеции в России знают чуть больше, чем, скажем, о Дании или Норвегии, не говоря уж об Исландии. Поэтому в своих воспоминаниях об этом периоде работы в ДЗК с июня 1977 года по март 1982 года я постараюсь на общеизвестных фактах не останавливаться.

Но и «вторая любовь» тоже не ржавеет!

Стокгольм с высоты полета гуся Мартина

*Народ, создавший Стокгольм,
лишь статистикой или муравьями
может быть назван малым.*

Илья Эренбург

Стокгольм встретил меня пустыми будничными улицами, хотя в день приезда было воскресенье. Шведская столица производила впечатление поспешно брошенного на произвол врага города. По всем внешним признакам можно было сделать вывод, что люди в нем только что были, но, вероятно, чтобы отравить вновь прибывшему второму секретарю советского посольства первые впечатления о шведах, они все сразу снялись с насиженного места и исчезли в неизвестном направлении.

Впрочем, нескольких шведов я все-таки узрел на

вокзале и в районе Фридхемсплана*. Бродили по улицам, словно сонные курицы, представители зарубежной рабочей силы — турки, пакистанцы, югославы, латино-американцы, но они явно не вписывались в городскую картину, а потому только усугубляли мое первое впечатление от столицы Швеции.

— Так куда же подевался весь народ? — не вытерпел я, обращаясь к Феликсу Мейнеру, третьему секретарю посольства и сотруднику консульского отдела, которому было поручено встретить меня с семьей у поезда.

— Все за городом. Летом шведы все, как один, уезжают из города и проводят выходные на природе.

— Но не до такой же степени нужно любить природу, чтобы очистить город до последнего человека!

— Шведы не пропускают хорошей погоды, а сегодня, — с видимым сожалением и неприкрытой скукой на лице произнес Мейнер, — очень хорошая погода.

Я хорошо понимал чувства, которые владели Мейнером в этот день, и сначала почувствовал себя несколько виноватым. Кому же захочется проторчать целый день в душном городе из-за того, чтобы встретить на вокзале еще одного командированного? Но поразмыслив и вспомнив, что в свое время сам «хлебнул» подобных радостей предостаточно, я не стал излишне терзать совесть: в конце концов здесь каждый должен выполнять то, что поручат. Про себя с удовлетворением констатировал, что ранг и паспорт второго секретаря переводили меня на низшую ступеньку старшего дипломатического состава, а значит, и освобождали впредь от подобных «технических» поручений посла.

Впрочем, Феликс Мейнер, эстонец по национальности, оказался «своим» парнем, и в течение длительного времени, пока у него не закончился срок командировки, мы поддерживали неплохие личные отношения. Чего нельзя было сказать, например, о его коллеге атташе Маде.

* «План» у современных шведов означает также часть города, которую обычно называют площадью. Однако план — это больше, чем площадь, он может включать в себя квартал, прилегающие к площади улицы, объединенные одним архитектурным замыслом.

Он тактично балансирует со всеми.

Тиит Маде, как и несколько других прибалтийских сотрудников посольства, был командирован в Стокгольм по квоте МИДа Эстонии. В советские времена в советских посольствах в Копенгагене, Осло, Стокгольме и Хельсинки прибалтийские республики традиционно имели по одной-две должности — в основном атташе и третьих секретарей. Эти преимущества по сравнению с другими союзными республиками были предоставлены им потому, что в странах Северной Европы проживали значительные эстонские и латышские колонии, и для поддержания культурных связей с ними предпочтительно было использовать коренных представителей.

Кроме Мейнера и Маде в посольстве работал также латыш Ивар Кезберс — жгучий подвижный брюнет, скорее похожий на молдаванина, чем на представителя северного народа, разбросанный, экспансивный, как все комсомольские работники, умевший, однако, отлично ладить со всеми в коллективе посольства и за его пределами. Его потом сменил Альберт Лиэпа, настоящий, по моим понятиям, латыш, крепкого характера и сильной воли, собранный и целеустремленный, немного себе на уме, но не слишком, чтобы отталкивать от себя собеседника. Мне пришлось делить с Кезберсом, а потом и с Лиэпой, один рабочий кабинет и потому могу с полной ответственностью говорить, что на этих ребят можно было положиться и с ними я охотно пошел бы тогда в разведку.

Интересно было бы узнать, как сложилась их судьба в наше время. А. Лиэпа по возрасту должен был уже давно выйти на пенсию. Ивар Кезберс мелькнул на латышском политическом небосводе в конце перестройки и начале развала Союза. Все-таки сказались его неумемная комсомольская натура, потому что он, говорят, встал у руля созданной им самостоятельной партии и одно время был даже близок к правительственным кругам Латвии. Тиит Маде проявил себя за последнее время тем, что выступал с резко

антирусских и националистических позиций. Одно время он был депутатом парламента, но сейчас он что-то ничем не проявляет себя. Либо «сошел с лыжни», либо просто мне не попадаются в руки нужные газеты, в которых бы описывались его деяния.

Во всяком случае, Т. Маде остался тем, кем он и был в тот далекий 1977 год, когда я с ним столкнулся впервые. Уже тогда он не скрывал своей антисоветской (что для меня было в общем-то понятно) и антирусской сущности, потому что ненавидел не только советский строй, но и все русское. Он вел себя высокомерно и по отношению к руководству посольства и выполнял его поручения через силу. Просить его об оказании какой-нибудь товарищеской услуги никому не приходило в голову. Тиит Маде, *made in Estonia*, так и жил посреди огромного коллектива, общаясь исключительно со своей женой и сбежавшими на Запад земляками. Удивительно только, как выездная комиссия ЦК пропустила такого человека за границу и почему так долго его терпели в посольстве, где все — и резидент, и посол, и секретари профкома, месткома и прочая и прочая, — все знали, что он был за фрукт. Вероятно, из чувства ложно понятого интернационализма.

Тиит Маде не был интернационалистом и за доброе к себе отношение отплатил махровым национализмом.

...Советское посольство в Стокгольме располагается последние двадцать пять лет на Ервельсгатан, на улице Ервелля — в тихом и уютном уголке микрорайона Мариэфред, запертом между скалистыми проливами Малого и Большого Эссингена с запада, просторным Мэларен — с юга, Вэстербрупланом — с востока и «газетными» небоскребами «Экспрессен» и «Свенска Дагбладет» — с севера. Въехать на Ервельсгатан или выехать с нее незаметно было практически не возможно. Не знаю, имел ли мнение представитель разведки при выборе места для строительства здания, но выбрано оно было исключительно невыгодно.

Впрочем, вид на Мэларен открывается от посольства достаточно живописный, и сам Ервелль несомненно согласился бы с этим мнением.

К. Ервелль, ученый и просвещенный человек времен короля Густава Третьего, прославил свое имя публицистикой. Король, с именем которого шведы связывают целую историческую эпоху, именуемую *густавианством* (своеобразный шведский век, в котором получили развитие науки, искусство, театр, литература, просвещение, архитектура, интерьер, одежда, определенная французская утонченность), благоволил к своему публицисту, однако тот оказался роковым образом связанным с человеком, ставшим на путь заговора с целью устранения просвещенного монарха.

Убийцей стал некто Якоб Юхан Анкарстрем. Родился он в семье предпринимателя, почитавшего идеи французских просветителей и особенно Руссо и воспитывавшего своих детей в строгости и простоте.

К. Ервелль, который по смерти шведского последователя творца «теории общественного договора» взял на себя роль опекуна осиротевшего Анкарстрема, утверждал, что виной всему оказалось неправильное домашнее воспитание заговорщика и что дом сделал его вздорным упрямым, наполненным духом противоречия и озлобленным оппозиционером. К. Ервеллю, конечно, виднее, но скорее всего папаша Анкарстрем явно переусердствовал, вдавливая идеи Руссо в бедную голову сына, а ученому мужу было, как всегда, не до таких мелочей, как исправление своего воспитанника.

Якоб Юхан Анкарстрем, со временем ставший офицером, считал, что Густав III, сам пришедший к власти путем офицерского заговора, является тираном, несправедливо отодвинувшим от государственного кормила дворянство и давшим дорогу людям незнатным, «подлым». Следовательно, его необходимо устранить, то бишь убить.

«А» в принципе культурный человек, но окурки под столом давит ногами.

Я. Анкарстрем привлек себе на помощь графа Риббинга и дворянина Хорна. Они должны были подготовить некоторые мелкие детали убийства, потому что честолюбивый заговорщик считал, что «рассчитаться» с королем — дело его личной чести. Риббинг и Хорн, судя по всему, состояли в более широком заговоре, зревшем среди обиженных дворян и возглавлявшимся хитрым генералом Карлом Пехлином. Им не составило труда разжечь в груди Анкарстрема благородный гнев и «расстелить» ему дорогу до места покушения на «тирана».

Они помогли убийце проникнуть на костюмированный бал, на котором тот беспрепятственно подошел к Густаву III сзади и «храбро» выстрелил из пистолета ему в спину. Оркестр играл бравурную кадрили, и никто не услышал, как раздались выстрелы. Потом, конечно, разобрались в чем дело, перекрыли выходы и предложили всем присутствующим снять маски. Убийца пытался скрыться и освободиться от пистолетов, но это ему не удалось.

Король тринадцать суток находился в мучительной агонии от полученных ран, пока не скончался. Убийца же был казнен.

По полученным данным, покойный король будет похоронен в двух местах: у себя на родине и в столице.

Как бы там в шведской истории с Ервеллем ни было, переезд посольства в новое здание из старого, располагавшегося на Виллагатан — тоже в тихом, уютном и респектабельном районе Эстермальм — было несомненно большим благом, потому что в старом здании становилось уже тесно.

Но, как всегда водится, самому работоспособному отделу посольства — консульскому — не хватило места на улице имени опекуна убийцы самого любимого шведского короля, и мне пришлось еще несколько лет поработать в старом здании и поохранять там давно выветрившийся дух Александры Коллонтай, Зои Воскресенской (Рыбкиной) и некоторых других широко и менее широко известных лиц.

Впрочем, дух А. Коллонтай благополучно переселился в новое здание, где ему и его материальному воплощению в виде сохранившихся немногочисленных предметов, когда-то принадлежавших легендарной революционерке и послу, отвели комнату-музей, которую время от времени — не для каждого гостя — открывали по личному указанию посла Михаила Даниловича Яковлева. Небольшой письменный стол, за которым работала Коллонтай, письменный прибор, стул, пара статуэток, шкаф — вот и все, что осталось от человека, владевшего когда-то умами сотен и сотен тысяч людей и приложившего немало стараний, чтобы заморочить эти умы «новыми революционными» понятиями о смысле жизни, о свободной любви. И хотя умерла А. Коллонтай в Москве, думается, душа ее осталась витать в Швеции: за долгие годы работы там она оторвалась от своей родины, а сталинский режим давно лишил ее всяких иллюзий относительно «завоеваний революции».

Весьма странно распоряжается иногда судьба. Ну разве можно специально устроить так, чтобы бунтарский дух «пчелки» и «неутомимой жрицы» любви упокоился именно в стране, ставшей царством свободной любви! Стране, объявившей ее сначала «персоной нон грата», а потом выдавшей посольский агреман.

Какая биография!

Сами стены в доме на Виллагатан своими облезлыми обоями, потрескавшейся штукатуркой на высоких потолках, оббитой лепниной, своей запущенностью и захламленностью, казалось, взывали к памяти тех, кто зимними длинными вечерами сидел внутри них за расшифровкой длиннющих «портянок» из внушающего уважение и страх Центра, у кого сердце сжималось при известиях о том, что немцы стоят под Москвой, у кого не раз опускались руки от бесполезных попыток договориться о чем бы то ни было с «нейтральными» шведами, кто жестоко экономил на скудных представительских и при самой плохой игре делал приятную мину, кто страдал здесь, переживал, радовался удачам и трудился на благо страны.

Зоя Воскресенская, жена резидента Бориса Рыбкина, сама сотрудница резидентуры, которая закончит свою служебную карьеру в администрации ГУЛАГА, сосланная туда из разведки за свое «упрямство» и несогласие с начальством, через двадцать лет станет писательницей и вспомнит те тревожные годы войны в мирном бюргерском Стокгольме, единственном городе в Европе, утопающем в море мирных огней.

...Александре Коллонтай наносит визит британский посол Виктор Маллета и вручает роскошный букет. Через несколько дней у советского посла возникает повод для ответного знака внимания — кажется, победоносные британские войска добились на каком-то фронте значительных успехов, и она решает послать послу его королевского величества цветы. В кассе посольства пусто, и Коллонтай дает указание послать ему букет, который получила от него накануне.

Через день англичанин звонит по телефону на Виллагатан, благодарит за оказанное внимание и ехидно говорит:

— Странное дело, ваше превосходительство, неужели я вас так сильно огорчил, что вы вернули мне цветы?

— О нет, сэр Виктор, цветы великолепны, и я заказала вам копию вашего букета, — без промедления находится Коллонтай.

— Целую вам ручки, мадам. У вас отличный вкус! Поздравляю.

А чего стоит только одна история о том, как стокгольмская резидентура посылала связника в нацистский Берлин, чтобы восстановить утраченную связь с руководителями «Красной капеллы»!

По заданию Центра Зоя Воскресенская с мужем подобрала подходящего агента из числа шведов, тщательно проинструктировала его самого и снабдила письменными инструкциями для берлинского друга, заделав их в булавку для галстука. Агент подтвердил на встрече, что все понял и выехал в командировку.

Каково же было разочарование Рыбкиных, когда агент неожиданно вернулся с полпути, объяснив, что у него не выдержали от напряжения нервы и что ему все время казалось, что его вот-вот арестуют. С трудом удалось убедить шведа, что оснований для подозрений у него нет и что бояться ему нечего. (Легко сказать, что опасность не существует, но могу себе представить, что мог навывдумывать и представить себе в дороге тот мнительный швед. Шла война, и ехал он в самое пекло нацистов, от которых можно было ждать чего угодно и для которых нейтралитет шведов был простой фикцией.)

Агенту было еще раз напомнено, что напоминающий больше не будет.

Но пока Рыбкины готовят шведа опять в поездку, в Берлине происходит провал, и Шульце-Бойзена и Харнака вместе с единомышленниками арестовывают. Тень подозрения теперь падает на шведа. Только в конце войны Центру станет ясно, что провал «Красной капеллы» произошел по его, Центра, вине, потому что он снабдил своих людей и в Бельгии, и в Германии одним и тем же шифром. Запеленговав и арестовав радиста Макарова в Бельгии, гестапо провела по всей Европе лавинообразную серию арестов, разгромив почти весь «оркестр» ГРУ и КГБ.

Супруги Рыбкины глубоко уверены в честности своего шведского друга и всеми способами стараются доказать Центру, что он к провалу «Красной капеллы» никакого отношения не имеет. Напрасный труд! Их отзывают из командировки и отстраняют от работы, но Рыбкины все равно стоят на своем*.

Странное дело: Центр очень часто верит в то, во

* Такие люди вряд ли бы «сдали» или отступились от своего агента под любыми угрозами и пытками. Откуда же спустя сорок лет в той же самой среде появятся руководители страны и КГБ, которые бросят на произвол сотни тысяч своих друзей, единомышленников, коллег по работе и, наконец, просто сотрудников спецслужб и агентуры? Бросят, плюнут и забудут, как ни в чем не бывало. Целый социалистический лагерь. Пусть социалистический только по названию. Но они ведь были нашими союзниками!

что хочет верить. Ведь предлагала же Зоя Рыбкина и не раз, чтобы Центр отозвал из Стокгольма шифровальщика Петрова. От ее внимания не ускользнули его стяжательское отношение к деньгам и вещам, нечистоплотное отношение к товарищам по работе и к делу, но нет, доводы резидентуры и здесь оказываются «недостаточно аргументированными». Петров благополучно «отбывает свой срок» в стокгольмской резидентуре и с повышением по службе возвращается в Москву.

За свое удивительное равнодушие Центру через несколько лет придется расплачиваться и расплачиваться весьма тяжелыми последствиями. Петров, дослужившийся уже до старшего оперативного сотрудника разведки, станет на путь предательства и вместе с женой попросит политическое убежище в Австралии.

...Где-то в этой зале, где я сижу теперь за облезлым столом и принимаю посетителей, ходатайствующих о туристской визе, красавец-полковник шведских ВВС, бывший военно-воздушный атташе в Москве, Стиг Веннерстрем расхаживал со стаканом виски в руках, пока его контролер из ГРУ Виталий Никольский лихорадочно «потрошил» его шинель в гардеробе на предмет изъятия разведдонесения. Веннерстрем имел официальный повод для посещения советского посольства и всегда, когда приходил к советским военным в гости, оставлял очередной агентурный материал в кармане шинели или пальто. Просто и удобно. Точно таким же способом пользовались американцы и англичане в Москве в период работы с Олегом Пеньковским.

И вообще эти стены могли бы рассказать очень много интересного и полезного. Но они не умеют разговаривать, и нужно обладать достаточно богатым воображением, нужно знать немного историю, чтобы понять их язык.

Пребывание консульского отдела на Виллагатан закончилось довольно драматически. Хозяин дома, уставший, вероятно, надеяться, что русские когда-нибудь отремонтируют арендуемое помещение до

того, как оно обрушится на головы арендаторов, пришел к нам во время консульского приема и предъявил ультиматум: либо ремонт, либо освободить дом.

Посол М. Д. Яковлев выбрал второе. Он не питал сентиментальных чувств к старому очагу сталинской дипломатии и дал нам указание срочно подбирать в городе новое помещение. Мы предложили построить на территории нового посольства небольшой домик для консульского отдела, но эта идея воплотилась в жизнь лишь спустя полтора десятка лет. (Когда я в 1996 году прибыл в трехдневную командировку в Стокгольм, здание уже стояло на одном из тех мест, где мы когда-то безуспешно уговаривали Михаила Даниловича его построить. Прогресс все-таки существует. При повторном посещении Стокгольма я также обнаружил, что стеклянная дверь в посольстве, которую так методично, но безуспешно пытался разбить своей головой агроном из Воронежа, работавший в 70-х годах сельскохозяйственным атташе, дала-таки трещину! Прав был обломовский слуга Захар, утверждавший, что всякая вещь имеет свой конец.)

Уникальным элементом столицы Швеции является наиболее старая его часть — она так и называется Старым городом. Собственно, Стокгольм и начал вырастать из Старого города или «Города между мостами», основанного легендарным ярлом Биргером в 1252 году. Город, словно замок, запирающий вход с моря в глубоко вдающееся в сушу озеро Мэларен, априори занимал важное стратегическое оборонное и торговое положение, а потому был обречен на бурное развитие и превращение в настоящий центр шведской нации.

До возникновения Стокгольма шведской столицей на протяжении полутора веков была Сигтуна (слово «туна», которое очень часто встречается в названиях шведских населенных пунктов, означает то же самое, что и английское «town» или русское «тын»), что на русский язык переводится как Город Сигов. Но в 1187 году на город напали эстонские

язычники, которые безжалостно разграбили его, сожгли и разрушили до основания. Согласно легенде, оставшиеся без столицы шведы пустили по воде бревно и наблюдали, где оно приткнется к берегу. Бревно — по-шведски «сток» — ткнулось концом в островок на Мэларен у самого выхода в море — по-шведски «хольм», и ярл Биргер дал указание закладывать тут город Стокгольм.

А в «благодарность» за то, что эстонцы «подарили» Швеции Стокгольм, шведы традиционно испытывают к ним особое уважение и даже любовь, считая их своими меньшими братьями.

Интересно, что, уходя из уничтоженной Сигтуны, эсты прихватили с собой литые из металла ворота храма, но по дороге на них напали новгородцы, отбили ворота и привезли их домой. Теперь они, подновленные новгородскими кузнецами и литейщиками, стали собственностью Господина Великого Новгорода и до сих пор украшают Софийский собор. Шведы, однако, не имеют никаких прав на реституцию, потому что в Сигтуну ворота попали в свое время из ... Магдебурга, откуда их привезли воинственные викинги. Ну как тут не воскликнуть: «Вор у вора украл!» Да-а-а, хороши были наши предки-ушкуйники, да и у шведов и эстонцев они были не хуже!

Вообще-то шведы в отличие от датчан не любят скученности, и шведская столица раскинулась намного просторней, чем Копенгаген. Стокгольм развивался почти всегда преимущественно вширь, а не вверх. Узкие средневековые улочки сохранились лишь в Старом городе, по некоторым из них не то что не проехать на машине, но и с трудом можно разминуться с идущим навстречу пешеходом. Жить в Старом городе тем не менее считается очень престижно, хотя и весьма дорого. Здесь поселились представители шведской богемы, зажиточных слоев буржуазии и антиквариата. Улоф Пальме вышел в свою последнюю прогулку из своей квартиры в Старом городе. В Старом же городе, рядом с государственным банком и (старым) зданием риксдага, уже чувствуя за своими плечами дыхание контрразведки,

в мае 1963 года был арестован смятенный Стиг Веннерстрем, полковник ВВС Швеции, идеалист по убеждениям, блестящий аристократ и дальний родственник короля Густава VI Адольфа. Аресту предшествовало длительное сотрудничество с военной разведкой Советского Союза.

Древние камни Старого города должны помнить не одну историческую драму... Одна из них, связанная с становлением шведского государства и зарождением королевской династии Васа, носит название Стокгольмской Кровавой бани. Все учебники шведской истории описывают это событие как из ряда вон выходящее по своей жестокости и вероломству.

Кальмарская уния не являлась идеальной формой сосуществования скандинавов, и в Швеции постоянно тлели искры недовольства засилием датчан в этом союзе. Страна формально управлялась шведскими наместниками, но все важные указания шли из Копенгагена. Так было до тех пор, пока в 1512 году не умер наместник Сванте Стюре. На его место был избран сконский дворянин Эрик Тролле, но не тут-то было: сын покойного Стен Стюре, более известный под именем Молодой Стюре, стал оспаривать право управлять Швецией от имени народа, и начался шведский вариант смуты.

В события вмешался датский король Кристьян II. Он со второй или третьей попытки — естественно, с помощью войска — «замирил» шведов, и в воскресенье 4 ноября 1520 года, во избежание всяких недоразумений на будущее, решил сам стать шведским монархом. Коронационные торжества продолжались три дня, а в парадных залах Стокгольмского дворца, как пишет хроникер, толпились «лучшие люди и их слуги» — мужчины и женщины, епископы и простые священники, бургомистры городов и члены городских советов, купцы и военные, — одним словом, цвет шведского общества. Король не был скрягой, угощал всех на славу, поэтому столы ломились от всякой снеди, а вино лилось не переставая. Если ко-

му-то становилось плохо, тот уходил домой отдохнуть, чтобы потом снова вернуться и продолжить праздник живота.

В среду, 7 ноября, в час дня, когда «веселье достигло своего апогея», к изумлению гостей закрылись ворота замка. Все почему-то сразу протрезвели. Потом вытащили трон, на него воссел Кристьян II и задним числом начал импровизированное разбирательство с целью найти виновника предыдущей многолетней смуты, отголоски которой еще давали о себе знать. Молодой Стюре умер от ран в битве при Осундене, но в провинции Даларна скрывался ярый противник Дании Густав Васа, сбежавший незадолго до этого из датского плена.

Перед датским королем выступил уппсальский каноник Йон и начал зачитывать обвинительный акт епископа Густава Тролле. Тролле, родственник упомянутого выше Эрика Тролле, обвинял Молодого Стюре и его сообщников в неправде и всяких обидах. Восемнадцать из обвиненных епископом лиц находились тут же в зале — Кристьян успел их амнистировать. Допрос свидетелей длился до вечера, а к вечеру в зал вошли солдаты короля и увели всех задержанных гостей в башню.

А на рассвете начался заключительный акт правосудия. Король снова созвал епископов и прелатов в большой зал, чтобы выслушать их мнение об обвинениях, выдвинутых Густавом Тролле. Для верности пригласили и самого епископа. В результате восемь из приглашенных высказались в пользу этого обвинения. В полдень церковников по два-три человека стали без всяких объяснений выводить из зала, в то время как личный каноник короля епископ Енс Бельденак утешал оставшихся обещаниями своего господина не тронуть и волоса с головы церкви.

Итак, епископы стали первой жертвой датского меча. За ними последовали остальные, запертые в башне. Всем отрубали головы. Казнь проходила на Большой площади перед ратушей — на месте казни позднее воздвигли Биржу. К месту казни волокли людей из города, их арестовывали на дому. Всего Крис-

тьян II загубил 82 души. Кровь текла ручьями, а трупы казненных не убрали до субботы.

Некоторые историки склонны во всем считать виноватым епископа Тролле, пытавшегося защитить свое имущество и жизнь от посягательств Молодого Стюре. Другие винят во всем датского короля, который воспользовался жалобой Тролле для сведения счетов с партией Молодого Стюре. Король вошел в шведскую историю под именем Кристьяна Кровавого*.

Шведская столица разделена на две половины: южную и северную. Посередине находится озеро Мэларен. Обе части города соединяются тремя мостовыми артериями: одна проходит через острова Малый и Большой Эссинген, вторая называется Западным мостом, а третья — целая система мостов — проходит через Старый город к Седермальму. Это придает Стокгольму исключительно живописный вид, но делает его весьма неудобным с оперативной точки зрения. Незаметное для всевидящего ока СЭПО перемещение из северной части столицы в южную и наоборот представляется довольно хлопотным предприятием.

Как многие столицы Скандинавии и Европы, Стокгольм включает в себя саму городскую коммуну с населением около 700 тысяч человек (т. н. Малый Стокгольм) и Большой Стокгольм с прилегающими коммунами Спонга, Соллентуна, Сульна и др. Краины города возникали и создавались обычно на базе старых поселков. Как правило, они состоят из торгового центра, небольших административных блоков и жилых кварталов, застроенных преимущественно одноэтажными вилами. Причин для появления в этих районах у разведчика-дипломата практически нет, если с большой натяжкой не считать приемлемой легенду посещения торговых центров.

* Интересно, какого тогда имени удостоился бы наш царь Иван Грозный, загубивший раз в пятьсот (а то и тысячу) людей больше?

Одним словом, это не Копенгаген.

Вся деловая жизнь города сосредоточена в Нормальме и Кунгсхольме, частично в Эстермальме, где традиционно располагаются жилища богатых и аристократических слоев города, а также Седермальме — пролетарском районе. Остров Лидинге, расположенный на северо-востоке столицы, тоже используется в основном в качестве спального района, его облюбовали представители нового поколения буржуазии и зажиточной интеллигенции. На острове находится знаменитый Миллесторден — Сад Карла Миллеса, одного из самых талантливых шведских скульпторов, статуи которого поставлены чуть ли не в каждом городе Швеции.

...По прибытии в командировку я занял квартиру моего предшественника, находившуюся в северном пригороде Акалла, удаленном от центра более чем на 20 километров. Это было чрезвычайно неудобно со всех точек зрения, и главное неудобство состояло в несовместимости наших с женой режимов работы (ей приходилось ездить на работу в посольство в самое разное время дня и пристраивать ребенка либо в импровизированный детский сад, либо у знакомых)* и в проблеме с доставкой ее домой, когда я был занят оперативными делами в городе. Помучавшись почти два года, я наконец подобрал квартиру на Рерстрандсгатан, что на Санкт-Эриксплане, всего в двух километрах от улицы Ервелля.

Говорят, на Рерстрандсгатан когда-то у кого-то останавливался Ленин, но точно установить не удалось даже корреспонденту «Известий» Марату Зубко, специализировавшемуся на стокгольмской «лениниане». В те времена было весьма конъюнктурным делом собирать информацию об эксплуатации трудящегося населения Запада и о пребывании вождя мирового пролетариата в той или иной столице Европы. Повезло журналистам, аккредитованным в Стокгольме, Копенгагене, Хельсинки, Лондоне, Женеве! И как не повезло их коллегам, направ-

* Старшая дочь оставалась в Москве на попечении бабушки.

ленным в какие-нибудь захолустные Бамако, Лиму, Рио-де-Жанейро или Нью-Йорк! Ильич там побывать не успел.

Итак, первое сравнение Стокгольма с Копенгагеном было не в пользу первого.

Позже, спустя полтора-два года, я найду в Стокгольме свою прелесть и тоже полюблю его за удивительное сочетание камня и воды, которым так славится Петербург, за свежий воздух, обилие парков, скверов и роц, обрамляющих его словно зеленое ожерелье, за неуловимый аромат старины, витающий в воздухе. Здесь все дышит величавым покоем, умиротворением и неторопливым течением жизни.

Выйди ранним утром на крутой берег Стадсгордена, с высоты которого откроется захватывающий дух вид на величественный ансамбль города, на распластанные по воде Соленого озера морские красавцы-теплоходы, на утопающий в розовой дымке Юргорден и вознесшуюся к самым облакам телебашню, вдохни глоток соленого морского воздуха — и твое сердце забьется в унисон песне морского бродяги и самого любимого в Швеции барда Эверта Тоба, и ты впервые пожалеешь о том, что бог не дал тебе крылья, как вон тем чайкам, парящим над городом, или на худой конец позавидуешь счастливицу Нильсу Хольгерссону, облетевшему всю матушку-Швецию верхом на гусе по имени Мартин.

Будь у тебя крылья, ты бы сделал круг над Королевским дворцом и церковью Риддархольмсчуркан, бросился с высоты стремглав к красно-кирпичной ратуше, как вихрь пронесся бы над озером к Западному мосту, к зеленым купам дубово-липовой рощи Дроттнингхольма, поймал бы струю воздуха над летним дворцом и старинным театром и, налюбовавшись вдосталь геометрически правильными фигурами дорожек, аллей и клумб, развернулся обратно и полетел бы навстречу солнцу над кварталами Нормальма и Эстермальма, который облюбовал для себя Фальк, герой «Красной комнаты» Августа Стриндбер-

га, а потом воспарил бы к крутому берегу Седермальма, традиционной в прошлом обители бедных и униженных, чтобы проверить, не истощился ли в них алкогольный запах пивных и кабаков, так любимых сыном канцеляриста, поэтом и бродягой Карлом Микаэлем Беллманом...

Но что это произошло со мной?! Да я не только перемахнул через водную преграду Мэларена, — я улетел на два столетия назад в розово-туманное утро 1769 года.

Это что за странный ялик тащится по воде от Большого Эссинга к Лонгхольмену и что за странная компания собралась на его борту? Ба, да это собственной персоной бард, певец и гуляка Беллман со своей подругой Уллой Винблад и неизменными спутниками папашей Мовитцем и Фредманом, возвращаются с загородной попойки.

Внешне выглядел неряшливо: борода и бакенбарды плохо подстрижены, но в душе был весел.

Свежий ветерок слегка колышет парусами, которыми правит небритый Фредман. Карл Микаэль находится в приподнятом настроении, на него в буквальном смысле «нашел стих». Он возлежит на корме на клоке соломы, правой рукой обнимает пьяную и счастливую Уллу и громко декламирует свои стихи, которые в это утро сами просятся наружу из его молодой проспиритованной глотки:

Солнце светит ярко, кругло,
Словно зеркало вода.
Постепенно надувает
Свежий ветер паруса*.

— Славно, славно погуляли мы сегодня, — вздыхает Фредман, закатывая от приятных воспоминаний глаза.

* Любительский перевод стиха К. М. Беллмана попытался сделать сам автор.

— Устал я от всего, черт бы вас побрал, — бранится папаша Мовитц и заходится в страшном приступе кашля. — Быстрее бы добраться до постели. Охо-хо-хо-хо! Бедные мои косточки.

Компания обгоняет лодки, доверху нагруженные морковью, капустой, зеленью, битыми курами и прочей крестьянской снедью.

— Откуда будете? — интересуется папаша Мовитц.

— Мы с Ловена, везем петрушку, зелень, молоко, спелые яблоки, — чинно отвечает ему высокий жилистый крестьянин.

— А мы из Хэссельбю, плывем в город продавать масло и черешню, — вторит ему другой.

Мимо проплывает купающийся в зелени остров Малый Эссинген, впереди показывается Лонгхольменская городская таможня. Это вдохновляет Беллмана на новое четверостишие:

В травке спряталась корова,
Испугавшись дойки.
Рыжий бык пускает к небу
Голубые струйки*.

Ялик минует фаянсовую фабрику в Мариенберге, и в нос ударяет резкий запах селитры, которую делают на соседней фабрике в Кунгсхольме.

— Фи, какая гадость, — морщит свой носик Улла Винблад, делая вид, что всю свою сознательную жизнь провела в изысканных салонах и гостиных, а не на задворках Росенлунда. Все, как по команде, умолкают при виде тюремного заведения на острове Лонгхольмен, пользующегося в городе дурной славой.

— Когда-нибудь, Улла, и ты попадешь туда, — мрачно предвещает своей спутнице Фредман.

— А это для тебя, — указывает он пальцем на единственный в городе лазарет, врачующий венерические болезни. На сей раз возглас Фредмана касается Мовитца.

Ялик оставляет позади фабричные кварталы Рерстранда с тесными и грязными улочками и жалкими

* Именно в этот момент хмельной компании слева открылся бы вид на российское посольство.

домишками рабочих, в которых господствует нищета, разврат и чахотка. Наравне с Парижем Стокгольм занимал одно из первых мест в Европе по смертности своих обитателей. Со стороны Брункеберга, на котором произошла знаменитая битва шведов с датчанами, слышны звуки трубы — это сторож делает побудку все еще спящему городу. На колокольне одной из церквей звонит колокол, на улицах появляются разносчики воды, открываются пекарни, потянуло едким дымком из кузницы.

Ялик причаливает неподалеку от Рыцарского холма, и вся компания направляет свои стопы к жениху Уллы, моряку Нурстрему, державшему питейное заведение, чтобы опохмелиться у него после бурной ночи и набраться сил для нового дня.

Беллману надо бы явиться на работу — он числился секретарем какой-то канцелярии, но именно числился, потому что работа его не интересовала. Его интересовали люди — солдаты, купцы, художники, бродяги, проститутки и прочие деклассированные элементы, которые окружали его с самого детства. Он любил и хорошо знал Стокгольм и подробно описывал свои похождения в нем в так называемых посланиях. Сам Густав III благоволил к поэту Беллману и наслаждался его фривольной поэзией, и это внимание первого лица в государстве спасало безалаберного Беллмана от многих бед и неприятностей.

Фредман был зажиточным часовщиком, но после неудачного брака «сошел с колеи» и быстро спустил все деньги в кабаках. Папаша Мовитц, когда-то служивший в артиллерии, стал инвалидом и уличным, кабацким музыкантом. Улла Винблад, дочь артиллериста, совращенная каким-то русским полковником, была теперь кабацкой девкой и «уличной нимфой».

Улла Винблад, дорогая,
Вся живая, огневая,
Ты всегда готова к свадьбе, —

писал о ней Беллман.

К. М. Беллман оставил после себя целую серию стихотворений, поэм и посланий с удивительно тонким и ироничным описанием всего того, что его ок-

ружало. В стране бурно развивалась наука и культура, густавианская эпоха была в самом разгаре. Шведский Державин, Барков и Давыдов в одном лице, он сам был продуктом этой эпохи, выразителем ее духа и атмосферы — атмосферы легкости, фривольности и утонченности. Его миром были кабаки и рестораны, по ним мы узнаем историю города и его обитателей. Его называли придворным шутком в театральной державе Густава III.

После смерти короля для Беллмана наступили трудные времена: он не успевал отбиваться от затаившихся до сих пор кредиторов и судейских чиновников. Когда он умер от чахотки в 1795 году, почти никого из его друзей и знакомых уже не было в живых. Улла Винблад пережила его всего на три года, но лучше бы было, если бы она умерла раньше.

На пороге нового века Стокгольм Беллмана прекратил свое существование.

...Заглянем вместе с волшебным гусем и Нильсом Хольгерссоном в глубь истории еще на сто лет и воспарим над кварталами Седермальма. Их еще не коснулась рука строителя и архитектора: кругом сады и палисады, болота и трясины, холмы и скалы.

Стоит ядреная сентябрьская погода — преддверие бабьего лета. Там и сям к небу поднимаются дымки винокурен, размахивают крыльями ветряные мельницы. По улицам бродят драчливые и недовольные солдаты-инвалиды, больные рабочие-текстильщики, пьяные матросы в обнимку с финскими девицами.

Эту идиллическую картинку нарушают дикие крики, доносящиеся со стороны подворья королевского переводчика Даниила Анастасиуса. Из дома выбегает простоволосая женщина и, оглашая улицу истошными криками, направляется к зданию суда. В присутственном месте она представляется Марией да Валлентина. Не переставая рыдать, она рассказывает судье, что ее жилец Йоханн Александер Селецки две недели тому назад заявился домой в пьяном виде и нанес ее мужу Даниилу Анастасиусу и пытавшейся утихоми-

ритель буяна свояченице несколько ножевых ран, от которых муж только что скончался.

— Неизвестно еще, выживет ли сестра покойника, — причитает то ли португалка, то ли испанка на ломаном шведском языке.

— Что послужило причиной драки между вашим мужем и постояльцем? — пытливо всматриваясь в бегающие блудливые глазки женщины, спрашивает судья.

— А кто его... их знает... Пьяный он был, постоялец-то!

— А что это у тебя светится под глазом? — Судья указывает перстом прямо в синяк.

Мария перестает хныкать, вся сжимается, как кошка перед прыжком:

— Это вас не касается. Поскользнулась и упала, если хотите знать.

— Ну хорошо, хорошо... Что же ты хочешь, женщина?

— Я хочу, чтобы убийцу примерно наказали, а мне пусть возместят расходы на его содержание в течение восьми месяцев. Селецки задолжал мне большие деньги, а мне не на что похоронить мужа.

— Да будет так. Иди с богом домой.

К дому Анастасиуса направляется наряд солдат с алебардами и мушкетами. Некоторое время спустя они выходят из дома, подталкивая оружием тщедушного человечка в странной — то ли татарской, то ли немецкой — одежде, с жидкой бороденкой, горделиво торчащей вверх, и направляются прямо в тюрьму.

Это и есть Йоханн А. Селецки. Под этим польско-шведским именем скрывается бывший подьячий Посольского приказа царя Алексея Михайловича Гришка Котошихин, завербованный несколько лет тому назад шведским послом в Москве Адольфом Эберсом и сбежавший на службу к шведскому королю Карлу XI.

В своем прошении на имя несовершеннолетнего шведского монарха перебежчик сообщал, что последнее время состоял при князе Якове Черкасском, ведшем переговоры о мире с поляками. Поляки со своим королем шведского происхождения Яном-Ка-

змиром оказались неуступчивыми, и тогда Черкасский попытался воздействовать на них силой. Русские войска потерпели поражение, и Черкасский был отозван в Москву. На его место царь Алексей Михайлович направил своего любимца князя Юрия Долгорукого, но и тот на переговорах с польским королем успеха не добился. Тогда якобы Долгорукий обратился к Котошихину с требованием сочинить царю на Черкасского донос с обвинением в том, что он «сгубил войско царское», за что посулил подьячему награду. Гришка же, якобы опасаясь попасть в опасную распрю между князьями, предпочел бежать в Польшу, а уже оттуда, наскитавшись вдоволь в Пруссии и Ингерманландии, — в Швецию.

В Нарве, где в то время находилась резиденция шведского генерал-губернаторства Ингерманландии, Гришка обратился к губернатору Якобу Таубе, а тот, найдя его вельми полезным, переправил в Стокгольм — или по-русски «Стекольною».

Между тем русские власти дознались о бегстве подьячего и установили следы его пребывания в Нарве. Новгородский воевода князь Ромодановский потребовал от Таубе выдачи предателя. Якоб Таубе избрал тактику проволочек и сообщил, что Котошихин «прибыл в Нарву гол и наг, так что обе ноги его от холода опухли и были озноблены». Григорий де Котошихин «желает ехать назад к своему государю, но по своему убожеству и нагоде никуда пуститься не может».

В общем, разыгрывалась известная и в наши времена комедия с перебежчиками.

В «Стекольною» Котошихин прибыл под именем Селецкого. Обласканный ингерманландским воеводой и получивший в дорогу целых сорок рублей, он немедленно потребовал представить его пред светлые очи Карлуса XI. В челобитной, поданной в Государственный совет Швеции, он пишет: «Живу четвертую неделю, а его Королевского Величества очей не видел...» (Здорово напоминает перебежчика нашего времени Голицына, также по прибытии к своим американским патронам потребовавшего свидания с президентом США.) Котошихин-Селецкий напоми-

нает, что живет в шведской столице без всякого дела, и просит, чтоб ему «какая служба была учинена» — естественно, с казенной квартирой и харчами.

В шведских архивах сохранились документы, из которых явствует, что служба предателю была-таки учинена: на обзаведение в «здешнем краю» ему было выдано в общей сумме 450 серебряных талеров, и он был определен на службу в государственный архив в качестве помощника к королевскому переводчику Даниилу Анастасиусу. У него он и поселился на житье.

И все было бы хорошо, если бы не чрезвычайное самолюбие и не вздорный характер бывшего подьячего. То ли он был недоволен своим служебным положением, то ли начал ухаживать за молодой женой своего начальника, то ли по обеим этим причинам, но в конце августа 1667 года в доме у королевского переводчика случилась, вероятно, драка, в которой постоялец Котошихин смертельно ранил своего хозяина.

Суд Седермальма уже 12 сентября приговорил Котошихина к смерти. 21 октября Государственный совет утвердил приговор суда, и вскорости он был предан казни. Для шведов, да и для самого Гришки, смерть, вероятно, пришла вовремя, потому что русский посол Иван Леонтьев стучал в «Стекольне» во все двери, настойчиво требуя у шведов выдачи «изменника и вора».

От Гришки Котошихина, первого русского перебежчика в Швеции, остались два трактата: «О России в царствование Алексея Михайловича» и «О некоторых русских обычаях». Как и все предатели, он усердно отработывал полученные серебрянники, чтобы шведы поверили, что он действительно служил королю «до самой смерти без измены, а ежели что не так, то достоин смертной казни безо всякой пощады».

К. охотно делится с нами информацией не потому, что одно из наших подразделений считает его доверительной связью, а в силу идеологической близости к нам.

После казни тело Котошихина было анатомировано знаменитым медиком Улафом Рюдбеком. Его кости, как писал шведский переводчик трактатов Котошихина, отданы на хранение в университет г. Уппсалы «нанизанные на медные и стальные проволоки».

Это, пожалуй, единственный случай в истории разведки, когда кости перебежчика использовались как наглядное пособие для студентов-медиков. Предатели нашего просвещенного века такой сомнительной чести не удостоиваются.

Нет, что бы там ни говорили, а прогресс он во всем чувствуется!

Ну что ж, шведскую столицу — в основном с высоты птичьего полета — я более-менее представил.

Настало время высказать...

Некоторые глубокомысленные и не очень глубокомысленные наблюдения

Что нужно Лондону, то рано для Москвы.

А. С. Пушкин

В отличие от Дании отношения России и Советского Союза со Швецией складывались всегда не просто. Наша общая история была весьма отягощена кровавыми столкновениями, спорами и соперничеством за влияние на Балтике и в Европе, а в советский период и во время холодной войны на старые, незажившие раны добавилось соли в виде неприятных эпизодов со сбитием шведских самолетов, похабного дела с Раулем Валленбергом, неуклюжей аварии советской подводной лодки в Карлскруне и прочая и прочая.

В Швеции я скоро сделал для себя открытие, что недоверие шведов к русским уходит своими корнями в далекое прошлое, а антисоветизм или антикоммунизм — явление вторичное, тем более что благодаря многолетнему социал-демократическому правлению капиталистическая Швеция в идеологическом плане с годами стала в принципе нам ближе, чем лю-

бая другая страна Запада. Недоверие к восточному соседу проявляется в основном в антирусских настроениях. Думаю, что если бы наша внешняя политика и дипломатия строилась на этой посылке, то при обоюдном желании можно было бы расчистить старые завалы в советско(российско)-шведских отношениях и открыть в них новую страницу.

И виноваты в этих завалах обе стороны. Придерживаясь формально нейтралитета, Швеция на самом деле не была нейтральной страной и активно сотрудничала с гитлеровской Германией и нашими потенциальными противниками США и НАТО, давая Советскому Союзу повод для дополнительных подозрений. Жесткая политическая линия, к сожалению, неизменно присутствовала в практических контактах с обеих сторон.

Интересно, что в шведско-российском противостоянии невольными виновниками являются ... Дания и Норвегия.

На раннем этапе своего развития Швеция значительно уступала более сильным норвежским и датским соседям, которые активно «осваивали» для себя Запад, Север и Юг Европы. Шведским викингам для удовлетворения своего «пассионарного» развития оставался лишь Восток, и они туда естественно устремились: в Финляндию, Карелию, Прибалтику и Русь. На рубеже X—XI веков появляются варяги, а имена легендарных их конунгов Рюрика, Аскольда, Диры, Олега, Игоря, Свенельда, Сфенкла, Икмора и других стали неотъемлемой частью русской истории. Как бы там ни спорили историки норманистского и «патриотического» направлений, но в то далекое время контакты с варягами (викингами) были благотворны для обеих сторон. Произошел своеобразный шведско-русский симбиоз.

Но потом все пошло по линии обострения противоречий и силового противостояния. С XVI века Швеция начинает ощущать себя крупной, а потом и великой европейской державой. Апогей ее могущества пришелся на время правления короля Густава II Адольфа, который со своей армией беспрепятствен-

но «гулял» по всей Европе и по своему усмотрению вершил там дела.

Утрату своих позиций в качестве европейской супердержавы при своем безумном и невероятно храбром короле Карле XII шведы подспудно и болезненно переживают до сих пор. И они хорошо знают, что виноваты в этом русские, в первую очередь сумасбродный царь Петр. Нужно видеть, с каким блеском в глазах и восторгом осматривают шведы захваченные в Нарвской битве русские пушки, выставленные в качестве почетных экспонатов в музее «Грипсхольм» в Марифреде! Они до сих пор гордятся победами, одержанными шведскими солдатами двести пятьдесят с лишним лет тому назад. Еще бы: 180 русских пушек и 230 знамен попали тогда, 20 ноября 1700 года, в руки шведам, высадившимся на берег в снежную бурю в порту Пернау и с ходу, как снег, обрушившимся на позиции русских! А ежегодные парады членов Каролингского общества, дефилирующие по улицам Стокгольма в каролингских мундирах образца начала XVIII века. А величественный памятник Карлу XII в центре столицы: король стоит в полный рост и жестом руки показывает на восток — там, за морем, ваш главный противник, мина дамер ок херрар*, оттуда ждите опасность!**

И действительно, если Петр I нанес по шведской империи сокрушительный удар и основательно поколебал ее величие, то последующие русские цари окончательно обкарнали Швецию, отобрав у нее и Финляндию. Впрочем, шведы сами виноваты в том, что в наполеоновских войнах стали явно не на ту сторону и вместо присущего им практицизма дали

* Дамы и господа (*швед.*)

** А может быть, король показывает своим подданным в сторону Сибири, где сгинул почти весь цвет его войска — каролингские офицеры, попавшие в плен, собранные для участия в триумфальном параде русских войск в Москве после Полтавской битвы, а затем отправленные за Урал? Основная масса пленных шведов обосновалась в Тобольске, где они построили церковь, школу, поступали на государственную и частную службу, но вообще владели жалкое существование. Они вернулись домой в 1722 году, но не все: половина офицеров и три четверти рядовых либо погибли, либо остались в России.

убаюкать себя сильным антирусским и реваншистским эмоциям.

Конечно, никаких реваншистских планов шведы давно уже не вынашивают, но возникший синдром утраты великодержавности теперь генетически переходит из поколения в поколение — так, по всей видимости, и мы, русские долго еще будем ощущать развал Советского Союза.

Межгосударственная неприязнь прошлого, не успев как следует сгладиться и исчезнуть из памяти новых поколений, усугубилась новыми деяниями, инициатором которых, согласно теории военного историка С. А. Модестова, были шведы, а виновниками всегда оказывались мы, русские.

Серьезным источником раздражения на канале советско-шведских отношений явилась прогерманская в первые годы Второй мировой войны позиция Швеции, выразившаяся в грубом нарушении принципов нейтралитета страны. Общеизвестно, что немцы в течение всей войны непрерывно вывозили из Швеции высококачественную кирунскую железную руду и платили за нее шведам хорошую цену. Но, кажется, дело было не только в деньгах, но и в прогерманских настроениях тогдашних правителей, которые при всей любви к Великобритании, Франции и США делали ставку на Германию, потому что, по их расчетам, она должна была победить. Шведская территория использовалась вермахтом для транспортирования раненых из соседней Норвегии и переброски туда свежих пополнений.

Шведы объясняли, что они не в силах противостоять нажиму Гитлера и за сохранение своего суверенитета были вынуждены платить ему определенную дань в виде утраты нейтралитета. Трудно сказать, был ли у шведов другой выбор, но у антигитлеровской коалиции поведение шведов, мягко говоря, вызывало протест. Впрочем, ни США, ни Англия, ни СССР не прибегали к крайним мерам наказания Швеции, опасаясь, что такие крутые меры могли бы окончательно подтолкнуть шведов в объятия Гитлера.

Позиция Т. в движении неприсоединения определяется тем, что Т. не является членом движения неприсоединения.

С другой стороны, займи шведы непреклонную и принципиальную позицию по отношению к фашистам, вряд ли у последних хватило бы ресурсов на то, чтобы расплыть свои силы на противостояние со Швецией. Думается, это могло приходиться тогда в голову и самим шведам, но тем не менее они предпочли сделать так, как сделали.

С наступлением холодной войны Швеция опять, несмотря на свой нейтралитет, по отношению к Советскому Союзу заняла фактически пронаатовскую позицию, активно сотрудничая в политической, военной и экономической областях с ведущими странами Запада. Она вела своими силами агентурную и радиолокационную разведку против Советского Союза и предоставляла свою территорию в распоряжение спецслужб стран НАТО, ведущих активную разведывательную и подрывную деятельность против нашей страны.

Все это далеко не способствовало поддержанию добрососедских отношений между двумя странами, а создавало только дополнительные осложнения. В начале 50-х годов при достаточно спорных обстоятельствах над Балтийским морем были сбиты два самолета типа «Каталина» — по советской версии, над территориальными водами Советского Союза, а по шведской — над нейтральными водами. Никто из экипажа самолетов не уцелел. Шведы утверждали, что самолеты выполняли обычный патрульный полет над Балтикой, в то время как наша сторона доказывала, что оба самолета нарушили территорию СССР в разведывательных целях.

Но самым большим раздражителем, имеющим долгоиграющий эффект, стало дело Рауля Валленберга. До последнего времени в Советском Союзе мало кто слышал это имя. В Швеции же его знают все от мала до велика. С одной стороны, оно стало символом самопожертвования и героизма, а с другой — грубого

произвола и беззакония. Напомню читателю о главных деталях этого дела, о котором на Западе, а последнее время и у нас, писали очень много.

Рауль Валленберг — член всемирно известного семейного клана Валленбергов, который стоит в одном ряду с Ротшильдами, Рокфеллерами, Дюпонами, Фордами и др. Предок клана Якоб Валленберг в середине XVIII века составил состояние на торговле с Остиндией. Постепенно Валленберги прибрали к своим рукам несметные богатства, контролируя банки («Скандинависка Эншильда Банкен» до сих пор считается одним из крупнейших финансовых заведений в Европе), промышленность («Л. М. Эрикссон», «АСЕА», СКФ, «Альфа Лаваль» и пр.), гражданскую авиацию (САС) и торговлю. Валленберги присутствуют везде и всюду, хотя вывески с их именами в Швеции нигде не встретишь. «Esse non videri» — «Быть, но оставаться невидимым» — вот их кредо.

В 1944 году, когда германские нацисты стали угрожать венгерским евреям уничтожением (а на самом деле приглашали международных, в первую очередь американских, сионистов к сотрудничеству, надеясь получить от них солидный выкуп за намеченные жертвы), Рауль Валленберг, которому тогда было 31 год, по поручению Совета по делам беженцев под прикрытием атташе шведской миссии в Будапеште выезжает в Венгрию, имея на руках практически неограниченные материальные средства и мандат Совета на выкуп евреев у нацистов. Действуя лестью, подкупом и угрозой, Р. Валленбергу удалось войти в контакт с руководящей нацистской верхушкой и спасти от гибели около 20 000 венгерских евреев. Он выдавал им охранные грамоты, платил выкуп нацистам, некоторых евреев переправлял в США, но большинство их по его настоянию концентрировалось в особых гетто. Небезызвестный подполковник СС Адольф Эйхман организовал на Валленберга неудачную попытку покушения, неоднократно угрожал ему, но швед продолжал налево и направо раздавать евреям охранные документы, пренебрегая грозившей ему опасностью.

При взятии Будапешта советскими войсками Р. Валленберг вступил в контакт с советскими военными, а затем бесследно исчез. Шведы по дипломатическим каналам неоднократно обращались к Молотову и Сталину, но неизменно получали ответ, что советские компетентные органы сведениями о Валленберге не располагают. В 1957 году, однако, уступив настойчивым требованиям шведской стороны, министр иностранных дел Громыко в памятной записке сообщил шведам, что Рауль Валленберг в 1947 году скончался в советской тюрьме от сердечной недостаточности.

Родственники Рауля подвергли эти сведения сомнению, полагая его живым и содержащимся по-прежнему в одной из тюрем КГБ. Можно предположить, что они уже тогда слишком хорошо знали об истинной подоплеке венгерской миссии Рауля, а потому и не поверили в информацию о его гибели. А между тем то там, то сям они находили отклики на следы пребывания Валленберга в советских тюрьмах после 1947 года: об этом проговаривались некоторые советские граждане, об этом сообщали многочисленные иностранцы, возвращавшиеся из советских лагерей для военнопленных. Неоднократно назывались места, где Валленберг якобы содержался последнее время: Владимирский централ, лагерь в Братске.

Из всего множества свидетельских показаний, считает один шведский эксперт, можно отобрать как минимум 15 достоверных. Особенно поражают показания покойной Н. Шварц, известного шведского психиатра, которая получила сведения о Валленберге, живом, но больном психически, в 60-е годы. Во время одной из научных конференций советский кардиолог Александр Мясников сообщил Шварц, что этот шведский дипломат лечится в психиатрической клинике под Москвой и что состояние его здоровья неважное. Однако когда по информации шведки был сделан запрос в Москву, А. Мясников от своих слов отказался.

Официальная Москва по-прежнему продолжала

утверждать, что Валленберга нет в живых и, кроме того, что в свое время сообщил Громыко, ей сказать нечего.

Шли годы, Швеция время от времени напоминала Советскому Союзу о Рауле Валленберге, но ничего нового в ответ не получала. У шведов стало уже традицией при любом официальном поводе ставить вопрос о судьбе Валленберга, а у русских — давать стандартный ответ о том, что тот умер в 1947 году. Временами семье пропавшего без вести удавалось всколыхнуть общественность, и тогда голос из Швеции звучал более настойчиво — особенно если и на «том» континенте усматривали подходящую возможность присоединиться к кампании по делу Валленберга, а заодно и подразнить своего главного соперника.

Уже тогда я услышал от некоторых пожилых оперработников, что с Валленбергом дело обстоит не так просто, что он стал жертвой своих честолюбивых амбиций прославиться на поприще спасания людей и излишней доверчивости по отношению к недобропорядочным людям из США, пославшим его в Венгрию, и что есть данные, указывающие на то, что он был завербован Управлением стратегических сил для сбора информации не только о нацистах, но и о советских войсках. Шведы такую информацию отвергали «с порога», считая ее оскорбительной для памяти великого гуманиста.

И вот наступили времена развала Советского Союза и всеобщего хаоса как в умах властителей, так и в самом народе. Разверзлись хляби небесные, пооткрывались уста и развязались языки долготерпевшие, и открылись архивы секретные, и шведы поспешили воспользоваться благоприятными возможностями для выяснения наболевшего за пятьдесят лет вопроса. Указом российского президента было осуществлено совместное российско-шведское расследование, призванное внести наконец ясность в судьбу Валленберга, но комиссия, проработав энное время, была вынуждена признать, что поставленной цели достигнуть ей не удалось. Одно из двух: либо ей дали копнуть не так глубоко, либо архивы действительно не

располагают соответствующими сведениями. В последнем случае это означает, что все письменные свидетельства по этому делу были уничтожены.

Итак, круг замкнулся. Теперь в общем-то стало ясно, что Рауль Валленберг действительно сгинул в 1947 году в тюрьме КГБ, но отчего и при каких обстоятельствах, узнать, вероятно, теперь уже не удастся.

Открыли свои архивы и США, и мир стал свидетелем старой, как мир, истории о том, как пылкого приверженца «истинно демократических ценностей» грубо использовали в своих узкопрофессиональных целях злые дяди из УСС. Говоря другими словами, американская разведка завербовала Валленберга и послала его в Венгрию под добропорядочной крышей спасти невинных людей. В жизни это часто бывает, когда нехорошие цели прикрываются благими намерениями.

Завербован был Рауль Валленберг сотрудником резидентуры УСС в Стокгольме Ивером Ольсенем летом 1944 года. Кандидатура Валленберга на роль агента УСС была одобрена самим Франклином Рузвельтом. В его задачу входило не только спасение евреев, но и обеспечение американской разведке доступа к руководству венгерского Сопротивления, пытавшегося вырвать страну из союзнических объятий Гитлера.

«Кларк» высказал просьбу не передавать его на связь бразильцам и/или женам из числа советских граждан.

До вербовки Рауля американцы сделали несколько попыток проникнуть на территорию Венгрии, но все их агенты потерпели крах. Понятно, что в свете особо пристального внимания США к послевоенной судьбе Венгрии роль Валленберга как их агента трудно было переоценить. Шведские власти, чтобы хоть как-то смягчить реакцию американцев на их прогерманские деяния, поспешили обеспечить Валленберга прикрытием в своем дипломатическом представительстве в Венгрии.

Это важное задание, о котором, вероятно, стало известно советским спецслужбам, во многом объясняет покров таинственности, окружающий это дело до самого последнего времени. Это никоим образом не оправдывает Сталина — в том, что судьбу Валленберга решал именно он, сомнений быть не может — и его сподвижников, но помогает понять, в какой сложный переплет, вероятно, попал и сам американский агент и его тюремщики.

Томаш Вереш, проживающий в США, а во время войны — фотограф, нанятый Валленбергом в Будапеште, вспоминает, что во время боев за Будапешт шеф выезжал наблюдать за действиями советской артиллерии и просил его делать фотоснимки. Из одного донесения УСС явствует, что Валленберг поддерживал контакт с венгерским Сопротивлением и переправлял от них информацию в Стокгольм для И. Ольсена.

Когда Красная Армия вступила в Будапешт, Валленберг сам вышел на ее представителей и потребовал, чтобы его отвели в штаб. Он провел там ночь, а потом отправился в миссию за документами, которые он должен был показать советскому высшему командованию. На следующий день он приехал в еврейское гетто в сопровождении трех советских солдат на мотоцикле с коляской. Швед поговорил с некоторыми своими знакомыми подопечными, в том числе с другом детства Ласло Пето, и сообщил им, что намеревается отправиться в Дебрецен, где находился штаб советских войск в этом районе, чтобы попросить там продуктов и лекарств для обитателей гетто.

Он обещал вернуться из Дебрецена на неделе.

— Он выглядел абсолютно уверенным, — вспоминал Пето, проживающий теперь в Базилии. — Он в шутку сказал, что не знает, следует ли ему полагать себя гостем или пленником русских. Но это была именно шутка. Он легко мог от них ускользнуть.

К концу января 1945 года Рауль Валленберг уже находился в Лубянской тюрьме в Москве.

Между тем в самой Швеции были люди, которые не хотели возвращения Рауля Валленберга домой.

Как ни странно, к ним принадлежали наиболее влиятельные члены клана Валленбергов. Сводный брат Рауля Ги фон Дардель, проживающий в Швейцарии, высказал в интервью Шведскому телеграфному бюро ТТ предположение, что Рауль может слишком много знать о крупных делах фирмы в Венгрии и Германии и неприглядной роли Швеции во время войны. Возможно, именно по этим причинам наиболее влиятельные члены семьи не проявляют особой активности в выяснении судьбы своего пропавшего родственника.

Излишне говорить, что те, кто считал (и справедливо считал) Рауля Валленберга настоящим героем, несправедливо ставшим жертвой сталинского произвола, не приемлют версию о его шпионской деятельности. Мне кажется, теперь это не имеет никакого значения. По всей вероятности, Рауля Валленберга давно нет в живых, и был ли он американским шпионом или нет, это уже ему помочь не может.

И пока остаются белые пятна в таинственной судьбе этого шведа, до тех пор у шведской стороны будет оставаться неудовлетворенность проведенными расследованиями и вероятность того, что от шведов можно и в будущем ожидать справедливых обращений по этому поводу.

Российским властям еще рано сдавать дело Валленберга в «архив».

Пусть у читателя не создается мнения, что шведы пекутся только о своих гражданах и что им сугубо наплевать на то, как обращаются с людьми в других странах. Шведы традиционно проявляют и внимание и интерес к тому, как соблюдаются права человека повсеместно. Правда, не всегда этот интерес был бескорыстен, но в любом случае они не жалеют усилий для поддержания своего имиджа мирового правозащитника. Отчасти я объясняю это явление и тем, что внутри шведского общества не так уж много серьезных проблем, поэтому они обращают свою неистраченную энергию вовне. Тем не менее достоин

упоминания факт, что Швеция — единственная страна в мире, которая в свое время выполнила рекомендацию ООН о том, чтобы помощь развитых в промышленном отношении стран развивающимся странам составляла не менее 1%.

В отношениях со шведами в 70-х годах много неприятностей нам доставило дело торгового моряка Агапова, сбежавшего со своего корабля при заходе в Стокгольм и попросившего у шведов политического убежища.

Моряк поселился в небольшом провинциальном городке Арбуга, устроился с помощью СИБ на работу, обзавелся жильем и... затосковал по семье. Тогда еще не было Общеввропейского совещания и Хельсинского соглашения с третьей «корзиной» вопросов, затрагивающих права человека, а потому не существовало и понятия «воссоединение семьи через границу». Советский Союз осуществлял жесткую и простую, как лысая коленка, линию «не пущать!» и только в отдельных случаях, когда Запад начинал давить на Москву, подключая все силы и средства, вплоть до обращения на правительственном уровне, делал послабления.

Сначала Агапов через шведских посредников обратился в посольство на Ервелльсгатан с заявлением разрешить его жене и дочери приехать к нему в Швецию на постоянное жительство. В соответствии с установленной процедурой посольство передало его заявление в Москву и оттуда оно, вероятно, попало в Ленинград, откуда моряк был родом. Вскорости посольством был получен отрицательный ответ из Москвы, суть которого сводилась к тому, что дезертир должен вернуться в Союз и предстать перед судом, чтобы понести справедливое наказание.

Шведские друзья эмигранта из Арбуги близко к сердцу восприняли его семейную проблему и организовали общественный комитет, поставивший своей целью добиться приезда его семьи в Швецию. Деятельность комитета получила широкую огласку, потому что к ней вполне естественно подключились

не только радетели семейного счастья эмигрантов из России, но и другие заинтересованные круги и лица, увидевшие возможность придать делу политическую окраску.

Впрочем, по сути это дело было тогда политическим, потому что любой аспект отношений с нашей страной был так или иначе связан с политикой.

Комитет стал регулярно устраивать перед нашим посольством демонстрации с требованиями удовлетворить просьбу Агапова, подключать средства массовой информации, устраивать обструкции советским официальным лицам, когда они прибывали в Швецию, будоражить общественность, — одним словом, шведы подняли на ноги чуть ли не всю страну, чтобы оказать давление на Москву.

Когда этого оказалось мало, в дело пустили тяжелую артиллерию: при каждом удобном поводе о деле Агапова нам напоминали премьер-министр страны, министр иностранных дел, но все усилия шведов оказывались тем не менее тщетными.

Кажется, в 1980 году шведы пошли на крайние меры.

Они решили вывести семью нелегально.

Комитет подобрал одного молодого авантюриста, который взялся за весьма рискованное дело: на небольшом самолете пересечь финско-советскую границу, сесть в заданном районе Советского Союза, посадить жену с ребенком в самолет и доставить их в Швецию.

По сведениям из авиационных кругов, близких к МИДУ...

Самое интересное, что такое рискованное мероприятие готовилось при участии журналистов, которые должны были сделать репортаж о подвиге шведского летчика, решившегося ценой жизни доказать, что утверждение «советская граница на замке» является блефом. (К этому времени в шведских СМИ появились публикации о том, что советские пограничники допустили на финском участке границы ряд

промахов, не обнаружив нарушителя воздушного пространства, перелетевшего через границу на маленьком частном самолете.) Несмотря на довольно широкий круг заговорщиков, сведения о подготовке нелегального пересечения советской границы за его рамки не вышли.

И репортаж о полете в район Карельского перешейка появился в газетах!

Журналисты взахлеб рассказывали, как шведский летчик ранним утром поднял свой самолетик с финского аэродрома и исчез по ту сторону «железного занавеса», как мучительно долго тянулись часы ожидания и как наконец самолет благополучно вернулся обратно. Сенсация оказалась, однако, не полной, потому что швед вернулся в Финляндию один. По его рассказам, все прошло великолепно: он на малой высоте пересек границу, без труда вышел в заданный район, нашел нужное озеро, посадил самолет на лед (дело было зимой) и ждал ровно столько и даже больше, чем было назначено, жену моряка. Но она по неизвестным причинам в районе посадки самолета так и не появилась.

Скандал был огромный, но только в местных средствах информации. Даже по шведским законам летчика следовало бы отдать под суд, и прокурор Стокгольма даже завел на него уголовное дело. Но судить «героя» естественно никто не собирался.

Скоро в газетах появились странные статьи, в которых утверждалось, что летчик находится под постоянным наблюдением психиатра, что он страдает тяжелой формой шизофрении и что в настоящее время он помещен в стационар. Когда его вылечат, никто сказать не может. Больного человека отдавать под суд естественно нельзя. Как шизофреник получил доступ к управлению самолетом, пересекал шведско-финскую границу, садился на финский аэродром и проделывал обратный путь, одному богу известно.

Как ни странно, после этого инцидента Агапов и его комитет прекратили свою активную деятельность. Вероятно, они были настолько ошеломлены

результатом своих усилий, на которые были потрачены последние моральные силы, что оправиться от этого шока уже больше не могли.

В наших же средствах массовой информации это дело огласки, естественно, не получило. Советские люди по-прежнему верили, что наша граница крепко охраняется, что наша ПВО зорко следит за небом и никакому супостату в наше воздушное пространство безнаказанно не сунуться.

Потребовался Руст, который посадил свой самолетик не на Карельском перешейке, а на Лобном месте рядом с Кремлем, чтобы показать всему миру, что с защитой наших границ и охраной территории не все в порядке.

Руста оставалось ждать около пяти лет.

Государство всеобщего благоденствия

*Благополучнее мы будем,
Коль не дерзнем в стремленье волн...*

Г. Р. Державин

Солидное впечатление произвели на меня шведские достижения, главное из которых — система социального обеспечения населения — родилось не в горниле классовых боев и революций, а в ходе компромиссов между классами. Знаменитое Сальтшебаденское соглашение между профсоюзами и союзом предпринимателей от 1937 года заложило правила мирного сожительства главных антиподов на рынке труда и производства и в конечном результате привело к стабильному социальному миру в стране, росту производства и благосостояния трудящихся. В то время как в первой стране социализма в качестве подкрепления надуманного тезиса об углублении классовой борьбы в переходный период выискивали и уничтожали миллионы врагов народа и революции, в стране, действительно разделенной на классы, эти классы искали компромисс во имя своего общего будущего.

Индия — страна чудес и легализации.

Американцы, приезжая в Швецию, искренне верили, что там установлен настоящий социализм. Во всяком случае это было фактом в 70-е годы, когда я работал в этой стране.

Наши пропагандисты, делая попытки объяснить природу и причины шведского феномена, всегда ссылались на то, что Швеция в течение последних 150 лет воздерживалась от войн. Нейтралитет, конечно, сыграл тоже свою роль в созидании государства всеобщего благоденствия. Но тогда почему поверженная в кровавой бойне Германия опять перегнала нас, победителей, в своем экономическом и социальном развитии? И почему на сотом году нейтралитета Швеция все еще находилась в таком тяжелом экономическом положении, что целый миллион шведов был вынужден эмигрировать в США? И почему благосостояние к шведам пришло лишь на сто пятидесятом году соблюдения этого самого нейтралитета? И почему мы после пятидесяти пяти лет мирной жизни ничуть не приблизились к намеченной цели и даже удалились от нее?

До Второй мировой войны уровень жизни в Швеции был вполне сопоставим с нашим, но потом, в шестидесятых, она сделала резкий рывок по всем направлениям, в то время как в Советском Союзе начался экономический спад, а потом застой, сменившийся смутой и полным коллапсом. В чем тут причина?

Ответ, кажется мне, довольно прост: все заключается в людях, которые управляют страной. Шведские социал-демократы по заслуженному праву должны считаться отцами современной шведской нации. Это благодаря их дальновидной политике в стране установился классовый мир, далеко не означающий капитуляцию зарплатополучателей перед работодателями, как нам говорили на протяжении целого ряда лет. Нет, социал-демократы вместе с профсоюзами постоянно вели борьбу за права трудящегося большинства, то и дело наступали на пятки капита-

листам и вынуждали их идти на уступки. И добились они этих уступок не путем экспроприаций и возврата награбленного, а путем бескровного эволюционного давления на капитал и равномерного распределения прибылей. Шведы избежали громких государственных переворотов и не стали развязывать разрушительных гражданских войн. Они сделали это в рамках обычной — буржуазной, разумеется, — парламентской демократии.

Да и шведские капиталисты оказались не такими твердолобыми, чтобы продолжать самоубийственную политику ограбления рабочих, которую сейчас проводят наши скороспелые олигархи. Они резонно рассудили, что лучше поделиться с ними куском пирога, чтобы сохранить сам пирог.

Вот так и возник социализм со шведским лицом.

По данным «М», жизненный уровень в Швеции выше, чем в США. От вознаграждения за переданную информацию агент отказался.

Не будем вдаваться в детали о том, какой социализм построили шведы. Я бы назвал его государственным. Но работает он на каждого члена общества эффективно, результаты его — особенно на расстоянии — кажутся впечатляющими. Так же, как и шведская демократия.

О демократии в Швеции у нас в России говорили и говорят много — особенно наши так и не состоявшиеся «демократы». Мы почему-то забываем, что демократия — это диктатура закона и порядка, а потом уж права и свобода как осознанная необходимость и ответственность перед обществом. С тем, что мы за десять лет построили у себя в России, демократия не имеет ничего общего. Взять хотя бы средства массовой информации. В Швеции мало найдется журналистов и издателей, отваживающихся публиковать откровенно расистские или профашистские материалы. По общественному телевидению (а другого у шведов нет) не передают передач, оскорбляющих чувства верующих и общепринятые принципы мо-

рали. Существует законодательство о СМИ, в котором содержатся ограничения на публикацию материалов, способных нанести ущерб государственной безопасности, то есть цензура. И вряд ли позавидуешь журналисту, пытающемуся обойти эти ограничения. А как же иначе?

В Швеции не приватизированы железные дороги, порты, почта, телеграф, электро-, гидро- и атомные станции. Государственные чиновники не имеют права заниматься частным бизнесом и политикой. Нарушение закона, особенно налогового, связь с криминалом для шведского политика — смерть. Общественное мнение является высшим судьей страны, и попробуй скомпрометируй себя в его глазах!

Но люди есть люди, и все человеческое шведам присуще — в той или иной степени. И шведская демократия дает сбои, потому что осуществляется она с помощью людей, чиновников, стоящих у власти. Шведским чиновникам тоже не хочется «дурной» огласки, они тоже подвержены мелким страстям типа взяточничества, кумовства, жульничества и превышения полномочий. Они так же не любят критику, как и все другие бюрократы, а потому потихоньку преследуют неугодных им лиц.

Моя квартирная хозяйка Сигрид Талльму, бывший школьный врач, в полную меру «хлебнула» из чаши борьбы с бюрократией по своему ведомству. Она боролась с ней несколько лет подряд, но потерпела полное поражение. Корпоративность школьных администраторов, равнодушие высшего начальства к злободневным проблемам дня оказались сильнее гражданского чувства простой школьной «врачихи», и ничего, кроме потери работы и здоровья, фру Талльму в результате не приобрела.

Камнем преткновения послужила проблема употребления наркотиков и алкоголя в шведских школах в 60-е годы. Школьные власти, министерство образования закрывали на нее глаза и предоставляли развиваться ей в соответствии с естественным ходом событий. Фру Талльму била во все колокола, писала во все инстанции, обращалась к самому премьер-ми-

нистру Улофу Пальме, призывая чиновников к принятию необходимых мер, но получала в ответ одни отписки, сводившиеся к тому, что в шведских школах «все хорошо, прекрасная маркиза!»

Более разочарованного в шведской демократии человека, нежели фру Сигрид Талльму, я не видел.

По сравнению с Данией Швеция производит впечатление крупной державы. Так оно и есть на самом деле: и по территории, и по экономическому потенциалу, по достижениям в социальной и культурной областях, по степени влияния, оказываемого на другие страны и народы, и по той роли, которую шведы играют в международной жизни, Швеция несомненно является страной значительной. О шведах, Швеции и шведском образе жизни знают все: от президента США до самого нищего гражданина Бангладеш, мечтающего эмигрировать на западный берег Ботнического залива.

Прагматизм, трудолюбие и удивительное (для нас) законопослушание — вот, пожалуй, те три кита, на которых зиждется шведское общество. Последняя черта дает о себе заметно знать даже при сравнении шведов с другими европейскими народами. До последнего времени шведы вообще не знали замков и, уходя из дома, оставляли двери открытыми. Утаивание размеров доходов от государства — самое тяжкое преступление перед обществом.

Правда, «достижения» цивилизации — злоупотребления наркотиками, ограбления банков, подлоги, насилие и террор — в начале шестидесятых стали активно вторгаться в городскую жизнь свеев и в настоящее время стали составной частью их буден. Но все равно соблюдение закона, каким бы несправедливым он ни был, до сих пор входит в святую обязанность шведа.

Законопослушание оборачивается для нашего брата-шпиона своей неприятной стороной. Слишком многие наши первичные контакты оказываются под контролем у СЭПО, потому что законопослуш-

ный швед частенько спешит доложить в контрразведку о своем знакомстве с советским дипломатом.

Швед пунктуален во всех мелочах, так что не стоит удивляться, если он позвонит в советское посольство и попросит передать господину второму секретарю Григорьеву, что он «опаздывает на встречу с ним в обусловленном ранее месте».

У нас уже много писали о самоубийствах в Швеции. Возможно, эту болезнь действительно можно отнести к чисто шведским, но за четыре с половиной года работы в стране у меня не создалось впечатления, что швед охотней расстается с жизнью, чем норвежец или финн. Думаю, просто в стране дело подачи публике статистических данных поставлено честнее, чем у других. Хотя сами шведы, например, писатель и классик современной шведской литературы Ивар Лу-Юханссон, утверждают, что шведы обладают удивительной способностью не быть счастливыми*.

Интерес к сексу, а вернее какое-то гипертрофированное отношение к нему, на самом деле имеет место, как, впрочем, и в других странах Скандинавии. Сдается, суровые климатические условия существования, разбросанность и распыленность населения — оно в подавляющем большинстве было исключительно крестьянским и никогда не знало ни сел, ни деревень, а жило небольшими хуторами — в некоторой степени способствовало появлению в душе какого-то надрыва. Отношение полов друг к другу может включать целую гамму сменяющих друга друга чувств: от истового почитания и обожествления до ненависти и первобытной жажды крови.

(Оговорюсь сразу: все это, конечно, чисто умозрительные заключения, основанные на чтении классической шведской литературы, в первую очередь А. Стриндберга, того же И. Лу-Юханссона, и относящиеся к экстремальным ситуациям, которые на практике имеют место не так уж часто. Не все же русские ленивы и беспечны, а американцы зациклены на киношном мордобое и деньгах.)

* Что же тогда говорить о русских?

Швед любит выпить, но часто стыдится этого. Купив бутылку аквавита в «Сюстембулагете» — спиртное продается исключительно в государственных магазинах с этим названием, — швед не станет размахивать ею на виду у публики, а спрячет ее в портфель или в сумку. Появление на улице в нетрезвом виде не рассматривается как какое-то геройство, а наоборот, считается позорным поступком. Статистика показывает, что многие шведы страдают алкоголизмом, но редко кто из окружающих догадывается об этом, потому что больной выпивает не на виду у всех, а в одиночку у себя дома.

Как бы между прочим источник заметил, что сейчас он реже встречается с оперработником, и это позитивно сказывается на соблюдении «сухого закона».

Швед, в отличие от великоросса, вообще стыдится своих слабостей и боится показать их окружающим. Его предпочтительная среда обитания — одиночество, а одиночество — благотворная почва для самокопания, самоанализа и раскаиивания.

У шведов не принято приходить в чужой дом, даже к самым лучшим друзьям, без приглашения. Прием гостей не обязательно связан с обильным угощением — хозяева могут ограничиться и чашкой кофе. Застолье в нашем понимании существует, но устраивается оно в торжественных случаях, и тогда на столе не бывает недостатка ни в выпивке, ни в еде. Чужак и иностранец не должен огорчаться, что знакомый швед не приглашает его к себе в дом. Делается это исключительно редко и свидетельствует о степени доверия шведа к новому человеку. Вообще же шведы предпочитают встречаться на нейтральной почве. Дорога к дружбе со шведом длинна, но если она пройдена, то можно всегда рассчитывать на верность и взаимность.

Если уж зашла речь о застольях, то хотелось бы обязательно подчеркнуть необходимость соблюдения ритуала употребления алкоголя. После произне-

сения тоста тостующий, поднимая рюмку или бокал, по очереди обменивается взглядом с другими участниками стола, а потом уже делается «опрокидон». По шведским понятиям, чрезвычайно невежливо смотреть в это время в сторону соседки или уставить взор в крышку стола и вливать в себя между этими занятиями напитков. Говорят, что обычай смотреть друг другу в глаза во время питья возник в древние времена, когда конунги, встречаясь за столом, должны были продемонстрировать, что налитое в чаши вино, упаси боже, не отравлено и что они не боятся пить вино вместе со всеми.

Шведский застольный тост «Мин сколь, дин сколь ок алла ваккра фликуш сколь»* в той или иной форме дошел почти до всех отдаленных уголков земного шара.

Милым архаичным явлением является и обычай позвонить хозяевам на следующий день по телефону и поблагодарить их за вчерашний вечер — «такк фер и гор» или не забыть произнести фразу «такк фер сист» при первой встрече с хозяевами после того приятного междусобойчика. Являться со своей бутылкой вина или водки в гости не принято, если на этот счет не было других оговорок. При складчине или при встрече на «шведский» счет (сами шведы употребляют термин «на гамбургский или немецкий счет») каждый приносит спиртное и съестное с собой.

В отличие от датчан шведы большие формалисты и ярые приверженцы протокола, особенно на официальных приемах и в других торжественных случаях. До последнего времени в стране существовала особая форма обращения друг к другу в третьем лице. Это — выше, чем и без того вежливая форма обращения на «Вы», принятая во многих странах и языках мира.

Предположим, что на Уденсплане встретились два знакомых, один из которых, к примеру, врач, а другой — профессор.

* Примерно: За здоровье всех присутствующих и особенно — за дам.

— Добрый день, господин профессор! Прекрасная сегодня погода, — говорит врач, снимая шляпу.

— Добрый день, господин доктор. Господин доктор прав: такой погоды я не припоминаю с лета памятного 1905 года, когда норвежцы разорвали с нами союз.

— Господин профессор читал сегодняшнюю «Дагенс нюхетер»?

— Еще нет. А что там необычайного прочел господин доктор?

— Господин профессор, вероятно, слышал, что Гитлер покончил с собой в бункере.

— Неужели? Господин доктор не ошибся?

И так далее в том же духе. В русском языке такая форма обращения употребима довольно редко, да и то в ироничном смысле. У шведов она исчезла к шестидесятым годам, когда выходцы из простых слоев, а не потомки заносчивых дворян и баронов, стали определять политический климат в стране. Демократия так далеко шагнула вперед, что в стране все большее распространение получает форма обращения на «ты». Она используется учениками в школе по отношению к учителям, простыми рабочими по отношению к министру или своему хозяину — практически во всех случаях жизни. Формой «вы» пользуются в основном иностранцы, все еще изучающие шведский язык по устаревшим учебникам.

Неофициальная, дружественная обстановка, например застолье, часто может сопровождаться пением и танцами. Шведы в отличие от многих из нас помнят слова своих народных песен и допевают их, как правило, до конца. С увлечением они танцуют и свои народные танцы.

Я не согласен с установившимся мнением о том, что шведы угрюмы, мрачны и скучны. Да, некоторые особи при некоторых обстоятельствах могут казаться вам слишком дотошными, слишком серьезными или слишком занудными, но подавляющее большинство шведов и шведок так же любят веселье, праздники, как беспечные французы и легкомысленные итальянцы, и смех и юмор — не такие уж редкие у них

гости. Другой вопрос, какое веселье, какой юмор: естественно, шведский юмор придется не каждому по вкусу — особенно для тех, кто привык к армянским или еврейским анекдотам, а шведский менталитет и темперамент будут отличаться от французского или итальянского.

Очень распространены в Швеции «фирменные» праздники, под которыми я имею в виду всякого рода юбилеи и памятные годовщины фирм, которые, как правило, отмечаются при участии всего персонала предприятия. Владельцы фирм тем более охотно идут на организацию таких веселий, что затрачиваемые ими средства не входят в сумму, облагаемую налогом.

Излюбленные «фирменные» праздники наступают в конце августа — в начале сентября, когда приходит пора раков. Не знаю, откуда взялся такой обычай, но в это время буквально вся страна «наваливается» на раков: на шведских, турецких, русских и прочих. Полки и холодильники магазинов заблаговременно набиваются горами брикетов с раками, реклама доводит себя до истеричного состояния, предлагая самые вкусные, самые экологически чистые и мясистые экземпляры членистоногих, и всякая уважающая себя семья или компания обязательно покупает или заказывает себе на стол раков. Вполне естественно, к ракам подается охлажденный со «слезой» аквавит, а потом все это обильно «заливается» пивом. По окончании пиршества, когда захмелевшие участники с трудом поднимаются из-за стола, то оставляют после себя весьма живописную картину: батареи пустых бутылок и целые терриконы из рачьих клешней и чешуи.

За неделю-другую до рождественских праздников шведы болеют от укуса другой «мухи», и все наперебой стараются попасть или, наоборот, пригласить к себе на стакан глинтвейна знакомых, друзей, сослуживцев. Проходят эти праздники всегда с большим подъемом и являются своеобразной репетицией Рождества. (Рождество же я бы не назвал веселым праздником — он скорее проходит в строгом соот-

ветствии с установившимися канонами сдержанности, умеренности, умиротворенности и миролюбия. Прямо, как у Ч. Диккенса.) В то время когда за окном свирепствуют морозы, кружит вьюга, а темнота спускается над городом сразу после 15.00, признаться, очень кстати оказаться за дружеским столом или в дружеском кругу вокруг большой крющонницы с пахучим и горячим напитком, согревающим не только промерзшие кости, но и душу.

Только в Швеции отмечают праздник с итальянским названием «Лючия». Он попадает на 13 декабря, когда темнота и холод полностью овладевают страной, и служит своеобразной компенсацией недостатка тепла и света. Праздник возник пару столетий тому назад, но никто не может сейчас вполне достоверно установить, когда именно и кто был его автором. Возможно, какой-нибудь странствующий купец, под впечатлением увиденных в Италии всякого рода шествий католиков во время праздников святых, попробовал повторить это на промерзлой, покрытой толстым слоем снега земле Свеаландии. Эксперимент удался, и потом праздник Лючии стал повсеместно распространяться по всей стране, потому что пришелся по душе меланхоличным и чувствительным в душе шведам.

Теперь это — красочное и светлое торжество, неотъемлемой частью которого являются свечи. Уже ранним утром девочки, облачившись в белые платья, подпоясанные красными или золотистыми поясками, со свечой в руке или еловым венком на голове, к которому также прикрепляются горящие свечи, входят в спальную комнату к родителям, будят их, если те спят, и угощают принесенными на подносе горячим кофе и булочками с шафраном. В темноте зимней ночи появляется свет и тепло.

Каждая школа, каждый класс, каждый рабочий коллектив выбирает свою Лючию — девочку или незамужнюю девушку, самую красивую, самую добрую и добродетельную, одевают ее во все белое, как Снегурочку, голову украшают венком с горящими свечами и пускаются вместе с ней — со свечами в ру-

ках — в медленное шествие, распевая псалмы и гимны, прогоняя тьму и принося с собой торжественную атмосферу мира и покоя.

В день солнечного равноденствия 21 июня празднуется день Святого Юхана (у славян — Ивана Купалы). Где-нибудь на природе выбирается живописная ровная поляна, в центре ее воздвигают высокий шест, на вершину шеста прикрепляют обруч или колесо, шест и обруч украшают живыми венками, и мужчины, и женщины начинают водить вокруг него хороводы. В танцы пускаются все от мала до велика, повсюду звучит народная музыка и песня. Музыканты, в оркестре которых обязательно присутствует скрипка, «трудятся» с раннего вечера и до рассвета — только успевают вытирать пот со лба! Под Уппсалой есть постоянное место, на котором ежегодно отмечают этот праздник и на которое приезжают желающие со всей округи, то бишь провинции Свеаланд, в том числе и из Стокгольма.

А традиционная лыжная гонка Васалоппет! Теперь она стала международным спортивным состязанием, в котором может участвовать и увенчанный лаврами олимпийский чемпион, и школьник из Норрчепинга, и пенсионерка из Мальме. Не важно, что ты не станешь победителем или сойдешь с лыжного марафона длиной около 150 километров, — главное — это участие. Говорят, что первым эту дистанцию пробежал курьер, спешивший предупредить Густава Васу, тогда еще скрывавшегося от датских ищеек у своих друзей в провинции Даларна, бастионе непокорных и строптивых шведских «бретонцев», о грозящей ему опасности.

Нет, что не говорите, а традиция — это великая вещь. Если хотите подорвать дух народа, уничтожьте его традиции и вы увидите, как на ваших глазах разрушится цементирующая государство сила. Народ, поддерживающий свои традиции, достоин всяческого уважения.

Шведы очень любят спорт, любимыми видами спорта традиционно считались зимние: хоккеем с шайбой и мячом (банди), лыжи, коньки. Они и до сих

пор пользуются у шведов большой популярностью. Когда многочисленные озера и мелководные заливы на морском побережье затягиваются льдом, шведы собираются в небольшие группы, надевают на ноги коньки — динные беговые «норвежки», вооружаются шестами с металлическими наконечниками, самодельными парусами, берут запас еды и кофе и пускаются в увлекательные путешествия по льду. Как правило, участвуют в таких походах целыми семьями. Ничего подобного я нигде больше не видел.

Последнее время шведы стали активно заниматься теннисом и горными лыжами — исключительно благодаря Бьерну Боргу и Ингмару Стенмарку. Когда эти две звезды в середине 70-х стали восходить на спортивном небосклоне, вся Швеция была от них без ума. Во всех магазинах, домах, офисах не выключались телевизоры, когда транслировались соревнования с участием этих двух великолепных спортсменов. У Борга и Стенмарка появилась масса последователей, и теперь Швеция превратилась в сильную теннисную и горнолыжную державу со своими великолепными кортами и горно-лыжными курортами.

Считаю, наблюдать такое повальное подражание своим кумирам в наш век скептицизма и господства электроники — большое удовольствие. Причем явление это так же далеко от «квасного» патриотизма, как и от проявлений национализма или «великодержавного» шведского шовинизма.

Это напоминает мне теперь те далекие и канувшие в Лету времена, когда мы, мальчишки, тоже старались во всем подражать Владимиру Куцу, Игорю Нетто, Евгению Гришину. Это свидетельствовало, на мой взгляд, о том, что страна находилась на стадии духовного подъема. В 70-х годах, как мне кажется, Швеция переживала именно такое динамическое состояние.

Шведы — большие спорщики. В споре швед уважает факты, однако если с ним начать говорить свысока и пытаться вообще затрагивать его чувства и личное достоинство, то даже если твои доводы и ар-

гументы в споре с точки зрения логики могут быть самыми убедительными, он все равно будет стоять на своем. Спорить надо по существу, не разоблачать, не бранить за несогласие и неуступчивость.

— Вы так считаете? А я думаю иначе.

И это не обидит собеседника, даже если вы не оставите камня на камне на его доводах. Но если вы скажете:

— Вы ошибаетесь (это неправда, вас ввели в заблуждение), — то он просто сочтет вас хвастунишкой или нахалом.

Шведы помешаны на экологии. Бурное развитие промышленности во второй половине нашего века привело к массовому отравлению водоемов, гибели флоры и фауны. Спыхватившись вовремя, они установили жесткий контроль за промышленными отходами, а на бытовом уровне буквально терроризируют друг друга за каждый уроненный в лесу пакетик или выброшенную бутылку. Помнится, как после очередной нашей вылазки на Ваксхольм, куда сотрудники советских учреждений часто выезжают на отдых половить рыбу, пособирать грибы или бруснику, в посольство заявился швед, владеющий на Ваксхольме участком с домом, и предъявил претензии по поводу замусоривания леса. В качестве доказательств он не поленился привезти с собой бутылки из-под «столичной» и другую пищевую упаковку. Нам было очень стыдно, и впредь мы уже старались не оставлять за собой никаких следов и аккуратно вывозили мусор в специально отведенные места.

Предметом особого внимания в стране являются атомные электростанции, старики, инвалиды и дети. Несмотря на то, что реакторы у шведов надежные, а потребность в электроэнергии огромная, представители «зеленых» партий настояли-таки на референдуме, одержали на нем победу, и теперь к 2013 году из тринадцати атомных электростанций в стране не должно остаться ни одной.

Молодому поколению дается великолепный шанс вырасти и получить профессию, чтобы начать само-

стоятельную и независимую от родителей достойную человека жизнь. Если молодой человек хочет получить высшее образование, то, как правило, он должен рассчитывать на себя. Стипендии в нашем смысле слова в шведских вузах не существует. Они выдаются в исключительных случаях особо одаренным и бедным студентам, а основная масса студенчества добывает деньги на учебу сама.

Для того чтобы обеспечить финансовую базу для пяти-шестилетнего обучения в университете, молодой швед или шведка может обратиться за помощью либо к своим родителям, либо к государству. И в том и в другом случае деньги придется возвращать с небольшими процентами обратно. Закончив учебу и устроившись на работу, бывший студент обязан в течение нескольких лет выплатить своим «предкам» и любимому государству всю сумму, которую он взял в начале своей учебы.

Для лиц, по каким-либо причинам не сумевших в более раннем возрасте получить высшее образование, существует целая сеть заочных и т. н. народных высших школ, а также всевозможных курсов и кружков. Каждый пятый швед, включая младенца или пенсионера, учится в сети этого бесплатного образования.

Любой окончивший гимназию имеет право поступить в любое высшее учебное заведение без приемных экзаменов. Сам факт окончания гимназии предполагает гарантированный для продолжения учебы уровень знаний.

Стариков обеспечивают всем необходимым, чтобы дать им возможность достойно прожить оставшуюся часть жизни — как правило, отдельно от детей. Если старики не могут за собой ухаживать и не могут нанять приходящую служанку, они всегда могут устроиться в дом престарелых. Об инвалидах проявляют такую заботу, что они практически не чувствуют себя таковыми и принимают полноценное и достойное участие в жизни общества.

Именно поэтому главным поведенческим элементом шведа является чувство собственного досто-

инства. Оно проявляется во всем: в строгой манере одеваться, вести беседу, делать покупку, закуривать сигарету, ухаживать за женщиной, выполнять указание начальника. Вам не удастся увидеть шведа, бегущего за отходящим автобусом, торопящегося прорваться к прилавку или стойке бара, пытающегося заполнить освободившуюся нишу в потоке автомобилей. Он точно знает свое место. Он уверен, что оно никем не будет занято и потому никому его не уступит. Я всегда сравниваю поведение шведов с нашими русскими картинками. Чего стоит только один наш русский полковник, бегущий опрометью с портфелем в руках за только что отошедшим автобусом! Я не могу представить в этой ситуации даже шведского прапорщика.

Это впечатляет.

Политическая жизнь Швеции во многом напоминает датскую: примерно те же самые партии, те же самые программы и атмосфера межпартийной борьбы за места в риксдаге и правительстве. Социал-демократы, как и в Дании, уже не могут формировать правительство большинства и опираются на голоса Левой партии (коммунисты) — партии, отколовшейся от промосковской КПШ и провозгласившей свой «еврокоммунистический» путь. Буржуазные партии блокируются друг с другом, чтобы свалить социал-демократов, но не всегда и не обо всем могут договориться друг с другом.

В политической жизни Швеции, как это принято в монархической среде, заблаговременно подбираются, постепенно выдвигаются и набирают опыт политической борьбы и управления страной преемники нынешних руководителей. Это происходит планомерно, продуманно, системно. Шведы не допускают ситуаций, в которых после ухода лидера начинают судорожно искать того, кто бы мог его заменить. Впрочем, это типично для многих западных стран — у них всегда под рукой подходящий человек, будь это директор фирмы, председатель партии или премьер-министр. Только у нас в России с уxo-

дом вождя начинается неразбериха, склока, раздоры, потому что полностью отсутствует система подбора и выдвижения кадров. Не было их при советской власти, нет и при т. н. демократии.

И какой же вывод сделал бы ты, уважаемый читатель, прочитав эти строки? Правильно, заниматься вербовочной работой в Швеции чрезвычайно трудно. Имидж страны «со сложным оперативно-агентурным режимом» Швеция завоевала заслуженно, и каждый наш разведкомандировочный был об этом хорошо наслышан.

Но разведка тем и сильна, что на каждый яд вырабатывает свое противоядие. Против любой самой жесткой контрразведывательной меры разведчик находит средство и вступает в достойную борьбу с этим, черт побрал бы его, режимом. В конце концов правила игры навязывает он, а не контрразведка, которая вынуждена следовать за чужой инициативой. А инициатива одного разведчика стоит многого: чтобы ее локализовать, противнику нужно мобилизовать несопоставимые с ней солидные людские и материальные ресурсы.

Борьба идет с переменным успехом, что может послужить наглядной иллюстрацией стабильности мироздания, подтверждением закона сохранения энергии или оправданием теории вероятности и больших чисел, иначе говоря, везения. А без везения нет разведки, как без энтузиазма масс не бывает великой стройки коммунизма.

Так что оперработники, желающие на деле доказать, что не даром сидят на шее у налогоплательщика, могут и из Швеции возвращаться домой с чистой совестью. Было бы только желание.

Из этого читатель может заключить, что мы в Стокгольме не сидели сложа руки и чего-то добивались. Я не стану комментировать это высказывание, скажу только, что работали мы тогда много, потому что было интересно. Во всяком случае, в Швеции я уже действовал более осознанно, уверенно и целенаправленно.

Виски по-натовски в нейтральной Швеции

Шведский нейтралитет! Когда ругаешь Америку, обязательно надо обругать и Советский Союз. Но когда ругаешь СССР, совсем не обязательно бранить Америку.

Артур Лундквист

На долю каждого человека хоть один раз в жизни выпадают часы и минуты, которые требуют от него наивысшего напряжения сил и воли. Мне кажется, что именно такое испытание на прочность я пережил осенью 1981 года — испытание, потребовавшее напряжения всех моих оперативных знаний и дипломатического опыта. Я проработал в стране четыре с половиной года, но они не идут ни в какое сравнение с теми четырьмя днями моих треволнений в Карлскруне.

...В моем гардеробе есть одна вещь, которую я не ношу, а только изредка, когда она мне попадается на глаза, вынимаю из шкафа, чтобы убедиться, что время еще не властно над ней. Это — пожелтевшая с годами белая хлопчатобумажная футболка образца 1981 года, изготовленная на потребу туристам — живое напоминание о незабываемых десяти днях, потрясших Швецию и весь мир, но о которых у нас знают лишь единицы.

На груди футболки синей краской сделан оттиск, изображающий идиллическую картинку: трое парней в папах сидят у костра и жарят на огне колбасу, рядом валяется автомат Калашникова и пустые водочные бутылки; на заднем плане возвышается корпус подводной лодки с номером 137, на ее башне под советским военно-морским флагом сидит еще один военный моряк и наливает себе в стакан водку. Над картинкой по-английски с американским правописанием написано: Whiskey on the Rocks, а внизу добавлено: Карлскруна 1981 год.

Первую надпись большинство людей воспримет

как «виски со льдом», однако у шведов может возникнуть иной образ: они сразу вспомнят севшую в 1981 году на мель под Карлскруной подводную лодку Балтийского ВМФ, принадлежащую по кодификации НАТО к классу «Виски». Получается эдакая вроде бы остроумная игра слов: то ли популярный напиток, то ли авария на море.

Тогда она мне остроумной не казалась.

...Ранним осенним утром 28 октября 1981 года Бергиль Стюркман, как всегда, сел в свой баркас, запустил мотор и направился в шхеры проверять выставленные на ночь переметы. Ловлей рыбы в окрестностях Карлскруны он занимался почти всю свою жизнь, знал там наизусть каждый островок, мог без карты указать любую отмель или впадину и ориентировался в любой туман с закрытыми глазами.

Вот и сегодня густая пелена зависла над Гусиным проливом, сократив видимость до нескольких десятков метров, но это нисколько не мешало ему уверенно вести баркас к цели. Но что это там чернеет? Около островка Торум сквозь туман проступали контуры чего-то длинного и массивного, похожего на огромного кита. У рыбака проснулось естественное любопытство. Ночью он просыпался от доносившегося с моря шума моторов, но принял его за учения моряков с карлскрунской военноморской базы. Может быть, это *она* шумело ночью? Надо подойти поближе и поглядеть, переметы подождут.

Уже на полпути к таинственному предмету он понял, что видит перед собой подводную лодку. Странно! Он знал о существовании в Гусином проливе секретного фарватера, но пользовались им в основном десантные корабли береговой артиллерии. Он не припоминал, чтобы тут когда-либо появлялись подводные лодки. Он подошел еще ближе и рассмотрел на башне лениво полощущийся белый с синим флаг, на котором четко проступала красная звезда. Лодка

чуть-чуть задрала ржаво-серый нос кверху, в то время как корма скрывалась под водой.

«Она села на мель, для такой дуры тут слишком мелко», — догадался Стюркман и заглушил мотор. Баркас бесшумно скользил по инерции прямо к башне, на которой стояло несколько человек в меховых шапках и капюшонах. Пока Стюркман пытался вспомнить, кому мог принадлежать флаг (звезду использовали русские, но ведь у них флаги были красного цвета), одна из фигур на башне стала сердито кричать и недовольно махать руками над головой. Сомнений не было: фигура хотела, чтобы Стюркман убрался от лодки подальше.

«Наверняка не наша, похожа вроде на польскую», — подумал швед, запустил мотор и направил нос баркаса на северо-запад к острову Стюрке. Там постоянно жил еще один рыбак, и у него была телефонная связь с городом.

...Когда в штабе береговой охраны раздался звонок и робкий голос сообщил, что в нескольких милях от них в запретной зоне находится иностранная подводная лодка, то военные не поверили и попросили звонившего хорошенько выпасться или похмелиться. Звонивший возразил, что он вполне трезвый, и тогда пограничники связались с военно-морской базой и доложили о сигнале начальнику штаба К. Андерссону.

Около одиннадцати часов торпедный катер «Незаметный» с К. Андерссоном на борту вошел в Гусиный пролив. Начальнику штаба 50 лет, он женат, отец троих детей, почти всю свою жизнь связан с Карлскуной и флотом. Это — чернявый человек небольшого роста, живого темперамента, осторожный, гибкий, тактичный собеседник, любитель пошутить, но при необходимости может быть жестким начальником и настойчивым в достижении цели офицером. Коллеги считали его душой штаба. С утра до вечера он крутился на базе, и его моторным качествам завидовали даже молодые.

Подойдя поближе, Андерссон попросил сопровождавшего его офицера береговой охраны свериться со справочником военно-морских судов Варшавского договора.

— Это советская подлодка класса «Виски», — констатировал тот.

— Ты не ошибся?

— Никак нет, господин капитан второго ранга.

«Какого хрена делать советской лодке в трех милях от моего штаба?» — подумал Андерссон. — «Уж не хотят ли проверить нашу бдительность ушлые штабисты из Стокгольма? Достали откуда-нибудь нашего списанного на лом «Морского льва»*, разрисовали его, переодели наших ребят в советскую форму и... Нет, тут надо действовать осторожно!»

— Доложи на всякий случай в штаб: советская субмарина У-137 класса «Виски».

— Слушаюсь.

Никто, конечно, из находящихся на катере не верит в это, но раз флаг на башне советский, то и вести себя нужно как с советским военным кораблем. Этому правилу следуют моряки всех стран и флотов.

Приняв сообщение с катера, дежурный офицер базы задает пограничнику ехидный вопрос:

— Ты трезвый?

— А ты думаешь, что начальник штаба капитан второго ранга явился на службу в нетрезвом состоянии? — находится тот.

Катер медленно скользит по застывшей тихой глади Гусиного пролива и мягко причаливает с левого борта подлодки. Из башни часовой с карабином и трое офицеров молча наблюдают, как Андерссон перешагивает через поручни катера и заносит ногу на внешнюю палубу лодки. Швед поднимается по металлической лестнице башни и лицом к лицу сталкивается с советскими моряками.

Со стороны ситуация выглядела, вероятно, достаточно смешной, если бы она не происходила на территории военно-морской базы Швеции! Ан-

* Название класса подводных лодок шведского ВМФ.

дерссон все еще считал себя участником хитроумной оперативной игры, придуманной в штабе ВМФ Швеции.

— Ду ю спик англиш? — еле узнал он свой неуверенный голос. На застывших в напряжении лицах офицеров подлодки ничего не отобразилось. Тогда он повторил вопрос, надеясь хоть на какую-то реакцию с их стороны. Ничего подобного: русские (или мнимые русские) смотрели на него, как Пятница на Робинзона, и продолжали упорно молчать.

— Шпрехен зи дойч? — сделал он еще одну — последнюю попытку. Знания иностранных языков заканчивались у него на немецком.

— Яволь! — неожиданно ответил один из русских. — Я немного говорю по-немецки.

— Как называется ваше судно? — оживился швед.

— Подводная лодка У-137.

«Ишь, заразы, берут меня на понт, как будто мне не известно, что у русских в Балтийском море нет лодок «Виски» с номерами, начинающимися на сто. С другой стороны, эти мужики здорово похожи на русских».

— Кто капитан?

Говоривший, несмотря на преклонный возраст, вопреки предположениям шведа, не был капитаном лодки, потому что пальцем указал на другого, более молодого офицера:

— Капитан третьего ранга Гуцин.

Карл Андерссон полез в карман за блокнотом, чтобы записать полученные данные, но не справившись с русской транскрипцией, передал блокнот офицеру-подводнику. Тот по-немецки же нацарапал название лодки, фамилию и звание ее капитана.

«Это не розыгрыш!», — пронеслось в голове у Андерссона.

Швед вспомнил, что в штабе базы еще ничего не знают о нарушителе, вторгшемся в запретный район. Если он передаст туда только что полученные сведения, то у них уже не будет оснований для того, чтобы не верить ему. Не говоря больше ни слова, он при полном молчании русских спустился с башни,

перешагнул через поручень катера и прошел в радиорубку «Незаметного».

— Я только что был на борту советской подводной лодки У-137, которой командует капитан-лейтенант Гуцин, — лаконично сообщил он в микрофон.

С этого момента официальная Швеция признала факт присутствия на своей территории иностранного военного корабля и стала жить в состоянии войны — если не «горячей», то «холодной», пропагандистской. Нейтральная Швеция в который раз в своей истории опять оказалась в конфликтной ситуации со своим соседом и традиционным противником Советским Союзом.

О появлении советской подлодки в акватории военно-морской базы было проинформировано высшее военное командование, правительство, но еще раньше об этом узнали журналисты. И в средствах массовой информации началась настоящая вакханалия. В Швеции и за ее пределами стала разворачиваться широкомасштабная кампания, носившая ярко выраженный антисоветский характер. Она искусно подпитывалась и направлялась шведской военной верхушкой, почуввавшей впервые за 260 лет реальный шанс отомстить русским за свое поражение в прошлом.

Инцидент с У-137 положил начало затяжной и мучительной болезни, которая поразила буквально каждого жителя Швеции и вошла в историю как «шведский подводный синдром». С осени 1981 года шведам повсюду стали мерещиться иностранные, в основном советские, подводные лодки, и береговая охрана не жалела ни взрывчатки, ни других материальных ресурсов для того, чтобы заставить невидимки всплыть на поверхность. Перископ подводной лодки был однажды обнаружен даже в самом центре Стокгольма прямо под окнами королевского дворца. Только перископ оказался не настоящим: это местные шутники, надев акваланги, имитировали движение субмарины в водах Мэларена и чуть не поплатились за свою шутку жизнью. Потому что шведские военные шутить были не расположены.

Но вернемся в конец октября 1981 года.

Первые сообщения по радио и в прессе, помнится, были восприняты персоналом советского посольства в Швеции не совсем адекватно. С одной стороны, это объяснялось нехваткой информации об обстоятельствах, при которых У-137 оказалась под Карлскруной, а с другой — сказывалась определенная их недооценка на фоне произошедшей тремя месяцами раньше аварии с танкером «Антонио Грамши», причинившей немало хлопот посольству. Несмотря на присутствие на борту танкера шведского лоцмана, судно тем не менее наскочило на риф, и на побережье вылилось несколько сотен тонн нефти. Поэтому когда днем в четверг в посольство позвонили из газеты «Свенска Дагбладет» и попросили прокомментировать инцидент с подлодкой, мы расценили это как неуместную назойливость. В спокойном-размеренном ритме посольство жило до пятницы 30 октября.

В пятницу я, как всегда, собирался на обед, однако дежурный референт перехватил меня у выхода и попросил срочно зайти к имярек такому-то товарищу. Я не нашел в этом ничего экстраординарного, потому что этим товарищем был мой начальник — резидент. Он сообщил, что в связи с инцидентом с подводной лодкой посольство решило направить меня как специалиста по консульским вопросам и военно-морского атташе Ю. Просвирнина в Карлскруну, чтобы уяснить на месте событий обстановку и оказать необходимую помощь нашим морякам. Подробный инструктаж мы должны получить у советника Е. П. Рымко. Резидент добавил, что времени на сборы оставалось минут двадцать.

Ну что ж, приказ начальства не обсуждается. К этому времени я находился в стране более четырех лет, и скоро моя командировка должна была завершиться. Следовательно, я мало рисковал своей дипломатической и оперативной репутацией, и с этой точки зрения выбор резидента был оправдан. Кроме того, он знал, что я уже имел опыт работы в неординарных ситуациях. Я попросил резидента предупредить жену и направился к советнику-посланнику Рымко.

Евгений Потапович был еще более лаконичен в инструктаже: через полчаса с аэродрома «Бромма» вылетает спецсамолет МО Швеции, который должен доставить нас с Ю. Просвирниным в Карлскруну для связи с местным военным командованием и для участия в переговорах по урегулированию инцидента с подводной лодкой. В поездке нас будет сопровождать офицер связи штаба ВМС Швеции.

— Будете действовать по обстановке. Держите связь со мной. Все, желаю успехов.

Я нахожу Юру Просвирнина, и мы с ним опрোметью бежим во двор, где нас ждет разгонная машина посольства. Бежать мне совсем легко, потому что ничего, кроме документов и небольшой суммы денег, в дорогу взять не успел. Юра успел-таки что-то положить в портфель, потому что узнал о своей поездке в Карлскруну минут на десять раньше меня.

Посольская «вольво» мчится по тихим улочкам Броммы, поднимая за собой вихрь пожелтевших листьев. Прохожие и водители смотрят на нас, как на сумасшедших. Наконец въезжаем в ворота аэродрома, быстро объясняем с охраной и выезжаем прямо на взлетную полосу. Мы успеваем!

Еще издали обнаруживаем небольшой пяти- или шестиместный самолетик, принадлежащий авиакомпании «Суэдэйр» и нанятый МИДом Швеции для доставки в Карлскруну экспертов. Самолет уже запустил мотор, и наша машина подъезжает прямо к трапу, который должны вот-вот убрать.

Мы резко тормозим. Из люка высовывается пилот в форме и жестом приглашает нас на борт. Пыхтя и с трудом переводя дух, влезаем в салон и плюхаемся на сиденья, потому что повернуться негде — салон крошечный и почти весь уставлен креслами. Пилот сразу задраивает люк, и после короткого разгона самолет взмывает в воздух.

Внизу потянулись геометрические фигуры фермерских угодий, ленты дорог, зеркала водоемов, зеленые ковры хвойных роц. Скоро самолет развернулся в сторону моря, и следующие 500 километров летим на юг вдоль восточного побережья Швеции.

Слева свинцовый отблеск Балтийского моря, справа и под нами — шхеры и кромка берега. В эти места лет двести пятьдесят с гаком тому назад заходили галеры петровского флота, высадившие десант из казаков. В затянувшейся Северной войне шведы, истощив материальные и людские ресурсы, продолжали тем не менее упрямо сопротивляться и игнорировать русские мирные инициативы. Рейд казаков заставил их быстро образумиться, и мир между двумя державами вскорости был подписан. Как своеобразная память об этом «визите» русского воинства в географических названиях островов, мысов, заливов и проливов, которыми изобилуют шведские шхеры, сохранилось слово «русский»: Русский холм, Русский залив и т. д.

Перелет из Стокгольма до Карлскруны занимает чуть больше часа, и мы с Юрием пытаемся собраться с мыслями, представить обстановку в городе, где раньше никогда не были. Знакомимся с офицером связи Перси Бьерлингом, капитаном 2-го ранга, бывшим подводником, сдержанным и спокойным, как все шведы, человеком. Бьерлинг либо тоже ничего не знает, либо намеренно утаивает от нас информацию, так что когда самолет приземлился на аэродроме в Каллинге, умнее и информированнее от общения с ним мы не стали. Мы не питаем иллюзий относительно того, с какой целью к нам представлен Перси, но зато его опека избавляет нас от необходимости ломать голову над решением организационных и бытовых вопросов. Он уже зарезервировал для нас гостиницу и договорился о встрече с командиром базы ВМС капитаном 1-го ранга Леннартом Фошманом.

На машине подъезжаем в штаб базы, где нас встречает адъютант Фошмана и по длинным и узким коридорам проводит к своему шефу. Это высокий, волевой и уверенный в себе человек, привыкший отдавать приказы, и не терпящий возражений собеседник. Он недавно заступил на пост начальника базы, до этого проходил стажировку в военно-морском колледже США, работал в шведском посольстве в ка-

честве военно-морского атташе. Командование южной военно-морской базой в Карлскруне означает для него беспрепятственное продолжение карьеры и служебный рост.

Первое, с чем он обращается к нам, а вернее, к Просвирнину, заставляет нас недоумевать: вопрос задается таким тоном, словно мы сидим на скамье подсудимых, а Фошман представляет обвинение.

— Почему ваш флот ведет себя неподобающим образом?

Просвирнина удивляет и сам вопрос, и форма, в которой он поставлен. Владелец тихого, деликатного голоса, уравновешенного характера и скромных манер поведения, за которыми скрывались твердая воля и принципиальность, он скорее похож на провинциального дореволюционного интеллигента, чем на строевого офицера Генштаба.

— Я имею в виду силовую демонстрацию ваших кораблей на рейде базы, — поясняет Фошман.

Просвирнин отвечает, что ему об этом ничего не известно. Это еще более распаляет шведа: обвинения и возмущения сыплются из него, как из худого мешка горох. Обращение командования Балтфлотом к шведам с просьбой разрешить им снять лодку с мели своими силами он воспринимает как личное оскорбление: мало того, что У-137 грубо вторглась в запретный район, так туда хочет зайти целый отряд советских кораблей! Объяснение командира У-137 о том, как и почему он оказался в трех милях от штаба базы ВМС в Карлскруне, шведская сторона принять никак не может. Неужели русские и впрямь считают шведов идиотами, когда выдвигают версию об одновременном выходе из строя всех навигационных приборов на борту лодки — и эхолота, и радара, и гироскопа? Советские дипломаты желают нанести визит на лодку? Об этом не может быть и речи, лодка находится в запретном районе, допуск туда иностранцев вообще, а уж советских граждан тем более, невозможен.

Наконец он берет себя в руки и понижает тон. Мы спрашиваем, в каком положении находится лодка и

ее экипаж. Это опять раздражает Фошмана, он возмущается «нахальством русской подлодки, вероломно нарушившей нейтралитет Швеции», обещает примерно наказать нарушителя и... неожиданно предлагает:

— Я вас сейчас прямо из кабинета свяжу с капитаном Гуциным. На борту У-137 находится рация. Но я выдвигаю одно условие: вы должны уговорить командира лодки согласиться на то, чтобы шведские офицеры допросили его об обстоятельствах, при которых он оказался в запретном районе базы, и целях, которые он при этом преследовал.

Мы переглянулись с Просвирниным — собственно, мы и ехали сюда для того, чтобы установить связь с лодкой. Адъютант Фошмана подошел к рации и стал связываться с бортом У-137. Через минуту он торжественно протянул трубку военному атташе. Юра взял трубку, представился и попросил пригласить к телефону капитана Гуцина. Он поинтересовался положением дел на борту, условиями питания и настроением экипажа и в ответ услышал, что там все более-менее в порядке, если не считать опасности получить пробоину в корпусе и нехватки курева. На этом разговор с Гуциным, кажется, закончился.

Юра вернул трубку на место и обратился к Фошману:

— Господин капитан первого ранга, командир У-137 просит принять меры по снятию лодки с мели, потому что может возникнуть течь.

— Об этом не может быть и речи. Пока шведская сторона не узнает об истинных мотивах пребывания лодки в шхерах Карлскруны, пока капитан Гуцин не будет опрошен нашими экспертами, лодка останется на месте! — Вслед за этим хозяин кабинета холодно и недвусмысленно дал понять, что аудиенция закончена.

В сопровождении Перси мы отправились в гостиницу «Астон» и разошлись по своим номерам. В вестибюле мы встретили журналистов из «Свенска Дагбладет» и «Экспрессен», которые сразу набросились на нас, пытаясь получить хоть какую-нибудь инфор-

мацию о лодке. Мы отвечаем отказом. Но журналисты — не те люди, от которых можно так легко отделаться. Через несколько минут в дверь к Просвирни-ну постучали. На пороге стояли те же вездесущие корреспонденты двух крупнейших в Швеции газет, они стали умолять нас дать им интервью. Газетчики торопились снять «сливки», потому что хорошо знали, что через час-другой о нашем местопребывании разноухают другие репортеры, и тогда шансы на эксклюзивное интервью у них существенно упадут.

Мы попросили их подождать за дверью и стали совещаться, как поступить. Времена были еще вполне советские (хоть и застойные, как мы все об этом узнали 10 лет спустя), и раздавать направо и налево интервью иностранным журналистам на довольно щекотливую тему без согласования с вышестоящим начальством было достаточно рискованно. Но мы как-то сразу пришли к единодушному мнению о том, что в такой невыгодной для советской стороны ситуации было бы полезно попытаться довести до шведской публики нашу точку зрения. Что мы с успехом и сделали. В ходе интервью в номер заглянул Бьерлинг и внимательно стал слушать наши ответы.

Мы сказали журналистам, что лодка зашла в запретный район непреднамеренно, а сбилась с курса из-за поломки навигационного оборудования; что мы прибыли в Карлскруну для поддержания контакта со шведскими военными и решения вопроса о ее снятии с мели; что мы не можем отдать приказ командиру лодки, чтобы он явился на допрос к шведам и что такой приказ может поступить только с базы; что борт лодки — это суверенная территория Советского Союза, и этот статус должен уважаться всеми, в том числе и шведами; что мы не усматриваем в данном случае аналога с нарушителем советского воздушного пространства американским летчиком Пауэрсом, сбитым 20 лет тому назад войсками ПВО над Свердловском, и т. д.

После интервью Бьерлинг как бы мимоходом сообщил, что утром следующего дня нам предстоит выйти на шведском катере в море, где якобы на од-

ном из островов должен состояться допрос Гущина. Для этого он рекомендует нам приобрести соответствующую экипировку.

Дело принимало нежелательный для нас оборот — похоже, шведы намеревались силой заставить Гущина явиться на допрос. Как быть: отказаться от соучастия в этом акте (а наше участие могло бы только придать легитимность произволу) или принять приглашение Фошмана? Времени на раздумье не было. Перси ждал от нас ответа сейчас, так как, по его словам, места на военном катере нужно забронировать заранее. Поразмышляв, мы сочли за благоразумное принять участие в этом мероприятии, чтобы не оставлять командира подлодки один на один со шведскими экспертами, которые вряд ли беспристрастно смогут осуществить свое расследование. Одновременно мы подчеркнули, что принципиально возражаем против *опроса* Гущина, поскольку еще нет на это согласия советской стороны.

В сопровождении Бьерлинга отправились в ближайший универмаг покупать теплые носки — всем остальным нас должны были обеспечить шведы. За нами по пятам и впереди шла разношерстная толпа журналистов и фотографов. Вся процессия напоминала вождение слона по улицам провинциального города. В таком составе мы ввалились в магазин, и там поднялся такой переполох, что в зал вышел директор магазина и попросил журналистов удалиться. На следующий день наши фотографии появились почти во всех газетах. Пожалуй, никогда в истории Швеции покупка пары носков типа «фротти» не сопровождалась таким паблисити! (Кстати, в отличие от майки, я почти 20 лет пользовался купленными 30 октября 1981 года теплыми носками и с благодарностью вспоминаю о шведских производителях.)

Вернувшись в номер, мы включили телевизор, чтобы узнать последние новости. Они передавались в экстренном порядке каждый час. В натовских странах в один голос заявляют, что нейтралитет не является гарантией безопасности Швеции. Командование карлскруннской базы продолжает оказывать

прессинг на Гущина, которого в газетах «окрестили» почему-то Петром, хотя он не скрывал, что его зовут Анатолием. Лодка оживленно обменивается радио-сообщениями со своей базой в Калининграде. Шведы вводят запрет на пользование кодом и просят общаться с домом открытым текстом и на фиксированной частоте. На У-137 не соблюдают это условие и получают от Фошмана строгий выговор. В качестве главной сенсации муссируются слухи (подброшенные, как потом выяснилось, ЦРУ) о том, что на борту советской подлодки имеется ядерное оружие!

Но самая потрясающая для шведов новость приходит вечером. Впервые в истории советско-шведских отношений (а может быть, и вообще в истории) Москва приносит Стокгольму официальные извинения за инцидент с У-137.

Вечером мы связываемся по телефону с Е. П. Рымко и докладываем о том, что происходит в Карлскруне. Он одобряет наши действия и вводит нас в курс того, что происходит в Стокгольме и Москве. В обеих столицах поддерживается постоянный контакт и идет довольно жесткий диалог. У нас с Юрой создается впечатление, что в Москве начинают понимать, какой муравейник разворошила лодка, сев на мель в Гусином проливе, и что гражданское руководство Швеции настроено не так агрессивно, как военные круги. Вполне возможно, что после официального извинения Москвы может наступить сдвиг и в шведской позиции. Во всяком случае из разговора с Рымко следует, что требования об интернировании и предании суду экипажа лодки, прозвучавшие из уст некоторых военных, политиков и высокопоставленных чиновников, шведскими дипломатами смягчатся. Они — большие прагматики и смотрят вперед, понимая, что унизив великую державу один раз, вряд ли стоит загонять ее и дальше в угол — это очень опасно.

Во время разговора с посольством к нам подключается кто-то посторонний, мужской голос пытается что-то уточнить, ему отвечает женщина. Мы с Юрием удивленно поднимаем брови и смотрим вопросительно друг на друга. Потом догадываемся, что нас

подслушивает Бьерлинг, но, вероятно, по ошибке нажимает не на ту кнопку и консультируется с комму- татором гостиницы. Конечно, швед знает, что ничего сногсшибательного в нашем разговоре с Рымко он не откроет, но в сложившейся ситуации любая опе- ративная информация может представить интерес. Нас это не удивляет, и на Перси мы за это не обижа- емся. Работа есть работа. Впрочем, через пару часов он вполне «реабилитировал» себя в наших глазах, за- явившись в мой номер с бутылкой виски.

Из личного исторического опыта он знает, что социализм прогрессивнее капитализма.

Суббота оказалась днем томительного ожидания. В Москве и Стокгольме продолжались переговоры, но дело не трогалось с места, ибо шведы не отходили от своей жесткой формулы: сначала опрос капитана лод- ки, а потом уже снятие ее с мели и передача советской стороне. Мы бесцельно слонялись по гостинице, от- махиваясь от журналистов, как от назойливых мух, уходили в город, покупали газеты и обкладывались ими в номере, ездили на экскурсию в город и за город, а день все тянулся и не хотел кончаться. Карлскрун- ские гостиницы просто не вмещали наехавших со всех концов мира журналистов, и они тоже неприка- янно бродили по улицам в поисках поживы. Туристич- еский бизнес четко уловил конъюнктуру и пустился во все тяжкие, играя на аварии с советской лодкой.

В субботу командование карлскрунской базы реши- ло провести устрашающую акцию: всем военнотружа- щим отменили увольнения, береговая артиллерия под командованием генерала Жана-Карлоса Данквардта произвела несколько холостых выстрелов, а подразде- ления шведского спецназа вооружились до зубов и вы- садились с перемазанными сажей лицами на острова, находящиеся в непосредственной близости от подлод- ки. Мы доложили об этом в посольство, и посол М. Яковлев заявил шведской стороне протест.

Воскресенье 1 ноября прошло под знаком подго- товки к опросу А. Гуцина. Пресса и официальная

Швеция праздновали победу над «Советами», которые пошли на выполнение практически всех условий шведской стороны.

Вечером нам в гостиницу позвонили из штаба базы и предложили еще раз переговорить по радио с лодкой. Связь должна была осуществиться из казармы батальона береговой обороны имени Спарре (капрал Спарре — герой Северной войны, шведский аналог нашего матроса Кошки). Несмотря на темноту и довольно позднее время, нас сопровождают corteжи машин из журналистов. Поскольку их на территорию казарм не пускают, представители СМИ занимают позиции в близлежащих домах, а некоторые вместе с телекамерами вскарабкиваются на высокий забор и снимают нас оттуда.

Кстати, сделанные ими снимки явились причиной смешного эпизода, разыгравшегося в моем родном отделе в Москве. Примерно через неделю после нашего посещения батальона Спарре один мой коллега, знавший шведский язык, явился в кабинет моего непосредственного начальника и положил перед ним номер газеты, где на первой странице ваш покорный слуга выходит из какого-то здания в сопровождении шведского солдата с винтовкой наперевес. Создавалось полное впечатление, что меня куда-то конвоируют. Это впечатление у начальника тем более усилилось, что он не знал шведского языка, а коллега, большой шутник, решил его разыграть. «Как же так: Григорьев находится под арестом, а вы тут пальцем о палец не пошевелили для его вызволения?» Перепуганный начальник бросился было докладывать вышестоящему руководителю разведки, но, конечно, был вовремя остановлен знатоком шведского языка.

В разговоре с Гуциным мы узнаем, что советский адмиралитет, кажется, соглашается на проведение его опроса (а не допроса, на чем настаивают шве-

ды), но только на борту лодки. Для шведов это лингвистическое крючкотворство не имеет никакого практического значения, потому что и тот и другой вариант переводятся с русского языка одинаково — «ферхер». Гуцин сообщил, что команда, естественно, устала от постоянного давления, оказываемого на нее шведами, но держится бодро. Вызывает опасения сама лодка, так как волнение на море усиливается, и есть опасность, что лодка начнет биться днищем о грунт.

Потом с Гуциным через переводчика говорил Карл Андерссон. Он попытался убедить Гуцина в том, чтобы он согласился предстать перед шведской экспертной комиссией на шведской территории, но тот сослался на полученные по радио инструкции. Ситуация вновь заходит в тупик. Разочарованные мы возвращаемся в гостиницу и ложимся спать.

На шестой день эпопеи, в понедельник утром, получаем наконец новость о том, что ночью все-таки было достигнуто компромиссное решение о проведении опроса Гуцина на... нейтральной территории — на борту шведского сторожевика «Вэстервик».

Бьерлинг выдал нам с Просвирниным зюйдвестки с резиновыми сапогами и торопит нас с завтраком: из-за начинающегося шторма «Вэстервик» должен заранее отойти из Карлскруны и выбрать более-менее спокойное место для дрейфа или стоянки. Не дожидаясь формального сигнала из посольства, мы собираем свои вещички и выходим из гостиницы. Она гудит как улей, чувствуя решительный поворот в событиях. Садимся в маленький «фольксваген» и по мрачным, продуваемым насквозь улочкам города катим к пирсу. За нами гонится кавалькада журналистов. Некоторые из них уже угадали цель нашей вылазки и обгоняют, чтобы выбрать выгодную позицию для фотографирования у ворот верфи, где мы будем вынуждены притормозить или остановиться.

У трапа нас ожидает капитан «Вэстервика». По морскому и дипломатическому обычаю он встречает нас, прикладывая руку к фуражке, представляется и сообщает, что через несколько минут сторожевик

отдаст швартовы. Нас провожают в крошечную каюту и приносят бутерброды с кофе. Перси куда-то исчезает, а к нам у двери приставляют часового с карабином и открытым штыком. Это похоже не на гостеприимство, а взятие под стражу. Бутерброды застревают у нас в горле. В это время раздаются звуки команд, работавший на малых оборотах двигатель взрывается мощным ревом, и мы чувствуем, как сторожевик отходит от причала. Сразу начинается сильная болтанка, Юра определяет, что мы уходим в южном направлении.

Появляется Перси, мы заявляем ему решительный протест и требуем убрать «почетный караул». Офицер связи исчезает и через минуту приводит с собой незнакомого длинного рыжего верзилу в форме старшего лейтенанта (Просвирнин сразу узнал в нем офицера из разведотдела штаба обороны Леннарта Борга). Не представляясь, подполковник начинает нам объяснять, что «поскольку мы находимся в запретном районе, выходить из каюты господам дипломатам запрещается». Тогда мы требуем либо вернуть нас на берег, либо предоставить связь с посольством. Шведы предпочитают второе. Нас проводят в рубку к капитану, и оттуда мы быстро дозваниваемся до столицы и связываемся с Рымко. Советник-посланник обещает обжаловать действия военных в МИДе Швеции. Когда мы вернулись обратно, часового у каюты уже не было.

Минут через двадцать катер стал на якорь, спрятавшись за остров, но качка продолжалась довольно приличная. Опять потянулись тягостные минуты ожидания. Вдруг включили радио, и мы услышали, как диктор, захлебываясь, точно вел репортаж с хоккейного матча, на котором «Тре крунур» с разгромным счетом выигрывали у сборной СССР, вещал о том, что вертолет с Гушиным уже поднялся в воздух и находится в пути. Мы посмотрели на часы — было начало второго. Потом стали передавать, что на море поднялся невероятно сильный шторм и что подводную лодку начинает сильно бить о грунт. Стоявшие кольцом вокруг лодки катера и суденышки

шведов разбросало по всему Гусиному проливу. С борта У-137 полетели ракеты с сигналом «SOS». Создавалась драматическая ситуация: лодку без промедления нужно было снимать с мели, а ее капитан отсутствует.

Напряжение достигло наивысшей точки. Стиснув зубы, осознавая свою беспомощность, мы сидели в четырехметровой каюте и смотрели в пол. Примерно через три часа, когда мы присутствовали на процедуре опроса капитана подлодки, шведы нас оповестили о том, что лодку успешно сняли с мели и под конвоем отвели в затишье. От сердца немного отлегло, мы понимали, что в такую нелегкую погоду могло произойти что угодно, однако шведские спасатели оказались на высоте.

В это время нам сообщили, что Гуцин уже на борту «Вэстервика». Через несколько минут в каюту шагнул молодежавый, светловолосый, крепко сбитый, среднего роста капитан 3-го ранга. Лицо чисто выбрито, а белое кашне, отглаженная форма и рыжеватые усы только подчеркивали его задорный нрав и боевитость. Мы вскочили на ноги, и Гуцин звонким голосом начал было по всей форме рапортовать, приставив руку к фуражке:

— Товарищ капитан первого ранга, докла...

Мы прервали его на полуслове и бросились к нему, чтобы крепко обнять. Он смущенно заморгал своими белесоватыми ресницами, ошеломленный такой неуставной встречей. Дверь каюты открылась, Перси просунул свою голову внутрь и сказал, что в нашем распоряжении всего несколько минут, потому что комиссия уже собралась и ждет нас в кают-компании. Нам удастся обменяться несколькими словами. Узнаем, что на лодке все в норме. Сообщаем Анатолию, что лодку уже сняли с мели, подбадриваем его перед лицом предстоящей дуэли со шведскими навигационными экспертами. Он уверяет нас, что все будет хорошо. Вместе с ним прибыл замполит Беседин, который стоял на вахте в ту злосчастную ночь 27 октября. Юра передает Гуцину пару бутылок водки и несколько блоков сигарет. Вот что, оказывается,

привез с собой в командировку из Стокгольма военный атташе! Молодец!

Бьерлинг проводит нас в кают-компанию — помещение, посреди которого стоит овальный стол, а по его краям — мягкие сиденья. За стол можно только протиснуться, и то поочередно. Занимаем с Провирниным и Бьерлингом места «согласно купленным билетам». Во главе стола восседает Карл Андерссон, ему ассистирует эксперт по вопросам навигации и специалист-подводник капитан 2-го ранга Эмиль Свенссон из военно-морского штаба, помогают сотрудники разведотдела штаба обороны Рольф Мальм, Эрланд Сеннештед и упомянутый выше Л. Борг, переводит переводчик из Стокгольма Пэр Янссон. Мы с Юрой сидим напротив Андерссона, а Гуцин с Бесединым — по правую руку от нас через Бьерлинга.

Местное время 14.10.

Начальник штаба базы делает вступительное слово, говорит о цели комиссии и призывает советских офицеров к сотрудничеству со шведскими экспертами «в деле выяснения истины о причинах аварии подлодки У-137». Переводчик переводит сказанное на русский язык, двойной повтор позволяет нам с Юрой почти дословно протоколировать ход опроса. Слова звучат обыденные, но на душе тревожно. Карл Андерссон с хитрой улыбкой на губах предупреждает присутствующих, что на процедуру опроса допущены двое советских дипломатов, однако они лишены даже совещательного голоса и не имеют права вмешиваться в прения. А нам во что бы то ни стало нужно предотвратить «избиение» наших подводников.

Первым задает вопросы Эмиль Свенссон. Начинает он осторожно, издали, на его губах играет хитрая улыбка человека, имеющего в колоде только одни козыри. Но столкнувшись с ровными, спокойными ответами Гуцина, он горячится, не сдерживает эмоций и с позиций своего превосходства пытается поиздеваться над «неудачными советскими мореходами», которые, пусть даже потеряв все навигацион-

ные приборы на борту, не могут сориентироваться в такой луже, каковой является Балтийское море.

Юра не выдерживает и просит Карлссона «пристрелить» Свенссона, чтобы тот придерживался сути дела и не допускал унижительных для чести советского офицера насмешек.

Дуэль она и есть дуэль.

Свенссон обиженно поджигает губы и садится на место. Вопросы сыплются на Гущина со всех сторон, но он спокойно и уверенно, словно на оперативном разборе результатов учений, отвечает на все и не дает сбить себя с толку. В его объяснениях присутствует логика, и это не может не злить членов комиссии. Их задача — уличить его в том, что лодка сознательно пробралась в шведские шхеры с разведывательными целями, имея на борту ядерное оружие. Выход из строя навигационных приборов — это, по их мнению, явная симуляция, рассчитанная на простачков. А о наличии на борту ядерного оружия и говорить нечего — замеры шведских экспертов из ФАО* однозначно доказывают это.

Устав допрашивать Гущина, эксперты переключились на капитан-лейтенанта Василия Беседина, замполита Гущина. Хотя он тоже имел военно-морскую подготовку, но уклон в ней был сделан все-таки несколько другой. Он, естественно, слабо разбирался в навигационных проблемах и при первых же каверзных вопросах стал «плавать». Со стороны шведов немедленно посыпались едкие замечания, на лицах появились откровенные усмешки. Беседин покраснел, запнулся и обернулся в нашу сторону, ища поддержки. Возникла небольшая пауза, и тогда раздался голос Просвирнина:

— Не смотрите в нашу сторону. Отвечайте, как умеете.

Беседин почувствовал себя уверенней и стал рассказывать о том, как протекала его вахта и как случилось, что лодка села на мель. В его рассказе шведы уловили некоторое расхождение (как мне показа-

* Научно-исследовательский институт МО Швеции.

лось, несущественное) с показаниями командира лодки и попытались воспользоваться им для получения доказательств в пользу своей версии событий. Однако и с замполитом у них ничего не вышло. Провалились и хитроумные пассы шведов добыть под видом интереса к вопросам навигации тактико-технические подробности оснащения лодки.

Вообще, если оценивать результаты семичасового опроса в целом, то можно было уверенно сказать, что «встреча закончилась вничью». Думаю, что и шведы оценили свои успехи аналогично скромно, иначе они вряд ли бы пошли на нарушение достигнутого накануне соглашения и сразу после опроса Гущина на «Вэстервике» отправились на лодку, чтобы попытаться обнаружить там хоть какую-то «компру» против советских моряков.

Об этой силовой акции мы узнали поздно вечером и доложили о ней в посольство, но сделать уже ничего было нельзя. Шведы находились на своей территории и были хозяевами положения. Впрочем, на борту лодки им удалось только осмотреть вышедшие из строя навигационные приборы и ознакомиться с записями в вахтенном журнале, подтверждающими версию о несчастном случае. К торпедным отсекам их вообще не подпустили, то есть доказательства присутствия на борту ядерного оружия таким образом, просто «повисли в воздухе». Как выразился один из шведских контрразведчиков, принимавших участие в досмотре лодки, на борту У-137 «была наведена клиническая чистота».

Когда мы поздним вечером вернулись в «Астон», то буквально валились с ног. Посмотрев отчеты о прошедшем дне по телевидению, мы с чувством исполненного долга легли спать. Но не тут-то было. На следующее утро Перси как ни в чем не бывало сообщил, чтобы мы приготовились к повторному выходу в море, поскольку шведское командование не удовлетворено результатами опроса капитана и осмотра лодки. Только вместо замполита сопровождать Гущина на сей раз должен был штурман У-137. Мы ответили, что, во-первых, у нас нет полномочий на повтор-

ное участие в опросе, а во-вторых, таковой достигну-
тыми в Москве и Стокгольме договоренностями пре-
дусмотрен не был. Офицер связи возразил, что такая
договоренность была. Тогда мы попросили время на
то, чтобы проконсультироваться с посольством.

— К сожалению, нам некогда ждать. Через 10 ми-
нут «Вэстервик» отойдет от причала судоверфи, и
опрос советских офицеров будет осуществлен без
вашего участия, — холодно ответил Бьерлинг. (Вся-
кий раз, когда он приходил к нам с поручением от
своего начальства, то неизменно ссылался на дефи-
цит времени.)

Посоветовавшись, мы с Юрой пришли к выводу, что
нам лучше будет поехать, чем оставлять наших моря-
ков на «растерзание» разгневанным шведам. В посоль-
ство попытаемся доложиться с борта «Вэстервика».

Опять садимся в тот же «фольксваген», опять
толпы журналистов, знакомые ворота судоверфи,
причал, силуэт сторожевика... Все происходит по
вчерашнему сценарию, только сегодня все кажется
пошлым фарсом. Только сегодня нас к телефону под
разными предложениями не допускают: то мы еще не по-
кинули запретный район, то занята линия. Вот мы
уже на месте, а Гущина со штурманом нет. Проходит
десять минут, двадцать, но мизансцена не меняется.
Те же декорации, те же актеры, только играют они се-
годня из рук вон плохо.

Продержав нас на сторожевике около двух часов и
так и не дождавшись Гущина, командование базы ре-
шает все-таки допустить нас к телефону. Сразу выяс-
няем, что согласия на повторный опрос советская
сторона шведам не давала. Заявляем решительный
протест Л. Боргу, организатору нашего «увеселитель-
ного» путешествия и требуем доставить нас обратно
на берег.

На этом наши морские прогулки закончились.

...Первый раунд большой игры завершен. Теперь
предстояло решать вопрос о вызволении лодки из
плена. Советский посол М. Яковлев посещает минист-

ра иностранных дел У. Ульстена и передает требование советского правительства освободить лодку. В Москве заместитель министра иностранных дел И. Земсков вызывает «на ковер» шведского посла и выражает резкий протест по поводу волокиты со шведской стороны, связанной с освобождением лодки.

Шведы осуществляют тактику проволочек, надеясь на то, что им в последний момент удастся добиться перелома в противостоянии с экипажем У-137. В военных и журналистских кругах продолжают муссироваться слухи о ядерном оружии на борту лодки. Стало также известно, что на У-137 находится «крупная шишка» в лице капитана 1-го ранга Аврукевича. Это он первым заговорил с К. Андерссоном на немецком языке. Аврукевич держится в тени, но шведы подозревают, что его присутствие на лодке не напрасно. А. Гущин утверждает, что Аврукевич — капитан-наставник, который сопровождал его как молодого командира в учебном походе. Такая практика широко распространена в советских ВМС, но шведы не хотят верить в такое слишком простое объяснение.

Тягомотина продолжается. Контакты с военными в Карлскруне становятся редкими и малопродуктивными. По согласованию с посольством на восьмой день противостояния, в среду 4 ноября, я вылетел в Стокгольм, оставив Ю. Просвирнина одного наблюдать за дальнейшим развитием событий в Карлскруне. В этот день в посольстве по случаю ноябрьских праздников был организован прием. Официальная Швеция его практически игнорировала.

5 ноября шведское правительство приняло принципиальное политическое решение отпустить лодку восвояси и передать ее под расписку советскому адмиралу, который уже несколько дней с крупным отрядом советских кораблей дрейфует у южного побережья Швеции. Шведы проверяют мореходные качества лодки, снабжают ее всем необходимым, в том числе дизельным топливом, водой, продуктами питания.

6 ноября в 8.15 катер «Ахилл» начинает буксировать У-137 из Гусиного пролива в открытое море. В

8.40 она пересекает границу территориальных вод Швеции, и ее освобождают от буксира. Лодка запускает двигатель и своим ходом устремляется к ожидающим ее советским кораблям. Все-таки праздники моряки будут отмечать в родной обстановке!

— А может быть, нам надо было отбуксировать ее до причала в Калининграде? — спрашивает в шутку Карл Андерссон своего помощника.

...5 ноября газета «Правда» под заголовком «О происшествии с советской подводной лодкой» публикует следующее лаконичное сообщение:

«В ночь с 27 на 28 октября с. г. советская дизельная подводная лодка номер 137, совершая обычное учебное плавание в Балтийском море, вследствие выхода из строя навигационных приборов и возникновения в связи с этим ошибок в определении места, в плохую видимость сбилась с курса и села на мель у юго-восточной оконечности Швеции. В настоящее время подводная лодка снята с мели шведскими спасательными судами и стоит на якорю в безопасном месте. Ведутся переговоры со шведскими властями о выводе подводной лодки за пределы территориальных вод Швеции».

Это все, что было тогда опубликовано в Советском Союзе по поводу инцидента с У-137 — инцидента, серьезно и надолго испортившего отношения между обеими странами. Потом, в годы перестройки, появлялись отдельные отклики в газетах и журналах, но подробного отчета об этих событиях в нашей стране до сих пор не появилось. И это понятно. Зачем ворошить страницы истории, в общем-то не делающие чести ни стране, ни флоту?

С точки зрения шведов, тайна подводной лодки У-137 так и не была раскрыта. А была ли эта тайна? В упомянутых советско-российских откликах неизменно подтверждалась официальная версия 1981 года. Так, например, начальник особого отдела КГБ по

соединению подводных лодок Балтийского флота капитан 2-го ранга А. Булахтин в интервью «Известиям» 20.12.1991г. заявлял, что У-137, находясь в надводном положении, стала маневрировать, избегая темных (нефтяных?) пятен до тех пор, пока не наткнулась на скалы в шведском фьорде. То же самое наше правительство и наши адмиралы неоднократно заявляли шведам, но «имеющий уши» не слышит.

В последние годы в дело о таинственных подводных лодках в шведских водах с большим запозданием вмешалась общественность. Была создана специальная Гражданская группа, досконально исследовавшая этот вопрос со всех сторон. Она пришла к выводу, что заход У-137 в Карлскруну был вынужденным, потому что были повреждены навигационные приборы. Что же касается других случаев нарушения шведских морских границ чужестранными подлодками, то Группа никаких достоверных сведений на этот счет не собрала.

Тем не менее шведские военные стоят на своем: лодки были, и во всем виноваты русские!

Десять лет спустя после событий в Карлскруне побывал бывший замполит подлодки В. Беседин. Находясь в качестве туриста в Швеции, он дал интервью местному журналисту, в котором утверждал, что у них тогда был приказ защищать лодку до последнего, а если отстоять ее не удастся, то взорвать вместе с экипажем. По поводу этой чепухи можно только сказать, что она полностью остается на совести произнесшего ее. Вернулся Беседин из своей туристской поездки в шведское королевство с новенькой «Вольво», которую ему подарили благодарные местные военморы.

Ну да Бог с ним, с Бесединым — он и сам не знает, что творит. Как и в 1981 году не знал, стоя на вахте, куда привел лодку. Зато в ВМС Швеции отлично представляли, что им было нужно.

Эпизод в Карлскруне послужил для них и некоторых политических кругов Швеции отправным моментом для «раскручивания» общественного мнения. С этого времени перископная болезнь захватывает не только военных и политиков, но и журналистов и са-

мые широкие слои населения. На протяжении почти двадцати лет в Швеции царит настоящая антисоветская и антирусская истерия. Здравый смысл покидает шведов, факты игнорируются, и ничто не помогает им выйти из этого «подлодочного» синдрома.

Впрочем, попыток для того, чтобы излечиться, не делается вовсе. Вся страна попала под влияние какого-то злого духа и не устает твердить о нашествии русских подводных лодок на Швецию. Средства массовой информации, без всякой проверки фактов, без оглядки включаются в эту кампанию и раздувают ее до невиданных размеров, доводят до абсурда. Любой трезвый голос тонет в хоре осуждения, любой честный человек, пытающийся разобраться в произошедшем, обвиняется в предательстве, подвергается остракизму.

А теперь вопрос на засыпку тем из наших доморощенных демократов, которые Швецию всегда ставят в пример:

Как так получилось, что демократическое государство фактически превратилось в тоталитарное, и никто этого ни на Западе, ни у нас в России не заметил? Где же знаменитые и неподкупные шведские газеты, радио и телевидение? Где самостоятельные шведские партии и профсоюзы? Суды, общественность, интеллигенция, рабочий класс и прогрессивное фермерство? Где все те противовесы демократии, призванные противодействовать всякой узурпации власти и свободы слова?

Вопросы, вопросы...

Эмигранты

*И сказал Моисей народу:
помните сей день, в который
вышли вы из Египта...*

Исх. 13, 3

Современный читатель много наслышан относительно того, что советские или русские граждане по тем или иным причинам предпочитают поменять

местожительство и переселиться в другие страны. Если верить газетам и мемуарной литературе, то иммиграционные потоки шли всегда в одном направлении: на Запад.

Это верно в смысле слова «потоки» и не верно в смысле «на Запад». Потому что на Восток тоже текли, если не потоки, то струйки, и желающих попасть к нам, в первую в мире страну рабочих и крестьян, тоже было достаточно, особенно в период, предшествующий разоблачениям издержек сталинизма.

В период «зрелого социализма» также находились люди, которые в основном по патриотическим или идейным соображениям обращались в наши консульские учреждения за границей и подавали ходатайства о въезде в СССР на постоянное жительство. Мои наблюдения по отношению к этой категории лиц сводятся к тому, что таких желающих было бы значительно больше, если бы в качестве непременного условия для постоянного проживания иностранца в Союзе не выставлялось требование о приеме в советское гражданство. Иначе говоря, нашей правовой и политической системой не предусматривалась юридическая процедура приема иностранцев в страну.

Хочешь жить в Советском Союзе? Отказывайся от своего гражданства (подданства), принимай гражданство СССР, вот тогда, может быть, мы тебя и пустим в страну. На практике получалось, что наличие у лица советского гражданства не гарантировало автоматического допуска в страну этого гражданства в качестве постоянного жителя. Причем это касалось и иностранцев и коренных жителей Советского Союза, проживших длительное время за границей с «молоткастым и серпастым» документом на руках. Советский гражданин, выехавший на постоянное жительство за границу, не мог вернуться обратно на свою родину, не получив на это предварительного разрешения ОВИР.

Шведского или советского гражданства у «М» нет. У нее вообще лицо без гражданства.

Между тем при умной и более-менее гибкой иммиграционной политике (которой у нас до сих пор нет) можно бы было извлекать большую пользу для государства*.

Вспоминаю, что в ходе консульского приема довольно часто ко мне обращались посетители с вопросами: «А можно поехать поработать в Советский Союз?» — «Хочу въехать в Советский Союз на постоянное жительство. Что для этого требуется?» — «Хочу вернуться в Советский Союз, но я давно уже не продлевал советского паспорта». — «Как получить советское гражданство?» и т. п. При наличии на Западе хронической безработицы контингент таких посетителей был довольно стабильным, но, получив от меня соответствующие разъяснения, часть их отсеивалась и больше не появлялась.

Среди них были люди с серьезными намерениями. О двух таких небезынтересных, на мой взгляд, случаях хочу рассказать в данной главе.

С Кларой Давидовной и Михаилом Александровичем я познакомился на одном из приемов, устроенном нашим культурным атташе Алексеем Трескиным. На приеме присутствовали в основном активисты общества дружбы «Швеция—СССР».

Михаилу Александровичу было уже под восемьдесят, а может быть, и восемьдесят с хвостиком, а его жена Клара Давидовна была лет на тринадцать-пятнадцать моложе его. За плечами у обоих супругов была не простая, наполненная тревогой и постоянными переживаниями за свое будущее жизнь.

Михаил Александрович был юношей, когда в России началась гражданская война. Члены его семьи, проживавшей в Сибири, частью погибли, а частью

* Наши горе-законодатели за долгие годы бездействия наконец-то «родили» законы, являющиеся пародией на законы о гражданстве и эмиграции. В самом большом проигрыше оказались русские, проживающие в республиках СНГ. Вместо того чтобы стимулировать возвращение их на родину, законы ставят им препоны. Наши военные не перестают жаловаться на нехватку призывников. Неужели трудно догадаться набирать их в ближнем зарубежье, а после службы предоставлять российское гражданство и оставлять в России?

были рассеяны в перепитиях красно-белого противостояния, так что к концу войны он один из всех оказался в «обозе» отступающих на восток колчаковских войск. Когда на Дальний Восток пришла советская власть, он вместе с американскими интервентами ушел в Америку и поселился в Калифорнии.

Во время Второй мировой войны у него, как и у многих русских эмигрантов, с новой силой всколыхнулись патриотические чувства к своей родине, и он принимал активное участие в сборе средств в пользу Советского Союза, которые тогда повсеместно проходили в США. А потом вступил и в компартию. К этому времени он переехал в Нью-Йорк и познакомился там с молодой девушкой, также активисткой компартии и тоже с российскими корнями: она родилась в Америке, но родители ее эмигрировали в США из России задолго до революции, спасаясь от еврейских погромов, организованных черносотенцами.

Клара и Михаил полюбили друг друга и решили пожениться. Счастливую семейную жизнь нарушили антикоммунистические процессы, инициированные небезызвестным сенатором Маккарти. Маккартизм заставил их вновь искать счастья в других странах — на этот раз их новой родиной стала Швеция.

В начале 50-х годов они прибыли в Швецию и обосновались в пригороде Стокгольма. Швеция приняла их гостеприимно, и лет двадцать они жили без всяких проблем, не скрывая своих политических взглядов и не опасаясь за свою старость, которая была обеспечена как американской, так и шведской пенсией. Когда я с ними познакомился в конце 70-х годов, Клара Давидовна еще подрабатывала выступлениями в оркестре Королевского шведского театра в качестве скрипачки.

Все было бы хорошо, если бы... не их дочь Мария. Они родили ее в достаточно преклонном возрасте и души не чаяли на закате лет в своем единственном ребенке. Мария обучалась на четвертом курсе исторического факультета Стокгольмского университета, была членом молодежной организации промосковской компартии Швеции, принимала активное

участие в деятельности общества дружбы с Советским Союзом.

Мы разговорились с Михаилом Александровичем, и он поведал мне о том, что их Маша «спит и видит» себя в Советском Союзе, мечтает переехать туда насовсем и упрощает родителей уехать из Швеции.

— По существу дела мы согласны с ней, — вздыхал Михаил Александрович, — но посудите сами: мне уже под восемьдесят, Кларе — за шестьдесят. Где уж нам взять сил на то, чтобы начинать новую жизнь в другой стране!

Я посочувствовал старику и высказал мнение, что, возможно, его дочь находится под романтическим воздействием бывшей родины своих родителей, что советскую действительность она, по всей видимости, знает понаслышке и ей, привыкшей к определенному образу жизни и быту, в Советском Союзе будет не легко, — одним словом, наговорил ему кучу «спасительных» аргументов для того, чтобы попытаться помочь отговорить дочь от опрометчивого непродуманного шага. Я специально иногда сгущал краски, описывая «суровую» советскую действительность, чтобы у будущих эмигрантов не было потом горьких разочарований. Тем, кто «вымучил» идею переселения в нашу страну, а не прибежал в консульство под воздействием момента, такая «терапия» была не страшна, но зато сразу помогала отсеять людей неподготовленных.

— Если бы так. Нет, все дело именно в том, что она уже не раз ездила в Москву, знакома с тамошней жизнью, обзавелась друзьями. Никакая нехватка колбасы или очереди в магазинах ее не пугают. Ее привлекает духовная жизнь, которая в Швеции кажется ей скучной и бесперспективной.

— Но все равно не торопитесь принимать решение. Молодо-зелено. Через полгода она вообще может найти другое увлечение и забудет про Советский Союз, — утешил я родителей. Оба они переглянулись и скептически покачали головами, не сказав ни слова.

Прошло какое-то время, когда мне в посольство позвонил Михаил Александрович и попросил его

принять с супругой по «важному и конфиденциальному» делу. Мне стало сразу ясно, по какому делу им понадобилось меня увидеть, и я не ошибся.

— Ну вот мы пришли, чтобы подать документы на въезд в Советский Союз, — торжественно объявил мне Михаил Александрович. Клара Давидовна согласно кивала головой.

— Значит, дочка от своего не отступилась?

— Куда там — вся в меня! — с гордостью ответил отец.

— Ну что ж, приступим тогда к делу.

Я объяснил им порядок оформления въезда в СССР на постоянное жительство, предупредил, что необходимо принимать советское гражданство, что надо ждать решение Верховного Совета, что положительное решение отнюдь не запрограммировано и т. д.

— Где вы намерены проживать? — спросил я под конец.

— Конечно, в Москве, — заявили супруги в один голос.

— А знаете, что Москва как место жительства, в связи с нехваткой жилья, может быть не подтверждена властями?

— А мы продадим свою кооперативную квартиру в Стокгольме и купим квартиру в Москве на свои деньги. Мы не хотим просить для себя ничего у советского государства. Наши американские и шведские пенсии попросим переводить в Союз. Это вполне приличные деньги, на которые можно обеспечить и себя и Марийку на период ее учебы в университете.

— Хорошо, только не торопитесь продавать свою квартиру, пока не получим ответ на наше ходатайство, — порекомендовал я супругам. — И вообще, во избежание всяких неприятностей, не рекомендую распространяться о принятом решении среди вашего окружения.

Последнюю рекомендацию Михаил Александрович и Клара Давидовна особенно горячо поддержали, потому что уже имели опыт полулегального выезда из США.

Через месяц я отослал все необходимые ходатайства и заключения консульского отдела в Москву и стал ждать ответа.

Ответ, к тому же благоприятный, пришел месяцев через пять или шесть. Всех троих приняли в советское гражданство и всем троим предложили Москву в качестве местожительства, при условии приобретения ими кооперативной квартиры. Вопрос перевода Марии в Московский университет и досдачи необходимых экзаменов вообще казался им такой мелочью по сравнению с большим радостным событием.

Нужно сказать, что родители Марии неплохо представляли некоторые советские порядки и проявили личную инициативу для дополнительной подстраховки своего дела. В один из приездов в Москву Клара Давидовна обратилась к руководству комитета «Родина», где ее хорошо знали, и заручилась там поддержкой.

...Через месяца два-три все трое уехали в Москву. Скоро я получил от них письмо, в котором они сообщали, что благополучно обосновались на новом месте, купили квартиру на Проспекте Вернадского, дом 114, машину «Жигули». Мария учится в университете, и все они страшно рады, что все так хорошо устроилось. Они выражали искреннюю благодарность за оказанную помощь и приглашали меня к себе в гости.

В очередной отпуск я навестил своих подопечных и убедился, что действительно такое сложное дело завершилось для всех так удачно. Михаил Александрович ходил по своей трехкомнатной квартире, удовлетворенно постукивал рукой по бетонным стенам и весь светился от сознания того, что сбылась наконец заветная мечта возвратиться на родину.

— Теперь я могу спокойно умереть, — сказал он мне на прощание.

— Ну зачем же думать о таком — особенно теперь! Живите на здоровье и радуйтесь, — попытался я взбодрить старого эмигранта.

Скоро я возвратился из отпуска в Стокгольм. «Боевые будни» закрутили так, что я забыл думать о моих дорогих переселенцах, но скоро они сами напомнили

о себе. Клара Давидовна прислала письмо, в котором сообщала, что Михаил Александрович скончался.

Больше я их не встречал.

Р. С. При выезде из Швеции никто из троих от шведского подданства не отказывался, что в общем-то соответствовало несовершенной процедуре оформления гражданства СССР. Интересно, воспользовалась ли Мария этим шансом после того, как государство ее мечты прекратило свое существование? Крушение идеалов для таких натур редко проходит бесследно.

Другая Мария тоже была единственной дочерью у своих родителей, которые вознамерились спасти ее и уберечь от порочного влияния буржуазного шведского общества и не видели для нее будущего в этой стране. Такое будущее, свободное от наркотиков и распущенности, по их мнению, могло быть обеспечено только в Советском Союзе.

Родители — шведские финны, коренные жители провинции Норботтен, были простыми рабочими, всю жизнь трудились и перебивались на скромную зарплату и никаких излишеств в быту не позволяли. Незадолго до того, как обратиться в советское консульство, они переехали в город Норртэлье, расположенный в 120 км к северу от Стокгольма, и жили в двухкомнатной квартирке на пенсию.

«Ю» родилась в одной из ближних стран Дальнего Востока.

Дочь, закончив общеобразовательную школу, работала продавцом в универсаме «Консум» и вела довольно замкнутый образ жизни. Этому способствовали ее родители, следившие за каждым ее шагом и требовавшие, чтобы она нигде не задерживалась и сразу после работы возвращалась домой. Мария была послушным и спокойным ребенком, и никаких проблем в семье вроде бы не возникало.

Решение эмигрировать в Советский Союз созрело у отца и матери после того, как они по линии общест­ва дружбы «Швеция–СССР» съездили в туристическую поездку в Москву и Петрозаводск и вернулись домой, возбужденные увиденным. Сразу после этого они приехали в Стокгольм и попросились ко мне на прием, чтобы подать прошение о переселении в Со­ветский Союз. В качестве местожительства они вы­брали Петрозаводск, полагая, что как финнам им там будет легче адаптироваться.

Я выпустил в них заготовленный заряд «терапевти­ческого лекарства», полагая, что они передумают и воздержатся от своего скоропалительного решения, но отец с матерью продолжали на нем настаивать. Мария безучастно присутствовала на беседе и, каза­лось, нисколько не интересовалась разговором и тем, что решается ее судьба. Она производила впечат­ление замкнутой, слегка заторможенной и не очень развитой анемичной особы, которую ничто вокруг не волновало. Она только согласно кивала, когда кто­нибудь из родителей обращался к ней с вопросом.

В общем, я сдался на их уговоры и приступил к оформлению документов. Воспользовавшись удоб­ным предлогом, я выехал в Норртэлье, чтобы позна­комиться поближе с семейством и образом их жиз­ни. Отец и мать гостеприимно встретили меня дома, угостили чем могли и попросили ускорить оформле­ние документов на выезд в связи с тем, что у Марии на работе появились проблемы: управляющий уни­версама предъявляет ей необоснованные требова­ния, не дает прохода и грозит уволить с работы.

Через несколько дней мать и отец приехали ко мне в Стокгольм и рассказали, что Марию-таки уво­лили с работы под предлогом нарушения каких-то правил, и она временно устроилась посудомойкой в местную тюрьму. Все было бы хорошо, если бы к Ма­рии не проявлял внимания один молодой заключен­ный. (Нужно, конечно, знать либеральные порядки в шведских тюрьмах, которые, по нашим меркам, вполне могут сойти за санатории или профилакто­рии закрытого типа. Например, осужденный за шпи-

онаж в пользу ГРУ подполковник Стиг Берглинг был на выходные отпущен к своей сожительнице домой, откуда он вместе с ней сбежал из Швеции и скоро после этого появился в Москве. Для других категорий заключенных порядки еще менее строгие.)

Все необходимые документы между тем были уже отправлены в Москву, и я уже рассчитывал скоро получить оттуда ответ. Родители Марии чуть ли не ежедневно названивали мне в консульство, интересовались результатами своего ходатайства и рассказывали все новые подробности об отношениях дочери с заключенным. Молодой парень был осужден на несколько лет тюрьмы за участие в ограблении банка, и родители были в ужасе при одной только мысли о том, чему он может научить их дочь.

Наконец пришел из Москвы положительный ответ. Секретариат Верховного Совета сообщал, что моим шведско-финским подопечным разрешено проживание в Петрозаводске и что местные власти предоставляют им двухкомнатную квартиру. О лучшем для них нельзя было и мечтать.

Они уже давно потихоньку распродавали свои вещи, оформляли возвращение квартиры коммунальным властям города, поэтому сборы в дорогу были недолгими. Я общался в основном с родителями, и Марии давно уже — с тех пор, как она поступила на работу в тюрьму — не видел. Отобрав у всех троих шведские паспорта, поскольку они им как советским гражданам были больше не нужны, выдал на руки так называемые свидетельства на возвращение. В этих свидетельствах говорилось, что имярек такой(ая)-то возвращается на постоянное жительство в Советский Союз, и выражалась просьба ко всем пограничным властям пропускать их беспрепятственно и оказывать содействие как гражданам Советского Союза.

Они попрощались со мной, чтобы на следующий день выехать через Финляндию в путь. Где-то через день мне позвонил в кабинет дежурный посольства и попросил подойти к городскому телефону. Звонок был междугородный, слышимость очень плохая, но ко всему прочему звонивший изъяснялся со мной на

финском языке. Я сказал, что финским языком не владею и предложил перейти на шведский.

— Это свонят ис Финляндии, фернее с финской краницы. Мне пажалуста висе-консула Крикорьев.

— Я слушаю.

— Это инспектор покраничной страши такой-то. Мы тут затершали трех финноф, а мошет шветоф, ут-ферштающих, что они краштане Софетского Союза. Фот их имена.

— Они говорят правильно. Наше консульство в Стокгольме выдало им свидетельства на возвращение, поскольку они приняты в советское гражданство и следуют в Петрозаводск на постоянное жительство. Пожалуйста, не задерживайте их и пропустите через границу.

— Карашо. То сфитания.

После этого инцидента на финско-советской границе прошло два или три месяца, как вдруг в консульстве неожиданно появляется отец Марии.

— Что случилось?

— Мария бросила нас в Петрозаводске и вернулась в Швецию.

— Как так? В связи с чем? Что-то не понравилось?

— Да нет, все было хорошо. Встретили нас очень гостеприимно, нам все понравилось, только... Только Мария не находила там места и в конце-концов сбежала к своему знакомому.

— Какому знакомому? Ведь у нее никого не было!

— Мы тоже так думали. А оказывается у нее там в тюрьме возникли такие тесные отношения с тем парнем, что... В общем, он закрутил ей голову.

«Б» сообщил, что у «Т» от него должен родиться ребенок по собственной инициативе.

— Что же будете делать?

— Пока не знаем. Без нее мы с женой тоже жить не сможем — ни в Петрозаводске, ни в любом другом месте. Если нам не удастся ее вернуть обратно, тогда... тогда придется возвращаться к ней в Швецию. Вы уж нас простите, что так получилось.

— Ну что ж, звоните, если понадобится помощь. Ваши шведские паспорта я послал по почте...

— Да нам их уже вернули. Иначе как бы мы приехали сюда?

— Да, да, конечно.

— До свидания.

— До свидания.

Уязвленный в самых лучших чувствах, я холодно распрощался с эмигрантом-неудачником. Сейчас, когда пишу эти строки, я уже не держу на него зла, да и на Марию тоже. В конце концов она тоже не виновата, что так была воспитана. Ее пытались оградить от всех тлетворных влияний общества, вместо того чтобы научить, как им противостоять. Ее оберегали от контактов со сверстниками, а потому, когда природа все-таки взяла свое, она оказалась совершенно беззащитной перед лицом стандартных для всех, но не для нее, обстоятельств.

Родителей жалко, жалко Марию, но кто виноват?

Скандинавские страны, а Швеция в особенности, всегда были и до сих пор остаются страной обетованной для всех беженцев.

По чисто объективным причинам — динамичное развитие экономики и потребность в дополнительной рабочей силе — в 60-х и 70-х годах Швеция привлекла к себе внушительные массы эмигрантов из Турции, Пакистана, Польши, Югославии, Греции, Латинской Америки и некоторых других стран. Не считая притока населения за счет свободной миграции внутри стран Северного паспортного союза, среди которых одних только финских граждан в отдельные годы насчитывалось до 400 тысяч человек, колония иностранных граждан составляла примерно девятую часть всего населения страны, то есть вместе с финнами, датчанами и норвежцами она достигала примерной численности 750—800 тысяч человек.

Много это или мало, можно судить по сегодняшней численности населения России: чтобы достичь

шведского уровня, у нас должно быть около 17 миллионов иностранцев!

Присутствие такого количества инородческого элемента в стране естественно наложило отпечаток на культурный, социальный и экономический облик Швеции. Если учесть, что иностранцы расселились исключительно по городам, то их доля там составляла уже не одну девятую, а одну пятую, а в некоторых населенных пунктах, как, например, в Седертэлье, — почти половину коренного населения.

Шведы, естественно, отдали эмигрантам всякую черную, трудоемкую и малооплачиваемую работу. Достаточно сказать, что все уборщицы, большинство водителей автобусов и поездов метро в Стокгольме были иностранцами. Многочисленный профсоюз уборщиц в столице в 1980 году возглавлял молодой грек. Но иностранцы не жаловались на условия жизни и труда: зарплата была все равно на порядок-другой выше, чем у них на родине, они получили в стране такие же права, как шведы, и в 70-х годах уже участвовали в выборах в местные органы власти.

Одной из привилегированных прослоек иностранцев в Швеции были выходцы из Советского Союза и других социалистических стран. При одном только упоминании, что русский, чех или поляк подвергался преследованиям у себя на родине, СИБ, Иммиграционное ведомство Швеции, тут же предоставляло ему политическое убежище, окружало теплом и заботой и делало все возможное, чтобы иностранец как можно быстрее ассимилировался на новой родине. (Впрочем, такая «конъюнктура» на граждан социалистических стран существовала во всех странах Запада, поскольку это была сознательно избранная политическая линия).

Шведы различали политических и экономических беженцев. С первыми все ясно, а термин «экономический беженец» требует пояснения. Под ним понимался любой иностранец, который не был доволен условиями труда и жизни у себя на родине и хотел осесть в Швеции для того, чтобы приобщиться к достижениям общества благоденствия. Таких было

большинство, и пока шведам была нужна дешевая рабочая сила, они принимали их у себя в стране. Но потом рынок труда насытился, и СИВ стала ужесточать правила приема иностранцев, устанавливая квоты, более тщательно изучать мотивы эмиграции.

Наиболее хитрые иностранцы стали скрывать свои истинные мотивы прибытия в страну и претендовали на статус политических беженцев. Некоторым из них, в основном жителям социалистических стран, удавалось получить такой статус, но большинство были вынуждены уехать из Швеции ни с чем. Чтобы оградить страну от нежелательных лиц, СИВ ввело правило, по которому оформление приезда в Швецию надо было осуществлять через шведские консульства в странах гражданства потенциальных эмигрантов.

Очень многие бездетные шведы завезли в страну и усыновили сотни детей из Индии, Таиланда, Шри-Ланки и Пакистана. На возникшем спросе недобросовестные дельцы стали делать деньги. Возникли некоторые достаточно неприглядные явления и в самом шведском обществе. Появилась целая категория одиноких и не только одиноких шведок, которые усыновляли и удочеряли двух-трех детей из Азии и, получая на них солидные пособия от государства, могли беззаботно жить, пока дети не достигнут совершеннолетия. Излишне говорить, что сами дети и их воспитание таких шведок ни капельки не интересовали.

Но поток беженцев в Швецию не иссякал, люди со всех концов мира стремились правдами и неправдами проникнуть туда, хоть как-то зацепиться, удержаться, остаться. Наиболее распространенным и надежным способом для этого стали фиктивные браки. Этим — естественно, тоже за деньги — промышляли представительницы прекрасного пола: шведки, чаще всего студентки, которые установили таксу на такой брак и исправно собирали деньги со своих фиктивных мужей. Полиция быстро пронюхала о таком жульническом способе эмиграции и приняла меры к тому, чтобы при очередном продлении разрешения

на работу и проживание подозреваемый иностранец представил доказательства того, что он на самом деле состоит в браке со шведской подданной.

Наблюдая за шведами, я пришел к выводу, что их благожелательное отношение к иностранцам, основанное на чувстве сострадания и желании помочь ближнему, принимает порой какие-то уродливые формы. Нашумевший повсюду фильм «Интердевочка» очень точно отображает это явление. В период работы в Швеции я достаточно много пообщался с нашими гражданками, вышедшими замуж за шведов, и уже тогда понял, что для большинства из них при заключении брака чувства к будущему мужу имели значение десятое. Главное для них было вырваться на Запад, вкусить запретных плодов там, где нет парткомов, месткомов и мам с папами.

Ко мне часто приходила на прием одна игривая и смазливая киевлянка и откровенно рассказывала о своих семейных неурядицах, конфликтах и проблемах. Как-то она сказала, что ее шведский муж не дает ей денег.

— Позвольте, но на какие же деньги вы так шикарно одеваетесь? — Я знал, что киевлянка нигде не работала, но приходила в консульство тем не менее всегда в «шиншилях» и «диорах».

— Ну что вы, Борис Николаевич, спрашиваете меня, как будто сами не знаете! — закокетничала дамочка с Крещатика.

— Откуда же мне знать? — настаивал я.

— Подрабатываю. — Тут киевлянка изобразила на лице смущение.

— То есть как подрабатываете? — До меня все не доходило, как замужняя дама, нигде не работая, может так здорово подрабатывать.

— На панели, вот как, — грубо ответила собеседница.

— А муж знает об этом?

— Ну конечно.

— И что?

— А ничего.

Накануне к киевлянке приезжали из Украины в

гости родители: мать — врач, отец — профессор, они приходили в консульство зарегистрироваться и произвели на меня вполне приличное впечатление. Как у таких родителей вырастают подобные детки?

Актриса «обнаженной» публику больше не жалуется.

Вообще же советские гражданочки обладали в мое время (обладают и сейчас, в чем я нисколько не сомневаюсь) удивительными способностями охмурять доверчивых и добропорядочных шведов, помыкать ими, как заблагорассудится, и вести при этом тот образ жизни, который покажется им наиболее удобным. Взять хотя бы мужа той киевлянки: он дважды приходил ко мне в консульство и упрашивал меня, умолял повлиять на его супругу, чтобы она вернулась в лоно семьи.

— Но позвольте: как же я на нее повлияю? — спрашивал я ведущего инженера крупнейшей фирмы Швеции.

— Ну... как-нибудь там... У вас ведь есть всякие парткомы... вы власть.

— Да мы не имеем никаких рычагов влияния на эту категорию граждан.

— Но как же так? Мне говорили...

Разочарованный швед уходил, что-то бормоча про себя и искренно недоумевая по поводу бессилия консульских властей приструнить его стерву-жену. Посоветовать ему выгнать ее прочь из дома я как-то не решался — все-таки я был «при исполнении», а не частным лицом, пусть и посторонним.

Еще один курьезный случай подобного рода был связан с гостиницей «Прибалтийская», которую шведские строители построили в Ленинграде. Они возводили ее в течение, кажется, двух лет, и многие строители вернулись домой с русскими женами, которых они подбирали в основном в ресторанах и барах — других мест общения у них, естественно, не было.

Однажды мне позвонила в консульство шведка и спросила:

— Скажите, пожалуйста, к вам не обращался за советской визой господин Ларссон?

— Извините, но я затрудняюсь дать ответ, не зная, с кем имею дело.

— Это его жена.

— А разве вы не можете узнать об этом у своего мужа?

В трубке замолчали, потом раздались характерные вздохи, перешедшие в рыдание. Я отыскал в стопке только что доставленных турбюро «Нюман ок Шульц» документов паспорт Ларссона и положил его перед собой.

— Я прошу вас, не давайте ему визу, — попросила трубка.

— Вы не хотите, чтобы ваш муж уехал в Ленинград?

— Да.

— Позвольте, а какие у вас для этого основания?

— Я умоляю вас, откажите ему в визе, потому что он хочет разрушить семью. Он познакомился там с какой-то женщиной и хочет развестись со мной. А у нас двое детей...

— Фру Ларссон, но как же я откажу ему в визе, если он выполняет официальный контракт? Какие причины я должен привести в оправдание руководству его фирмы?

— Так вы не можете ничего сделать? — В голосе женщины было отчаяние.

— К сожалению, в данном случае нет.

— Извините меня ради бога. — Бедная фру Ларссон положила трубку.

Прошло какое-то время, и я оказался на приеме, устроенном нашим торгпредством по случаю сдачи в строй ленинградской гостиницы «Прибалтийская». От шведов на прием явились представители фирмы-подрядчика. Многие из них пришли с женами. Я стоял в стороне, наблюдая за гостями, как вдруг ко мне подошел ярко рыжий, курчавый, элегантно одетый швед. Он держал под руку молодую девушку довольно вульгарной наружности, на плечах которой, как у Джульетты Мазины в «Ночах Кабирии», весьма некстати висела рыжая лиса. Мне на мгновение показалось, что я где-то

когда-то этого шведа видел, но не успел вспомнить, поэтому что тот торжественно представился сам:

— Познакомьтесь, господин вице-консул, это моя русская жена.

Девица с лисой назвала какое-то имя, а я спросил шведа:

— Мы с вами где-то встречались?

— Да, конечно. Помните, я был у вас на приеме. Мне нужно было срочно получить визу, а вы потребовали за срочность оплату пошлины.

— Ваша фамилия Ларссон?

— Так точно.

— Теперь я вспоминаю.

Ларссон в самом начале контракта лично приносил паспорта на визу, но тогда еще я не был заочно знаком с его женой.

Итак, шведская статистика зафиксировала еще один распад семьи, а шведское общество обогатило себя еще одной персоной, выезд которой за границу доставил неподдельную радость ленинградской милиции.

Впрочем, я не буду слишком строго судить выбор господина Ларссона и его коллег. Из «интердевочек» тоже могут выйти неплохие жены. Дай бог ему счастья. И нашей девочке тоже.

...В результате массового притока в страну иностранцев шведы имеют у себя то, что имеют. Когда я вновь появился в Стокгольме в 1996 году, то убедился, что за четырнадцать лет, прошедших с момента моего убытия из ДЗК, в столице многое изменилось. Сразу бросилось в глаза, что на телевидении появилась масса мулатов и метисов, которые по внешнему виду ничем не отличались от жителей Ямайки или Пакистана, но говорили на хорошем столичном диалекте шведского языка.

На улицах столицы, в магазинах, офисах появились смуглые, черноволосые и кареглазые шведы, которые уже не подметают метлами улицы, не сидят за рулевой колонкой автобуса, а заняли вполне престижные по старым меркам рабочие места, принадлежавшие когда-то коренным шведам. Особенно не-

привычно для моего глаза было наблюдать неказистого потомка лагиноамериканских индейцев в форме капрала шведской армии или, наоборот, стройного гибкого выходца из индусской касты неприкасаемых за прилавком банка.

Когда я улетал из Стокгольма и ждал самолет «Аэрофлота», начинавший свой рейс в Лиме и осуществлявший транзитную посадку в Арланде, я был шокирован толпой коротконогих, пузатеньких, ширококостных и упитанных латиноамериканцев с большой примесью индейской крови в жилах, вывалившихся из чрева Ту-154 и звонко перекликавшихся между собой на шведском языке. То были чилийцы или боливийцы, возвращавшиеся в Швецию из отпусков, которые они проводили на своей бывшей родине.

Иностранцы в весьма приличных дозах влили свою кровь в шведскую, и я сомневаюсь, что шведам при таком этническом соотношении удастся сохранить свой чисто северный тип на будущее. По языку это, конечно, будут шведы, но при виде таких шведов у Августа Стриндберга вряд ли поднялась бы рука написать знаменитую «Красную комнату».

Но времена меняются.

Кто убил Улофа Пальме?

Его убийца хладнокровно навел удар...

М. Ю. Лермонтов

В пятницу вечером 28 февраля 1986 года премьер-министр Швеции Улоф Пальме вместе с супругой Лисбет покинул свою квартиру в Старом городе и отправился на метро в кинотеатр «Гранд». В 23.20 после просмотра фильма они вышли из кинотеатра и, миновав пару кварталов, приблизились к перекрестку улиц Свеавэген и Туннельгатан. Время было позднее, на улице, кроме трех мужчин, шедших впереди, и одного молодого человека, тенью скользившего по противоположной стороне, никого не было. На Свеавэген супруги заметили медленнодвигающуюся такси.

В это время кто-то незаметно подкрался к ним сзади и два раза в упор выстрелил в спину Пальме. Лисбет Пальме бросилась к упавшему супругу, но успела заметить, как стрелявший резко отвернул в сторону и побежал по Туннельгатан в обратную сторону. Прохожий, шедший по другой стороне улицы, бросился за ним с криком «Стой!», но убийца мгновенно растворился в темных «проходняках» старинного квартала. Водитель такси, наблюдавший сцену убийства со Свеавэген, вызвал по радио «скорую помощь», которая прибыла буквально через несколько минут, но Пальме скончался по пути в ближайшую больницу.

С этого дня началось не закончившееся до сих пор «блуждание по пустыне» — следствие по делу убийства первого человека Швеции, выдающегося государственного деятеля и социал-демократического лидера, снискавшего широкую и искреннюю признательность далеко за пределами своей страны.

Следствие, возглавляемое на первых порах комиссаром полиции Хансом Хольмером, а затем его коллегой Хансом Эльвебру, перебрало около 170 рабочих версий, но за прошедшие одиннадцать с лишним лет так и не приблизилось к решению главного вопроса об убийце. Сейчас Х. Хольмера обвиняют в заикленности на версии о причастности к преступлению членов Курдской рабочей партии. Спустя год после трагедии полиция арестовала-таки 20 курдов, подозреваемых в убийстве, но скоро была вынуждена отпустить их за недостаточностью улик.

И в самом деле, предположение о том, что члены партии, борющиеся за независимость Курдистана, могли замыслить покушение на своего активного и естественного союзника, каким несомненно был Улоф Пальме, могло прийти в голову человеку, неискнутому в политике, или... Как бы то ни было, но после этого Х. Хольмер был отстранен от следствия, и в марте 1987 года его возглавил Х. Эльвебру.

Последний произвел реорганизацию в поисковой группе и вновь попытался вернуть ее к событи-

ям той драматической мартовской ночи. В итоге к пожизненному заключению был приговорен некто Кристер Петтерсон, на которого как на убийцу указала вдова покойного Лисбет Пальме. Однако Верховный суд страны не утвердил приговор за недостаточностью улик, и Петтерсон был также выпущен из тюрьмы.

Спустя некоторое время в дело У. Пальме была подброшена еще одна сенсационная версия. О ней поведал адвокат Пелле Свенссон, чьим клиентом был один из авторитетов уголовного мира Швеции Ларс Тингстрем. Согласно П. Свенссону, его клиент, осужденный в 80-х годах к нескольким годам тюрьмы за покушение на жизнь своего делового партнера, посчитал решение суда несправедливым и решил отомстить прокурору. Выйдя на свободу, Л. Тингстрем организовал на вилле прокурора взрыв самодельной бомбы, в результате которого погиб жених дочери юриста. За это преступление Тингстрем, получивший кличку «Бомбманнен» («Бомбист»), был приговорен снова, но уже к пожизненному заключению.

Сидя в тюрьме, «Бомбист» направил шведским властям несколько прошений о помиловании, но получил отказ. Тогда он якобы принял решение рассчитаться с высшими должностными лицами в государстве — королем Карлом XVI Густавом и премьер-министром Пальме. За решеткой «Бомбист» сколотил группу террористов из 4 человек, в состав которой входил неизвестный Кристер Петтерсон. Револьвер «магнум-357», из которого был застрелен Пальме, был выброшен, по словам уголовного, в озеро Клараше.

Обо всем этом «Бомбист» якобы поведал своему душеприказчику уже на смертном одре в 1993 году, умирая от рака и «завещая» ему обнародовать свои откровения не ранее чем через 5 лет после убийства Пальме. «Бомбист» отошел в мир иной, где судить его будут другие, неземные судьи, а адвокат П. Свенссон хранил тайнственное молчание три года и лишь в 1996 году поведал общественности об этой истории. Почему этот «благородный» юрист, получив серьез-

ные данные, имеющие отношение к убийству Улофа Пальме, в течение стольких лет покрывал его убийца?

Полиция провела расследование всей этой истории с «Бомбистом» и пришла к выводу, что никакого завещания — ни устного, ни письменного — он после себя не оставил. Водолазы спустились на дно Клараше, обшарили указанное «Бомбистом» место, но никакого оружия там не нашли. Версия Свенссона-Тингстрема, наделав шума, тихо умерла. А между тем полиция установила, что Тингстрем действительно был в дружеских отношениях с Петтерсоном и часто общался с ним в тюрьме.

Вопросы, вопросы...

Перед уходом в кино Пальме позвонил своему сыну и предупредил, что будет отсутствовать два часа. Сын поинтересовался, будет ли с отцом охрана, раз он намерен был идти пешком. Отец «успокоил» сына, что охраны не будет — он ее отпустил.

Первый протокол на месте покушения составила женщина-полицейская при свете карманного фонаря. Возможно, он был составлен недостаточно профессионально, второпях — ведь не были опрошены ни один из зрителей, смотревших кино вместе с четой Пальме! — но и о нем следственная группа вспомнила лишь в... 1997 году!

Оцепление вокруг места убийства было сделано ненадежное, и сотни любопытных стокгольмцев, сбжавшихся туда утром, переступали через заградительную ленту и уничтожали последние следы преступника. Полиция не перекрыла выезды из Стокгольма и не выставила ни одного кордона на вокзале и в аэропорту.

Самые важные показания следствие получило, пожалуй, от Лисбет Пальме. Она более-менее подробно описала внешний вид убийцы: это был мужчина средних лет, невыразительной внешности, одетый в темный плащ с поднятым воротником и темную вязаную шапку. По ее описанию был составлен фоторобот.

Еще один свидетель, художник по профессии, видел, как трое молодых людей, шедших впереди Паль-

ме, при звуках выстрелов бросились врассыпную. Один из них, высокий блондин в коричневой кожаной куртке на меху, особенно запомнился художнику, и он нарисовал его портрет. Когда полиция показала портрет Лисбет Пальме, та, к своему удивлению, узнала в нем человека, который в течение 10-12 дней накануне убийства торчал около их дома. Поиски этого человека, предпринятые самой эффективной полицейской службой Европы, закончились безрезультатно. (Кстати, эти трое прохожих плюс убийца в сумме составляют группу из четырех, о которой рассказывал в свое время «Бомбист»!)

За две недели до убийства Пальме в Гетеборге закончился судебный процесс над несколькими членами экстремистской организации «Северная государственная партия». В суде фигурировали документы, изъятые во время обыска у подсудимых, в том числе список лиц, приговоренных СГП к смертной казни. Первым в этом списке значился Улоф Пальме. И тем не менее полиция, никогда и ни при каких обстоятельствах не оставлявшая без внимания даже малейшего сигнала о признаках государственного преступления, не приняла никаких мер по охране премьер-министра. Кстати, в его адрес тогда стали поступать письменные угрозы с обещаниями расправиться с ним, он просто не обращал на них внимания и выбрасывал в корзину не читая. Так и должен был поступать настоящий государственный деятель и мужественный человек. А полиция?

За две недели до гибели Пальме таксист Б. Бертильс ехал по городу и притормозил у светофора. Рядом с ним остановилась еще одна машина, в которой сидел человек, очень похожий на фоторобот. Он вынул револьвер и вроде в шутку направил его в Бертильса. В это мгновение зажегся зеленый свет, и машины разъехались. Потом этого человека найдут и арестуют. Окажется, что он входил в указанную выше партию СГП.

Еще один таксист в ночь 28 февраля 1986 года около 23.40 увидел человека, садившегося в ожидавший автомобиль на улице Биргер Ярлсгатан. Мужчи-

на бежал со стороны Туннельгатан и был похож на разосланный по стране фоторобот.

Из целого вороха свидетельских показаний следует выделить еще одно. Вскоре после убийства Пальме в квартире пенсионеров в пригороде Бромма раздался телефонный звонок. Когда хозяин взял трубку, мужской голос без всяких предисловий сообщил ему:

— Пальме убит!

Было совершенно ясно, что звонок предназначался не для невинных пенсионеров, а для кого-то другого. Звонивший перепутал номер телефона. Очевидно, что владелец нужного телефона отличался только одной цифрой. Найти этого человека для шведской полиции не составило бы труда, но она этого не сделала. Почему?

Почему в конце концов был отпущен из тюрьмы Кристер Петтерсон, активный член неонацистской группировки и опознанный супругой убитого? Какие-то адвокаты нашли изъяны в следствии и самом судебном процессе и добились того, чтобы Петтерсон был выпущен на свободу.

Все это вместе взятое волей-неволей наталкивает на мысль о некомпетентности полиции или... о ее умышленной неповоротливости.

Полиция предъявила две пули, найденные на месте преступления — значит, не все ее сотрудники так нерадиво отнеслись к расследованию. Представители прессы, которые первыми увидели находку, были и здесь повергнуты в изумление. Полиция показала им две совершенно целые пули! Как могло случиться, что пули, пройдя через тело человека, остались целыми и невредимыми, не получив ни одной вмятины или царапины?

Полицейские утверждали, что это объясняется тем, что пули были бронебойные, а потому и не деформировались. Но в Швеции бронебойные пули не производятся и не продаются. Такие пули продаются в США — так же, как и револьвер «Магнум», числящийся на вооружении у дорожной полиции США, но каким путем попало оружие и амуниция в Швецию, полицейские объяснить не могли.

Известный криминалист Ульф Лингерде, тщательно проанализировавший все факты, связанные с расследованием убийства Пальме, пришел к выводу о том, что кто-то специально уводит следователей в сторону, направляя их по ложному пути. Кто же это?

Так, выяснилось, что автором и инициатором нелепой курдской версии явилась СЭПО — шведская служба безопасности и контрразведки. А между тем СЭПО располагала записью подслушанного телефонного разговора, в котором содержалась угроза убить Пальме, но она не сделала из этого никаких оргвыводов. И неудивительно, потому что шеф СЭПО Пер-Гуннар Винге к этому времени дошел до того, что стал подозревать своего премьер-министра в том, что он представляет угрозу безопасности страны, а потому отказался знакомить его с секретными документами, в том числе и с записью упомянутого телефонного разговора.

Курдская версия приказала долго жить, не успев как следует стать на ноги, но на смену ей появилась не менее странная — южно-африканская. Известно, что Улоф Пальме являлся последовательным противником апартеида в ЮАР и активно поддерживал оппозиционный к южно-африканскому правительству АНК во главе с Н. Манделой. Спекулируя на этом факте, английский еженедельник «Нью Стейтсмен» опубликовал статью, в которой утверждалось, что группа западно-германских бизнесменов, связанных с ЮАР, вступила в контакт с бывшими наемниками в поисках подходящего убийцы Пальме. Журнал ссылаясь на показания в Верховном суде ЮАР бывшего командира спецназа Юджина де Кока о том, что «решающую роль в убийстве одного видного государственного деятеля Швеции сыграл его коллега из службы безопасности Крейг Уильямсон, которому принадлежала стержневая роль в операции «Лонгрич» по физическому устранению Пальме».

Шведские следователи тут же клюнули на эту историю. Они раскопали в гигантском следственном досье по делу Пальме протокол допроса Уильямсона, но тот отверг все обвинения, и его отпустили. Тогда к

убийству Пальме «притянули» другого агента спецслужб ЮАР, но и это не вывело следствие на прямую дорогу, а наоборот, опять завело в тупик.

Но «блуждания по пустыне» на этом не кончились. На смену южно-африканской версии пришла индийская! Шведская фирма «Буфорс» в жестокой конкурентной борьбе выиграла право на поставку в Индию оружия. Это ведь тоже могло кому-то не понравиться и подтолкнуть к физическому устранению шведского премьера. Ну что ж, бог в помощь! Как говорил Паниковский: «Пилите, Шура, пилите гирю! Золото там!»

...18 апреля 1997 года в американском аэропорту в Хьюстоне у таможенной стойки образовалась очередь. Третьим от стойки стоял человек средних лет в джинсовом костюме и выдавшей вида шляпе с небольшими полями. Им был журналист Аллан Франкович, прилетевший в Техас на встречу со своим информатором, бывшим сотрудником ЦРУ. А. Франкович последнее время специализировался на создании фильмов о сомнительных совершенно секретных операциях ЦРУ. В частности, он снял сериал об операции ЦРУ в Европе под условным названием «Гладио», цель которой состояла в том, чтобы развернуть на территории Европы диверсионную войну к тому моменту, когда ее захватят коммунистические войска.

В процессе работы над фильмом журналист неожиданно вышел на след убийцы шведского премьер-министра Улофа Пальме! Убийство шведа было заключительным аккордом операции ЦРУ под кодовым названием «Дерево». «Дерево» проросло из «Гладио» на шведской земле, а главным лесничим, вырастившим его, был не кто иной, как директор ЦРУ Уильям Колби, возглавлявший резидентуру ЦРУ в Стокгольме в 40-х годах. Здесь у него сохранилась хорошо налаженная агентурная сеть, которую усердно пополняли его коллеги в последующие годы.

В Хьюстоне А. Франкович получил от своего информатора документы, подтверждающие причастность ЦРУ к убийству Пальме, в том числе фотогра-

фию и адрес убийцы. За несколько секунд до того, как приблизиться к таможенной стойке, Франкович почувствовал себя плохо, зашатался и, пытаясь опереться на стойку, протянул к ней руку, но не удержался и упал, свалив с ног стоявшую за ним женщину.

«Скорая помощь» прибыла мгновенно. Врачи констатировали смерть от инфаркта, хотя признались, что «картина не очень типичная». Если знать, чем занимался журналист и что у него было при себе, можно сделать однозначный вывод, что его убили.

Идея о том, чтобы устранить Пальме, возникла в голове «дровосеков» из Лэнгли в тот самый момент, когда шведский премьер собрался нанести визит в «империю зла» — в Советский Союз. В ходе подготовки визита в Москву У. Пальме составил секретный документ, в котором он излагал тезисы, касающиеся позиции Швеции по вопросу о превращении Балтийского моря в безъядерную зону. Перед резидентом ЦРУ в Стокгольме была поставлена задача добыть этот документ, и, судя по тому, что этот документ появился потом в одном французском журнале, стокгольмская резидентура ЦРУ с этим заданием успешно справилась.

Пальме не скрывал своей неприязни к империализму США, когда тот бесчинствовал во Вьетнаме. Весь мир обошла фотография с изображением антиамериканской демонстрации перед посольством США в Стокгольме, в первых рядах которой шел премьер-министр Швеции. Чашу терпения натовских стратегов переполнила информация о том, что Пальме выступает за закрытие натовских станций электронного слежения на северном фланге — в Швеции (Муске и Кариксфоне) и в Дании (в проливе Скагеррак). Пальме стали рассматривать как своего рода «агента влияния» КГБ (не исключено, что такой взгляд в НАТО стал преобладать не без участия предателя О. Гордиевского, который кроме шведа к агентуре КГБ причисляет финского президента У. Кекконена, израильского премьера Г. Меир, канцлера ФРГ В. Брандта).

А. Франкович не успел сделать фильм об убийстве

Пальме, зато успел написать книгу «Внутри лабиринта», в которой он подробно описывает, как шведская полиция заметала следы преступления, уводя следствие то по одному, то по другому ложному пути. Журналист убедительно показал, что странное поведение комиссара Х. Хольмера, руководившего следствием первый год после убийства Пальме, объясняется весьма прозаичными причинами. Х. Хольмер входил в засекреченную организацию НАТО, так называемую СОПС, в которую входят представители спецслужб стран этого альянса. Швеция не является членом НАТО, но она никогда не оставляла сомнений относительно того, на чьей стороне окажется в случае конфликта между Варшавским пактом и Североатлантическим блоком. Так было всегда при всех руководителях, и только Улоф Пальме попытался вывести Швецию на позиции равноудаленности от противостоящих блоков, чем и вызвал гнев в высшем эшелоне НАТО.

И скоро СОПС донес в Вашингтон, что «Дерево» уже настолько «выросло», что тянуть с его реализацией больше не имело смысла. СОПС создал в Швеции фиктивную фирму «Поргезе», через которую в страну на нужды «шведских друзей» потекли сотни тысяч долларов. Исполнителем операции в целях предосторожности был назначен иностранец, формально не связанный с шведскими ультраправыми кругами. Он был утвержден на специальном совещании СОПС в Уилтшире, Великобритания, в доме выходца из Швеции, тесно связанного с секретной ультраправой шведской организацией «Иггдразил». «Иггдразил» в переводе с древнескандинавского означает «дерево».

Представители спецслужб НАТО в Уилтшире остановились на бывшем агенте ЦРУ, снайпере, ставшем наемным убийцей после того, как прошел обучение в секретной охране иранского шаха «Савак». Французский журнал «Эвенман дю Жеди» утверждает также, что у агента ЦРУ был дублер, связанный с известной в недалеком прошлом итальянской масонской ложей П-2. При расследовании подрывной деятельности ложи итальянские спецслужбы наткнулись на

странный документ: магистр ложи Личо Джелли в телеграмме одному из американских членов ложи Филиппу Гуарино сообщал, что «шведское дерево скоро упадет». Полицейские недоумевали: какое дерево имел в виду масон и причем тут Швеция?

Все стало ясно через 72 часа после отправления телеграммы. Трое суток спустя был убит Улоф Пальме.

В конце послания Личо Джелли просил своего американского друга доложить об «этом нашему другу Бушу».

Джордж Буш (старший) возглавлял тогда ЦРУ.

Кто из наемных убийц — американец или итальянец — убил шведского премьер-министра, в общем-то не очень важно. Факт в том, что ЦРУ, вынашивавшее планы устранения неудобных США политических деятелей (взять хотя бы Ф. Кастро), совершило это грязное и черное дело, а заодно и убрало «мелкую сошку» Франковича.

Улоф Пальме, один из честных политиков нашего века, отчетливо разглядел истинную роль тех закулисных сил, которые дергают за ниточки и управляют миром по своему разумению.

И стал жертвой своего провидческого гения.

ПРЕДАТЕЛИ

Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его?

Мф., 26, 14 и 15

Тема измены и предательства всегда была актуальной для разведки. Меня часто спрашивают о том, почему даже здесь время от времени появляются иуды, что заставляет их пойти на такой шаг и отчего Службе не удается их заблаговременно обезвредить.

Предательство во все времена и у всех народов клеймилось позором. Предать своих, перейти на сторону врага всегда считалось делом низким и подлым независимо от того, какими мотивами руководствовался предатель, совершая такой поступок. В разведке предательство, как во всякой другой закрытой организации, всегда скандал, всегда большая беда и огромный ущерб — для Службы, государства, рядовых сотрудников. Противнику достаются тщательно охраняемые секреты, раскрываются тайные операции, расшифровываются и страдают конкретные люди. Предательство как бомба взрывает организацию изнутри, оставляя после себя обломки, развалины и едкую горечь дыма. Ликвидация (на профессиональ-

ном языке употребляется слово «локализация») последствий работы предателя восполняет потери лишь частично — служба еще долго будет приходить в себя, восстанавливать силы и утраченные возможности, перетасовывать кадры и заполнять образовавшиеся бреши. Тем не менее разоблачение предателя, пусть даже не пойманного и не привлеченного к ответственности, несет и положительный заряд. Его уже нет, и он больше не будет творить за спиной у товарищей свою подлую работенку. Это малое утешение, но на большее при таких обстоятельствах рассчитывать трудно.

Мне пришлось знать нескольких предателей. Они работали рядом со мной, я с ними встречался на работе и дома, «травил» анекдоты в курилке, доверял им, как можно доверять коллеге, товарищу и единомышленнику. Поэтому мне хорошо известно чувство горечи, разочарования и смятения, когда узнаешь, что, к примеру, Владимир Кузичкин, выходец из рабочей семьи, скромный парень, находясь в загранкомандировке в Иране, ушел к англичанам, а Олег Гордиевский, воспитанный в духе преданности делу Ленина и Сталина, с которым меня связывали почти двадцать лет знакомства и совместной работы, на самом деле много лет работал на СИС. И задним числом начинаешь восстанавливать в памяти некоторые детали их поведения, которые теперь кажутся подозрительными, и прояснять причины их поступков. Типичная ситуация для многих из нас, прозорливых задним числом!

А вот разоблачить предателя до того, как он нанесет непоправимый ущерб, никому пока не удается. Если, конечно, не поступит сигнал об этом от своего агента, работающего в службе, на которую завербовался предатель. Таким агентом для нас длительное время был легендарный Ким Филби, занимавший ответственные посты в СИС, или О. Эймс, наш «крот» в ЦРУ, и некоторые другие. Благодаря их наводкам советской контрразведке удавалось обезвредить предателей на самом раннем этапе их деятельности в пользу иностранных спецслужб.

А так, если предатель ведет себя правильно (а он и ведет себя правильно, потому что прошел такую же школу обучения, что и все вокруг), распознать его практически невозможно. Можно сузить размеры эвентуальной катастрофы от предательств и ужесточить меры конспирации, однако это только затруднит действия «крота», но не поставит крест на его подрывной работе.

Человек не рождается предателем. Почему же он им становится? Причин несколько, и за редким исключением за ними стоят корысть, чрезмерное честолюбие, малодушие, трусость и моральная распушенность. Естественно, что все перебежчики и изменники никогда не признаются в том, что они перешли на сторону противника из-за таких низменных интересов, поэтому обычно рядятся в тогу защитников демократии и борцов с тоталитарным режимом, ущемляющим их права. Возможно, это успокаивает их совесть на какое-то время, но не надолго. Судьба многих предателей печальна: выкачав из них всю информацию, службы противника утрачивают к ним интерес и предоставляют их на волю обстоятельств. Не у всех хватает мужества и стойкости достойно завершить свои дни на чужбине.

Очень часто кажется, что причиной для совершения рокового поступка для предателя служит незначительное, на первый взгляд, обстоятельство. Но это только внешнее впечатление, на самом деле благодатная почва для измены была подготовлена заранее, и не хватало лишь удобного случая, который бы привел в действие его спящий механизм. Показательным в этом отношении является случай с Георгием Агабековым, человеком энергичным, деятельным и не лишенным способностей.

Он был уже опытным разведчиком ИНО ОГПУ и одним из его талантливых руководителей, за плечами которого были не одна заграникомандировка и многочисленные вербовки иностранцев, когда он в октябре 1929 года прибыл в Стамбул, чтобы возглавить разведработу на Ближнем Востоке. Перед ним были поставлены широкие и важные задачи по раз-

вертыванию в регионе нелегальных резидентур, что свидетельствовало о полном к нему доверии со стороны руководства Службы. Но претворить в жизнь планы разведки новому стамбульскому резиденту было не суждено.

По прибытии в Стамбул он дал объявление в местной газете о том, что ищет учителя английского языка. На объявление откликнулась мисс Изабелл Стритер, дочь английского чиновника, работавшего в стамбульском отделении британской пароходной компании. Семья Стритеров была не очень богата, но уважаема, всеми уважаема и патриотична. Какой же шок должен был испытать мистер Стритер, когда перед ним открылась ужасная история: его двадцатилетняя дочь вступила в связь со своим 34-летним учеником! Никто не мог поверить, что их скромная, приятная, робкая и застенчивая девочка потеряла голову из-за какого-то восточного человека с безобразной внешностью и проявляет удивительное упорство и твердость характера перед всеми попытками членов семьи отговорить ее от продолжения связи.

Воспылал страстью к англичанке и опытный разведчик. Уже в январе 1930 года он открыл учительнице свою главную тайну, сообщив ей о принадлежности к советской разведке. Если бы она отвергла его, Агабеков планировал уплыть в Одессу прибывшим накануне пароходом. Но на мисс Стритер саморазоблачение ученика шокирующего впечатления не произвело, а наоборот, укрепило ее в еще большей привязанности к нему. Тогда резидент, не теряя времени, обратился в английское посольство в Турции с просьбой предоставить ему политическое убежище. Вместе с учительницей он решил выехать в Европу, жениться на ней и начать новую жизнь.

Дальше начались страсти, достойные пера Шекспира.

Агабеков в английском посольстве толкнул не ту дверь и вышел сначала на британского военного атташе. Атташе вежливо ответил перебежчику, что секреты ОГПУ его не интересуют, но он готов передать

предложение Агабекова о сотрудничестве компетентным учреждениям. Поскольку «компетентные учреждения» несколько недель не проявлялись, Агабеков с тем же предложением обратился к консулу Роджерсу, но и он никакого ответа не давал. Спустя три месяца его попросили написать подробную автобиографию, но и после этого дело о предоставлении политического убежища с места не двигалось. Перебежчик не знал, что спецслужбы Англии заподозрили его в нечестной игре. Для них не было тайной, что Агабеков воспылал любовью к мисс Стритер, но они полагали, что советский резидент планирует с ее помощью подобраться к секретам посольства, в котором работала старшая сестра Изабелл, а ранее машинисткой работала и сама возлюбленная Агабекова.

Время шло, наступило лето 1930 года, а Лондон загадочно молчал и не проявлял к советскому резиденту никакого интереса. Между тем старшие Стритер приняли свои меры и стали тщательно охранять свою младшую дочь и оберегать ее от всякого контакта с Агабековым. Дело доходило до того, что ее запирали на ключ в квартире и не выпускали на улицу. По британским законам Изабелл считалась еще несовершеннолетней, и Агабеков заволновался: выдержит ли его возлюбленная все эти испытания? И он решил не дожидаться ответа британских властей, а вместе с невестой бежать на Дальний Восток по фальшивому персидскому паспорту. В это время родители Изабелл пытались отправить дочь куда-нибудь подальше от Стамбула в надежде на то, что на расстоянии роман с Агабековым погаснет сам по себе. Удобным местом для этого им показался Париж, где проживала еще одна дочь Стритеров.

Но родители плохо знали младшую дочь и недооценили чувства, которые она питала к Агабекову. Они и понятия не имели, что все это время влюбленные поддерживали между собой тайную связь. Как только Изабелл сообщила возлюбленному о своем отъезде в Париж, Агабеков тут же изменил свои планы и решил тоже ехать в Париж, где скрывался его

старый знакомый, бывший советник советского посольства и перебежчик Беседовский. Некоторое время спустя Агабеков и мисс Стритер-младшая воссоединились в Париже.

Муж парижской сестры Изабелл Чарльз Ли, бывший дипломат и лейтенант английской армии, достаточно холодно встретил Агабекова и отверг все его предложения по поводу опубликования на Западе разоблачительных мемуаров перебежчика. Более того, узнав, что «проходимец Агабеков» является сотрудником ОГПУ, Ли обратился за помощью к английской разведке и французской контрразведке, чтобы нейтрализовать приставшего к свояченице «жениха». Перебежчик по совету Беседовского развернул в Париже активную антисоветскую деятельность, но французам это мало нравилось, им было достаточно и одного Беседовского, по поводу которого советское посольство постоянно осуществляло демарши. К тому же по просьбе Стритеров в дело вмешался английский консул, и скоро Агабеков был выслан в Брюссель. Изабелл отправили обратно в Стамбул, и казалось, что этот раунд противостояния с Агабековым семья Стритер выиграла.

Но англичане и французы плохо знали Агабекова. В августе он дал интервью газете «Чикаго трибюн», в котором пожаловался на свои скитания и безразличное отношение к судьбе большевистского перебежчика со стороны французского и английского правительств. А между тем он знает о том, что еще три высокопоставленных советских чиновника готовы перебежать на Запад, но боятся участи, подобной Агабекову. Интервью попало точно в цель. В сентябре в здании бельгийской контрразведки представитель «Интеллидженс Сервис» под видом сотрудника французских спецслужб капитана Дени встретился с Агабековым. Встреча не разочаровала ни одну из сторон. Но когда капитан Дени задал собеседнику вопрос: «Сколько?», имея в виду оплату стоимости услуг перебежчика, перебежчик сказал, что за свои услуги денег не потребует, ему нужно, чтобы ему помогли воссоединиться с Изабелл Стритер!

В результате Агабеков составил договор о сотрудничестве с британской разведкой, где основным условием был приезд Изабелл в Брюссель не позднее 1 октября 1930 года. Капитан Дени был опытный разведчик, но, столкнувшись с таким необычным прецедентом, не оценил всей ситуации в целом и поставил под договором свою подпись. Естественно, взломать семейную клетку, в которой сидела очаровательная уже совершеннолетняя Изабелл Стритер, было не так просто даже для британского правительства — тем более в такой короткий срок.

2 октября «капитан Дени» приехал в Брюссель и попросил у Агабекова отсрочки. Агабеков явился на встречу в подавленном состоянии, потому что узнал, что Изабелл находится в отчаянном положении и помышляет о самоубийстве. Ему ничего не остается, как самому поехать в Стамбул и попытаться выволить невесту из неволи. Чтобы отговорить перебежчика от этой безумной затеи, посланник СИС вызвал на помощь руководителя бельгийской контрразведки барона Ферхюльста. Вместе им удалось уговорить Агабекова повременить с поездкой в Стамбул еще две недели. За это время они обещали нажать на все рычаги, чтобы помочь Изабелл приехать к нему в Брюссель.

Как и следовало ожидать, две недели прошли впустую — англичанам никак не удавалось убедить супругов Стритер отпустить свою дочь к перебежчику. Агабеков согласился подождать еще неделю, а когда и этот срок прошел, он отправился в Стамбул. Он убедил свою квартирную хозяйку мадам Банкен и ее приемную дочь Сильвию принять участие в спасении Изабелл. Человек с безобразной внешностью обладал невероятной способностью влиять на женский пол. Бельгийки согласились помочь в такой романтической истории и поехали вместе с «Ромео» в Турцию.

Миссия мадам Банкен с дочерью провалилась с треском — им даже не удалось повидать Изабелл, не говоря уж о том, чтобы как-то помочь ей бежать. Сразу по прибытии они попали под наблюдение турецкой полиции, потому что мистер Стритер был насто-

ящим англичанином и был не менее упрям, чем его дражайшая дочка: он заподозрил, что ее хочет завербовать советская разведка, и обратился за помощью к турецким властям. Каждый, кто хотел связаться с Изабелл, автоматически попадал под подозрение. Мадам Банкен поспешила удалиться домой, оставив Сильвию бесполезно кружить вокруг дома, где жили Стритеры.

Наконец в дело вмешались британские власти и, ссылаясь на совершеннолетие Изабелл, потребовали от отца вернуть в консульство ее старый паспорт и взамен выдали ей новый. В ноябре 1930 года Агабеков получил из Стамбула долгожданную телеграмму: «Все хорошо. Счастлива. Изабелл.» Сильвию Банкен по настоянию самого перебежчика пришлось «снимать» с задания силком: она никак не могла примириться с тем, что освобождение к Изабелл пришло помимо ее вмешательства.

Невеста приехала в Брюссель, молодые в присутствии мадам Банке и Сильвии сыграли свадьбу и начали новую жизнь, о которой они так долго мечтали. Довольны были и руководители СИС: Агабеков не обманул их надежд и снабдил обширной и впечатляющей информацией об операциях советской разведки на Ближнем и Среднем Востоке, где он успешно работал до своей измены. Чувствительней всего были материалы о канале перехвата английской дипломатической почты в Иране, которым ИНО ОГПУ долгое время пользовался не без активного участия предателя.

Агабеков был первым крупным работником советской разведки, перебежавшим на Запад, и в отношении него московский Центр задумал коварный план по его ликвидации. Смертный приговор по разным причинам привести в исполнение сразу не удалось, и Агабеков получил в подарок несколько лет жизни, которые он посвятил борьбе с Советами и разоблачению их «коварной подрывной деятельности». Попутно он ввязался в сомнительную, контролируруемую ОГПУ операцию по вызволению из СССР семьи одного русского эмигранта, из-за чего он ме-

сяцами пропадал то в Болгарии, то в Румынии, то в Германии. Бельгийские власти, проведав об этом, послали его в Германию, где у Агабекова к этому времени уже были налажены кое-какие связи в издательских кругах. Англичане предложили ему стать их информатором, изнутри освещающим положение в Германии, на что Агабеков дал свое согласие.

В 1937 году ОГПУ приступило к реализации второй попытки ликвидации предателя. К этому времени в Испании бушевала гражданская война. Агабеков на данный момент испытывал денежные затруднения, и Москва не преминула воспользоваться этим. Через подставных лиц перебежчика вовлекли в брюссельский филиал синдиката, занимавшегося сбытом за пределы Испании картин, статуй и других ценностей, захваченных в испанских дворцах, музеях и церквях. Синдикат был организован по заданию Сталина советскими спецслужбами и был призван компенсировать расходы Советского государства на оказание помощи республиканцам. Некто Зелинский, руководивший Брюссельским синдикатом, через подставных лиц предложил Агабекову принять участие в торговле и распределении прибылей. Для этого нужно было регулярно выезжать на франко-испанскую границу и принимать ценности. Он согласился работать только на территории Франции, заявив, что пересекать испанскую границу ему опасно.

Агабеков погиб в Пиренеях. По одной версии, он все-таки не устоял перед соблазном получить более солидный куш непосредственно в Испании, где его и прикончили агенты ОГПУ. Согласно другой версии, он решил перехитрить агентов Сталина и оставить всех в дураках. Он якобы выбрал из прибывшей во Францию партии товара дорогую картину и попытался с ней скрыться, чтобы выехать в Южную Америку и начать там новую жизнь. Но рука Москвы все-таки настигла его и во Франции, куда агенты ОГПУ пробрались под видом республиканцев, устраивавших там время от времени рейды по ликвидации дезертиров.

Об обстоятельствах гибели Агабекова мог бы, вероятно, рассказать Швед, но, как я уже сообщил во время предыдущего привала, он хранил на этот счет молчание до самой своей смерти. Тайна эта ушла вместе с ним в могилу.

А что же Изабелл? Бурная жизнь мужа не могла ей понравиться, и в апреле 1936 года она развелась с ним и уехала в Англию. Она вернула себе девичью фамилию, окончила курсы машинисток и начала свою новую жизнь, которая, в отличие от предыдущего периода, была спокойной, размеренной и бесконечно скучной. Через пять лет она восстановила британское подданство, во время войны служила в женском вспомогательном корпусе ВВС Великобритании, в 1949 году поступила в Форин Офис, дослужилась до должности личного секретаря посла и в возрасте 62 лет скончалась в Нью-Йорке, где работала в английской миссии ООН.

Большая любовь не выдержала испытаний. Для Агабекова она оказалась лишь фоном для претворения в жизнь его изменнических намерений и для перенесения своей кипучей деятельности авантюриста на западную почву. Папа Стритер был прав, утверждая, что он не пара его дочери.

Конец 30-х годов прошлого века ознаменовался целой серией побегов сотрудников разведки НКВД на Запад. Одним из первых перебежчиков оказался Игнатий Рейс, направленный Москвой для организации нелегальной сети на территории США. Побудительной причиной ухода Рейса послужили начавшиеся в Москве чистки кадров разведки, но, как и в случае с Агабековым, Игнатий Рейс внутренне был уже давно готов к тому, чтобы порвать с НКВД и Советской Россией. Прежде чем уйти на Запад, Рейс написал Сталину обличительное письмо, и этим он сам себе подписал смертный приговор*. Его побег, слов-

* А. Орлов (Швед) тоже на прощание написал письмецо Иосифу Виссарионовичу, но предупредил его, что если его оставшаяся в СССР мать подвергнется из-за сына преследованиям, то он выступит с сенсационными разоблачениями действий НКВД, связанных с убийством Л. Троцкого. Угроза возымела действие, и Сталин оставил мать Шведа в покое.

но снежный ком, повлек за собой бегство других, связанных с ним в Европе оперативными делами коллег, в том числе Вальтера Кривицкого. Последний сделал решительный «прыжок в сторону» сразу после ликвидации Рейса в Швейцарии агентами НКВД и попытался найти убежище за океаном у своих друзей в Нью-Йорке. Но его разыскали и в Америке, в феврале 1941 года его нашли мертвым в отеле «Бельвю». Он оставил после себя посмертное письмо, из которого явствует, что он кончил жизнь самоубийством. Однако многие считали и до сих пор считают, что письмо сфабриковано и что он стал жертвой убийства, организованного ежовскими агентами. Кривицкий незадолго до этого выдал английской контрразведке более 100 агентов и полусотни оперативных сотрудников советской Службы в Англии, включая некоторых лиц из «Оксбриджской» пятерки.

Англичанин Гордон Брук-Шеперд в своей книге честно и беспристрастно описал одиссею советских перебежчиков на Западе. Его герои — зачастую мужественные люди, сделавшие предпочтение свободе на Западе перед служением режиму Сталина. За свободу многим из них пришлось расплатиться жизнью. Но не в этом, по Брук-Шеперду, заключается их трагедия — в конце концов некоторым из них удалось выжить. Трагедия заключается в полном равнодушии Запада к их судьбам и предупреждениям. Сколь бы ни возносила их тогдашняя пресса — Рейса, Кривицкого, Агабекова, Бажанова, Беседовского, сколь бы ни называли они себя борцами за свободу и справедливость, в глазах Запада, считает английский публицист, они оставались советскими агентами, готовыми продать себя за приличную плату западным спецслужбам.

Холодная война, ставшая для спецслужб противостоящих блоков настоящей горячей войной, также не обошлась без предателей. Но, Боже мой, какой контраст нашего циничного времени по сравнению с той довоенной эпохой, какая мелочность мотивов и побудительных причин, лежащих в основе всех побегов, измен и предательств! Перебежчики и преда-

тели 50-х — 80-х годов по сравнению с теми же Рейсом или Кривицким кажутся безликими типами, бледными теньями, прокрадывающимися к тарелке с тридцатью серебряниками. Деньги и материальные блага — вот что побуждало Пеньковского, Носенко, Гузенко, Дерябина, Голицына, Кузичкина, Богатого, Гордиевского, Ветрова, Пигузова, Петрова, Калугина и некоторых других изменить долгу, предать родину, службу и товарищей. Уязвленное честолюбие, болезненное тщеславие, полная беспринципность, низость, моральная распущенность, трусость и безволие — вот те сопутствующие этому личные черты характера, скрываемые от окружения и проявившиеся в нестандартных ситуациях. Будь они далеки от разведки и экстремальных ситуаций, они могли бы относительно спокойно доживать свой век в безвестности и скуке. Но, став носителями секретной информации и выдвинувшись на передний фронт борьбы, они увидели свой шанс и с тем или иным успехом для себя использовали его.

...Анатолий Голицын, сотрудник резидентуры ПГУ в Хельсинки, отвечавший за проникновение в спецслужбы противника, разругался с резидентом и в 1961 году попросил «политическое» убежище в американском посольстве. Сам перебежчик о мотивах измены рассказывал так:

Резидент В. В. Зенихов распекал Голицына за слабую работу по главному противнику (США, Англия, Франция), в то время как последний полагал, что критика эта неправомерна, ибо Зенихов «ничего не смыслил в контрразведке». На этой почве у них возникли разногласия, и Голицын решил «отомстить» КГБ, перебежав на сторону «наиглавнейшего» противника.

Его быстро переправили в США и представили руководству ЦРУ, в том числе заместителю директора Ч. Кэйбеллу и начальнику контрразведывательной службы Джеймсу Энглтону. Перебежчику оказали теплый прием, он произвел на всех положительное впечатление, и его стали рассматривать как источник особой важности. Впрочем, от внимания американцев не ускользнуло, что источник паталогически уп-

рям, чрезвычайно честолюбив и тщеславен и нетерпим к мнению окружающих. Д. Энглтон расценил эти качества скорее как положительные и взял его под свою опеку.

Контакт с Голицыным оказался и для Энглтона, и для ЦРУ фатальным. Хозяин подпал под влияние гостя, оказавшись в плену его бредовых идей и мыслей. Голицын с маниакальной непреклонностью не уставал повторять, что КГБ внедрило в ЦРУ своих агентов и что «кроты» так продырявили организацию, что она похожа на решето. Информация Голицына упала на благодатную почву. Энглтону были близки нарисованные перебежчиком картины — они часто навещали его самого, и он давно подумывал о том, чтобы очистить «фирму» от агентов Лубянки.

Эти планы при появлении Голицына на Вашингтонском небосводе стали претворяться в жизнь. Под подозрение были взяты десятки оперативных сотрудников, работавших по Советскому Союзу. Брали под подозрение всех, у кого фамилия начиналась на «К» и оканчивалась на «ский» — так сказал Голицын, а ему можно было верить. Потом Энглтон перешел на другие буквы алфавита, потому что память Голицына постепенно стала воспроизводить новые данные, с которыми он успел познакомиться или услышать от коллег во время работы в КГБ.

Людей отстраняли от работы, переводили на менее секретные участки, брали под «колпак», то и дело допрашивали и делали очные ставки. Работа аппарата, направленного своим острием против Советского Союза, стала пробуксовывать, потому что опытные кадры были ошельмованы, уволены или отстранены от работы.

«Охота на ведьм» продолжала набирать обороты, но, кроме сломанных судеб и обиженных людей, Энглтону в широко заброшенную сеть ни один агент Москвы не попадался. Это не смущало инициатора охоты, она продолжалась с еще большим рвением и упорством.

В это время в США обсуждалось дело Ли Освальда, застрелившего американского президента в городе

Далласе. ЦРУ по подсказке Голицына искало в этом убийстве след Москвы — ведь Освальд, до того как взять в руки снайперскую винтовку, жил и работал в СССР. Все карты перемешал «свалившийся с небес» новый перебежчик из Советского Союза — Юрий Носенко, сотрудник контрразведки КГБ, растративший во время командировки в Швейцарию служебные деньги и обратившийся за помощью к американцам. Носенко на допросах стал «выдавать» информацию, совершенно не согласующуюся с той, что поступала от Голицына. Он показал, что располагает достоверными сведениями о том, что Освальд никогда не был агентом КГБ. Он подверг сомнению масштабы инфильтрации ЦРУ агентами КГБ. Он стал разрушать тот информационный массив, который воздвиг до него Голицын.

Все это не понравилось Энглтону. Голицын был для него священной коровой, и забивать ее было запрещено. Вместо Голицына «забили» Носенко — Энглтон объявил его невменяемым и на четыре года упрятал в тюрьму. Чтобы не мешал выполнять намеченную программу. Между тем Голицыну стало тесно в Америке, а слух о его сенсационных разоблачениях проник во все дружественные ЦРУ службы. Нужно было консультировать и их, потому что бывший неудачный оперативник хельсинкской резидентуры ПГУ мог выступать специалистом по всем странам и регионам, а память его вмещала сотни и сотни новых фамилий и фактов.

Голицына отправили в турне. По пути в Лондон он заехал в Оттаву, из Лондона его попросили в Копенгаген, к нему на аудиенцию приезжали люди из Стокгольма, Бонна, Осло и других столиц. Результат всех этих консультаций и бесед был поистине разрушительным: везде по указке перебежчика принимались самые экстренные меры, кое-где закончившиеся даже громкими судами над советскими «шпионами» и самоубийствами оговоренных сотрудников спецслужб.

Вся эта вакханалия длилась почти 16 лет*. Работа

* Д. Уайз. Охота на «кротов». М.: «Международные отношения», 1994.

ЦРУ против СССР и стран социалистического лагеря была почти полностью парализована. Разведслужбы стран НАТО барахтались в грязной воде, оставленной после «помывки» с Голицыным. Потом, конечно, «справедливость» восторжествовала, Носенко освободили из тюрьмы и признали его правоту, Энглтона уволили на пенсию, а Голицына... Впрочем, ничего серьезного с ним не произошло. Он еще долго морочил голову западным советологам и кремленологам, морочит, кажется, и сейчас.

Ну что делать — человек наконец нашел себя.

Примерно аналогичная ситуация возникла в недрах английской контрразведки МИ-5, когда в Оттаве в 1945 году сбежал шифровальщик резидентуры ПГУ Игорь Гузенко. Получив от него довольно расплывчатое описание советского «крота», занимавшего в МИ-5 якобы высокий пост и связанного в прошлом с Россией, контрразведчики приступили к его поиску. Подозрение пало на Роджера Холлиса, который в ходе латентного и длившегося многие годы расследования поднялся по служебной лестнице до директора МИ-5. Понятное дело, что сделать подкоп под своего руководителя контрразведчикам было не так просто.

Расследование возглавил комитет, образованный из представителей обеих служб — МИ-5 и МИ-6. Они исповедывали в отношении Советского Союза крайне правые взгляды и получили неформальное название «младотурки». В своем рвении они заходили так далеко, что Роджеру Холлису приходилось их сдерживать, что, естественно, только увеличивало их подозрения. С приездом в Лондон «консультанта» Голицына подозрения «младотурков» превратились в идею фикс. Все провалы, которые имели место у английской разведки и контрразведки, «младотурки» списывали на Холлиса. Даже после отставки Холлиса в 1964 году расследование его просоветской деятельности продолжалось. Окончательной ясности на этот счет не существует и поныне*.

* Ф. Найтли. Шпионы XX века. М.: «Республика», 1994.

Противостояние разведок — это форма борьбы, а в борьбе бывают потери, ошибки, издержки. Предательство — это цена за благодушие, самоуспокоенность и упущения в подборе и воспитании кадров. Но если взглянуть на вещи беспристрастно, по-философски, то следует признать, что без предателей не существовало бы и разведки. Мы считали и будем считать Кима Филби и его английских коллег по работе нашими идейными товарищами и верными союзниками, в то время как в СИС, где он много лет проработал, его считают предателем. И это естественно: пока будет деление на «своих» и «чужих», будут предатели и верные агенты.

И такое положение вещей вряд ли изменится в обозримом будущем.

ЗАПОЛЯРНАЯ РЕЗИДЕНТУРА

*Грумант угрюмый, прости!
На родину нас отпусти!
На тебе жить так страшно —
Бойся смерти ежечасно.*
Из старинной поморской песни

Путь на архипелаг длиною в пять лет

*Моцарт: Признаться, мой
реквием меня тревожит.
Сальери: А ты сочиняешь
реквием? Давно ли?*

А. С. Пушкин

По возвращении из Швеции моя семейная лодка получила пробоину, в результате чего и служебная карьера на какое-то время была приостановлена. Во всех спецслужбах не приветствуются разводы с женой, и разведка КГБ не являлась в этом плане каким-то исключением. И хотя меня на «гражданку» не уволили, и удалось, что называется, остаться на плаву, рассчитывать на быстрое продвижение по служебной лестнице или на интересную работу за границей было уже трудно.

Проработав несколько лет в одном и том же отделе нелегальной разведки, я начал уставать, понемногу тупеть и страшно скучать по настоящей оперативной работе, поэтому перевелся в другой, смежный отдел управления, но и там по прошествии нескольких лет стал «закисать» ввиду явного отсутствия перспектив выйти на передний фронт работы.

В это время моим коллегам из англо-скандинавского отдела понадобился руководитель точки в Ба-

ренцбурге. Лучшего места для того, чтобы успокоить расшатавшиеся в первопрестольной нервы и удовлетворить жажду оперативных приключений, на земном шарике найти было трудно. Конкурс в это непрестижное разведывательное захолустье практически отсутствовал, оставалось только договориться с моим начальством, чтобы «отпустило».

Не знаю, как сейчас, но тогда получить «отпуск» было так же трудно, как крестьянину поменять помещика после введения пресловутого Юрьева дня. Переход в другое подразделение нужно было сделать деликатно, не задевая струн чувствительной природы начальника. Нужно было договориться с руководителем нового подразделения о том, чтобы он сам обратился к начальнику и попросил отпустить к нему подполковника Григорьева, потому что без него ему никак не решить возникших оперативных проблем в заданном регионе Европы или Азии. Упаси Бог приходить самому к своему начальнику и лично просить отпустить тебя к другому! Нет, надо чтобы инициатива исходила со стороны, иначе все может быть истолковано как «заговор с целью нарушения неписаных правил лояльности и преданности любимому подразделению».

Примечательно, что этот прием — личное обращение с просьбой разрешить перевестись в другой отдел — некоторыми хитрецами использовался в других целях, а именно: для повышения в звании или должности. Известно, как начальство не любило торопиться с продвижением подчиненного состава и без всяких видимых и объективных причин задерживать представления на очередное звание или должность. Нас все время считали молодыми, хотя некоторым переваливало на пятый десяток. В свое оправдание руководители всегда приводили примеры из собственной практики, согласно которой они ходили в капитанах или майорах двойной срок, а не в меру ретивым объявляли: «А вы, батенька, еще и карьерист!» Так вот, для того чтобы ускорить решение на получение очередного звания, нужно было при-

ти к начальнику и попросить его отпустить в соседнее «дружественное» подразделение, где обещали сразу «дать подполковника или помощника начальника отдела». Начальник начинал волноваться и уговаривать остаться, потому что уже завтра он даст указание написать на тебя представление к очередному званию.

...Начальство не стало препятствовать моим планам, и я приступил к подготовке командировки на Шпицберген. До отъезда на архипелаг оставался месяц, и, завершая подготовку, я наносил последние визиты руководителям различных заинтересованных в моей будущей работе подразделений.

Майским светлым днем 1986 года, пребывая в сладостно-томительном предвосхищении момента представления с Большой Землей, я шел по длинному коридору в кабинет моего будущего непосредственного шефа, начальника англо-скандинавского отдела, чтобы получить от него на прощание некоторые «ЦэУ», без которых не обходилась ни одна моя командировка.

Я уже протянул руку, чтобы толкнуть дверь, как рука моя провалилась в пустоту, потому что кто-то тянул дверь на себя. Удержав равновесие, чтобы не упасть на выходящего из кабинета посетителя, я увидел перед собой улыбающегося... Олега Антоновича Гордиевского собственной персоной.

— Боря, привет!

— Привет, Олег. Какими судьбами?

— Да вот приехал в командировку.

Мне было известно, что Гордиевский находился в командировке в Лондоне и что его кандидатура «котирировалась» на должность резидента. После завершения своей второй миссии в Копенгагене, длившейся не менее пяти лет, он вернулся в Центр, но «просидел» в Москве не долго и сразу был оформлен в командировку в Великобританию в качестве старшего сотрудника информационного обеспечения лондонской резидентуры.

После Копенгагена Гордиевский развелся со своей женой, с которой прожил более двадцати лет, и

женился на другой женщине, с которой познакомился все в том же Копенгагене. Не знаю, что из себя представляла его вторая жена, потому что никогда ее не видел, но в отличие от первой она за короткое время родила ему двух детей. По национальности она, говорят, была азербайджанкой и работала технической сотрудницей европейского отделения ВОЗ* в Дании.

Поскольку причина для развода с первой женой была в общем-то уважительной — бездетность, никаких последствий для его служебной карьеры он не имел. Да и вообще Гордиевский считался на службе способным, перспективным и безупречным в моральном отношении работником, так что развал семьи никто не мог поставить ему в упрек.

Между Копенгагеном и Лондоном у нас с Гордиевским было несколько случайных встреч в коридорах или в столовой служебного здания и коротких бесед на безобидные темы типа «как дела — как семья», потом его стажировка перед Лондоном, во время которой он обходил все или почти все подразделения разведки, работающие по данному региону. Не прошел он мимо и нашего управления, из которого, собственно, вышел и в котором его хорошо знали. Приняли в управлении нелегальной разведки стажера гостеприимно, памятуя о его происхождении и работе в прошлом, и по установившейся практике не преминули «загрузить» или «озадачить» на полную катушку. Его подробно посвятили в достаточно пикантные дела конкретных нелегалов и попросили «по старой памяти» помочь в решении некоторых вопросов в Англии.

Никто из отъезжающих никогда от заданий не отказывался, даже если они заведомо казались невыполнимыми. Не отказался от них и Гордиевский. Не могу сказать, как он выполнял свои обязательства перед «родной» нелегальной Службой, но скажу только, что связь с ним для Службы вышла «боком».

Но об этом позже.

* Всемирная организация здравоохранения.

...Гордиевский появился в Лондоне в тот самый момент, когда между обеими странами в самом разгаре была т. н. визовая война. По окончании командировки с берегов Темзы исправно возвращались на родину сотрудники резидентуры, а на замену им никто на этих же берегах не появлялся, потому что англичане не выдавали им визу. При этом «меткость стрельбы» была изумительной, потому что пораженными оставались только мишени ПГУ КГБ, остальные же службы и ведомства осуществляли замену своих сотрудников планоно и почти бесппроблемно.

Дошла очередь и до резидента. Центр долго тянул с его заменой, но момент все-таки наступил. Резидент вернулся в Москву, а его кандидату на замену в визе было отказано. Тогда Центр тщательно «прошерстил» свои кадры и сделал новый заход, послав на визу совершенно нерасшифрованного полковника, но результат был тот же. Нашли третьего, четвертого, но англичане стояли на своем и упорно не пускали «козла» в свой огород.

В лондонской резидентуре уже никого из старших сотрудников не оставалось. Кроме Гордиевского.

И тогда Центр пришел к естественному решению назначить резидентом его, уже «сидевшего» в стране. Слух об этом назначении мгновенно распространился в компетентных кругах, и я тоже узнал, что Олег Антонович скоро должен был появиться в Москве для официального утверждения в статусе руководителя одной из самых престижных и важных точек разведки. Признаться, несмотря на многие положительные деловые качества Гордиевского, я считал, что в руководители такой ответственной заграничной точки он подходил мало. Он хорош был как кабинетный работник, но опыта вербовочной работы не имел, с людьми был слишком сух и формален.

...Он некоторое время стоял передо мной, улыбаясь своей характерной «земноводной» улыбкой, а потом все-таки закрыл за собой дверь, приглашая меня на короткий разговор.

— Слушай, — начал он, — я сейчас в беседе с шефом узнал, что ты едешь резидентом в Баренцбург.

— Да, это так.

— Поздравляю. Я постарался охарактеризовать тебя с самой лучшей стороны. Сказал, что Шпицберген — это не тот масштаб для такого грамотного, способного и вообще перспективного работника.

Гордиевский всегда отличался распространением неумеренных и довольно фальшиво звучащих комплиментов в присутствии самого адресата.

— Спасибо. Как ты сам-то?

— Я приехал на пару недель на утверждение.

— Ты молодец. Такое назначение ко многому обязывает. От души поздравляю.

— Спасибо. Надо было бы как-нибудь встретиться, поболтать.

— Нет проблем. Звони, как будешь свободен.

— Отлично. Ну, я побежал, мне еще надо заскочить кое-куда.

— Конечно, конечно.

Мы обменялись домашними телефонами, Гордиевский ушел, а я открыл дверь и пошел на беседу к начальнику.

Прошел примерно месяц с того времени, как я встретил Гордиевского, но он мне так и не позвонил. Признаться, я не горел желанием встречаться с ним в интимной обстановке — слишком свежи были впечатления от его холодного отношения ко мне в Копенгагене. От своих знакомых я узнал, что дело с назначением его резидентом в Лондон слегка подзатянулось, и ему предложили уйти пока в отпуск, чтобы подправить пошатнувшееся на оперативном поприще здоровье. Для этого всегда оставляли свободные места в подмосковной санатории КГБ в Кратово. Туда он и уехал. Ясно, что позвонить он мне не мог, потому что в Москве его не было.

Между тем я уже заказал билет на самолет для себя и жены до Баренцбурга и потихоньку собирал и паковал вещички. В июньское жаркое утро на снимаемой нами квартире зазвонил телефон.

— Борис Николаевич? Говорит дежурный по управлению. Вам надо срочно явиться на работу.

— А что-нибудь случилось?

На другом конце провода возникла пауза, потом дежурный сказал:

— Вы приезжайте и обо всем узнаете на месте.

Я сразу подумал о предательстве. Последнее время месяца не проходило без известий о том, что тот или иной сотрудник разведки ушел на Запад. Коллектив разведчиков был взбудоражен этим бедственным явлением чрезвычайно. Удары сыпались на Службу один за другим, и она, не успев оправиться от одного, принимала на себя уже другой. ПГУ гудело от всех разговоров и пересудов на эти темы, как улей. Время было тревожное, как при затишье накануне большой грозы.

Человек ко всему привыкает, в том числе, вероятно, и к предательству.

Со временем оперсостав ПГУ, отупев от всех передряг, перестал так остро реагировать на уходы своих бывших коллег к противнику и воспринимал их как неизбежное зло. Да и руководство, кажется, считало их необходимым атрибутом, сопровождающим опасную работу по выполнению почетных заданий партии и правительства в новых социально-исторических условиях. Правда, когда снаряд ложился рядом или прямо попадал в тебя, было уже далеко не до философии.

...Дежурный попросил меня зайти в кабинет номер такой-то. Мой старый товарищ и наставник Геннадий Степанович Снигирев, теперь уже тоже ушедший безвременно в мир иной, сидел за столом, заваленным горой оперативных досье и файлов.

— Степаныч, что случилось?

— Что случилось, тра-та-та-та? Сбежал твой лучший друг Гордиевский!

— Гордиевский?! Не может быть.

— Может, тра-та-та-та!

— Когда?

— Сегодня ночью?

— Как?

— Из санатория в Кратове. Обманул «наружку» и сбежал.

— «Наружку»? Он что: был в разработке?

— Судя по всему. Командировка в Москву была легендой.

— Англичане?

— Похоже, да.

— И что же теперь?

— Сейчас надо срочно определить, к каким делам он у нас имел доступ.

— Проще сказать, к каким он не имел доступа.

— Вот именно, тра-та-та-та!

Все воскресенье мы со Снигиревым занимались «локализацией провала», но работу до конца завершить не успели, охватив только основные и самые важные дела. В таком же режиме провели выходные сотрудники других подразделений, с которыми в той или иной степени «сотрудничал» предатель с двадцатитрехлетним стажем работы в разведке. Последствия предательства даже на первый взгляд были весьма разрушительными, а последующие обобщения и анализ только усугубляли предварительную картину нанесенного Службе ущерба.

Из рассказов «посвященных» товарищей стало постепенно известно, какие события предшествовали побегу Гордиевского.

Во-первых, вызов предателя в Москву для утверждения его в правах резидента лондонской резидентуры был только предлогом. Вообще-то Центр действительно планировал сделать его резидентом, но затем в его распоряжение, очевидно, попала информация о предательстве кандидата, и он был взят в оперативную разработку*.

* Сам Гордиевский теперь утверждает, что выдал его известный Олдрич Эймс. Вероятно, СИС «похвасталась» своей вербовкой перед американцами, а Эймс работал в ЦРУ именно на таком направлении, где смог узнать об успехах своих союзников. Если это так и было, то англичане после разоблачения Эймса были по крайней мере «квиты» с американцами и «отомщены» за проявленное к ним со стороны спецслужб США традиционное недоверие. Если Большой Брат всегда считал англичан ненадежными партнерами, то теперь такие претензии англичане могли предъявить к ЦРУ.

Разработка шпионов — прерогатива контрразведывательных органов, поэтому Гордиевским занялись Второе и Седьмое управления КГБ. Не скажу, что на их плечи свалилась легкая задача, но тем не менее справились они с ней не самым лучшим образом. Вероятно, добыча уликовых данных на предателя затянулась по времени и не укладывалась в сроки, ограниченные легендой оформления его на пост резидента. Опытный оперработник, Гордиевский, возможно, стал подозревать вокруг себя что-то неладное.

Посудите сами. На первой же беседе с ним руководство разведки потребовало от него положить на стол загранпаспорт.

— Он тебе теперь не понадобится: как резиденту тебе будет выдан паспорт советника посольства, — заявил ему заместитель начальника Первого Главного управления.

Было бы более-менее естественно, если бы эту чисто техническую операцию осуществил обычный кадровик, но когда за нее взялся генерал, то это могло навести на некоторые размышления.

Оформление на должность резидента было отложено под предлогом поправления здоровья кандидата. Гордиевскому предложили отдохнуть пока в санатории КГБ в Кратове.

На одной из «посиделок» по случаю прибытия заграничного работника из командировки с участием некоторых непосредственных начальников предателю были заданы вопросы, по характеру которых опять-таки можно было сделать вывод о том, что его в чем-то подозревают.

Не исключено, что пущенная за ним «наружка» в чем-то проявила неосторожность и была им расшифрована.

Проанализировав эти и, возможно, другие отмеченные факты, Гордиевский принял решение бежать. На случай опасности СИС снабдил его специальным планом, согласно которому он должен был связаться с ее резидентурой в Москве и нелегально переправлен через советскую границу.

В субботнюю ночь предатель, усыпив бдительность бригады наружного наблюдения в Кратове, сумел незаметно исчезнуть из санатория, сесть на поезд и незамеченным выехать в район Выборга, где у него якобы была намечена явка с сотрудником СИС. Далее, как рассказывает сам Гордиевский, его посадили в багажник автомобиля с дипломатическим номером и бесконтрольно вывезли на территорию Финляндии. Уже в среду британские власти объявили, что Гордиевский находится в Лондоне и попросил у них политическое убежище.

Возможно, так оно и было, хотя у меня есть серьезные основания сомневаться в том, что напуганный предатель рискнул пуститься в такой длинный путь из Москвы на поезде, понимая, что его, возможно уже давно хватились и объявили в розыск. Скорее всего он встретился с представителем резидентуры СИС еще в Москве и проделал весь путь до Финляндии, лежа в душном багажнике автомобиля с дипломатическими номерами. Этот вариант побега предоставлял ему минимум комфорта и максимум унижений, а потому был вреден и неудобен для его будущего имиджа политического борца с тоталитарным режимом. Вот он и придумал для себя более «достойный» путь перехода на Запад.

Последствием предательства «коллеги» Гордиевского были десятки, если не сотни расшифрованных сотрудников разведки, несколько важных агентов из числа иностранцев, попавшая в руки противника ценная информация о структуре и методах работы подразделений разведки, КГБ, ЦК КПСС, МИД и других ведомств. Морально-психологический эффект от предательства был весьма и весьма ощутим. Из всех перебежчиков 70-х и 80-х годов он все-таки выделялся и своим достаточно высоким служебным положением, и степенью информированности, и, надо признаться, интеллектом.

Последствия этого предательства ощущаются в Службе до сих пор.

Для меня лично дело Гордиевского, получившее псевдоним «Хамелеон», имело своим непосредствен-

ным результатом отмену командировки на Шпицберген и ограничение оперативной деятельности рамками своей необъятной страны. И хотя виза для поездки в Баренцбург не требовалась, отпустить меня в командировку, пока не улеглась пыль от дела «Хамелеона», руководство не решилось.

Я вернулся в свой отдел, где моя бывшая должность была уже занята, и проработал в нем еще пять лет, имея единственный шанс поехать на работу в ГДР. Но маячившая передо мной все эти годы перспектива поездки в Представительство КГБ при МГБ ГДР за несколько часов испарилась, как «сон, как утренний туман» по причине скоротечного исчезновения самой ГДР. До отъезда из Москвы оставался месяц-полтора, когда в одну ночь была снесена берлинская стена, и объединение двух Германий оформилось де-факто. Аппарат Представительства мгновенно стал «худеть», сокращаться, а потом и вовсе был ликвидирован, потому что аккредитоваться ему было уже не при ком.

Если для меня лично ликвидация аппарата Представительства на фоне объединения ГДР с ФРГ стала досадной причиной, перечеркнувшей планы очередной заграничной командировки, то для Службы и страны — это особая глава, глава неприглядная, местами позорная, потому что как начиналась она бесславно и похабно у берегов Мальты, так же и закончилась спустя несколько месяцев. Советский Союз и, к прискорбному сожалению, его разведка оставили там на произвол судьбы все свое достояние и честь, сдав западно-германским спецслужбам и судебным властям своих верных людей и помощников. Когда канцлер Коль специально спросил Горбачева, как им поступать с бывшими сотрудниками спецслужб ГДР, тот отмахнулся и ответил: «Вы немцы, вот и разбирайтесь сами!». И «победители» разобрались!

Сохранив на память кусок бетона из берлинской стены, подаренный мне вернувшимся из ГДР коллегой, я вновь устремил свой взор на север. Север как таковой был для меня «терра инкогнита» и манил своей экзотикой и возможностью решить хотя бы

временно остро вставший после развода пресловутый квартирный вопрос. В Баренцбурге опять освобождалась вакансия руководителя точки, и я опять попросился на Шпицберген.

Руководство отдела, озабоченное тем, как бы пристроить слонявшихся без дела «гэдээровцев», не возражало против осуществления моих планов. Я ушел из отдела завершать начатую пять лет тому назад подготовку в Баренцбург, а на мое место тут же была оформлена соскучившаяся по работе жертва объединения двух Германий.

На сей раз оформление в ДЗК прошло без всяких осложнений, и 23 февраля 1991 года мы с женой сели в самолет «Аэрофлота», чтобы через несколько часов, после промежуточной посадки в Мурманске, благополучно приземлиться в аэропорту норвежского поселка Лонгйербюен.

Сбылась еще одна мечта идиота!

Оперработник поднял бокал с вином и предложил агенту вышить за сбычу мечт.

Вот он, Шпицберген!

Шпицберген, Грумант, Свальбард, Новая Земля короля Якова...

Каких только названий не удостаивалась эта группа островов за полярным кругом, зажатая в ледяные воды Баренцева, Гренландского и Норвежского морей между 76° и 81° северной широты!

Шпицбергенем архипелаг был назван голландцами за островерхие горные вершины, которые представлялись их взорам при подходе с юго-запада.

Имя «Грумант» он получил в конечном итоге от русских поморов, полагавших, что это — часть загадочной Гренландии.

Свальбардом — Прохладным краем — наименовали его норвежцы.

Льстивые английские моряки решили угодить своему королю и дали ему имя Новой Земли короля Якова.

В наши дни весь мир пользуется названием «Шпицберген», за исключением упрямых норвежцев, которые, не желая уступать русским приоритета в открытии архипелага, продолжают называть его Свальбардом, в то время как Шпицбергеном на их картах значится самый крупный, наиболее освоенный и изученный остров архипелага.

Название «Грумант» осталось лишь за брошенным в 60-е годы советским поселком в заливе Ис-фьорден.

А вообще-то в создании географической топонимики Шпицбергена наряду с русскими, голландцами, норвежцами и англичанами участвовали также шведы, датчане, американцы, немцы, итальянцы, поляки и представители других наций, о чем свидетельствуют такие названия, как плато Ломоносова, мыс Старостина, Русская возвышенность, мыс Ермака, остров Русский, остров Датский, остров Шведский, Земля принца Карла, Земля короля Карла, Земля Норденшельда, остров Амстердам, озеро Линнея, поселки Баренцбург и Лонгйербюен, острова Фипс, Парри, Чермсайд... Шпицберген привлекал к себе наиболее предприимчивых и рискованных представителей Европы, которых не пугали ни льды, ни торосы, ни долгая полярная ночь, ни сбивающие с ног ветра со снегом, ни цинга, ни голод.

Исландия — Ледовая страна — вот подходящее название для этой земли, почти наполовину покрытой толстенными ледниками.

Среднегодовая температура измеряется здесь минусовыми величинами, короткое лето похоже на позднюю осень Подмосковья, полярная ночь длится с конца октября до середины февраля. Отсутствие деревьев и кустарников в привычном для нас смысле, резкие колебания атмосферного давления и температуры, усиленная магнитная активность, нехватка кислорода, сильные продолжительные ветры, метели, или, как их здесь называют, заряды зимой, дожди летом, — все это делает архипелаг мало уютным местом.

Но заберись на любую вершину, поднимись на вертолете или самолете — и твоему взору предстанет

величественная молчаливая картина, полная суровой таинственности, достоинства и необычайной красоты. Игра красок неба и моря, дымка над ледниками, пестрые пятна мхов и лишайников, серо-свинцовый, а местами черный, как уголь, камень, яркий ослепительный альпийский снег оказывают паразитическое влияние на человека, очаровывают и восхищают его, захватывают в плен, полностью подавляют своей божественной силой, делают его своей безвольной маленькой частицей.

Побывав здесь однажды, ты захочешь вернуться сюда вновь, чтобы забыть суетную мелочность повседневной материковой жизни, слиться с природой, очистить душу от тлетворных издержек цивилизации.

Но человек не был бы человеком, если бы не пытался привнести и сюда свою человеческую бесполовую сутолочность, объясняемую не только природой самого умного «животного» на Земле, но и климатическими особенностями архипелага. Чем ближе к полюсу, тем сильнее чувствуется земной магнетизм, а длительное воздействие магнетизма на человека пока еще совсем не изучено.

Там, на северной Крыше Земли, у людей съезжает «крыша».

А вот его парадоксы

Далеко от Москвы, в объятиях природы...

М. А. Дмитриев

Самолет, битком набитый шахтерами, их женами и детьми, вот-вот готовый лопнуть от звонких криков, исторгаемых из молодых и здоровых украинских глоток, вдруг в полной тишине пошел на снижение. Уши, как полагается, заложило; все притаились и с замершими в легком испуге лицами приготовились к контакту с расположенной у «черта за куличками» землей. Хотя машина еще не вырвалась из плотных облаков, можно было легко почувствовать,

что снижение сменилось резким подъемом, а потом падением в пустоту.

— У-у-уххх! — вырвалось у всех одновременно, и в глаза ударил мягкий, но мощный свет. Слева по борту стремительно промчались кочки и сугробы какой-то тундры, потом пейзаж резко изменился, и в километре-двух показалась красивая шапка горы, из-под снежного покрова которой местами проглядывала черная каменистая порода. Справа было что-то вообще непонятное: совсем рядом возникал громадный каменный, нет, пожалуй, мраморный дворец, выстроенный в стиле то ли барокко, то ли рококо. Он геометрически правильно преломлялся на две половины и создавал жуткую по своей пронизывающей красоте картину. Трудно было сказать, которая половина была настоящей: та, что сверху, или та, что отражалась в свинцово-зеркальной поверхности моря.

Не успев как следует рассмотреть «дворцовый комплекс», мы, почти касаясь колесами шасси застывшей в гордом молчании водной массы, стремительно ворвались в узкую долину и тут же затряслись в креслах. Показались какие-то ангары, строения, офисы, фигуры людей, автомашины и кары. ТУ-154 приземлился в аэропорту Лонгйербюена.

Выходя из самолета и спускаясь по трапу, я почувствовал, что кто-то или что-то толкнуло меня в грудь, не давало свободно вздохнуть, а на мокром льду взлетно-посадочной полосы вообще мешало продвигаться вперед. Потом я к этому привыкну — это дул обычный шпицбергенский ветер, постоянный спутник дня и ночи, зимы и лета, достигающий иногда скорости до 40 м в секунду.

При полете нам объявили, что за бортом плюс несколько градусов по Цельсию, но мы не поверили, что в этих широтах в разгаре зимы возможны оттепели. Однако это оказалось так: течение Гольфстрим чувствуется и на юге Шпицбергена.

После непродолжительного знакомства с пограничниками, одетыми в норвежскую полицейскую форму, мы вышли в холл, где нас встретили представители консульства и резидентуры. Консул Леонид

Еремеев тоже оказался здесь, потому что собирался вылететь в командировку в Осло. Мы поговорили с ним несколько минут, а потом он отправился по своим делам, а мы — по своим. Местный представитель «Аэрофлота» рассортировал всех вновь прибывших на «баренцбургских» и «пирамидских», а потом — на партии, потому что всех вместе с багажом за один рейс забрать было невозможно, и стал командовать посадкой в вертолеты.

По пути в Баренцбург, сделав большой вираж, мы опять облетели «замок Тюильри» (так я мысленно называл нависший над Ис-фьордом каменный берег), и продолжили двадцатиминутный полет над морем. На мысе Хеер, на котором располагался жилой поселок и база вертолетного отряда, полет закончился, и мы пересели в автомашины, которые, преодолев по укатанному насту трехкилометровое расстояние до Баренцбурга на второй передаче, через четверть часа подъехали к консульству.

Уже наступили сумерки — полярный день только еще начинался и был коротким. Не успели мы с женой распаковать самое необходимое, как в дверь к нам уже постучали. На пороге стояли две или три молодые женщины с тарелками в руках, на которых лежала еда:

— Это вам подкрепиться с дороги, а через пару часиков просим в каминный зал на общий ужин.

Таково баренцбургское гостеприимство, которое нас до глубины души тронуло. Вечером мы сидели вместе со всеми сотрудниками и их женами за большим столом в каминном зале, слушали шорохи полярной ночи за окном и смотрели, как пляшет огонь в камине и бросает причудливые тени на стены, на огромный гобелен, созданный ленинградскими мастерами, на котором изображены портреты русских и норвежских полярников под причудливым сполохом северного сияния. Если приглядеться внимательней, то на рисунке можно прочесть слова «Terra Incognita».

Мне показалось тогда, что я прилетел на другую планету.

...В резидентуре и консульстве, как выяснилось, нас ждали: одни с нетерпением, другие — с настороженностью, а третьим наш приезд вообще оказался некстати. Такого расслоения малочисленной советской колонии по такому незначительному поводу мне наблюдать не удавалось ни в Копенгагене, ни в Стокгольме.

Чем меньше коллектив заграничников, чем дальше он удален от Москвы, тем яростней клокочут в нем мелкие страсти, которые обуревают его отдельных членов. Такая социально-историческая закономерность была выведена мной за время пребывания на Шпицбергене. Но все «мелочи жизни» тонут в величии окружающей природы, и хочется вспоминать только о хорошем.

Мой предшественник был отозван из Баренцбурга за пьянку и самодурство, и более полугода точка была предоставлена самой себе. Если учесть к тому же, что в стране начался несусветный кавардак, что все оперработники оказались за границей впервые и что подбор кадров в такие непопулярные края, к сожалению, осуществляется по остаточному принципу, то легко себе представить, с какими проблемами пришлось столкнуться в самом начале моей «руководящей» деятельности. Приходилось преодолевать укоренившиеся привычки, лень, инертность, боязнь и — что тут скрывать — недобросовестность. К примеру, надо было наводить порядок в финансовых делах или принимать экстренные меры к одному оперработнику, который по окончании срока командировки отказывался возвращаться обратно в Москву.

Обращает на себя внимание повышение дисциплинированности «Ж»: раньше он опаздывал на работу, а теперь предварительно звонит по телефону и просит не волноваться, что опаздывает на 40—50 минут.

Настороженно к моему появлению в поселке отнеслись «рудничные» и чистые консульские сотруд-

ники. Им предстояло жить вместе с представителем пресловутого КГБ, поэтому они не торопились делать выводы, наблюдали пристально за каждым моим шагом и сравнивали эти шаги с действиями отозванного резидента. Постепенно сравнения все чаще стали делаться в мою пользу, и между мною и моими коллегами установились неплохие отношения.

Время для воспитания молодых кадров выпало чрезвычайно неблагоприятное. Демократизацию жизни и либерализацию советских порядков на последнем этапе «перестройки» некоторые работники в консульстве, как и вообще в стране, восприняли как сигнал к своеволию, неповиновению и нарушению дисциплины. Был и среди работников резидентуры откровенный бездельник, которого мне за пятнадцать месяцев пребывания в Баренцбурге так и не удалось заставить работать в полную силу.

Поскольку т. Стас ничего в резидентуре не делает и противнику не известно, чем он занимается, считаем целесообразным продлить срок его командировки.

В баренцбургской жизни я столкнулся со многими парадоксальными явлениями. Один из вопиющих — само консульство. Ни одна дипломатическая служба не имеет такого уникального консульского учреждения, как советская, а теперь и российская, на Шпицбергене. Вместо того чтобы находиться на территории иностранного государства, как это везде принято, наше консульство на архипелаге расположено на своей земле, в поселке Баренцбург! Для того чтобы поддерживать контакт с норвежскими властями, его сотрудникам необходимо выезжать в норвежский поселок.

Исторически такой парадокс вполне объясним. Задавшись целью поставить под сомнение норвежский суверенитет над Шпицбергенем (хотя чисто юридически Советский Союз не имел на это право, подписав Парижский договор по архипелагу), советская администрация затеяла многолетнюю возню с

норвежской. Норвежцы пытались распространить действие своих законов на советские поселки, существующие, в конце концов, на правах аренды участков, а русские объявляли всем этим попыткам бойкот, демонстрируя свою административную независимость. Вся эта тягомотина доходила иногда до полного абсурда. Она и породила советское консульство на советской территории. Консульство, призванное защищать интересы советского государства и советских граждан за границей, превратилось в обычный сельсовет.

Перед отъездом из Москвы я узнал, что здание консульства находилось в аварийном состоянии, потому что выстроенное в условиях вечной мерзлоты на бетонных сваях на высоту четырехэтажного замка, создало под собой тепловую подушку. Мерзлый грунт стал оттаивать, под зданием образовался оползень, грозивший похоронить под собой всю надежду советской дипломатии на Шпицбергене. Возможно, предупредили меня в Москве, консульство и резидентуру придется переводить в другое здание!

Хорошо спланировал здание ленинградский архитектор В. Г. Хотин! Интересно, имел ли он хоть малейшее представление об арктических условиях жизни?

Забегая вперед, могу сказать, что до таких крайностей дело не дошло. Вызванная из Москвы бригада инженеров-строителей нашла приемлемое решение по цементированию фундамента, и «дипломатический сельсовет» пребывает на своем месте до сих пор. (Кстати, опасность обвала здания обнаружили два брата-погодка, баренцбургские Чук и Гек, дети вице-консула, когда играли под домом в «казаки-разбойники».)

Стояло консульство на самой верхней террасе Баренцбурга, занимая господствующее положение у подножия горы «Мирумрки»*. На строительство не пожалели отборного красного финского кирпича,

* Гора получила свое название от лозунга «Миру — мир», нарисованного на ее вершине белой краской и видного отовсюду.

медного листа на кровлю и массу цемента. На первом этаже здания располагались служебные помещения, а на втором и третьем этажах — жилые квартиры для его сотрудников. Огромный холл, каминный зал, выложенный мрамором и увешанный дорогими гобеленами, медная (!) крыша, импортное оборудование — все это предназначалось не для служебного функционирования какого-нибудь средней руки посольства, а для заштатного консульства на краю земли с количеством сотрудников, не превышающим пяти-шести человек!

Нефтедолларов на доброе дело не пожалели!

В народе консульство звали замком Иф или замком Шпессарт* — кому как больше нравилось. Думается, подходили оба названия. Господствуя над Баренцбургом своей средневековой громадой, дом чисто внешне действительно был похож на описанный Дюма замок Иф; а всегда полупустые помещения консульства, особенно в жуткие полярные ночи, когда «заряды» со страшными завываниями разбивались о медную крышу, напоминали изнутри о наполненном привидениями имении Шпессарт.

Консул Еремеев Леонид Михайлович, назначенный незадолго до моего приезда, уже успел освоиться с местной спецификой, хотя, честно признаться, меня слегка озадачило, какими мотивами руководствовалось мидовское начальство, направляя его работать на норвежскую территорию с ... польским(!) языком. Без переводчика ему приходилось трудно. Переводчиком выступал обычно кто-нибудь из остальных дипломатов, в том числе и чаще других — секретарь консульства Платон Обухов, будущий предатель и тайный агент СИС.

За полярным кругом был воссоздан точный аналог классической ситуации, при которой советские местные органы «сидели в карманах» у директоров совхозов и заводов. Все материальное снабжение сотрудников консульства осуществлялось через

* Намеки на бессмертный роман «Граф Монте-Кристо» и известный западно-германский фильм «Привидения в замке Шпессарт».

трест «Арктикуголь», и это еще больше усугубляло «сельсоветское» положение консульства.

За долгие годы работы на Шпицбергене тресту «Арктикуголь» удалось создать в своих поселках Баренцбург, Грумант и Пирамида условия, близкие к коммунистическим. Бесплатное питание в столовой, медицинское обслуживание, клуб, библиотека, спортзал, кинотеатр, почта, телеграф, службы быта, бассейн с морской водой, бани-сауны, теплица, свиноферма, птицеферма, молочная ферма, дома с паровым отоплением, а главное — возможность заработать на автомашину или кооперативную квартиру привлекали сюда многочисленных желающих со всех концов Советского Союза, и администрации треста приходилось отбирать наилучших. Основной костяк поселков составляли шахтеры Донбасса, в основном украинцы.

В конце застойного периода вся эта инфраструктура уже начинала разваливаться и трещать по швам, поскольку правительство в Москве выделяло «Арктикуголю» все меньше денег, постоянно упрекая руководство треста убыточностью и угрожая «прикрыть лавочку». Но возглавлявший длительное время трест Николай Александрович Гнилорыбов ухитрялся-таки сохранять хоть какую-то видимость благополучия, и я еще успел отведать кусочек настоящего дефицитно-коммунистического пирога.

Следующий парадокс: на норвежской территории официально имела (и, кажется, имеет) хождение иностранная — советская (русская) — валюта. Если житель поселка — будь то шахтер, дипломат, вертолетчик, портовик или ученый, не удовлетворялся принципом «каждому по труду», то он мог пойти к своему бухгалтеру и в счет депонированных в московском банке накоплений взять энную сумму сертификатов, на которые он мог купить для себя что-то дополнительно из еды, питья или одежды. Сертификаты были личным изобретением Николая Александровича и назывались в народе «гнилорыбовками». Купюры «гнилорыбовок» в точности соответствовали номиналам ходивших на Большой Земле монет и

бумажных ассигнаций: копеечки — поменьше, рубли — побольше. Так что звона монет в карманах жителей Баренцбурга или Пирамиды слышно не было.

Время от времени в беспокойную полярную жизнь вторгаются трагические события, которые оставляют в сердцах людей незаживаемые душевные раны. Я имею в виду несчастные случаи, которые часто влекут за собой человеческие жертвы. О некоторых из них я расскажу ниже, а пока я хотел бы заострить внимание на некоторой феноменальности этих несчастных случаев.

На Шпицберген зимой 1991 года прилетал один архангельский ученый, который уже давно занимался проблемой несчастных случаев на Севере. Обобщая статистику таких случаев, включая и многочисленные производственные травмы полярников, он на основе последних научных достижений пришел к сенсационным выводам. Согласно этому ученому, количество несчастных случаев находится в прямой зависимости от погодных условий и магнитных явлений. Эти выводы настолько серьезно затрагивали хозяйственную деятельность человека на архипелаге, что как советская, так и норвежская администрация, проявив удивительное единодушие, отказались от услуг ученого и запретили ему публиковать свои выводы.

Я помню, что в столе у главного инженера «Арктикугля» в Пирамиде лежала статистика производственных травм и несчастных случаев, имевших место в советских поселках за несколько лет. Список был довольно длинным, и большинство несчастных случаев действительно имело место в период наибольшей магнитной активности над архипелагом, совпадавший с зимними месяцами.

Некоторые явления на Шпицбергене можно отнести к разряду парадоксов и чудесам света одновременно. Ну взять, к примеру, теплично-животноводческий комплекс в Баренцбурге или в Пирамиде, единственные в своем роде в этих широтах. Завезенные по инициативе того же Н. А. Гнилорыбова, породистые бычки и буренки дали местное шпицберген-

ское потомство и худо-бедно, но кормят жителей поселков мясными и молочными продуктами. Свиньи тоже безропотно несут предназначенный им богом крест. Куры исправно несут яйца, а в теплицах выращиваются свежая зелень, огурцы, помидоры и цветы к 8 марта. Для развлечения в Пирамиде держат даже жеребца по имени Директор, что часто используется в качестве повода для шуток в адрес директора рудника Августа Петровича*. Естественно, все корма завозятся с материка, и говорить о какой-либо рентабельности шпицбергенских рудников и треста «Арктикуголь» бессмысленно. Север без дотаций жить пока не может.

Полагаем целесообразным направить в наш адрес 1 000 долларов США.

Странно иногда было слышать, проходя звездной полярной ночью вдоль поселка, доносящиеся со скотного двора, названного каким-то остроумом «Скотланд-Ярдом», мычание коровы или кудахтанье курицы. Так и хотелось ущипнуть себя за ляжку, чтобы убедиться, что все это не снится, что ты не идешь по деревенской улице на рязанщине или тамбовщине, а вышел подышать воздухом вдоль Грен-фьорда, что на Грумантщине!

Никто из специалистов по-настоящему не вникал еще в такой шпицбергенский феномен, как условия вегетации на архипелаге. Дело в том, что сильная магнитная активность каким-то странным образом сказывается на всем живом: цветы, если дать им в полярную ночь подсветку, быстро — почти в два раза быстрее, чем на материке — растут и достигают необыкновенно крупных размеров; родившиеся в Баренцбурге бычки и коровы в шестимесячном возрасте достигают размеров своих двух-

* Когда приехавший в поселок норвежский губернатор Эдлинг в присутствии шахтеров захотел передать жеребцу вывезенный с материка березовый веник, Август Петрович, услышав знакомое слово «директор», принял это на свой счет и при общем смехе полез на сцену за подарком.

трехлетних собратьев на Большой Земле. Отелы для коров проходят очень сложно, поскольку уже в утробе телята необычайно крупные. Выведенная из привезенных с материка обычных яиц куриная порода отличается кроме размеров удивительной красотой: как у кур, так и у петухов головы украшает необычайно стильный убор, состоящий из длинных и густых, словно страусиновых, перьев. Старожилы Баренцбурга рассказывали, что женщины, страдавшие бездетностью, в первый же год беременели на архипелаге и рожали здоровых детей.

И «Скотланд-Ярд» и теплица были главным туристическим аттракционом в советских поселках, и администрация рудника непременно показывала их любопытствующим норвежским делегациям, недостатка в которых, кстати, никогда не было.

В начале 20-х годов Грумант был единственным поселком русских на Шпицбергене. Но уже в середине 30-х у голландцев был приобретен Баренцбург, а в 1939 году — заложены первые дома в Пирамиде. На правах концессии, приобретенной у Норвегии, советские шахтеры стали добывать дешевый уголь для северных районов страны — Мурманской и Архангельской областей. До сегодняшнего дня другой более дешевой альтернативы для снабжения этих регионов топливом нет, и поэтому новые русские администраторы «с зудом в руках и голове» пока только разглагольствуют об убыточности Шпицбергена, но против реальных фактов «сдюжить» не могут.

Факты как корова: припрут тебя к стене рогами и хана!

В Баренцбурге и Пирамиде* проживало около 2 000 жителей. Подавляющее большинство их было на архипелаг без семей. Во-первых, иждивенцы достаточно дорого обходятся и для семьи, и для администрации треста, потому что практически все

* Верно на время написания книги. К моменту ее публикации поселок Пирамида был закрыт.

приходится завозить с материка. Во-вторых, найти занятие лишней рабочей силе очень трудно и даже невозможно. В-третьих, что касается детей, школы в поселках могут обеспечить только начальным образованием. Ну и, в-четвертых, это — «полярка», которую выдержит не каждый.

В архитектурном отношении Баренцбург и Пирамида представляют собой обычные «новочеремушкинские» пятиэтажные микрорайоны, только стоящие на сваях, вбитых в мерзлую землю. Все это в условиях Севера выглядит, на первый взгляд, солидно, но на самом деле неопратно и чрезвычайно дорого — и в строительстве и в эксплуатации. Куда дешевле, добротней и симпатичней смотрятся сборно-щитовые дома (кстати, тоже многоквартирные, двухэтажные) в норвежских поселках Лонгйербюен и Свеагруве. Попробуй продай кому-нибудь наш поселок с «хрущобами» — никто их не купит, а бросить жалко: ведь сколько средств-то затрачено!

Так и стоит наш бедный поселок Грумант, брошенный в 1961 году из-за того, что в шахты прорвалось море. Кирпич, бетон, цемент в отличие от дерева в условиях Севера разрушаются очень быстро, а вот сосна, ель, не говоря уж о дубе, только просаливаются на морском ветру и крепчают. Поскольку на Шпицбергене почти отсутствуют микроорганизмы гниения и закисания (молоко там не скисает), то дерево хранится очень долго. Наши археологи находили в шпицбергенской земле деревянные изделия русских поморов, которые пролежали там сотни лет и остались совсем целые.

С грустью вспоминаешь и груды завезенного впрок всякого оборудования и железобетонных конструкций, оставленных на окраине Баренцбурга в так и не открытых ящиках, сложенных в длинный ряд-авеню, и отсутствие у наших вертолетчиков смазочных масел, пригодных для полярных условий.

Но это уже не парадоксы, дорогой читатель, тут я увлекся и вторгся в беспредельные дебри русского головотяпства, описание которого в мои цели не входит.

Главное же впечатление от Шпицбергена — это утрата каждым человеком, туда прибывающим, чувства превосходства над природой и полная его зависимость от нее, несмотря на и вопреки всем достижениям цивилизации. Люди на Шпицбергене почему-то более открыты друг другу и осознают свою человеческую общность более остро, чем, скажем, на континенте.

Отсюда, вероятно, и высокая степень взаимопомощи и взаимовыручки, не смотря на служебное положение, национальность и государственную принадлежность.

Можно смело утверждать, что человек на Шпицбергене в большей степени проявляет свою человеческую сущность, чем у себя дома в привычных местах обитания.

Немного истории и географии

*Что ветры мне и сине море?
Что гром, и шторм, и океан?*

Г. Р. Державин

Первые упоминания об архипелаге, насчитывающем свыше тысячи островов, как утверждают историки, встречаются в русских летописях и исландских (норвежских) сагах в XI веке. Это очень важное обстоятельство, потому что и норвежцы и русские до настоящего времени так и не пришли к единому мнению о том, кто первым открыл эти земли. Норвежцы присуждают, естественно, пальму первенства своим викингам, а русские — поморам. Как бы то ни было, но до последнего времени, за некоторыми исключениями, которые только подтверждают правило, Шпицберген-Свальбард никому не был нужен, кроме русских и норвежцев.

Архипелаг был ничьим, и до 1920 года им пользовались на правах «общинных угодий» кому было не лень и кому как заблагорассудится. В 1596 году голландец Виллем Баренц впервые нанес на карту очер-

тания его западного побережья. В 1607 году английская экспедиция под руководством Генри Гудзона в поисках северо-восточного прохода в Тихий океан достигла северной оконечности Шпицбергена и обнаружила там несметное количество китов, моржей, тюленей, белых медведей и прочей морской живности. Примерно с этого времени начинается интенсивная и хищническая эксплуатация морских ресурсов архипелага. К каменистым берегам Шпицбергена устремились корабли голландцев, датчан, англичан, шведов, норвежцев и немцев и началась настоящая «шпицбергенская лихорадка», втянувшая в свою орбиту все просвещенные и морские державы.

Согласно норвежскому ученому Б. М. Кейльхау, с которым солидарна и российская наука, первыми здесь появились русские поморы — уже в XIII веке наши предки наведывались на Шпицберген-Грумант. Существуют мнения, что когда-то здесь было и коренное население, что задолго до русских архипелаг посещали гренландские эскимосы и даже испанские баски-китобои (!), но все эти гипотезы пока не нашли никаких документальных или вещественных подтверждений.

А вот следы архангельских поморов на Шпицбергене многочисленны и материальны. Чтобы это стало явью, пришлось много потрудиться нашим археологам. На протяжении шести лет на архипелаге работала археологическая экспедиция, бессменным руководителем которой был кандидат исторических наук В. Ф. Старков. Экспедиция открыла следы более ста поселений поморов, разбросанных по всему ареалу Шпицбергена, нашла впечатляющее количество предметов промысла и быта русских землепроходцев. Задолго до норвежцев и Баренца поморы вели здесь промысел белых медведей, моржей, тюленей, китов, оленей и песцов.

В роду поморов Старостиных сохранилось предание, что их предки, выходцы из Новгорода, бывали на Груманте до основания Соловецкого монастыря, то есть до 1435 года. У входа в Ис-фьорд находится мыс, носящий имя Ивана Старостина, русского промысло-

вика-охотника, который провел на Груманте 39 зимовок и умер на архипелаге. До сих пор этот рекорд не был побит никем в мире, хотя вы вряд ли найдете о нем упоминание в пресловутой книге рекордов Гиннеса. Последний потомок этого «патриарха Шпицбергена» в 1891 году направил министру государственных имуществ прошение о предоставлении ему денежной субсидии и разрешении поселиться на архипелаге, однако царское правительство отказало ему в помощи.

Потомок поморов М. В. Ломоносов обратил внимание на Шпицберген и добился направления к его берегам первой русской научной экспедиции под руководством капитана первого ранга В. Я. Чичагова. Норвежские ученые появились у берегов Свальбарда в 1827 году, а спустя 10 лет к изучению Шпицбергена подключились шведы.

Первая попытка определить правовой статус архипелага была предпринята в 1872 году. Объединенное правительство Швеции и Норвегии* обменялось нотами с правительством России, в которых признавалось равенство всех стран в эксплуатации природных богатств Шпицбергена. Признавалась целесообразность осуществления на архипелаге научно-исследовательских работ и отвергалась идея исключительного владения архипелагом каким-нибудь одним государством.

На рубеже XIX и XX веков в шведской и российской академиях наук были созданы специальные комиссии, поставившие своей задачей исследование Шпицбергена, и до самого начала Первой мировой войны русские, норвежцы и шведы вписывали свои имена в яркие страницы освоения архипелага и Севера (В. Русанов, А. Норденшельд, Р. Амундсен, С. О. Макаров, Ф. Нансен, Ф. А. Бредихин и многие другие).

Полярный исследователь Владимир Русанов, блестяще завершив геолого-разведочные и картографические работы на Шпицбергене**, в 1912 году на не-

* Со времен наполеоновских войн до 1905 года Норвегия входила в состав шведского королевства.

** В. Русанов открыл залежи каменного угля и установил первые заявочные столбы для России.

большом суденышке «Геркулес» вместе со своей женой-француженкой отправился в дерзкое плавание на восток, планируя пройти Северным морским путем. С тех пор он бесследно исчез вместе с экипажем «Геркулеса», насчитывавшим 11 человек. Думается, образ этого отважного человека мог бы вполне вдохновить на написание еще одной лирико-героической оперы наподобие «Юноны» и «Авось».

Накануне войны возросло стратегическое значение архипелага, и царь Николай II решил конкретизировать российско-шведско-норвежское соглашение 1872 года и, как бы мы сказали сейчас, наполнить его новым содержанием. Теперь уже три правительства созвали конференцию и в 1910—1914 годах выработали конвенцию, в которой подчеркивалось, что Россия и Норвегия обладают преимущественными правами перед всеми другими государствами в определении международно-правового положения Шпицбергена... «в силу близости их территории и в силу их участия в открытии и научном использовании этих районов, и исходя из их экономических интересов».

Однако США и Германия, лелеявшие планы самим основательней закрепиться на архипелаге, сорвали принятие этой конвенции, а потом началась война.

В 1920 году в Париже собрались представители Великобритании и пяти ее доминионов и колоний, Голландии, Дании, Италии, Норвегии, Франции, США, Швеции и Японии (!) и подписали договор о передаче Шпицбергена под суверенитет Норвегии. Советский Союз для участия в работе конференции западные державы не пригласили, посчитав, вероятно, справедливым наказать таким способом большевиков, вышедших в одностороннем порядке из войны и не признавших царских долгов державам Антанты.

Норвегия же за лояльное поведение во время Первой мировой была вознаграждена и получила под свое управление архипелаг, приумножив территорию своего королевства на 20%. На Норвегию возлагались обязанности управлять Шпицбергом по

норвежским внутренним законам и предоставлять всем заинтересованным странам равные права на осуществление там экономической и научной деятельности. Договор обязывал норвежцев не использовать архипелаг в военных целях.

Таким образом, международно-правовой статус Шпицбергена был все-таки сохранен.

В 1935 году Советский Союз присоединился к Парижскому соглашению, и с этого момента начинается советский период освоения архипелага. Советское правительство уже давно было собственником участка Грумант, а потом приобрело у голландцев Баренцбург, участок на Земле Диксона в заливе Биллефьорден и активно взялось за добычу угля. Одним из первых руководителей баренцбургского рудника был отец знаменитой балерины Майи Плисецкой, которая провела с родителями около года на Шпицбергене.

Норвежцы в 1916 году в бухте Адвент выкупили у американского миллионера Лонгйера свой участок с небольшим поселком Лонгйерсити и сделали его своей столицей, заменив в названии поселка английское «сити» на норвежский вариант «бюен». Вслед за голландцами и американцами, для которых владение участками стало обременительным — бизнес Лонгйера лопнул, а для голландцев, в условиях запрета на хищническую добычу китов, шпицбергенское присутствие стало просто ненужным — ушли с архипелага и шведы, продав норвежцам свой рудник Свеагруве.

Таким образом, на Шпицбергене остались опять лицом к лицу только русские и норвежцы.

Вторая мировая война не прошла мимо Шпицбергена и задела его самым драматическим образом.

Последний пароход со шпицбергенским углем вышел из Баренцбурга в Мурманск 22 июня 1941 года. Вскоре было получено указание об эвакуации советских горняков. Своих судов на севере тогда не хватало, и эвакуацию осуществлял британский транспорт в сопровождении 12 боевых кораблей. 25 августа транспорт зашел в порт Баренцбурга, взял на борт около 2000 человек, из которых 400 состав-

ляли женщины и дети, и в сопровождении конвоя отправился в Архангельск. Все имущество поселков было оставлено на произвол судьбы.

На обратном пути из Архангельска англичане взяли на борт шпицбергенских норвежцев и доставили их в Англию. По приказу английского командования были подожжены угольные склады, и вслед отплывающим норвежцам полыхали зарева пожаров в Лонгйере, Баренцбурге и Груманте.

В мае 1942 года норвежцы на двух судах направили на Шпицберген военный отряд, чтобы взять под защиту свои шахты, дома и имущество, однако у самых берегов Баренцбурга на них налетела немецкая авиация, и оба десантных судна затонули. Части солдат все-таки удалось выбраться на берег и укрыться в Баренцбурге.

В 1943 году в подкрепление разбитого отряда норвежцы послали еще одну экспедицию, в составе которой было 160 шахтеров — уже зимой 1943/44 года они планировали возобновить на Шпицбергене добычу угля. Однако за неделю до отплытия экспедиции, в ночь на 10 сентября 1943 года, немцы атаковали норвежские опорные пункты в Лонгйербюене и Баренцбурге, бросив на их подавление самые крупные корабли своего военно-морского флота: линкоры «Тирпиц» и «Шарнхорст» и около десятка эсминцев. После этого «победоносного» рейда от Баренцбурга, Груманта и Лонгйербюена остались одни головешки.

На следующий день берлинское радио оповестило мир о крупной операции германского флота на Севере: «В ночь на 10 сентября германские корабли и крупные экспедиционные силы произвели значительную операцию против военных объектов Шпицбергена. Они уничтожили укрепления береговой обороны, взорвали основные военные объекты. Захвачено большое количество пленных. Все экспедиционные силы вернулись на свои базы».

Адмирал флота И. С. Исаков эту чудовищную по своей никчемности и лжи акцию объясняет намерением гитлеровской правящей верхушки поддержать

у немцев «боевой дух», веру в пошатнувшийся авторитет вермахта и в возможность достижения победы. Один снаряд, выпущенный из орудия главного калибра «Тирпица» обошелся немцам дороже, чем все «укрепления береговой обороны» и «основные военные объекты», но кто из жителей Германии имел хотя бы приблизительное представление о Шпицбергене и его «военной мощи»!

Линкор «Тирпиц», этот коварный и хищный зверь, так тщательно оберегаемый германским военным командованием в фиордах Норвегии и все-таки выслеженный и смертельно раненный советским легендарным подводником Маринеску, оставил-таки глубокую рану в сознании норвежцев. Когда шпицбергенские норвежцы во время застолья произносят тост, то вместо «пей до дна» они обычно, словно заклинание, произносят ненавистное слово «тирпиц». Чтоб он перевернулся и на том свете кверху дном!

После Второй мировой войны на Шпицбергене на постоянное жительство остались только русские и норвежцы. Основным их занятием была добыча угля: у норвежцев на материке вообще не было угля, а у нас, как уже говорилось выше, по-прежнему не было других источников снабжения топливом Архангельской и Мурманской области.

Если у нас главным хозяином на Шпицбергене был трест «Арктикуголь», то у норвежцев — аналогичная государственная компания «Стуре Ношке Спитсберген Кулькомпани». Обе компании негласно соревновались между собой, ревностно наблюдали друг за другом, делали секреты из своей экономической деятельности и все время пытались нарушить установленный самой природой паритет.

Нужно признать, однако, что советским поселкам до 80-х годов удавалось создать и поддерживать перед норвежцами определенный перевес, что касается технического вооружения и социальных условий жизни для шахтеров. Это и не удивительно: могучая страна, подхлестываемая гонкой вооружений и противостоянием с Западом, не жалела денег на укрепление базы своего присутствия на Шпицбергене.

Таким образом из воздушного пространства гонка вооружений перешла в безвоздушное.

У нас была мощная ледокольная и летная база, добротные жилища и объекты культурного досуга, и норвежцы не могли поспевать за своим великим соседом, пока в Северном море не открыли месторождения нефти. К этому времени Советский Союз прочно вошел в полосу застоя, сменившуюся мутной волной перестройки, потом наступило «демократическое безвременье», развал страны, экономический хаос, и победоносно отбирающие у природы милости полярники превратились в убогих ее приживальщиков, вынужденных то и дело ходить с поклоном к «норгам» и просить у них помощи.

Вместе с распадом великой державы рухнули и барьеры, годами искусственно создаваемые между двумя шпицбергенскими общинами. Люди стали без опаски общаться друг с другом, ходить в гости, встречаться на общих праздниках и даже завязывать родственные связи.

«Норги», проявив истинное великодушие, протянули Баренцбургу и Пирамиде руку посильной помощи. Природа и полярные условия существования уже давно подталкивали оба народа навстречу друг другу, и то, что они до сих пор вместо сотрудничества с подозрением следили друг за другом из-за частоты, было на этих широтах просто противоестественно.

Норвежская администрация наконец-то вздохнула с облегчением, встретив у своих соседей полное понимание ее роли, и стала распространять действие норвежских законов на российские поселки. Заработала норвежская почта и телефон, полиция установила дорожные знаки и подключилась к поддержанию порядка на российской территории, а туристические фирмы Норвегии включили в свои шпицбергенские маршруты Баренцбург и Пирамиду. Губернатор и сотрудники его конторы стали постоянно встречаться с людьми, лонгйерский пастор взял шефство над детьми баренцбургских и пира-

мидских шахтеров (не в смысле приобщения к религиозным догмам, а в смысле оказания социальной помощи). Красочные одежды «норгов» замелькали на главной «авеню» Баренцбурга — улице Старостина и перед бюстом В. Ленина. Артисты баренцбургской и пирамидской художественной самодеятельности гастролировали в Лонгйербюене и даже по северной губернии самой Норвегии, а лонгйербюенские певцы и танцоры ублажали тающих от грустных песен сентиментальных черноглазых украинцев с Полтавщины.

Но настроенность в отношении еще нет-нет, но давала о себе знать. Недостатка в предлогах и поводах для этого обе стороны не испытывали.

Вот на этом переломном этапе существования Шпицбергена и проходила моя последняя заграничная командировка, длившаяся полтора дня и полторы ночи. Разумеется полярных. На Большой Земле это соответствовало пятнадцати месяцам.

Четверговые встречи в замке Иф

*Тут был наш праздник испытанья,
Последний шаг ко входу в мир.*

М. А. Дмитриев

Пользуясь положениями Парижского договора 1920 года, советские, да и все другие граждане могли приезжать на Шпицберген без визы. Воспользовался этой возможностью и я, хотя и здесь норвежцами была придумана процедура контроля, выражавшаяся в том, что о прибытии каждого дипломатического сотрудника консульства должно было быть заранее проинформировано норвежское Министерство иностранных дел. Без этого уведомления губернатором Шпицбергена — по-норвежски «сюссельман» — могли быть приняты меры по недопущению дипломата на архипелаг. Норвежцы еще никому никогда не отказывали в праве пребывания на архипелаге, но механизм для этого на всякий случай был уже подготовлен.

Для управления Шпицбергом норвежцы возродили старинный институт «сюссельманства» или в переводе на русский язык — наместничества. Когда-то вся Норвегия была поделена на административные единицы «сюссель», во главе которых стояли королевские уполномоченные сюссельманы, обладавшие, как и на Руси, всей полнотой власти на местах.

Сюссельман на Свальбарде воплощал в себе всю административную, полицейскую и судебную власти. Кроме того, для дипломатических иностранных представительств он играл также роль аккредитационного центра — иначе говоря, министерства иностранных дел. В помощь ему был создан аппарат, включавший отряд полицейских и чиновников различных министерств из Осло и необходимые технические и транспортные средства: радио, телефон, ледоходное судно с оборудованной на палубе вертолетной площадкой, несколько вертолетов, тягачи-вездеходы, автотранспорт, катера, снегоходы и т. п.

Полицейские обладали самыми широкими полномочиями. Они исполняли роль пограничников и таможенников, могли заводить и расследовать любые уголовные дела, принимали к первичному рассмотрению прошения эмигрантов, наблюдали за порядком на вверенной им территории, следили за правильным отстрелом оленей и ловом рыбы, а также за соблюдением экологической чистоты. И конечно же выполняли контрразведывательные функции по отношению к советским гражданам, особенно к дипломатам. Некоторые из них владели русским языком, хотя и не всегда афишировали это перед нами.

Как правило, в распоряжении у губернатора был переводчик русского языка, выпускник военного института переводчиков в Осло и сотрудник военной разведки. Для них Шпицберген был своеобразной стажировкой в начале разведывательной карьеры.

К моменту моего приезда между консульством и конторой губернатора Лейфа Элдринга установилась довольно продуктивная форма сотрудничества в виде еженедельного обмена информацией по актуальным вопросам, затрагивающим советско-нор-

вежские отношения на архипелаге. Эти встречи проходили по четвергам в консульстве и обставлялись всегда в строгом соответствии с установленной ранее процедурой.

Л. Эддринг в сопровождении полицейского и переводчика прилетал на своем вертолете и садился на мысе Финнэсет, расположенном на восточной окраине Баренцбурга, на специально оборудованной деревянной платформе. Рядом был построен деревянный «губернаторский» домик, в котором норвежцы могли отдохнуть или переночевать, и гараж, в котором всегда стоял губернаторский джип и запасы бензина.

После приземления норвежцы открывали гараж, заводили свой джип и ехали в консульство. В консульстве их уже давно ждали: как только вертолет пролетал мимо здания, Еремеев давал указание готовить кофе, конфеты и печенье и накрывать столик в каминном зале. Через пятнадцать-двадцать минут в консульство вваливались покрасневшие от мороза «норги». Они чинно здоровались с консулом и его переводчиком, проходили в раздевалку, снимали с себя теплые комбинезоны и оказывались в «партикулярном» платье — в штиблетах, в темных костюмах, белых рубашках и галстуках. Все чинно рассаживались вокруг стола и после обмена общими фразами вежливости приступали к работе. Хозяева следили за тем, чтобы у всех был налит кофе, и то и дело наполняли термосы с горячим и душистым напитком.

Первыми брали слово гости. Л. Эддринг в неформальном обращении информировал консула Л. Еремеева о некоторых событиях, имевших место в норвежских поселках: о прибытии из Осло той или иной делегации и о возможности ее приема в Баренцбурге или Пирамиде, о случаях нарушения советскими шахтерами установленного режима, например, о несанкционированном приземлении русского вертолета на окраине Лонгйербюена или о выявленных в долине Грен-фиорден самодельных русских капканах на песца.

Мы, в свою очередь, предъявляли претензии к норвежской стороне, например, относительно повреж-

дения проходившего через Грен-фиорд трубопровода каким-то норвежским судном, передавали просьбы руководства рудников, докладывали о недостойном поведении в Баренцбурге некоторых норвежцев, злоупотребивших дешевой водкой.

Почти всегда губернатора сопровождал старший полицейский Юхан Юнссон, невозмутимого и меланхоличного склада человек, уставший, казалось, от общения с несовершенным человеческим материалом. Он аккуратно фиксировал ход беседы в блокнот, но почти никогда не участвовал в общей дискуссии. Норвежцев переводил переводчик Сверре Рустад, а с нашей стороны в качестве переводчика выступал небезызвестный теперь английский шпион, а тогда — секретарь консульства Платон Обухов*. Гости и хозяева старательно прихлебывали кофе, запивали его минеральной водой и заедали шоколадными конфетами.

Исчерпав все вопросы, норвежцы поднимались и уходили, а мы еще оставались на некоторое время в каминном зале, чтобы обменяться впечатлениями от встречи.

Лейф Элдринг, крупный и грузный мужчина в возрасте 65—67 лет, с короткой стрижкой, с хитрым медвежьим прищуром серо-голубых глаз и крупным мясистым носом «картошкой», то ли отмороженным за долгие годы работы на архипелаге, то ли приобретшим характерную окраску по другим причинам, был похож на прожженного пирата южных морей и весьма популярной фигурой и в норвежских, и в советских поселках. Ему смело можно было поручить сыграть роль одноногого пирата Сильвера в фильме «Остров сокровищ».

* Платон Обухов и в те времена отличался экстравагантностью. Он был одет в шахтерскую поношенную и грязную одежду, голову украшала то ли пионерская, то ли октябрятская пилоточка. Он постоянно пропадал в поселке и постоянно разыскивался консулом Еремеевым. Жил анахоретом и никого в свою комнату не пускал, потому что она никогда не убиралась. Занимался фарцовкой и спекуляцией. Производил впечатление вполне здорового человека, но весьма хитрого и циничного.

Глаза ровные, но в середине заметно расхождение.

Элдринг уже бывал раньше на Свальбарде и до своего назначения на этот пост успел поработать в качестве вице-губернатора. Он был способный администратор, гибкий и прагматичный тактик, искусный дипломат, добряк по натуре, но принципиально отстаивающий интересы Норвегии на Шпицбергене.

Его «пунктиком» была экология, и он не останавливался ни перед какими авторитетами и причинами, чтобы принять жесткие меры по отношению к нарушителям. Элдринг объявил на неопределенный срок мораторий на отстрел белых медведей и скрупулезно следил за его выполнением. «Ta vare Svalbard!» — «Берегите Свальбард!» — такой лозунг украшал его сюзсельманский герб, и этим лозунгом Элдринг руководствовался весь период нахождения на архипелаге. Когда одна туристская норвежская фирма запланировала для своих богатеньких клиентов охотничьи поездки-сафари на Шпицберген, то губернатор заранее предупредил их через прессу, что охотники на белых медведей не могут рассчитывать на то, что их вообще допустят на территорию архипелага.

Благодаря этому мораторию популяция белых медведей на Шпицбергене последние годы резко увеличилась, и белые медведи, совсем было вытесненные с родных ареалов, стали смело появляться на окраине поселков, а самые храбрые — даже приближаться к жилым и хозяйственным постройкам.

Сюзсельман Э. дринг был большой жизнелюб, он много курил и не выпускал изо рта любимые сигары. Был большим шутником и хорошим рассказчиком. Любил застолья и много выпивал, но никогда не пьянел. Обожал русскую кухню и вообще с симпатией относился ко всему русскому. Он часто брал с собой свою неизменную спутницу — жену, гражданку Австрии, которая во многом способствовала выполнению им сложных миссий в русских поселках.

Я говорю об Элдринге в прошедшем времени, потому что его уже нет в живых. В ноябре 1991 года

он закончил свой срок на Шпицбергене и вернулся в Осло, где около двух лет проработал заместителем министра юстиции и умер. Перед отъездом на родину он посетил все поселения на архипелаге. В Баренцбурге его вышли провожать почти все жители поселка. Он так и остался в моей памяти стоящим на палубе своего судна «Сюссель» с неизменной сигарой во рту и доброй печальной улыбкой. Не ошибусь, если предположу, о чем он в это время думал:

— Эх, дорогие мои Иваны! Много вы мне крови попортили, но я не держу на вас зла. Скучно мне будет без вас. Ох, как скучно!

Уезжать с архипелага ему явно не хотелось.

На смену ему прибыл бывший военный прокурор Одде Блумдаль, тоже в преклонном возрасте, но полная противоположность своему предшественнику: с юношеской хрупкой фигурой, аскетическим лицом, интеллигентными манерами, он производил впечатление студента-гимназиста начала XX века и, казалось, мало подходил для суровой и сложной работы на Севере. (В фильме «Остров сокровищ» ему пришлось бы играть юнгу Джима.) Но норвежцы скроены из крепкого материала, и О. Блумдаль в «сжатые сроки» сумел доказать всем, что он вполне достоин своего предшественника, несмотря на свой мальчишеский дискант и внешнюю скованность.

Кстати, должность сюзсельмана котируется на чиновничьей бирже Осло весьма и весьма высоко. После отъезда Л. Эддринга из Лонгйербюена в Осло был объявлен конкурс на замещение освободившейся вакансии, в котором участвовали 12 человек. К финишу добрался О. Блумдаль.

На первой четверговой встрече Л. Эддринг долго и внимательно присматривался ко мне, вероятно, пытаясь составить первое впечатление о вновь прибывшем на архипелаг старшем «кэгэбисте».

— Вы знаете, господин Григорьев, — сказал он, хитро улыбаясь, — я пока не могу рассматривать вас в

качестве вице-консула, потому что никаких указаний по поводу вашего приезда на Свальбард я из Осло еще не получил.

— Странно, — ответил я. — Уведомление в МИД Норвегии должно было уже поступить недели две-три тому назад. Поручение на этот счет из Москвы советскому послу в Осло Анатолию Тищенко было дано в конце января.

— Может быть, может быть, но я до сих пор никакими сведениями о вас не располагаю.

— Что ж, подождем. Надеюсь, вы меня, как частное лицо, пока не арестуете?

— Ха-ха-ха! Нет, конечно, господин Григорьев, вы можете спокойно перемещаться по территории архипелага и... и выполнять... гм-м... свои функции. — Сюссельман дружески похлопал своей здоровенной ручищей по моему плечу.

Я не стал говорить Элдрингу о том, что накануне отлета из Москвы я имел разговор с советником нашего посольства в Осло Сережей Комиссаровым, который проинформировал меня, что МИД Норвегии 11 февраля, то есть за десять дней до моего прибытия на Шпицберген и за месяц до четверговой встречи, принял соответствующее уведомление и проинформировал об этом контору губернатора на Шпицбергене. Начинать знакомство с сюзсельманом с того, чтобы уличать его во лжи и ставить тем самым в неудобное положение, было, на мой взгляд, не разумно.

Следующую четверговую встречу Л. Элдринг начал с информации о том, что он получил наконец информацию о моей аккредитации и считает вопрос исчерпанным.

В ходе непродолжительного — около восьми месяцев — общения наши отношения с сюзсельманом не стали дружескими, но довольно теплыми. Думается, что Элдрингу нравилось, что я не появлялся в Лонгйербюене в состоянии опьянения, не подкрадывался к его чиновникам, не пытался спить их «столличной» и выманить у них «страшные» тайны. Он уважал мое служебное положение и правила игры, установленные задолго до нашей с ним встречи.

Осуществляя свое «дипломатическое наступление» на русские поселки, Л. Эддринг в какой-то момент переусердствовал и начал «перегибать палку», явно вмешиваясь во внутренние дела российской администрации. Как мне теперь представляется, он, по всей видимости, выполнял «указилровку» из Осло.

Он много встречался с жителями Баренцбурга, интересовался их жизнью, деталями быта и повсюду подчеркивал, что русская община не должна считать себя на архипелаге обделенной, он всегда готов прийти ей на помощь и в его лице они могут всегда рассчитывать на поддержку.

После одной такой «эриксгаты*» к нам в консульство пришел директор рудника А. С. Соколов и встревоженным тоном доложил, что сюзсельман хочет смонтировать на главной улице поселка почтовый ящик, в который всем его жителям предлагается опускать все свои замечания и предложения об устройстве своей жизни на архипелаге.

В следующую четверговую встречу Л. Эддринг подтвердил это свое намерение, подкрепив его аргументацией, что это — наиболее демократичный способ общения с населением.

У меня сразу возникла ассоциация с нашим сумасбродным царем Павлом I, который в первые годы своего царствования распорядился перед окнами своего царского дворца поставить ящик, чтобы жители Петербурга опускали в него письма к царю с изложением своего мнения по тому или иному вопросу государственного устройства России и порядков в столице.

Я рассказал Эддрингу об этом начинании русского царя и задал ему вопрос:

— И вы знаете, чем все это кончилось?

— Нет, — признался сюзсельман. — Так чем же все это кончилось?

— А кончилось все это тем, что однажды из ящика

* Эриксгата — чисто скандинавское понятие, которое буквально переводится на русский язык как «улица Эрика». На практике это означает представление нового монарха народу во время его ознакомительной поездки по стране. Эта традиция сохранилась в Норвегии и Швеции.

извлекли записку, в которой было написано: «Царь — дурак». И Павел I тут же отдал указание убрать ящик.

Сюссельман замаялся и постарался перевести разговор на другую тему.

Сознаюсь, что получилось несколько грубо, но умный Л. Эддринг отлично понял подтекст ситуации и больше никогда не вспоминал об этой идее.

Маниловщина на Шпицбергене

Все суета, все люди суетны и тщеславны.

Джером К. Джером

Хозяином на советской территории Шпицбергена был учрежденный в незапамятные годы трест «Арктикуголь». Первый директор рудника в Баренцбурге исполнял в 30-е годы обязанности советского консула. Потом эту должность стали замещать профессиональные дипломаты — как правило, либо проштрафившиеся чем-то, неудобные для начальства, либо выработавшие свой потенциал и собиравшиеся уходить на пенсию.

Материально-техническое снабжение консульства осуществлялось через «Арктикуголь», и в известной степени дипломаты находились в постоянной зависимости от директора баренцбургского рудника. Правда, и рудник зависел от консульства, потому что все официальные контакты с конторой губернатора практически шли через консульство. За годы совместной работы между трестом и дипломатическим представительством установилось устойчивое равновесие или паритет, и обе стороны старались относиться друг к другу с подобающим уважением.

Шахтеры они и за полярным кругом шахтеры. Тяжелый и опасный труд под землей, долгие полярные ночи в отрыве от семьи накладывали свой отпечаток на поведение парней с Полтавщины, Сумщины, Днепропетровщины или Черниговщины. Ведь большинство смен в шахтах и основной костяк ИТР формиро-

вался из украинской части Донбасса, поэтому и в Баренцбурге и в Пирамиде везде можно было слышать украинскую речь, украинские песни, шутки и грубоватые прибаутки. Особая, не понятная для них жизнь проходила за высоким металлическим забором «замка Иф». По поселку ходили самые невероятные слухи об образе жизни и нравах дипломатов, пищу для которых давали своим не всегда безупречным поведением сами сотрудники консульства.

Поэтому вполне естественно, что для каждого вновь прибывшего на Шпицберген москвича сначала казалось, что он попал на Украину. Недаром советскую территорию на архипелаге кто-то в шутку, а кто и всерьез называл Шпицбергенщиной. Украинский образ жизни, мышления и поведения сказывался и проявлялся здесь на каждом шагу.

Экономическим хребтом норвежской структуры была упомянутая выше государственная угледобывающая компания «Стуре Ношке». Основным ее занятием была добыча угля, но со временем она настолько диверсифицировала свою деятельность, что стала заниматься и туризмом. Так же, как и советский трест «Арктикуголь», компания ревниво следила за каждым поползновением посторонних «пустить корни» на архипелаге и успешно выдерживала конкуренцию с какими-нибудь непрошенными бизнесменами, опираясь на свою мощную инфраструктуру, без которой новичку невозможно было и шагу шагнуть, не то что заниматься бизнесом.

Когда советские геологи начали искать на Шпицбергене нефть, это вызвало у норвежцев большой переполох. И поскольку такие поиски всегда окружаются завесой секретности, а на Шпицбергене эта секретность еще более ужесточается, то можно себе представить, какие последствия они имели для наших взаимных отношений.

Норвежцы отлично понимали, что если мы первыми найдем нефть на Шпицбергене, то это будет иметь для них необратимые экономические и политические последствия. Они любым способом пытались добыть хоть какую-нибудь информацию о ре-

зультатах работы геологов, но русские умели хранить свои тайны, поэтому нервозность на архипелаге возрастала с каждым днем. И даже тогда, когда поиски нефти не увенчались успехами — обнаруженные залежи не могли оправдать потраченные на разработку месторождения средства, норвежцы продолжали считать, что русские что-то скрывают от них по тактическим соображениям.

Как бы то ни было, несмотря на неудачи советской геолого-разведочной партии, «Стуре Ношке» в свою очередь приступила к поискам нефти — как раз в тот период, когда я прибыл в командировку на Шпицберген — и тоже постаралась вокруг всего этого дела напустить побольше дыма. Мы довольно скептически наблюдали за ажиотажем, поднявшимся в норвежской общине и в самой Норвегии, но на всякий случай тоже принимали меры к получению достоверной информации о ходе поисковых работ и регулярно докладывали о них в Центр.

Забегая вперед, могу сказать, что результаты норвежских бурений ничем не отличались от наших: «угробив» десятки миллионов долларов, геологи в конце концов были вынуждены свернуть все работы и вернуться ни с чем на материк. Нефть была обнаружена в небольших количествах, и разработка месторождения была признана нерентабельной.

А между тем наша сторона в лице неутомимых сотрудников треста «Арктикуголь» не давала и себе и норвежцам покоя в изобретении новых направлений своей экономической деятельности, призванных доказать московским чиновникам полезность и необходимость советского присутствия на архипелаге.

Одним из таких направлений была идея использования богатых минеральной водой источников. Трест осуществил необходимые экономические расчеты и приступил к поиску инвесторов. Вообще-то сама идея была в принципе вполне рабочей — нужно было только найти для ее осуществления деньги. В заполярных условиях инвестиционные вложения значительно превышают обычные нормы, и, естественно, желающих оказалось не так уж и много. Тем

более оставался нерешенным вопрос о сбыте продукции. Европейский рынок захвачен шведскими и французскими производителями минеральной воды, и пробиться на него какой-то неизвестной шпицбергенской воде, пусть более богатой по своему содержанию, было чрезвычайно трудно.

Идея выродилась так же быстро, как и родилась.

Потом выяснилось, что страна остро нуждается в йоде. А почему бы не наладить у берегов Шпицбергена сбор морских водорослей? К тому же вся морская растительность Белого моря к этому времени была практически уничтожена, а в теплых водах архипелага, омываемого потоками Гольфстрима, этих водорослей была уйма.

И «Арктикутоль» рьяно приступил к реализации этой идеи. Был осуществлен пробный сбор водорослей, который вроде бы подтвердил предварительные расчеты, но... Но тут на пути претворения планов треста в жизнь грудью встал сюзсельман Элдринг. Он заявил, что ни за что не позволит «Арктикутолю» заниматься таким разрушительным для экологии архипелага делом: в арктических условиях восстановление нарушенной флоры идет в несколько раз медленней, чем в южных районах, поэтому о пополнении запасов йода таким варварским способом не может быть и речи.

Опять все повисло в воздухе.

Предложение хорошее, но не заслуживает внимания.

Руководство «Арктикутоля» предприняло также попытки найти кредиты для восстановления рудника в Груманте. Достаточно было откачать воду из шахт и можно было приступить к добыче великолепного коксующегося угля. Кредитор был найден в лице какого-то английского миллионера, но он долго изучал обстановку, размышлял, сомневался, давал обещания, и в конце концов «сошел со сцены». Думается, не обошлось тут и без подсказки со стороны норвежцев.

После развала Союза с весьма заманчивыми идея-

ми приезжал в Баренцбург какой-то профессор, представитель офтальмолога Святослава Федорова. Оказывается, в условиях Шпицбергена заживание ран и послеоперационная реабилитация происходит в 2—3 раза быстрее, чем на материке. Почему бы в Баренцбурге не построить глазную клинику, филиал клиники Федорова в Москве?

Имя Федорова уже звучало по всему миру, и губернатор Эддринг горячо поддержал инициативу глазника. Он немедленно заручился поддержкой своего правительства, согласившегося на паях с русскими воздвигнуть такую клинику в Нью-Васюках, то бишь, в Баренцбурге, и стал ждать дальнейшего развития событий.

Бедный Эддринг, он, вероятно, слабо был знаком с русской классикой и не читал о Манилове или Остапе Бендере. Потому что профессор-глазник уехал и, вероятно, совершенно забыл о своих обещаниях, высказанных под плотной магнитной шапкой и сполохами северного сияния.

Потом приезжали академики из Академии наук России и с блеском в глазах выступали перед нами с идеями превратить в Нью-Васюки уже не Баренцбург, а Пирамиду. Да, конечно, в условиях развала экономики Баренцбург один справится с поставками угля на материк, а нерентабельную шахту в Пирамиде следует закрыть. Но сам поселок целесообразно сохранить как материальную базу для научного центра исследований. Так умно поступили в свое время норвежцы в Нью-Олесунне: они закрыли рудник, а на базе поселка организовали научный центр, который на правах аренды используется многочисленными учеными со всех стран мира. Вот он источник дохода, приумножения научного российского потенциала и повышения международного авторитета!

Где вы, господа академики и профессора? Откликнитесь! Ау-у-у!

Директор рудника «Пирамида» Август Петрович Назаренко мог спокойно спать и продолжать выдавать «на гора» нерентабельный фосфоро- и серосодержащий камень.

Потом приезжали представители «Русских самоцветов» из Петербурга и стали соблазнять русских и норвежских угольщиков планами развернуть добычу и обработку полудрагоценных камней, залежи которых на архипелаге действительно имеются в достаточном количестве. Норвежцы уже на практике узнали, чего стоят обещания русских, и вежливо отказали. Представители «Арктикугля» с камнерезами просто не стали разговаривать, потому что те прибыли на Шпицберген, даже не предупредив руководство треста о своих намерениях. Ах, вы прибыли добывать камень? Ну так и добывайте себе на здоровье! Только без наших вертолетов, без наших снегоходов, без нашей столовой!

Петербургцы еле дождались очередного рейса самолета и отощавшие отбыли обратно на Большую Землю.

А идеи продолжали буквально витать в воздухе.

Ну почему бы, к примеру, не создать на базе Баренцбурга альпийско-туристскую базу? А действительно: почему бы и нет? С марта по май ослепительно и не прячась за горизонт светит солнце. Заснеженных гор и долин столько, что Домбай просто завял бы на корню от зависти. Всего-то-навсего нужно соорудить подъемник и дать рекламу в газетах. Гостиница стоит пустая и ждет не дождется горнолыжников.

Но шут с ним с горнолыжным туризмом! Может, заняться нам...

Интересно, в каком направлении работает сегодня мысль угольного треста «Арктикуголь»?

«Чейндж» как явление «полярки»

Здесь для дохода жизнь, а не для ней доход!

М. А. Дмитриев

Перестройка, как и на Большой Земле, не принесла больших дивидендов для треста «Арктикуголь» и его подопечных. Подбросив предприятиям лозунг о самостоятельности, московские «демократы», в отли-

чие от «застойных» коммунистов, вообще отвернулись от Севера, все, как один, бросились на выполнение бухаринского лозунга «Обогащайтесь!» или углубились в свои внутривнутрипартийные разборки. Но если на материке эта мнимая самостоятельность обернулась бесхозяйственностью и развалом экономики, то на Шпицбергене этого не случилось, потому что в тресте по-прежнему придерживались волевых методов управления рудниками, и это, несмотря на колоссальные трудности и лишения, как ни парадоксально, помогло им удержаться на плаву.

Вероятно, в экстремальных условиях Севера — впрочем, это верно и для материковой экономики — нужна была еще сильная централизованная власть, для того чтобы подготовить постепенный, более плавный переход к рыночной экономике. Оказавшись на периферии всех разрушительных процессов, потрясших великую державу до самого основания, «капитаны» угольной отрасли на Шпицбергене получили возможность самим решать свои проблемы.

Но жизнь манила своей рыночной распущенностью, словно беззаботная шальная путана, и все-таки задела своим порочным дыханием далекий Шпицберген. Частное предпринимательство на архипелаге приняло уродливые формы, известные под названием «чейнджа»*.

Все началось в тот самый момент, когда перестройка уже дышала на ладан, и только, возможно, ее автор не хотел признаваться в том, что хотение сделать как можно лучше на Руси не является признаком успеха начатого предприятия. По стране галопировала инфляция, и «гнилорыбовки», символы былого благополучия шахтеров, обесценивались так же быстро, как и госзнаковские солидные бумажки с изображением вождей и мест их обитания. Заработанного за два года уже не хватало не только на то, чтобы приобрести заветную «Волгу» или, на худой конец, «жигули» последней пятой модели, но и на

* «Чейндж» по-английски означает обмен.

ижевский мотоцикл. Но зачем тогда подвергать себя тяжким лишениям за тысячи километров от дома, семьи, привычного уклада жизни и климата?

Среди трудящихся росло недовольство на почве заработной платы.

Дисциплина на рудниках стала шататься и резко падать, словно атмосферное давление на Шпицбергене перед снежным «зарядом». Угроза отправить на материк на недовольных и непослушных уже не действовала. А рядом, всего в пятидесяти километрах от Баренцбурга, находился Лонгьербюен, благоухающий капиталистическим изобилием, словно весенний букет шпицбергенской камнеломки. Перестройка сломала такие высокие заборы, отделявшие от донбасских шахтеров островок благополучия, и, как это водится у эмоциональных славян, зародила в них светлую мечту.

На первых порах мечта была оформлена в самые скромные одежды и явилась перед заполярным людом в виде японских радиоприемников и кассетников. Но где взять средства?

И надо же было тому случиться, что по другую сторону забора тоже возникла сильная тяга обзавестись чем-нибудь русским. У норвежцев «самое русское», естественно, ассоциировалось с тульским самоваром.

Но когда две воздушные мечты рождаются в замкнутом полярном пространстве, то они неизбежно идут навстречу друг другу, и остановить их уже нельзя никакой земной администрации.

Скоро на окраинах Баренцбурга, под покровом ночи или снега, между пролетариями подземного труда стали возникать контакты. Оживленно хлопая друг друга по плечу, жестикулируя, используя невообразимую мешанину из немецких и английских слов, «норги» и «иваны» совали друг другу свертки и довольные возвращались по домам: «викинги» исчезали на своих быстроходных «ямахах», чтобы побыстрее попробовать чай из настоящего самовара, а «иваны» степенно шли пешком по пояс в снегу, настраивая японский «сони» на волну Би-Би-Си или «Немецкую волну».

«Чейндж» состоялся, господа присяжные заседатели! Лед тронулся!

Постепенно обмен достиг таких масштабов, что потребовалось вмешательство и советской, и норвежской администраций. Карательные меры, однако, не возымели должного эффекта, и «чейндж», приняв еще более изощренные формы конспирации, продолжал развиваться, как и положено выпущенной на свободу предпринимательской стихии.

Посоветовавшись, руководство Баренцбургского рудника и губернатор Элдринг сочли за благоразумное легализовать «чейндж» как социальное явление и наметили специальные места для удовлетворения все более растущих потребностей в магнитофонах и самоварах. Такое место в Баренцбурге было выбрано на площадке рядом со столовой под неусыпным оком директора рудника, окно квартиры которого занимало сию стратегическую позицию, и памятника Ленину.

Самовары на Шпицбергене скоро исчезли, но их запас быстро пополнялся вновь приезжающими сменами и сердобольными родственниками. Когда я летел в самолете на Шпицберген, у каждого шахтера из сумки торчало по одному, а то и по два самовара. Скоро этих агрегатов на архипелаге стало больше, чем норвежцев, желающих побаловаться из них чайком. И тогда коварные «норги» изменили эквивалент обмена, потребовав за один и тот же кассетник два самовара. Это нисколько не смутило предприимчивых шахтеров, они только еще больше активизировали завоз «валютных» изделий с Большой Земли.

Не прошло и дня (полярного, естественно), как каждая норвежская семья в Лонгйербюене стала обладательницей одного, а то и двух самоваров. Потом они стали обеспечивать ими своих родственников и друзей в Норвегии. При этом цена на самовары продолжала падать и скоро достигла критической границы «три самовара за приемник». «Чейндж» в чистом виде стал задыхаться, потому что доставка самоваров с материка из-за ограничений перевозимого самолетами багажа стала пробуксовывать.

Тогда вместо солидных, проверенных временем

изделий шахтеры стали предлагать матрешки, хохлому, значки и прочую сувенирную дребедень, с которой уже выходила на центральные улицы городов вся Россия. Появились и образцы офицерских и солдатских кителей, головные уборы сержантов и генералов, иконы и картины. К этому времени увеличился поток на Шпицберген норвежских и не только норвежских туристов. У них не было с собой товара для обмена, но у них были деньги!

Деньги даже больше устраивали наших шахтеров, и тогда в Баренцбурге и в Пирамиде возникли рыночные толкучки, на которых свободные от смены горняки сидели за сколоченными из подручных средств ящиками-прилавками и во всю зазывали к себе приезжих иностранцев. Губернатор Элдринг кривил лицо от такого явного беспредела, но... терпел и запрещать незаконную, то есть не облагаемую налогами на прибыль, торговлю не стал. Черт с ними с русскими, пусть торгуют.

«Частные предприниматели», скучая без товара, открыли в себе тлевшие подспудно таланты и обратились к «живописи» (естественно, с ударением на слоге «пи»). Они освоили поточный выпуск настенных тарелок с «душераздирающими» шпицбергенскими пейзажами в стиле тех незабвенных лебедей под луной и курносых кошечек, которыми торговал в известном фильме персонаж артиста Георгия Вицина. И как ни странно, но товар пошел и пользовался спросом у неприхотливых норвежских ценителей искусства.

Вскороности дяди в черных дубленых полушубках и в такого же цвета «зэковках» стали уверенно заходить в лонгйербюенский «Бутикен» и покупать там не жвачку и пепси-колу, а радиоприемники, телевизоры, магнитофоны и одежду «дитяам и бабам». В карманах шахтеров, вместо молчаливой угольной пыли, стала позвякивать звонкая норвежская крона. Некоторые копили валюту до дома и переводили ее в доллары. Худо-бедно, но у них появился стимул к продлению контракта с трестом. Из дома шли неутешительные вести о безработице и инфляции, так что имело смысл с отъездом не торопиться.

Наиболее предприимчивые и приближенные к начальству «чейнджовщики» приезжали в Лонгйербюен и «толкали» свой товар на самых ближних подступах к потенциальному покупателю: в аэропорту, у почты, у магазинов. Сначала они скромно стояли в сторонке, ожидая, когда степенные прохожие обратят на них внимание, но потом осмелели и стали наседать на лонгйербюенцев там, где их застигнет случай.

«Командировки» «чейнджовщиков» в норвежский поселок проходили в свободное от работы время*, и они всеми правдами и неправдами пристраивались к какому-нибудь вертолету или очередному походу баренцбургского портового буксира «Гуреев» и добирались-таки до Лонгйербюена. Часть «привилегированных» «чейнджовщиках» совершала свои ходки к «норгам» на рудничных снегоходах «Буран», причем «самых-самых» вообще освобождали от работы и отпускали в Лонгйербюен на несколько дней. В Баренцбурге поговаривали, что последняя категория «чейнджовщиков» состояла у рудничного начальства на откупе, то есть делилась с ним основной долей выручки от продажи, оставляя себе какой-то процент. Так появился на Шпицбергенщине и свой доморощенный рэкет.

Похоже, так оно и было, потому что «откупные» «чейнджовщики» практически не вылезали из Лонгйербюена и пропадали там целыми неделями.

Вот эта «цыганщина» явно не понравилась Л. Эддрингу и на очередном четверге он сделал решительный протест в связи с назойливым поведением «чейнджовщиков» почти у дверей его конторы и потребовал убрать их из норвежского поселка. Если уж шахтеры хотели «чейнджовать», то пусть делают это у себя дома.

«Чейнджу» был нанесен серьезный, но далеко не смертельный удар, и когда я в мае 1992 года возвращался в Москву, он был вторым (после добычи угля) по важности занятием русско-украинских полярников.

* Советские шахтеры работали смену в шесть часов, а потом отдыхали двое суток.

Прихотливый спрос норвежцев принимал самые неожиданные формы. Последним криком моды на Западе в начале 90-х годов стали предметы быта советского ГУЛАГА. И хотя на Шпицбергенщине лагерей НКВД никогда не было, но предметов «архипелага ГУЛАГ» было там в достаточном количестве. Бесплатная экипировка, выдаваемая шахтерам, как нельзя лучше подходила для этого. Черные дубленые полушубки и допотопные ватники, черные цигейковые шапки, черные рукавицы на меху и черные валенки — разве они чем-то отличались от гулаговских?

И шахтеры пустились во все тяжкие, распродавая сначала избытки полярной одежды (износить за год полушубок, ватник или валенки было практически невозможно, а администрация исправно снабжала рабочих новыми комплектами), а потом, исчерпав предназначенные к вывозу на материк запасы, приступили к реализации только что выданной, являясь на работу в чем попало. Сначала дирекция шахты, поверив некоторым шахтерским байкам о «пропаже» или «порче» одежды, досрочно выдавала комплект новой, но потом, убедившись в том, как быстро уменьшается на складе ворох полушубков и валенок, установила за ее выдачей жесткий контроль.

И все же половина содержимого складов успела перекочевать в Лонгйербюен, а оттуда — в другие столицы мира. Слух о шпицбергенской гулаговщине распространился, судя по всему, по всей Европе. Когда в Баренцбург прибыла совместная шведско-норвежская группа журналистов, чтобы сделать репортаж о жизни российских шахтеров, то первое, о чем они меня попросили — это попытаться достать «зэковский» полушубок или, на худой конец, шапку и валенки. С трудом мы отыскивали валенки, которые пошли за сто крон. Обе высокодоговаривающиеся стороны сделки остались ею весьма довольны.

Думается, пока на архипелаге будут туристы, до тех пор и будет процветать там «чейндж». Согласно тенденциям, наблюдаемым в развитии современно-

го мирового туризма, количество путешествующих будет только увеличиваться.

А на Шпицбергене их всегда будет больше, чем самих «чейнджовщиков».

Жизнь консульская и резидентурская

...Разведчики гордятся, может быть, получают удовольствие от возможности создания своего тайного «Я» и иногда уходят из жизни, так до конца и не осознав, что же в действительности они из себя представляют.

Ким Филби

Не успел я протереть глаза от первого на шпицбергенской земле сна, как сходу пришлось окунаться в полярные будни. В консульство явился запорошенный снегом молодой норвежец и попросил оказать срочную помощь в транспортировке своего товарища до баренцбургской больницы. Они шли на снегоходах из Лонгйербюена в Баренцбург, и на подходе к мысу Хеер их застал мощный «заряд». Один из норвежцев потерял ориентацию и свалился вместе со снегоходом в каньон, в результате чего получил перелом ноги.

Мы тут же связались с нашим хирургом, и через десять минут он тепло одетый стоял в вестибюле консульства. Помощь норвежцу была оказана, его прооперировали в нашей больнице, и через некоторое время он выздоровел и был выписан домой.

Это ЧП неприятно напомнило нам о нашей неподготовленности к таким событиям и о том, что парк наших снегоходов требовал срочного ремонта. Предыдущая смена наших товарищей довела их до плачевного состояния, потому что пользовалась бензином с октановым числом 76 вместо 95. Экономия на валюте (в Баренцбурге был только 76-й бензин), испортили все двигатели, так что в строю, да и то весьма условно, остался всего один снегоход «Ямаха». Размышляя над этой технической задачей,

я и начал свою деятельность на Шпицбергене в качестве резидента КГБ.

С первых же дней своей работы в консульстве я попытался ввести в резидентуре такой же режим дня, которого придерживаются во всем мире: выход на рабочие места в 9.00, работа с документами, беседы, обмен мнениями, постановка задач, перерыв на обед и послеобеденная работа в «поле».

Мои подчиненные как-то нехотя согласились с моим предложением перейти на такой распорядок дня. Где-то в уголках их глаз я прочитал: «Давай-давай, усердствуй. Посмотрим, что “запоешь” через месяц-другой».

И действительно, месяц мы как-то продержались, хотя некоторые сотрудники по уважительным причинам частенько запаздывали-таки с утра, а потом ходили по кабинетам как сонные мухи. Когда я спрашивал их, что случилось, то они, как правило, отвечали, что поздно легли спать.

— Так в чем же дело? — недоумевал я. — Ложитесь раньше.

— Не получается, Борис Николаевич.

Прошла неделя-другая, и я вдруг тоже стал обнаруживать в себе по утрам какую-то немоготу, характерную слабость в членах, легкую одышку. И чем дольше я жил в Баренцбурге, тем труднее становилось вставать с постели.

Я обратился к консулу Еремееву, и он «популярно» рассказал мне, что мой организм, по всей видимости, начал по-настоящему адаптироваться к «полярке». Вся слабость в чреслах объяснялась всего-навсего нехваткой на Шпицбергене кислорода. Поэтому, если на работе нет срочных или экстраординарных дел, рекомендуется лучше полежать в постели и не насиловать напрасно организм. Организм сам подскажет, когда ему можно выходить на работу.

Такое объяснение показалось мне весьма удобным извинением для нерадивых чиновников. Я припомнил, что сам Леонид Михайлович, вероятно, следуя вышеописанной рекомендации, никогда не появлялся в служебных помещениях консульства раньше

12.00, а уж его-то организм должен был уже приспособиться к коварной «полярке»! Его супруга, подрабатывавшая в администрации рудника, рано уходила из дома, а он после длительных ночных сидений у камина со своей любимой бухгалтершей Натальей отсыпался и отлеживался в постели.

— И когда это состояние слабости исчезнет? — спросил я консула.

— Говорят, адаптация может длиться до двух лет.

— Так к этому времени истечет срок командировки.

— Ну так ее можно всегда продлить, если уж тебе так хочется пройти весь курс адаптации, — предложил Еремеев. — А потом так же болезненно будешь чувствовать себя в Москве, отвыкая от «полярки».

Об этом разговоре я постепенно стал забывать, потому что наступал полярный день, в течение которого солнце немилосердно светит со всех сторон света, и ко мне пришла бессонница. Правда, утром-то я кое-как поднимался, но к обеду так уставал, что после обеда приходилось «прихватить» в постели пару часиков сна. Но если ты поспал днем, то ни за что не сможешь сомкнуть глаз ночью. И так «на колу мочало, начинай сначала».

Старый полярник метеоролог из Мурманска Борис Иванович Синицын тоже советовал не насиловать организм и спать тогда, когда он этого хочет. Признаюсь, я последовал его совету и стал чувствовать себя намного лучше. Правда, иногда приходилось находить себе занятие ночью (ночью это время суток можно было назвать с большой натяжкой, потому что из-под плотных жалюзи пробивался такой яркий солнечный свет, которого нет в самый яркий солнечный день в Африке).

Потом я пришел к выводу, что требовать соблюдения режима дня в условиях, когда главной задачей является решение вопроса о выживании, было бы не разумно. Выполнение самой простой бытовой задачи, о которой на материке вообще не задумываешься, требует на Шпицбергене зачастую колоссальных затрат энергии и времени. Отвести ре-

бенка в детский сад, когда ветер со снегом сбивает тебя с ног, это уже подвиг.

Я снял с повестки дня требование о соблюдении европейского режима дня и настаивал только на том, чтобы порученная работа была сделана в срок и качественно. Это не у всех получалось, для некоторых вообще «упорный труд был скушен», но в целом точку удалось «раскачать», и определенные положительные сдвиги все-таки стали постепенно ощущаться.

Наши опасения не оправдались: «Э» лучше работать не стал.

Шпицбергенская разведывательная проблематика входила составной частью в глобальную Арктическую тему, поэтому мы внимательно отслеживали все, что происходит на архипелаге в экономической, экологической и научной областях, и докладывали об этом в Центр. Естественно, мы зорко следили за тем, чтобы с норвежской стороны не наблюдалось поползновений к использованию территории архипелага в военных целях, в интересах НАТО. В начале 90-х годов проблема военного использования Арктики стояла уже не так остро, как в 70—80-х годах, но окончательно с повестки дня еще не снималась.

Шпицберген с точки зрения условий оперативной работы — даже не большая, а маленькая деревушка, в которой всем обо всем известно, поэтому настоящей агентурной работы мы на архипелаге не вели. Все наши связи и контакты были официальными и дружескими. Другими в «полярке» они просто быть не могли. Причем переход от знакомства к дружбе там был намного короче, чем в той же Норвегии, Швеции или Дании. Человек там не знает, когда сможет увидиться со своим знакомым следующий раз, поэтому ценит представившуюся возможность пообщаться и посплетничать за стаканом пива, рассказать и одновременно услышать что-то для себя новое, познавательное.

Оперработник заявил контакту, что наши компетентные органы не занимаются компрометаци-

ей иностранных граждан, а сообщенных контактом данных пока для этого недостаточно.

Парадоксально, но факт, что работая на «краю Ойкумены», я значительно чаще встречался с крупными политическими деятелями, нежели в то время, когда работал в скандинавских столицах. Причем если в Копенгагене или в Стокгольме я и сталкивался раз в год лицом к лицу с местным членом правительства, то только для того, чтобы перевести ему с русского языка фразу посла или пожать на приеме руку. Не больше того.

На Шпицбергене же я регулярно, не реже одного раза в месяц, имел возможность лицезреть в качестве своего собеседника либо министра труда Норвегии, либо председателя внешнеполитического комитета стортинга*, либо председателя парламентской группы партии Центра, либо еще какую-нибудь важную персону с политического олимпа Осло. Многочисленные делегации из норвежской столицы, выполнив свою миссию в Лонгйербюене, считали своим неременным долгом посетить советские поселки и воочию убедиться, чем мы живем, дышим, как сотрудничаем с сюзсельманом, какие проблемы решаем.

Беседы, как правило, получались интересные, содержательные и достаточно длительные. Консул и я не скупилась на угощение, поэтому приемы проходили на «высшем уровне» с обоюдной пользой для всех участвующих сторон.

Источник сказал объекту: «Здравствуй, Джонсон», на что последний ответил: «Здравствуй, источник».

Запомнился единственный за мою командировку «большой» прием по случаю 74-й годовщины Октябрьской революции. Советского Союза уже не было, но консул решил, что прием нужно было проводить все равно, потому что «не проводить неудобно».

* Парламент Норвегии.

Поскольку другого государственного праздника у новой России еще не было, то воспользовались старым. Где можно было проводить прием в государственный праздник страны, которой уже не было? Только на Шпицбергене.

В Лонгйербюене уже был новый губернатор О. Блумдаль, и мы с нетерпением хотели посмотреть на него вблизи, познакомиться как следует и установить по возможности дружеский контакт.

Новый сюзсельман не разочаровал наших ожиданий. Он прибыл в сопровождении большой делегации на собственном корабле. В темную полярную ночь в консульство ввалилась толпа празднично одетых сотрудников конторы губернатора, администрации «Стуре Ношке», пастор Бьерн (Миша) Серенсен с супругой, врач, горный мастер и многие другие члены лонгйербюенского общества с женами, а также высокопоставленная делегация норвежского МИДа во главе с послом по особым поручениям Яном Арвесеном.

Боже мой, что это был за прием! Было великолепное угощение, спичи и ответные тосты, танцы русские в исполнении переводчика Сверре Рустада, танцы норвежские в исполнении дипломатов консульства, танцы общие с песнями и без оных. Сам сюзсельман пустился в пляс и так «оторвал» «цыганочку» с женой директора рудника Натальей Соколовой, что сразу завоевал все симпатии русской части.

Посол по особым поручениям Арвесен, не желая отставать от Блумдаля, расстегнул фрак, сбросил его на пол и стал на коленях делать «выход» перед покорившей его женой секретаря консульства Аллой Таратенковой. Это было что-то!

Стены дрожали от украинских, русских и норвежских голосов, подхвативших «Катюшу», а потом «Иза острова на стрежень», и пол, вот-вот готовый провалиться, гудел от дружного топота более сотни ног. Во всем была такая искренняя непосредственность, такая истовая упоенность, что мне почему-то пришла в голову гоголевская сцена из «Мертвых душ» с описанием провинциального бала у губернатора и крылатая фраза классика: «...И пошла плясать губер-

ния!» Но сам я тоже находился под влиянием охватившего всех настроения.

Вероятно, мы все присутствовали на последнем приеме в российском загранпредставительстве по случаю годовщины революции...

Было глубоко за полночь, но никто из гостей не хотел уходить. Пришлось сюзельману употребить власть и напомнить гостям о долге вежливости. Разгулявшиеся «норги» стали нехотя одеваться, а когда настала минута прощания, сердце главного врача лонгйербюенской больницы не выдержало, и он стал опять раздеваться. Он поверил шутливой фразе Еремеева о том, что желающие могли остаться в консульстве на всю ночь.

— Я не хочу уезжать домой! Я хочу остаться с моими русскими друзьями! — заявил он, чуть не плача.

Его как ребенка пришлось уговаривать старшему полицейскому Юнссону и заботливой супруге.

Норвежцы пригласили нас на ответный прием, традиционно устраиваемый губернатором в пред рождественские дни. На этот прием наша делегация приехала с подарками, заранее зная, что норвежцы тоже приготовили подарки для нас. Прием этот проходил в аналогичной дружеской и непринужденной обстановке, все много пели, танцевали и веселились от души.

Вспомнив новогодние вечера в посольствах в Копенгагене и Стокгольме, я придумал несколько юмористических сценок-рассказов, перевел их на шведский язык и выступил с ними перед норвежцами. Рассказ был выдержан в документально-телеграфном стиле: я пародировал переписку губернатора с Осло по вопросам взаимоотношений с русскими на Шпицбергене и сорвал громкие аплодисменты. О моем выступлении на приеме узнал убывший уже со Шпицбергена Л. Элдринг и попросил меня прислать ему текст в Осло. Норвежцы потом рассказывали, что рассказ был «пущен» им по сотрудникам министерства юстиции и имел успех.

Вообще в полярной обстановке, вдали от мировой цивилизации, обычные вещи и события приобрета-

ли несколько иную, более эмоциональную что ли окраску. Помнится, вместе с курирующим руководителем Центра, приехавшим в командировку на Шпицберген, мы прилетели в поселок Пирамида и пошли знакомиться с местными достопримечательностями.

Заглянув в тепличное хозяйство, мы обнаружили там двух молодых американцев, о чем-то оживленно беседующих на интернациональном языке жестов с хозяйкой теплицы.

Последняя увидела нас и с радостным лицом бросилась к нам навстречу:

— Как хорошо, Борис Николаевич, что вы появились. Помогите нам объясниться с американскими господами.

Мы с моим спутником подошли к насторожившимся «янки» и представились: вице-консул такой-то и ответственный сотрудник МИД СССР такой-то. Реакция американцев была не совсем обычной. Засмутившись, они сунули нам свои визитки и быстро ретировались в гостиницу. Вероятно, перед поездкой на архипелаг они уже были наслышаны о «тотальной системе слежки за иностранцами в коммунистической России» и приняли наш визит в Пирамиду на свой счет. Не знаю, с какой миссией они оказались в засыпанном снегом советском поселке на Шпицбергене, но на их визитках было указано, что являлись членами географического общества США, филиал в Калифорнии.

Был я свидетелем еще одного странного визита американцев в Пирамиду: под видом туристов прибыли довольно компетентные специалисты в области угледобычи из транснациональной компании «Назерн Рисосез Лимитид» с филиалами в Пасадене (США), Лондоне и Брюсселе. Их всю ночь «развлекал» директор рудника Август Петрович Назаренко, чем вызвал серьезные нарекания со стороны своей строгой супруги. Но ни одной коммерческой тайны он «янки» так и не выдал. Август Петрович, чистой воды украинец, круглый сирота, воспитанный в Сибири в немецкой семье, был настоящим стойким большевиком.

А в Баренцбурге однажды появился сотрудник Информационной конторы США из Тромсе некто Джордж М. Уайт и напросился ко мне на прием. Из беседы с ним я так и не смог составить мнение о целях его визита на Шпицберген, хотя некоторые догадки на этот счет, естественно, были. Достаточно вспомнить, что Тромсе находится в непосредственной близости к Мурманской области, и какую информационную контору надо было содержать американцам при наличии посольства в Осло и нескольких консульств в других крупных городах страны, догадаться не сложно.

Как видишь, дорогой читатель, я не смогу поведать тебе о крутых шпионских делах, о вербовках ценной агентуры среди сотрудников конторы губернатора, о добыче сверхсекретных материалов НАТО, о подставах на заимках для звероловов, тайниковых операциях в каньонах ледника Ломоносова и тому подобной романтике. В этой командировке я во многом уподобился ученому с более-менее широкими познавательными интересами и только искал носителей интересующей меня информации, чтобы в невинном разговоре «снять» с него недостающий фрагмент и вставить его потом в мозаику информационного сообщения в Центр.

*В связи с новыми требованиями информацию с контакта пришлось «снимать» не «втемную», а «втрезвую»**

Не надрывались мы и над контрразведывательным обслуживанием рудника. Новые времена принесли все-таки некоторые положительные изменения, и мы теперь не впадали в истерику оттого, что какой-то шахтер завел дружбу с норвежцем или, на худой случай, попросил политического убежища в Лонгйербюене. В конце концов это касалось только самого перебежчика, его рудничного начальства и консульства. К КГБ и вопросам безопасности это не

* Засоризм относится к периоду борьбы с пьянством в СССР.

имело никакого отношения, если, конечно, перебежчик не обладал государственными секретами. Но таких людей в Баренцбурге и в Пирамиде не было.

Моему предшественнику чуть не прервали карьеру за то, что какой-то метеоролог сбежал к норвежцам и попросил у них политического убежища. Два года спустя, уже при мне, аналогичный случай не только не «потянул» на драму, но с горем пополам завершился как самый бездарный фарс.

Как-то мне позвонил директор рудника А. С. Соколов и прерывающимся от волнения голосом доложил, что из поездки в Лонгйербюен не вернулся некто Романов. Этот житель Полтавщины, физически малоразвитый, оказался не подготовленным к труду шахтера, постоянно прихварывал и не выходил на работу. Руководство рудника перевело его в подсобное хозяйство — «Скотланд Ярд» — скотником. Скоро он стал предметом насмешек со стороны «настоящих» мужчин и загрустил.

Во время поездки в Лонгйербюен он обратился в контору губернатора и попросил там политического убежища, поскольку не смог в Баренцбурге «реализовать свое право на труд». Мы связались с Элдрингом, и тот подтвердил, что Романов находится у них и что его ходатайство направлено на рассмотрение министерства юстиции Норвегии!

— Господин Элдринг, — сказали мы сюзсельману по-дружески, — вы можете поступать, как вам заблагорассудится, но уже прошли те времена, когда можно было бежать из России под надуманным или реальным предлогом политического преследования. Если вы дадите вид на жительство Романову, завтра к вам прибегут десятков подобных, потому что ситуация экономическая в стране и в поселке тяжелая.

Прошло два дня, и вертолет сюзсельмана доставил Романова на Финнэсет и улетел. Романов, как ни в чем не бывало, дошел пешком до своего общежития и завалился спать. Отоспавшись, он заявился в консульство отметить свое возвращение, а потом отправился рассказывать о своих приключениях в Лонгйербюене товарищам по работе. Самым важ-

ным событием за эти дни для Романова явилось получение карманных денег от сюзсельмана в сумме 700 норвежских крон и возможность «от пуза» напиться кока-колы.

В. пока не нашел достаточных оснований для отказа от сотрудничества, поэтому деньги был вынужден взять.

— Парни, у меня до сих пор в животе от нее урчит, — горделиво рассказывал несостоявшийся политэмигрант любопытным коллегам в общезитии.

Следующим самолетом его отправили домой в уже самостоятельную Украинскую республику.

В условиях Шпицбергена снегоход играет ту же роль, что и автомобиль на материке. Он — основное транспортное средство и для решения бытовых и оперативных вопросов, а также и для отдыха. В консульстве в скутерной стояло несколько снегоходов «Ямаха», но исправен из них был только один — консула. Остальные шесть снегоходов, принадлежащие резидентуре, находились в жалком состоянии, заезженные до предела нашими предшественниками по работе.

Первым делом мы принялись за восстановление нашего парка снегоходов, благо, что наш шифровальщик оказался мастером на все руки и большим энтузиастом мотоциклетного спорта. В техническом отношении двигатель снежного скутера мало чем отличается от мотоциклетного, поэтому ремонт «ямах» нам обошелся практически бесплатно. Запасные части к ним продавались в Лонгйербюене, так что скоро вся резидентура и члены наших семей стали выезжать сначала на короткие прогулки вокруг Баренцбурга, а потом и в Лонгйербюен.

Ощущение езды на снегоходе не передаваемо. Облачившись в непродуваемые комбинезоны, перчатки, валенки, шлемы и маски, обыкновенный жал-

кий пешеход превращался в гордого наездника, эдакого рыцаря снежных просторов. Мчишься по замерзшему заливу со скоростью 70—80 км в час, затаив дыхание, «проглатываешь» расстояние, ныряешь с замершим сердцем в глубокий каньон, и, обозревая неподобную снежно-голубую панораму, вдруг обнаруживаешь, что внутри тебя начинает рождаться песня, возникает состояние эйфории и легкого, как от шампанского, возбуждения. Блеск!

Наши отремонтированные «ямахи» скоро стали предметом зависти рудничных. Японские машины значительно превосходили отечественные «Бураны», тяжелые и неуклюжие изделия, сконструированные еще в начале 50-х на базе финских скутеров. И хотя они были старенькими, а наше снаряжение не настолько красочно, как у норвежцев, мы все равно выделялись на фоне «серой действительности» и служили причиной разных досужих домыслов и пересудов.

Передвижение на снегоходах и вообще выезды в горы или на рыбалку на озера требовали соблюдения мер предосторожности. Мы брали с собой в обязательном порядке карабины с запасом патронов, ракетницу и рацию. В окрестностях поселков с марта месяца начинали бродить белые медведи, и встреча с ними не сулила ничего хорошего. Мне лично ни разу не «посчастливилось» встретиться с «хозяином», но почти ежедневно появлялись сообщения о том, что белый медведь учинил разгром той или иной зимовки, зашел в поселок или даже совершил нападение на одиноких туристов.

По выходным вместе с метеорологом Синицыным, директором шахты Соколовым мы отправлялись на подледный лов шпицбергенского гольца. Местом нашего отдыха выбирали либо озеро Ледяное, куда сползал мощный красивый ледник и где дирекция рудника устроила себе нечто вроде дачи, и озеро Линнея, неподалеку от которого находились мыс Старостина и «Ис-фиорд-Радио» — метео- и радиостанция норвежцев, которая наряду с выполне-

нием своих прямых функций осуществляла, по нашим предположениям, задачи отслеживания за передвижениями судов Северного ВМФ.

Мы брали с собой шахтерские «тормозки» — наборы съестных припасов и на целый день выбирались на лед. Уловы были не очень впечатляющими, потому что из одной лунки можно было максимум выловить одного-двух гольцов весом не более 150-200 граммов, а сверлить лунку в полутораметровом слое льда было не очень приятным занятием. Но впечатлений от самого похода хватало надолго.

Однажды в апреле месяце вместе с несколькими сотрудниками рудника я отправился на неизменном буксире «Гуреев» в район Земли Оскара II. Вертолетчики рассказывали, что в заливах появилось много всякой живности, в том числе и моржей, которых в этих краях давненько не видели. Отовсюду сползали ледники, вскрывался лед в заливах, и мы медленно лавировали среди ледяных завалов, держа курс на вершину горы Эльйхорнет. Изредка мимо нас на льдинах проплывали грязно-серо-коричневые морские зайцы с белоснежными только что народившимися детенышами.

Мы вошли в бухту Буре, в которую вместе со льдом вползал густой туман, и скоро буксир уперся носом в сплошную кромку льда. Впереди метрах в трехстах-четырёхстах у самого берега чернели две или три огромные неподвижные туши. Главный инженер Воронуха прицелился в одно из этих пятен, но начальник горноспасательного отряда Павел Сериков, «делающий» уже вторую «полярку» на Шпицбергене, отвел дуло его карабина в сторону:

— Не советую вам тревожить зверя. Да и сюссельман не похвалит за раненого моржа. А убить его из этой «свистульки» все равно не сможем. Да и зачем? Давай сходим посмотрим.

Павел спустил веревочный трап и спрыгнул на лед.

— Ну что же вы? Идемте!

— Нет уж, — отмахнулся главный инженер, — я посмотрю лучше на тебя.

Павел довольно уверенно шел по толстому льду, а

мы остались на палубе, ожидая, как морж среагирует на приближение человека.

Когда до моржа оставалось метров тридцать или сорок, мы услышали характерный рев, словно где-то рывкнул гудок буксира. Павел остановился и замер. Мы видели, как моржиха заслонила собой детеныша и заняла угрожающее оборонительное положение. Неожиданно она сползла со льдины в воду и исчезла. Павел не стал дожидаться ее появления из полыньи где-нибудь совсем рядом с собой и поспешил обратно к нам. Он пробежал большую часть разделявшего нас расстояния, когда сзади него из-под льда возникла усатая боцманская морда. Хорошо, что других «окон» на его пути больше не оказалось.

— Видал? — торжествующе крикнул Павел Воронухе, карабкаясь на борт буксира.

— Да-а-а, с такой дурой лучше не связываться.

Мы постояли некоторое время у кромки льда, убедились, что моржиха вернулась к детенышу, и пошли обратно. Нам предстояло стать на якорь, добраться на шлюпке до берега и пешком пройти километра два-три по тундре Эрдмана и разыскать озеро с одноименным названием. Ходили слухи, что в озере видимо-невидимо гольца.

Воронуха предпочел остаться на борту «Гуреева», а директор Соколов, Сеницын, Павел и я сошли на берег. Уже наступила короткая весенняя ночь, и через высокий перевал мы шли в сумерках. Впереди тропил Сеницын, за ним — Павел, потом — Соколов и в конце цепочки я. Несмотря на то, что я шел последним, я так же быстро выдохся, как и впереди идущие. И не мудрено: мы проваливались в мягкий снег по пояс, и были вынуждены идти след в след, постоянно меняясь местами в цепочке.

Судя по карте, мы должны были уже подойти к озеру, но кругом была плоская равнина, и никаких намеков на берега и характерное углубление не было. Сбиться с курса было довольно трудно, потому что слева шла высокая горная гряда, а уйти вправо нам мешало море. Мы барахтались в снегу уже больше часа, а озеро все не показывалось. Наконец кто-то пред-

ложил сделать привал. Мы в изнеможении легли на спину около какой-то скалы и посмотрели на небо.

— Ребята, а уже понемногу светает, — заметил Синицын.

И точно. Через пять-семь минут воздух вокруг нас окрасился розовыми лучами находившегося еще за горизонтом солнца. От первобытной тишины звенело в ушах. И вдруг звон в ушах прибавился. Я прислушался: писк-звон то пропадал, то появлялся снова в типичном ритме полета подмосковного комара. И вдруг прямо на нос мне сел... комар! Ничего себе: на Шпицбергене повсюду еще лежит толстый слой снега, весна только начинает себя показывать, а в тундре уже появились комары.

А солнце между тем уже показало свою макушку над горной грядой, и тишину тут же нарушило пение жаворонка. Нет, конечно, это был не жаворонок, а шпицбергенская пеночка — первый вестник весны — возвратившаяся из теплых краев. Ее песню подхватила подружка, другая, третья, и вот воздух наполнился многоголосым щебетаньем, похожим на щебетанье стрижей или ласточек над куполом старой церкви.

Солнце уже поднялось окончательно, и, осмотревшись, мы двинулись в путь, постоянно сверяясь с картой. Наконец мы увидели, что местность стала понижаться.

— Борис, давай бури. Это лед, — приказал Соколов.

Синицын снял с плеч бур и резво воткнул его в снег. Скоро он уперся в твердое покрытие и стал пробуксовывать. Синицын вынул бур, и на снег упали черные комочки грунта.

— Какое озеро, мы бурим тундру. Боря, смотри, в лицо брызнет нефть, — пошутил Павел Сериков.

Синицын сделал еще несколько попыток бурения, но везде наткнулся на грунт.

— Так где же это чертово озеро Эрдмана? — взмолился Соколов.

Все молчали. Судя по окружению, озеро было рядом, но до льда и до воды мы так и не добрались.

— Надо возвращаться. Прошло четыре часа, как мы ушли. Воронуха, наверное, уже беспокоится.

Мы тронулись в обратный путь, и с трудом волоча ноги, ежечасно отдыхая, еле «приволоклись» до шлюпки. По палубе «Гуреева» нервно вышагивал Воронуха, в голове которого, возможно, зародилась не одна «дурная» мысль о причинах нашего долгого отсутствия. Тут же на море обрушился «заряд», и «Гурев» с Воронухой исчезли из вида.

Наше полусуточное путешествие не увенчалось успехом. Но озеро Эрдмана было через две недели обнаружено с воздуха по характерному пятну. На льду озера тоже появились полыньи. Голец там действительно был, но не в таких уж фантастических количествах, как мы ожидали.

А ночной поход по тундре Эрдмана и встреча шпицбергенского рассвета навсегда остались в моей памяти.

Арктика не любит шуток и самонадеянности. Она постоянно напоминает о себе людям, заставляет их быть собранные, внимательнее, всегда готовыми к неожиданностям. Шпицбергенская «полярка» и нам подбрасывала сюрпризы, которые, к счастью, заканчивались благополучно. По отношению к некоторым другим полярникам, к сожалению, этого сказать нельзя.

Незаживающей до сих пор раной стала гибель двух вертолетчиков, вызванная аварией управляемой ими машины. Это случилось в марте, особенно богатом оттепелями, метелями и неожиданной сменной погоды. В этот день прилетел из Москвы самолет. Он привез с материка новую смену шахтеров и должен был забрать с собой тех, у кого срок командировки на Шпицбергене кончился. Три вертолета то и дело поднимались с аэродрома Лонгйербюен и брали курс то на Пирамиду, то на Баренцбург, развозя людей и грузы, стараясь сделать свое дело в срок, чтобы не задержать вылет рейса.

Все экипажи, набранные из Липецка, Воронежа, Тамбова и Ярославля, получили достаточный опыт работы в арктических условиях и уверенно летали практически по всему периметру архипелага. Вертолеты, как утверждали, были далеко не новыми, они

побывали в боевых действиях в Афганистане, но свой ресурс еще не исчерпали. Одному из экипажей предстояло сделать последнюю ходку в Пирамиду и забрать там последнюю партию горняков. При заходе на вертолетную площадку, расположенную на самом краю бухты Мимер, обрамленную со всех сторон крутыми отвесными горами, их застала первая волна «заряда» выпущенной из «небесной пушки» снежной «шрапнели», в которой сразу теряется видимость и визуальная связь с землей. Сделав слишком крутой вираж, вертолет задел лопастью скалу и рухнул на лед. Погибли двое членов экипажа, молодые и веселые ребята. Баренцбург и Пирамида долгое время пребывали в трауре.

В августе в консульство позвонил А. П. Назаренко и попросил меня срочно прилететь в Пирамиду в связи с несчастным случаем, в результате которого погиб 46-летний начальник порта. В происшествии был замешан финский гражданин, и прежде чем на месте трагедии должна была появиться норвежская полиция, нужно было попытаться провести собственное расследование. Не скрою, на беспристрастное отношение сотрудников конторы губернатора априори мы не очень-то надеялись.

Обстоятельства гибели начальника порта были совершенно нелепыми и тривиальными. Накануне в порту Пирамиды неожиданно появилась иностранная яхта, управляемая двумя финскими гражданами. На небольшом суденышке, оснащенном, правда, самым современным навигационным оборудованием, финны прошли Балтийское и Северное море, обогнули Скандинавский полуостров и благополучно пересекли океан. Радость от свершения такого подвига была, очевидно, непомерной, и они пригласили к себе на борт начальника порта, бывалого ленинградского моряка и портовика, и других сотрудников причала.

Известно, как относятся к спиртному финны и русские. А когда нужно было отметить благополучное завершение перехода из Хельсинки в Пирамиду, то интернациональная спайка превратилась в опас-

ную смесь. Очевидцы утверждали, что выпито было много. Все участники дружеской попойки разошлись по домам, кроме начальника порта, который жил в квартире тут же на причале. Утром он не вышел на работу, а когда пришли проверить, не ночевал ли он на борту яхты, то там его не оказалось. Полусонные и пьяные вдрызг финны ничего толкового насчет своего ночного гостя сказать не могли, но, судя по всему, какую-то мрачную информацию, несмотря на незнание обеими сторонами общего языка коммуникации, до наших торговиков они донесли. И тогда вызвали представителя консульства.

Когда я прилетел и сразу же прошел на причал, финны спали мертвым сном. В каюте резко пахло алкоголем, на полу повсюду валялись пустые бутылки, а на не убранном столе засохли остатки скудной закуски.

Не церемонясь, я растолкал спящего финна и усадил его за стол.

— Где начальник порта? — спросил я его в упор на шведском языке.

Финн долго осмысливал вопрос, раскачиваясь всем туловищем взад-вперед, потом сморщил свое и без того смятое лицо и заплакал. Я не стал наседать на него и дал выплакаться. Несколько успокоившись, финн, владелец яхты, заплетающимся языком поведал следующую историю:

После того как все гости ушли с яхты, начальник порта сбегал к себе домой и принес новую бутылку водки. Когда она была опорожнена, второй финн не выдержал и ушел спать (он и при моем появлении не пришел еще в себя и храпел за ширмой). Начальник порта, крупный упитанный мужичина, более-менее держался на ногах и был чрезвычайно возбужден. Скоро он объявил финну, что ему жарко, и стал раздеваться.

— Пойдем выкупаемся и охладимся, — позвал он финна.

Несмотря на август месяц, температура воды в заливе Мимер была не выше 2—3 градусов, и финн, естественно, стал отговаривать своего русского друга от этой затеи.

Уже стоял полярный день, и во всю светило солнце, и финн видел, как русский друг сиганул с борта яхты и на некоторое время исчез под водой. Потом он вынырнул, закричал от пронзившего все тело холода и стал цепляться руками за трап. Но трап торчал над водой на сорок-пятьдесят сантиметров, и обезумевший от холода начальник порта не мог никак достать его рукой. Тогда финн якобы протянул ему руку, чтобы помочь выбраться из воды, но тот был очень тяжелым, и вытащить его из воды не было никакой возможности. Так они пробарахтались минуты две-три, а потом рука начальника порта выскользнула из руки финна, и человек ушел под воду навсегда.

Финн якобы стал звать людей на помощь, но никто его не услышал. Обессиленный и потрясенный случившимся, он заснул и больше не просыпался до того самого момента, пока его не растолкал советский вице-консул.

Финн сидел за столом и растирал ладонью слезы по лицу, а я думал о том, как глупо может завершить свой жизненный путь человек вдали от родины, от семьи, пославшей его на заработки.

Начальника порта искали, но, учитывая глубину моря, сильное течение и время, прошедшее с момента его гибели, поиски вскоре пришлось прекратить. Потом прилетел вице-губернатор Вейдинг с полицейскими и провел обстоятельное расследование случившегося. Так же, как и мы, норвежцы пришли к заключению, что произошел несчастный случай.

... Мы не остановились на достигнутом и приступили к ремонту находившегося в нашем распоряжении морского катера — также доведенного нерадивыми пользователями до аварийного состояния. Приближалось лето, и катер при отсутствии снега должен был решить насущные проблемы связи с норвежским поселком и попутно доставить нам массу радостей. В противном случае мы должны были все время ориентироваться на единственный в Баренцбурге кораблик — портовый буксир «Гуреев» — и вертоле-

ты треста, которые наши планы, естественно, в расчет не принимали и ходили в Лонгйербюен, когда это вызывалось исключительно потребностями дирекции рудника.

В июне, после длительных мучений, мы кое-как отремонтировали шведский двигатель катера, «словили» кран и спустили с его помощью наш «крейсер» на воду для проведения пробных испытаний. Испытания прошли более-менее удовлетворительно, и мы запланировали в ближайшие выходные поход к мысу Старостина. Это была наша вторая маленькая победа над разрухой и бесхозяйственностью. Арсенал оперативной техники пополнился важным средством передвижения, и мы с возросшим оптимизмом смотрели в наше полярное будущее.

Оперативная техника облегчает работу мозга оперработника наполовину: она позволяет не запоминать ответы источника.

А между тем по мере развала государства мы на Шпицбергене испытывали лишения в части поддержания связи с материком. Магнитная шапка над северным полярным кругом блокировала слабые радиосигналы старенькой поселковой радиостанции, и мы неделями сидели без связи с Москвой. Наиболее срочные телеграммы приходилось в закодированном виде посылать по телефаксу в наше посольство в Осло. Двойная шифровка вызывала досадные накладки и недоразумения.

В конце 1991 года прервалась авиасвязь с Мурманском и Москвой. Регулярные — раз в две недели — полеты самолетов «Аэрофлота» стали не под силу тресту «Арктикуголь» в силу дороговизны аренды. Рудник лишился возможности вовремя заменять смены шахтеров, а консульство — курьерской связи. Декларированные новой властью хозрасчет и самостоятельность предприятий выходили всем нам «боком».

Мириться с такой ситуацией было уже невозможно, и «Арктикуголь» решил вернуться к старой практике использования пароходов. Первый пароход из

Мурманска шел в разгар «полярки» четверо суток (было вообще удивительно, как он дошел и не вмерз во льды), и его прибытие в Баренцбург совпало с моим 50-летним юбилеем. Капитан парохода отказался входить в покрытый толстым льдом Грен-фиорд и бросил якорь у входа в залив, у кромки Ис-фиорда, где вода была еще чистая.

Выгрузка и погрузка на пароход с помощью зависавших над палубой вертолетов в условиях крепчайшего мороза и темной полярной ночи превратились в героическую эпопею. Капитан судна дал указание машины не останавливать, и пароход не стоял неподвижно на месте, а все время маневрировал. Но и это не помогло, и пароход все-таки сковало льдом. Лед вокруг парохода пришлось подрывать, но для этого потребовалось разрешение сюзсельмана. В ночной кутерьме в воду попало несколько пассажиров, но их, слава Богу, удалось спасти.

Прибывшие в консульство дипкурьеры не попадали зубом на зуб от холода и затравленно озирались по сторонам, ожидая с нашей стороны какого-нибудь подвоха. Когда их отпоили «баренцбургским грогом», они произнесли только одну фразу: «Никогда больше... ни ногой на Шпицберген» и чуть не разрыдались.

Весь мой юбилей прошел под знаком отправки парохода, и от стола отходил то один гость, то другой, чтобы тоже подключиться к подвигу.

А подвигам в нашей русской жизни действительно всегда есть место.

Прав был классик — он как в воду глядел.

Воду Гренландского моря.

В этой связи вспоминается следующий характерный для первых лет «демократии» эпизод. В Баренцбурге одним ранним мартовским утром 1991 года случился переполох. Без всякого предупреждения в порт прибыл огромный — водоизмещением 80 тысяч тонн — ледокол! Спустя час в консульстве появился его бравый капитан, чтобы засвидетельствовать нам свое почтение, с одной стороны, и объяснить причину нежданного визита, с другой.

Оказалось, что Мурманское пароходство, получив

самостоятельность, решило немедленно ею воспользоваться в самых благородных целях — заработать для порта и его акционеров валюту.

— Ну и что? — спросили мы недоуменно капитана.

— Как что: у нас ледокол, у вас — лед. Мы готовы...

— Позвольте, позвольте. То, что вы готовы колоть лед, у нас сомнений нет. А для кого вы хотите его колоть?

— А разве Баренцбургу не нужно?

В ответ мы дружно расхохотались, а капитан укоризненно посмотрел на нас, принимая, вероятно, за слабоумных.

— Да у нас не то что оплатить ледокол, нам не на что купить... — И директор рудника стал перечислять, на что у него не хватает средств.

— Вы бы спросили нас по радио, прежде чем заходить, — посоветовал консул Еремеев.

— А норвежцы? Может, им нужно? — не совсем уверенно спросил капитан ледокола.

Мы позвонили в контору сюзсельмана и поинтересовались, не нужен ли им ледокол.

— А зачем? — удивился губернатор. — Во-первых, навигация у нас начнется в мае, и к этому времени лед в заливе вскрыется, а во-вторых, откуда у вас появился ледокол?

Мы объяснили, откуда, и сюзсельман проникся к русскому капитану жалостью, но помочь делу ничем не мог.

— Ну так что будем делать? — спросил Еремеев затихшего капитана.

— Да ничего. Придется возвращаться домой. А давайте я вас прокачу на ледоколе. Посмотрите, что это за зверь и как он ходит во льдах.

— С удовольствием.

Мы быстренько собрались и поехали в порт. По льду перешли до середины залива и с трудом поднялись на высоченный борт ледокола. Тут же прошли в огромную рубку, и капитан дал команду «вперед». Машины послушно заработали, и несколько тысяч лошадей стронули огромный утюг с места. «Утюг» наползал тупым носом на лед, подминал его всей своей

тяжестью под себя, хрустал, проглатывал и выплевывал мокрую кашу за кормой.

Слов нет. Впечатление было сильное. Мы убедились, что техника работала отлично.

Только попала она в дурные руки.

Мы «прокатились» туда-сюда по Грен-фиорду и пожалели, что ледокола не было в ту драматическую февральскую ночь, когда он действительно был нужен.

На душе после ухода ледокола было смурно. Если у нас будет такой капитализм, то хорошего для страны он ничего не принесет.

Я как в воду Ледяного фьорда смотрел!

Синдбадиада

*Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся...*

Г. Р. Державин

В наше первое морское самостоятельное путешествие мы отправились вчетвером: кроме меня (естественно, капитана), наш экипаж состоял из Димы Балашова (рулевой-моторист), вице-консула Валеры Каменскова (стрелок-навигатор) и дежурного коменданта-водителя Саши Потехина (матрос). Жены снабдили нас съестными припасами, а Борис Иванович Синицын — новенькой армейской рацией, чтобы держать связь с поселком. Естественно, захватили с собой два дробовых ружья, два карабина с большим запасом патронов и ракетницу с ракетами на случай необходимости подать и визуальный сигнал с противоположного берега фиорда, который хорошо просматривался с балкона консульства.

Целью «экспедиции» было дойти до мыса Старостина, а потом через свободную протоку, соединявшую озеро Линнея с морем, пройти в озеро и наловить как можно больше гольца для наших жаждущих красной рыбы семейств. По пути туда и обратно предстояло настрелять диких уток, которые огромными стаями носились над Грен-фиордом, садились

на воду и вновь поднимались в воздух, красиво подставляясь под выстрел.

Море было спокойно и во всю светило ослепительное солнце. Температура воздуха, вероятно, достигла максимума — около плюс 12° по Цельсию, но на море было достаточно прохладно.

Мотор катера с нескольких попыток завелся, и мы лихо вырулили из портовой акватории на «простор морской волны». Берег стал медленно удаляться от нас, предметы и береговые сооружения — постепенно терять свои очертания. Впереди по курсу у мыса, отделявшего Зеленый фиорд от Ледяного, пенились бурунами волны. Это была известная скала по имени Крепость. За мысом мы резко поворачивали на юг, где собственно начиналось уже Гренландское море и тонкой белесой полоской выступала Земля принца Карла.

Настроение у всех было приподнятое, сравнимое, может быть, с настроением мальчишек, тайно улизнувших из дома в поисках клада и приключений. Мотор мерно стучал под толстым кожухом, катер шел со скоростью 40—45 километров в час, оставляя за собой гладкую заутюженную полосу воды, а вокруг открывались чарующие глаз виды.

Раздался первый выстрел Каменскова, и на дно упала выловленная багром из воды первая утка. Потом выстрелы зазвучали все чаще, не все попадали в цель, но минут через пятнадцать наша добыча пополнилась еще тремя или четырьмя экземплярами крикающей фауны. Мы беспорядочными зигзагами носились посреди Грен-фиорда за стаями уток, мало обращая внимание на берег, потому что он находился от нас не менее чем в километре.

Так, преследуя уток, мы вышли из Зеленого фиорда и вошли в Ледяной, более широкий и, как мы полагали, более глубокий.

У заветной протоки началась песчаная отмель, и мы, подняв на корме винт и попрыгав в воду, подтянули катер на берег, хорошенько закрепили его тросом и отправились на озеро пешком. Протока оказалась мелкой и для нашего катера непроходимой.

Несмотря на середину июня, озеро Линнея было покрыто сплошным льдом и обещало оттаять не раньше августа, чтобы через месяц вновь покрыться ледяным панцирем. Но и на лед выбраться было невозможно из-за освободившихся окраин.

Вычеркнув из плана пункт о красной рыбе, мы вернулись на катер, чтобы продолжить увлекательную охоту на уток. Отплыв на достаточное расстояние от берега, мы взяли курс на ближайшую стаю уток и приготовились к стрельбе. Вдруг днище катера под нами вздрогнуло, раздался характерный скрежет металла, и мотор заглох.

— Может, налетели на белуху или на моржа? — высказал предположение Потехин. Высказывание дежурного коменданта было не лишено смысла, потому что белухи, уже давно не появлявшиеся в этих водах, последнее время стали «баловать» нас своим вниманием. Мы неоднократно наблюдали из консульства этих крупных морских животных, идущих всегда ровной цепью, чтобы загнать в кучу рыбу.

— А почему же такой скрежет? — робко задал вопрос Балашов.

Мы подняли навесной винт и увидели, что его лопасти были искорежены, ось заклинена, и о дальнейшем его использовании не могло быть и речи.

— Мы налетели на подводный камень, — сказал вслух Балашов то, о чем мы все одновременно подумали в эту минуту.

— Но ведь до берега вон сколько — откуда здесь рифы? — недоуменно спросил Каменсков.

— Рифы встречаются и подалее от берега, чем здесь. Надо было запастись лощей, — вовремя сделал полезное заключение Балашов.

У всех на лицах появился извечный вопрос: «А что же нам делать дальше?»

Осмотревшись, мы обнаружили, что находились метрах в трехстах от берега примерно на линии, разделяющей Ледяной фиорд от океана. При этом из глубины фиорда подул ветерок, и нас стало сносить медленно, но верно в открытое море.

— Гребем веслом и всем, чем попало, — скомандовал я.

Здоровяк Балашов схватил весло и сделал несколько глубоких гребков, после чего послышался треск, и половина весла осталась у него в руках, а вторая, более нужная — за бортом.

Грести было нечем. Мы не могли даже грести ладонями, потому что руки не доставали до воды — слишком высоки были борта «крейсера». На некоторое время нами овладели испуг и растерянность. Ветер, не переставая, продолжал неуклонно сносить неуправляемый катер в Гренландское море, и расстояние до берега увеличивалось на глазах.

— Давайте попробуем вызвать помощь по радиации, — предложил кто-то, и мы тут же спешно развернули радию. Наши сигналы «SOS» летели один за другим в трубку, но ответа на них мы ни разу так и не получили.

Ветер слегка стих, а наши гребки шестом и прикладами ружей, кажется, помогли замедлить, а потом и остановить наш дрейф, но до берега было по-прежнему далеко.

— Смотрите: паролод! — крикнул радостно Потехин.

Мы разогнули спины и увидели километрах в трех от нас красивый огромный лайнер, медленно вползающий в Ледяной фиорд. В бинокль мы прочитали на его борту надпись «Казахстан».

— Это наш «пассажир» с немецкими туристами на борту, — сказал Валера Каменсков. — Я читал в местной газете о его прибытии в Лонгйер.

— Валера, пали из ракетницы, а ты, Дима, продолжай вызывать помощь по радиации.

В воздух взлетела одна оранжевая ракета, другая, эфир глотал наши аудиопризывы о помощи, но никакой реакции с борта «Казахстана» не последовало. Лайнер горделиво, словно белый лебедь, резал у нас на глазах воду и торжественно нес на своей спине и в своем чреве зажавшихся валютных туристов, обращая ноль внимания на терпящих бедствие собственных граждан. Скоро он совсем втя-

нулся в глубь фиорда и превратился в светлое пятнышко на голубом фоне.

— Хорошо идет, сволочь, — произнес в тягостной тишине Каменсков.

Настроение было точь в точь такое, какого хуже нельзя было придумать.

— А мне думается, что ветер переменялся, — нарушил тягостную тишину Потехин.

— Точно! Он тянет нас к берегу! — вскричал я. — Давайте ему поможем.

Мы с удвоенной энергией начали грести всеми подручными средствами и с удовлетворением отметили, что расстояние между нами и берегом стало сокращаться.

— Ура-а-а! — закричали мы все. — Мы спасены!

С помощью ветра и шеста мы уверенно приближались к небольшой тихой лагуне, а через полчаса катер плавно ткнулся носом в песок. В радостном изнеможении все повалились на днище катера.

Мы благополучно выбрались на сушу, что, несомненно, позволило нам ровнее дышать. Оставалось только решить простенькую задачку, состоящую всего из одного вопроса: как добраться до Баренцбурга, который был хорошо виден невооруженным глазом с высоты холма, куда мы взобрались, как только восстановили силы. В бинокль же хорошо было видно, как по поселку сновали люди, машины. Удалось даже рассмотреть фигуру женщины, вышедшей полюбоваться видами на балкон «замка Иф».

Это внушало определенный оптимизм. Мы опять развернули рацию и стали вызывать метеопункт, на котором нас должен был услышать Борис Иванович. Но Дима Балашов, сорвав голос, так и не добился от потомственного полярника ни одного звука в ответ. Стало ясно, что цена армейской рации не превышала стоимости железа, из которого она была изготовлена, и нам захотелось даже растоптать ее ногами, но решили все-таки сохранить состоящее на учете государственное имущество.

Баренцбург по гипотенузе прямоугольного треугольника находился от нас на противоположном бе-

регу километрах в десяти-одиннадцати*. Мы решили сократить это расстояние, пройдя по малому катету вдоль залива, и выйти на расстояние большого катета, чтобы оттуда подать обусловленный сигнал бедствия.

Оставив грузного Диму Балашова с карабином охранять катер и прочее имущество, мы втроем двинулись в глубь Зеленого фиорда. Тундра — не самый благоприятный грунт для пешехода, одетого в резиновые сапоги. «Расквасившись» после снеготаяния, она еще не успела просохнуть, сверху несли потоки воды многочисленные ручьи, некоторые из них были настолько глубоки, что приходилось искать брод. По короткому катету нам предстояло пройти километра четыре, но не пройдя и половину пути, мы уже выбились из сил. Увязая почти по колено в топкой грязи, на первый километр мы потратили не менее часа. Потом попался каменистый участок, который тоже отнял достаточно много сил, потому что надо было прыгать и попадать ногой на устойчивую опору.

По пути нам встретилось небольшое стадо оленей, и Саша Потехин, приблизившись к ним, стал звать:

— Борька, Борька! Подойди ко мне!

Борькой в Баренцбурге звали оленя, который в самую зимнюю стужу спускался с гор и приходил в поселок в поисках пищи. Зима в этот год выдалась морозная и снежная, и много оленей погибло от голода, так и не сумев раскопать из-под снега ягель. Борька быстро привык к хорошей жизни и смело подходил к людям и брал у них из рук подачки.

Олень, которого Потехин назвал Борькой, был красивым и самым крупным самцом. Он стоял впереди стада, состоящего в основном из самочек, и, раздув ноздри, настороженно смотрел на приближающегося к нему коменданта.

— Борька, ну иди же ко мне, — произнес добрый комендант, протягивая ему корку хлеба.

* На Шпицбергене в ясную погоду видимость значительно превышает материковую, поэтому при определении расстояния новичок может ошибиться на минус 40—50 %. То, что ему покажется на первый взгляд 5 километрами, на самом деле обернется 8—9.

Олень рванулся вперед и в два прыжка оказался перед Потехиным. Саша не успел произнести больше ни слова, потому что в следующую секунду он почувствовал сильный удар рогами в грудь и свалился в грязь, как неустойчивая фишка домино. Олень не успокоился на том, что поверг незваного гостя наземь, а стал бить его копытами и бодать рогами. Потехин, не ожидая такого коварного подвоха, не издал от страха ни звука и только ногами защищался от напора дикого зверя.

Мы опомнились и выстрелили в воздух. Стадо мгновенно исчезло за бугром, а вместе с ним и его гордый предводитель. Саша поднялся на ноги и стал отряхиваться от прилипшей к одежде грязи. Руки его тряслись, и вид у него был, прямо скажем, неважнецкий. Слава богу, никаких повреждений на теле обнаружено не было. Обманутый в самых лучших желаниях, Саша всю дорогу хранил молчание и старался не смотреть нам в глаза. Мы с Валерой Каменсковым понимали его состояние и не задавали лишних вопросов, погрузившись в собственные мысли.

Наконец мы вышли прямо напротив поселка и остановились, чтобы подать сигнал.

Ракеты одна за другой взвивались в голубое небо, оставляя за собой рваный оранжевый цвет лишь на несколько секунд, потому что дул свежий ветер. Кроме того, оранжевый цвет на фоне яркого ярила был еле заметен самими сигнальщикам, не говоря уж о том, что его могли заметить из поселка.

Истратив весь запас ракет, мы поняли, что наш сигнал не сработал.

— Надо идти к водопроводчикам, — предложил Валера. — Там у них есть рация.

Следует пояснить, что Баренцбург питается ледниковой водой через трубы, проложенные по дну Зеленого залива. Источником водоснабжения является небольшое высокогорное озеро-спутник озера Линнея. Водопровод обслуживала бригада из трех или четырех полярников, которые постоянно жили при нем и в поселке появлялись очень редко. Им регулярно завозили продукты питания, а контакт с ними держали по радио.

Мы вздохнули и тронулись опять в путь. До основного жилища было не менее трех километров. Коробку этого незамысловатого строения мы хорошо видели. Она находилась прямо напротив южной окраины Баренцбурга.

На зимовье водопроводчиков никого не было, кроме агрессивных чаек-крачек, атаковавших нас с назойливостью и смелостью осинового племени. В качестве оружия они искусно используют свой помет. Первой жертвой их беспорядочной «бомбардировки» пал бедный Потехин: они не только сбросили на него свою «бомбочку», но и больно клюнули в затылок. Мы быстренько надели на головы шапки, а возмущенный Каменсков не выдержал и пугнул их выстрелом из дробовика.

Домик был закрыт, вероятно все ушли к насосной станции в горы, где у них тоже было жилье и где они в основном занимались рыбной ловлей. Надо было что-то делать.

— Может, дойти до станции? — неуверенно предложил Потехин, и сам понимая нереальность своего предложения. Семь километров лазания по горным тропам мы бы не выдержали.

— Нет уж, — отпарировал Каменсков. — Надо проникнуть в дом, там есть телефон, по которому можно связаться с насосной станцией.

Это был выход. Тщательно обследовав со всех сторон домик, мы обнаружили лаз, по которому один за другим влезли внутрь. Действительно, там был телефон, но в его трубке было так же глухо, как в боевой машине бронетанковых войск. Ребят не было на месте. Скорее всего были на ремонте линии или ловили гольца.

— Да-а-а, — протяжно заметил Потехин. — Дела-а-а. И завалился спать.

В течение примерно часа мы названивали на насосную станцию, пока кто-то на том конце линии не взял трубку. Обрадованные, мы объяснили ситуацию и попросили сообщить обо всем в консульство или в дирекцию рудника. Уже давно истекло контрольное время нашего возвращения, и можно было себе

представить, что могли подумать наши жены. Вообще все великие путешественники по сравнению с нами были несомненно в более выгодном положении. Они спокойно уплывали от семей на тысячи километров, делали великие и малые открытия, нисколько не «дергаясь» по каждому поводу и не задумываясь над тем, что там о них подумают оставшиеся дома жены.

Но теперь, слава Богу, в консульстве будет известно, что мы живы-здоровы, и оставалось только ждать, когда придет помощь.

Какое-то шевеление в порту Баренцбурга мы заметили только через час. От причала отошла самоходная десантная баржа и со скоростью черепахи стала приближаться к нам. Расстояние через залив она преодолела с «рекордным» временем тридцать минут! На мостике стоял заправский шкипер — новороссийский Саша, заросший на Шпицбергене густой бородой и длинной шевелюрой, «стильно» перевязанной на затылке красной тесьмой.

Мы приветственно замахали своему «спасителю» руками и с нетерпением считали секунды, когда сплывавшая из флота баржа, практически простое железное корыто, ткнется тупым носом в гальку.

Когда это наконец случилось, мы сразу воспрянули духом. Новороссийский моряк заявил нам, что тут же вместе с нами идет к мысу Старостина, чтобы снять с берега Диму Балашова и взять на буксир нашу посудину.

Баржа «шлепала» по заливу не менее часа, пока мы не приблизились к лагуне, в которой находился катер. По крутому берегу маячила фигура Димы. С карабином на плече он добросовестно охранял консульское имущество, шагая взад-вперед. Вероятно, он уже отупел от одиночества и на «автомате» выполнял заданный себе шесть часов назад ритм.

— Будем сближаться, — решил шкипер и сделал левый поворот, решительно направляя баржу в лагуну.

— Стойте, — предупредил я капитана. — Именно где-то здесь мы налетели на подводный риф.

— Шеф, кругом одни камни, — тут же испуганно доложил ему единственный на судне матрос.

Мы бросились к борту и прямо под нами увидели красивые подводные скалы, обросшие морскими водорослями.

— Похоже, начался отлив, — произнес новороссийский портовик и остановил баржу. — Надо, чтобы кто-то стоял на носу и смотрел вперед.

Мы заняли указанную капитаном позицию и стали пристально всматриваться вперед, в то время как баржа тихим ходом стала сближаться с берегом. Но подводные скалы были хорошо видны, когда они были совсем рядом. Обнаружить же их заблаговременно, чтобы можно было во время скорректировать движение судна, было невозможно из-за игры света и воды.

В общем, мы хотели как лучше, а получилось, как всегда. Через пять-шесть минут маневра, когда до берега оставалось подать рукой, и у Балашова на лице сформировалась наконец надежда быть спасенным, раздался страшный скрежет, и баржа села на мель. Новороссиец мгновенно дал «полный назад», но баржа уже прочно десантировалась на твердь и не двигалась с места. По всей видимости, многократные учения в десантных войсках не прошли для нее даром. Погоняв мотор на всех немногочисленных режимах, капитан наконец сдался и запросил баренцбургский порт.

Между тем отлив продолжался, и скоро на поверхность, словно грибы на поляне, вылезли многочисленные камни. На море спустилась полярно-дневная ночь, стояла мертвая тишина, и если бы не наше плачевное состояние, можно было бы дать волю своему воображению, посмотреть на себя со стороны и насладиться величавой картиной, не уступающей по своему эмоциональному воздействию знаменитому полотну Айвазовского.

Но чувство прекрасного покинуло нас в эти минуты, потому что этот злосчастный день опять вернул нас в патовую ситуацию.

Июньское Гренландское море — это вам не Среди-

земное и даже не Черное море в ноябре, поэтому скоро мы стали дрожать от холода. Крошечная рубка баржи с оборудованной допотопной «буржуйкой» вмещала лишь половину скопившегося на ней дипломатического и недипломатического персонала. Дима Балашов уже перестал «маячить», он скорбно уселся на обрыв, свесив ноги, и всем своим унылым видом напоминал о несовершенстве нашей жизни.

— Ну что там в порту — будет помощь или нет? — взмолился наконец Валера Каменсков.

— Да, обещали выслать «Гуреева». — Новороссиец обиженно поджал губы, давая понять, что если бы не мы со своими дурацкими проблемами, он сладко бы спал сейчас в кровати и рассматривал бы увлекательные сны с интересным морским сюжетом и с его личным участием в качестве главного действующего лица. Вместо этого он сидел на своем плоскодонном тазике на рифе и зябко ежился от сырости, предчувствуя скорый и нелегкий разговор с портовым начальством.

Через некоторое время мы увидели, как от портового причала отделилось черное пятнышко, которое постепенно приобрело знакомые очертания «Гуреева». Однако когда буксир подошел поближе, мы обнаружили, что это был вовсе не «Гуреев», а однотипное судно из Пирамиды. Он подошел к нам на расстояние пяти метров, и мы узнали, что «Гуреев» подойдет попозже, поскольку в Баренцбург из Мурманска прибыл инспектор Морского регистра, и «Гуреев» еще не прошел положенную процедуру проверки.

Нам было все равно, кто стащит нас с мели, и потому мы живо стали участвовать в спасательной операции. С буксира нам бросили трос, который мы прикрепили к корме баржи, и буксир стал его натягивать, чтобы сделать первый рывок. Новороссиец тоже завел свой мотор, чтобы увеличить силу тяги.

Но ожидаемого рывка не получилось. Пока буксир трогался с места, длинный трос намотался на его левый винт и судно стало круто забирать влево. Капитан буксира быстро сориентировался, но сделать уже ничего не смог: веревка туго намоталась на винт, и

буксир вышел из строя, не сумев предпринять даже и попытки снять нас с мели. Нам показалось, что лицо Димы Балашова, благополучно пребывавшего на берегу, почернело от злости и досады.

К этому времени мы вывели из строя уже две трети морского флота Советского Союза на Шпицбергене. В строю оставался лишь один «Гуреев», и на него мы возлагали все свои надежды. Впрочем, пирамидский буксир, пожелав нам приятной ночи, как хромой нищий на одной ноге, заковылял на малой скорости обратно в Баренцбург.

Наступал рассвет, а развязка все не наступала. Мы изредка переговаривались с Баренцбургом, выслушивая обещания, что помощь вот-вот подойдет, но уже ни на что не надеялись.

Но вот нам передали, что на мысе Хеер ребята-вертолетчики починили наконец моторную лодку и что скоро она выйдет в район аварии. И действительно, в предрассветной дымке мы услышали характерный треск мотора, а минут через двадцать из нее материализовалась и сама лодка. В ней сидели два человека и отважно плыли навстречу своей неизвестности.

Впрочем судьба не долго мучила и их, и нас неопределенностью и поспешила разложить свои карты во всей их хамской неприглядности. Лодка сделала вокруг нас победоносный лихой вираж, намереваясь причалить к борту баржи.

— Осторожней, сбавьте скорость, вы же разобьетесь! — закричали мы, но было уже поздно. Победоносный шум мотора сменился противным «шпоком», мотор зачихал, а потом и вовсе заглох.

От планомерного вывода из строя «крупнотоннажных» судов мы перешли к разовым операциям по уничтожению «малого» флота «Арктикугля». Еще несколько таких «удачных» часов, и от плавсредств останется только одно название. Мы даже перестали сетовать на неосторожных вертолетчиков, понимая, что они тут ни при чем — во всем виноваты были мы сами.

Но ребята из вертолетного отряда были крепкими орешками. Они подошли с помощью весел к нашему катеру, взяли его на буксир, посадили наконец Диму

Балашова в лодку и благополучно доставили свой груз к борту баржи. Это была первая маленькая удача. Катер привязали к поручням, а закоченевшего Диму затолкнули в теплую рубку, предварительно влив в него полстакана водки.

И вот прибыл наш «красавец» «Гуреев». Капитаном на нем был ленинградский Саша. Он мало обращал внимания на свою капитанскую внешность, но осторожность за единственное уцелевшее судно проявил завидную.

— Нет, ребята, я к вам подходить не буду, — отвечал он на все уговоры, когда увидел и там и сям выставившие наружу свои похабные рожи подводные рифы. «Гуреев» встал метрах в ста от нас и не двигался с места. На барже стало уже невоготу от холода и отсутствия сидячих мест. Как нам ни стыдно и ни прискорбно было покидать эту несчастную посудину, но другого выхода не было. По очереди безмоторная все еще лодка перевезла нас всех вместе с катером на «Гуреев», и мы наконец-то могли согреться в маленьком кубрике буксира, показавшемся нам теперь светлой и просторной кают-компанией океанского лайнера. Капитан распорядился подать нам горячего борща и чая.

Через некоторое время мы почувствовали, что «Гуреев» уже не стоит на якоре, а куда-то идет.

— Куда же мы уходим? — спросили мы капитана.

— Домой.

— А баржа? А моторка? А люди?

— Ничего. Перекантуются как-нибудь. Скоро будет прилив, и баржа сама снимется с мели.

Трудно было описать то ощущение, которое овладело нами после того, как мы ступили на родной баренцбургский берег. В консульстве нам оказали встречу, достойную челюскинцев или папанинцев. Жены на радостях принялись щипать уток и готовить торжественный завтрак.

Время было шесть часов утра следующего дня.

Спустя пару часов после нашего ухода с места аварии баржа вместе с вертолетчиками снялась благополучно с мели и прибыла в порт.

Полигон для науки

*Здесь было место воспитания,
Был дом науки и добра.*

М. А. Дмитриев

Рано утром морозный воздух раскалывается в мотоциклетном треске «Бурана», и обитатели «замка Иф», просыпаясь в сумраке своих комнат-келий, по привычке думают:

— Это Борис Иванович поехал на мыс Хеер. Вставать еще рано, можно полежать часик.

Борис Иванович Синицын — метеоролог. На восточной окраине Баренцбурга стоят два четырехэтажных дома: один из них принадлежит мурманчанам-метеорологам, а другой — москвичам-гляциологам. Метеорология и гляциология — это две постоянные компоненты научного присутствия советской (российской) науки на архипелаге. Исследователи ледников на Шпицбергене «прописались» в Баренцбурге в 1965 году, когда сюда приехала первая ледниковая экспедиция Института географии АН СССР, и с тех пор ведут непрерывное наблюдение и изучение ледового покрова Шпицбергена. Метеорологи поселились на Шпицбергене с незапамятных времен — без них представление о баренцбургской «полярке» будет далеко не полным.

Основная научная база Синицына в «научном городке», но вокруг поселка он расставил многочисленные датчики температуры, давления и влаги воздуха, направления и силы ветра, которые в определенное время, независимо от погоды, надо контролировать, проверять и с которых регулярно надо «брать показания». Вот и мелькает худая и длинная фигура метеоролога по поселку: то там покажется, то сям.

Борис Иванович всю свою сознательную жизнь провел на Севере, он потерял счет своим «поляркам», куда только не забрасывала его судьба и в каких примитивных условиях он только не зимовал! Баренцбург для него — высшее достижение комфорта. Скорее всего — это последняя его зимовка, а потом с

первым парохомом из Мурманска он вернется на материк и уйдет на пенсию.

Борис Иванович — заядлый рыбак, и без него не обходится ни одна рыбацкая вылазка на озеро Линнея, Эрдмана или Лебяжье. Он единственный человек за полярным кругом, у которого имеются навозные черви. Он захватил с материка ящик перегноя, и теперь старательно поддерживает в нем популяцию членистоногих, на которых так хорошо «берет» шпицбергенский тощий голец. Как я уже сообщал, ледяной покров на озерах достигает полутора метров, и пробурить в нем лунку не так уж просто. Метеоролог сконструировал для этого специальный бур.

Поездка с Борисом Ивановичем на рыбалку — большая честь для новичка.

Синицын снисходительно относится к своим соседям-гляциологам. Но эта снисходительность, как представляется, не результат проявления каких-то личных наклонений. Скорее это естественная реакция одной науки на другую. Гляциологи появляются на архипелаге ранней весной и заканчивают свои изыскания поздней осенью, а метеорология — наука солидная и постоянная, потому что прогноз погоды нужен людям всегда. Особенно зимой. Кроме того, гляциологи ничего не понимают в рыбалке, они вечно куда-то спешат, скачут по своим горам и постоянно суетятся.

А Борис Иванович основателен, нетороплив и чрезвычайно самодостаточен.

Обладателем такого же «нордического» характера оказался и Юлиан Аполлонович Проценко, сменивший вскоре Синицына. Он тоже потомственный полярник и родился чуть ли не в чуме то ли на Таймыре, то ли на Чукотке. Его повсюду сопровождает верная подруга, презрев все трудности жизни кочевой и оставив на материке детей. Правда, Юлиан Аполлонович не испытывает тяги к рыбалке — он предпочитает охоту. Но охотиться на Шпицбергене можно лишь весной на уток или гусей, а осенью участвовать в лицензионном отстреле оленей, чрезмерная популяция которых может из-за недостатка

корма привести к гибели «лишних» животных. Объявляемая сюзсельманом норма отстрела животных, как правило, не выполняется, поэтому зимой в каньонах часто можно видеть туши погибших от голода оленей.

Начальник экспедиции гляциологов — Евгений Максимович Зингер, потомственный полярник, коренной москвич, еще в детстве наслушавшийся от друзей отца — Папанина, Кренкеля, Шмидта и других полярников — рассказов о покорении Севера и надолго связавший свою жизнь со Шпицбергом.

Он — полная противоположность Синицыну и Проценко. Самым лучшим занятием Евгений Максимович считает вылазки на ледники, контакты с новыми людьми и изготовление «зингеровки». Зингер — очень непоседливая личность с неумемной тягой к передвижениям и перемещениям. Он легок на подъем и ради хорошей компании и душевной беседы за чашкой чая готов пойти на край света. Каждый год, словно перелетная птица, он мигрирует между Баренцбургом и Москвой, но делает это по необходимости. Он с удовольствием оставался бы на Шпицбергене на целый год, но, во-первых, вопрос упирается в скудное финансирование экспедиции, а во-вторых, в зимнюю стужу ледники «спят», и по большому счету гляциолог в этот период остается безработным.

В поселке установилась примета: если Зингер появился в Баренцбурге, значит, зиме конец.

Непременный спутник Евгения Максимовича — Леонид Сергеевич Троицкий, на первый взгляд, слишком интеллигентный и совершенно не приспособленный к полярному ремеслу человек. Однако внешний вид обманчив: Леонид Сергеевич настолько кажется неприспособленным и уязвимым в быту, насколько является талантливым и выносливым ученым-гляциологом в поле.

Мне приходилось наблюдать, какие трогательные отношения скрываются за внешней грубоватостью двух старых друзей. На базе экспедиции Евгений Максимович Зингер берет шефство над Леонидом

Сергеевичем Троицким, добывает и готовит пищу, моет посуду, принимает все важные решения, и это дает ему основания подшучивать над своим другом, слегка разыгрывать его, не переступая, впрочем, границ дозволенного. Например, Евгений Максимович при всех называет его «Троцким», рассказывает о его ошибках и промахах, но всегда беззлобно, дружелюбно. К ним с полным правом можно применить поговорку: «милые ссорятся — только тешатся». Для них такие отношения — способ преодоления старости, незаметно подкравшейся к ним из-за острого гребня ледовой горы. Леонид Сергеевич давно привык к дружеским наскокам Евгения Максимовича и только смущенно улыбается в ответ.

Но несмотря на преклонный возраст, они не собирались тогда сдаваться и списывать себя на пенсию и с юношеским задором выполняли составленные в Москве научные планы.

Е. М. Зингер заработал себе у норвежской контрразведки звание резидента КГБ на Шпицбергене, о чем он, зная достоверно, кого я в Баренцбурге представляю, с гордостью мне поведал. И это было не мудрено при его удивительной способности во все вникать и везде поспевать. Он пропускал мимо ушей все предостережения и предупреждения о коварстве иностранных разведок, смело завязывал знакомства и поддерживал контакты с норвежцами в самые мрачные годы холодной войны, полагаясь на здравый смысл и свой опыт. Признаться, у тогдашних блюстителей безопасности советских граждан за границей были вполне обоснованные причины для того, чтобы придирааться к Евгению Максимовичу: далеко не все его связи в Лонгйербюене могли объясняться научной необходимостью. Он был таков, что просто интересовался всем. Но он обезоруживал любого «цербера» своей открытостью и искренностью, и, как правило, ему все сходило с рук.

О «зингеровке» в Баренцбурге и за его пределами ходило много слухов. Утверждали, что лучшего напитка на архипелаге не найти и что удостоиться чес-

ти пригубить его Евгений Максимович позволяет не каждому. (Как вы догадались, речь идет об алкогольном напитке собственного, Евгения Максимовича, изобретения и изготовления.) Нужно сказать, что сам автор напитка не страдал скромностью и повсюду рекламировал его под названием, не оставлявшем ни у кого сомнений в его происхождении.

Я был однажды приглашен-таки на дружеский обед к автору «зингеровки» и отведал ее в достаточном количестве. Желание продолжить дегустацию не проходило и после того, как мы вчетвером — Троицкий, Зингер и мы с женой — незаметно уговорили одну бутылку и перешли к остаткам второй. Было ясно, что разведенный спирт был настоен на апельсиновых корках, но Евгений Максимович обладал каким-то дополнительным секретом настойки, потому что все ее имитации отличались от оригинала, как грубые копии, продающиеся на Арбате, от шедевра Эрмитажа. Открыть этот секрет он не захотел.

Зингер — отличный рассказчик. Его книга «Между полюсом и Европой», выдержавшая несколько изданий, интересно и живо рассказывает о Шпицбергене. Он знает о нем все или почти все. Это — самая настоящая ходячая энциклопедия по архипелагу, круг его интересов не ограничивался ледниками, а память редко когда его подводила.

... Так получилось, что провожать меня с архипелага домой пришлось этому человеку, и он с большой готовностью перевез нас и наши вещи из консульства на борт углевоза, которым мы возвращались из пятнадцатимесячной командировки на Шпицберген — командировки, прерванной развалом страны, нас туда пославшей...

Мы распили с ним в каюте бутылку «столичной» и пожелали друг другу благополучия. Старик переживал наше внезапное исчезновение с архипелага, но крепился, шутил и не подавал вида.

Когда углевоз дал гудок, отваливая от причала, на пирсе стояла сиротливая фигурка Евгения Максимовича, откуда-то снизу машущая нам рукой.

Вскоре фигурка слилась со складскими помеще-

ниями, а те в свою очередь — с грязно-серым профилем крутого склона Грен-фиорда.

Гляциолог остался наедине со своим вечно мерзлым миром и... неоплаченными счетами из нескольких торговых домов Европы. Сын заместителя министра иностранных дел СССР, России, а потом посла России в Копенгагене, секретарь консульства Платон Обухов перед своим отъездом в Москву сделал несколько заказов на кассетники, радиоприемники и еще какую-то ерунду, получил товар и уехал на материк, так и не оплатив заказ. Самое подлое состояло, однако, в том, что заказ «будущая надежда российской дипломатии» (впрочем, не оправдавшаяся) оформил на имя профессора Е. М. Зингера.

Евгений Максимович Зингер был весьма популярной личностью на архипелаге, он поддерживал крепкие научные связи со многими учеными мира, в том числе и во время их пребывания на Шпицбергене. Благодаря его поддержке и помощи мне удалось побывать в норвежском научном городке Нью-Олесунд и посетить польскую полярную станцию в заливе Хорнсунд.

Нью-Олесунд...

Правильно — Нью-Олесунд, что в переводе означает Новый Олесунд. Старый Олесунд находится где-то в Норвегии, а может быть, в Дании. С этим маленьким и самым северным в мире поселением, затерянным между гор в долине, полого спускающейся к величественному Королевскому фьорду (по-английски, Кингсбэй), что на западном побережье острова Шпицберген, связана целая полоса истории освоения Севера и покорения северного полюса, жизни многих и многих людей — и каких людей!

...Наш вертолет плавно кружит над крошечным поселком, состоящим из беспорядочно разбросанных вдоль моря двух или трех десятков домиков, постепенно снижается и сужает панораму наблюдения. Время — начало мая 1991 года, на борту самолета — десяток советских граждан, прилетевших на долгожданную экскурсию в Нью-Олесунд. Потребовалось специальное разрешение губернатора Эддрин-

га, чтобы нас пустили туда. Губернатор, вероятно, специально выбрал для нашего визита пасхальные дни, когда все ученые и административный состав поселка улетели на материк на каникулы — подальше от русских шпионов.

Когда мы садились на вертолетную площадку, море можно было сравнить с густой свинцовой грозовой тучей, из которой должен был вот-вот политься ливневый дождь. В сочетании с не оттаявшими еще горными вершинами и склонами Кингсбэй просто поражал своей величавой, воистину королевской, дикостью и покоем. Такого необжитого и жуткого до мурашек места я еще не видел — местность вокруг Баренцбурга или Лонгйербюена казалась мне просто курортным местом.

Но потом из-за туч выглянуло солнце, местность буквально преобразилась на глазах, засверкала миллионами солнечных лучиков, отражающихся на чистом снегу, и мы, оправившись от оцепенения, приступили к осмотру поселка. Нас встретил оставшийся караулить научный центр старший инженер Норвежского Полярного научно-исследовательского института Сверре Норман Тун и сразу повел по научным лабораториям, кабинетам и отсекам.

Запомнилась лаборатория с аппаратурой, регистрирующей любое колебание земной коры в любом районе земного шара, — как естественное землетрясение, так и подземные испытания ядерного оружия, а также аппаратная, регистрирующая загрязнения атмосферы. Чистый шпицбергенский воздух взят за эталон, поэтому все замеры воздуха в других частях света сравниваются с ним. По словам С. Н. Туна, наибольшее беспокойство для ученых представляли потоки воздуха из района Кольского полуострова, содержащие большой процент вредных грязных примесей.

До начала 60-х годов в Нью-Олесунде работали норвежские шахтеры и добывали там уголь, однако в связи с взрывом, унесшим с собой жизни полутора десятков людей, шахту закрыли.

Но поселок остался жить.

Вторую жизнь в него вдохнули норвежские ученые

и администраторы. Административные и жилые здания были приспособлены под научные лаборатории. Шефство над научным центром взял Норвежский Полярный институт. Условия работы и исследуемая среда оказались уникальными, и ученые из Англии, ФРГ, США, Японии и Франции образовали очередь на право проводить свои опыты и исследования в Нью-Олесунде. То, о чем в шутку когда-то мечтал великий комбинатор Остап Бендер — превратить глухую приволжскую деревеньку Васюки в Международный шахматный центр — стало явью благодаря норвежскому практицизму и фантазии.

Помимо материальной выгоды — аренда жилого и научного пространства в Нью-Олесунде обходится иностранным ученым в «копеечку», Полярный институт имеет от Центра приличный научный «навар», потому что непеременимым условием для работающих там иностранцев является их обязательство знакомить с результатами своих изысканий норвежскую сторону, а во-вторых, они должны в обязательном порядке разрабатывать темы, которые в качестве приоритетных предлагаются все тем же Полярным институтом.

Но недостатка в желающих, как ни странно, не было.

Во главе научного центра норвежцы «для порядка» поставили отставного адмирала, и он, как ходили слухи, превратил Нью-Олесунд в образцовую научную базу.

А в память о том, что Нью-Олесунд когда-то был шахтерским поселком, остался небольшой паровоз, который когда-то подвозил по местной узкоколейке уголь и другие грузы к причалу.

Наше внимание привлекают несколько уникальных памятников, наполовину находящихся под снегом: металлическая конструкция в виде восьми крестов, установленная в память о погибшей экспедиции Умберто Нобиле, и бюст Р. Амундсена, которого мы узнаем по характерной голове, возвышающейся над снегом, словно забытый футбольный мяч на белом поле. Сохранилась высокая мачта, к которой причаливали воздушные пузыри-гиганты «Италия» и «Нор-

вегия». Сохранилась природа и атмосфера опасности, подкарауливающей человека за каждым углом.

Вот дом, в котором когда-то жил Р. Амундсен перед броском к полюсу. Сейчас он приспособлен под небольшую поликлинику. Гостиница «Северный полюс». Рядом находится почтовое отделение и радиостанция. Почта, естественно, закрыта, потому что воскресенье и Пасха, а жаль: где теперь и когда я достану оттиск штампа этого самого северного почтового отделения в мире? Почти все сотрудники консульства увлечены сбором этих оттисков. Особенно удачлив оказался Валера Каменсков, который украсил ими всю большую книгу-альбом «Под небом Арктики», выпущенную трестом «Арктикуголь» к своему пятидесятилетнему юбилею.

...В гости к польским зимовщикам мы попали с помощью того же Зингера. На сей раз путь лежал на восточное побережье острова Шпицберген. Поляки пригласили к себе ученых Норвегии и России на международный симпозиум, в котором мы, консульские работники, выступали в качестве туристов и заинтересованной общественности.

Поляки встретили нас со всем славянским гостеприимством. Пока ученые заседали на симпозиуме, сотрудник Вроцлавского института географии Януш Кида водил нас по станции, которая чисто композиционно состояла из двух ангаров, из которых один был приспособлен под жилье и лаборатории, а второй — под складские и хозяйственные помещения. Впечатление от экскурсии было самое положительное. Понравилась условия труда, питания, досуга и вообще обеспечение экспедиции, которая находилась в стороне от основных путей цивилизации в полном отрыве от крупных поселков.

Основное средство общения с внешним миром — радио, ежегодные свидания с пароходом, доставляющим полярникам продукты и снаряжение, и редкие ходки на снегоходах в Лонгйербюен и Баренцбург по заснеженному и опасному плоскогорью. Чтобы преодолеть отделяющие станцию поляков от поселков 250 километров, требуется многое: и

умение, и хладнокровие, и выдержка, не говоря уж о таких качествах, как смелость и способность к риску.

Зато залив Хорнсунд находится на пути миграции белых медведей, которые каждую весну отправляются со Шпицбергена в район острова Врангеля. Я. Кида рассказал, что они регистрируют в год до 300 визитов этих белых хищников, и некоторые из них заканчиваются для полярников не всегда благополучно. Буквально накануне нашего приезда один из непрошенных гостей напал на сторожевого пса и разорвал его на части. Собаку не успели спустить с цепи, и потому медведю не составило большого труда расправиться с ней.

К нам присоединился начальник станции профессор Яцек Яня из Силезского университета, и за столом началась душевная беседа. Нас угощают польскими деликатесами и настоящей «выборовой». Потом просматриваем видеофильм, на котором запечатлен один из ночных визитов белого медведя на станцию.

Уезжать от новых друзей не хочется, но наши вертолетчики уже показывают на часы. По радио получен неблагоприятный прогноз погоды, и мы трогаемся в путь, чтобы избежать снежного заряда, надвигающегося со стороны Гренландского моря.

Встречи с учеными были довольно частыми, и мы старались не пропустить ни одной возможности общения с ними.

Исследовать и разведывать на Шпицбергене есть что.

Ну взять хотя бы такое явление, как северное сияние. До сих пор природа сияния окончательно не изучена, и ученые не пришли к единому мнению относительно его происхождения и физики. Познавая заполярные феномены, ученые проникают в тайну материковых. Прикладные отрасли наук особенно перспективны в этом районе мира.

Не ошибусь, если предположу, что Шпицберген еще ждет своих исследователей.

Паломничество будет продолжаться.

Как я уезжал из Баренцбурга

— Зачем мы опять едем? К чему это все? Так хорошо было в Черноморске!

И. Ильф и Е. Петров.
Золотой теленок

Развал Советского Союза почувствовал каждый его гражданин. Российскому государству стало не по карману содержать заграничный аппарат в тех размерах, к которым он привык во времена «застоя», и новый министр иностранных дел приступил к ликвидации кадров во вверенных ему посольствах и консульствах. Не миновала и нас чаша сия! Наша Служба не оказалась в стороне от этого «благого» дела и предложила мне и нескольким моим сотрудникам «закругляться» и собираться домой.

Не откладывая в долгий ящик, мы приступили к подготовке нашего отъезда. Упаковать личные вещи еще полдела: нужно было ликвидировать на месте кое-какое служебное имущество, а малую его часть отправить с курьерами на материк. Все осложнялось тем, что полеты наших самолетов на Шпицберген к этому времени давно прекратились, а связь с материком поддерживалась нерегулярными рейсами грузовых и пассажирских судов, курсировавших между Баренцбургом и Мурманском. Выяснилось, что самый подходящий транспорт в виде углевоза появится в мае.

Начали с распродажи снегоходов. На них давно «положил глаз» директор рудника А. Соколов, и когда я предложил ему сразу несколько «Ямах», он «загорелся» и стал «выколачивать» у руководства треста деньги на их покупку. Одновременно директор захотел приобрести у нас две «Нивы», «УАЗик» и катер. Тут наши интересы разошлись, и я был вынужден сообщить ему, что автомашины и катер, согласно указанию из Москвы, подлежали возвращению на материк. При этом мне пришлось пойти на маленькую хитрость и скрыть от него тот факт, что Центр разрешил нам приобрести указанное имущество в личное пользование. Для этого у нас имелись веские причи-

ны: я уже имел честь познакомиться с гоголевским характером тов. А. Соколова, и мы опасались, что если бы объявили директору о том, что машины и катер куплены нами, он не стал бы нам оказывать никакого содействия в их погрузке на судно. Впоследствии выяснилось, что в своих опасениях мы оказались более чем правы.

Вообще наши отношения с ним прошли три последовательные фазы. Сначала он ко мне присматривался и изображал строгого и непреклонного начальника, независимого в своих решениях, уверенного, однако, в своей неограниченной никакими инструкциями начальственной правоте. Свой крутой и необузданный нрав он не стеснялся проявлять даже по отношению к генеральному представителю «Арктикутля»: решил показать свое «фе», так не получишь со склада спиртное к празднику! И точка! Даже робкому консулу Еремееву приходилось иногда вмешиваться, для того чтобы смягчить ноздревский нрав баренцбургского директора и оградить от него того или иного невзлюбившегося поселянина. Мне докладывали, что Соколов до моего приезда своей властью мог посадить человека под домашний арест, мог выставить за ним слежку, а то и вообще своей властью посадить его в самолет и отправить в Москву. Рассказывали также, что у него на откупе находилась целая бригада «чейнджовщиков», которых он отправлял на заработки в Лонгьербюен. Человек, несомненно обладавший способностями хозяйственника, он тем не менее был весьма опасен, оказавшись у власти. Я отказывался во все это верить, поставив своей целью поддерживать со всеми ровные рабочие отношения.

На второй фазе, оказавшейся пиком наших контактов, директор рудника решил составить вместе со мной оппозицию по отношению к консулу, хотя до моего приезда и консул и директор были очень дружны. Поскольку я отказался следовать в фарватере его «наполеоновских» планов, он резко поменял на нас знаки «плюс» и «минус» и быстренько «сочинил» коалицию с консулом против меня. Консул Еремеев, бывший инструктор райкома, был не чужд та-

ких закулисных интриг, так что заканчивать командировку на Шпицберген мне пришлось под знаком «минус». Таков был Шпицберген, и иного от него трудно было ожидать: то ли магнитные аномалии, то ли скученность населения в одной точке снежной пустыни, то ли длинные полярные ночи и плотные снежные «заряды», — не знаю, но что-то незримо носилось в полярном воздухе, сдвигало набекрень людям крышу и заставляло их действовать по какому-то странному сценарию.

Итак, Соколов не только отказался нам помочь, но стал грубо мешать. Он считал себя вправе отомстить за обиду, нанесенную ему за отказ уступить приглянувшуюся ему игрушку. Это напоминало гоголевскую историю о том, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем. Только там причиной ссоры послужила неговорчивость приятеля обменять на свинью ружье, а здесь...

Как только директор и консул Еремеев узнали о нашем предстоящем отъезде, они сразу изменили к нам свое отношение и продемонстрировали теперь его совершенно открыто. Консул демонстративно прекратил всякое общение, а Соколов не только заморозил с нами все «дипломатические» связи, но и предпринял ряд репрессивных мер, выразившихся в отказе снабжать нас бензином, продуктами и предоставлять в наше распоряжение кран, упаковочный материал, рабочих и т. п. Примеру консула последовали некоторые его «преданные» сотрудники. Жить в «замке Иф» стало неудобно.

Все это было, конечно, грустно, но нисколько меня не удивило — история взаимоотношений с «чистыми» соседями изобилует подобными примерами. Пока представители Службы находятся при исполнении своих обязанностей, с ними считаются, их уважают, но как только что-то происходит, отношение «чистых» круто меняется, они начинают вести себя довольно беспардонно и пользуются малейшим случаем, чтобы унижить коллегу, перед которым еще вчера трепетали и лебезили. Полагаю, что это нормальная реакция тех, кто неискренно вел себя в про-

шлом. Пресмыкание требует мести пресмыкающегося к объекту пресмыкания*.

Как бы то ни было, наша подготовка к отплытию с архипелага продолжалась с поправкой на возникшие не по нашей вине трудности. Я мог бы отправить депешу в Центр и призвать к порядку директора с консулом, но решил не мелочиться и справиться с ситуацией своими силами. Тем более что рядом оказались много сочувствующих и желающих помочь.

Заезжие с материка люди пугали нас рассказами о том, что в стране полный хаос, развал и отсутствие товаров. Поэтому мы стали заблаговременно покупать в Лонгйербюене бензин и заполнять им соответствующие емкости. Он потребуются для перегона машин из Мурманска в Москву. Часть бензина приобрели в Баренцбурге, несмотря на запрет директора. Упаковочный материал добыли без ведома Соколова, благодаря своим личным связям. Аналогично организовали снаряжение и погрузку катера на лафет. Одним словом, мы уверенно смотрели в будущее и держались как могли, приближая день отъезда.

В апреле на Шпицберген прилетела королевская чета. В соответствии с традицией только что коронованный король Харальд в рамках так называемой эриксгаты, знакомился со своими подданными, и сюзсельман Шпицбергена пригласил на устраиваемый по этому случаю прием несколько человек из Баренцбурга и Пирамиды. В числе приглашенных был и я с супругой, однако вылететь в Лонгйербюен мне было не суждено. Перед отлетом ко мне явился консул Еремеев и сухо сообщил, что мест на вертолете нет. Через несколько часов в Баренцбурге появился вертолет из Лонгйербюена, и сюзсельман любезно предложил в нем только одно место для жены — салон вертолета действительно не позволял брать еще одного пассажира. Жена отказалась без меня участвовать в «королевском» приеме, но зато ей уда-

* Естественно, не все «чистые» таковы, большинство их ведут себя достойно и честно во всех случаях: и когда «ближний» сосед на коне, и когда он вынужден ходить в пешем строю.

лось попрощаться с норвежским поселком и многочисленными норвежскими друзьями.

На «отходную» к нам пришел Е. М. Зингер — больше никто не захотел или не осмелился. Евгений Максимович за свою бытность на Шпицбергене много натерпелся от дуrolомства директоров и вызвался нам помочь с присущей ему комсомольской горячностью. Он-то со своим УАЗиком и помогал нам грузиться и перевозить вещи на корабль, стоявший под загрузкой на причале Баренцбурга. Капитан был заранее предупрежден о пассажирах из консульства и выделил в наше распоряжение свободные каюты.

За несколько часов до отхода судна мы прибыли в полном составе на причал и, отдав команде грузчиков необходимые распоряжения, прошли в наши каюты, чтобы вместе с Евгением Максимовичем и новым секретарем консульства Таратенковым выпить на «посошок». Не успели мы как следует расположиться, как в дверь постучали. В проеме стоял матрос:

— Капитан просит вас пройти к нему.

Я последовал за матросом, который провел меня в капитанскую каюту. В каюте кроме капитана находился А. Соколов. При моем появлении они прервали разговор, а директор рудника стал упрямо сверлить глазами ковер капитанского жилища.

— Вы знаете, Борис Николаевич, — смущенно начал капитан, — у нас возникли проблемы.

— Какие?

— Мы не сможем взять на борт ваш катер. Вы знаете, он довольно громоздкий, тяжелый... У нас нет крепежа, так что мы боимся, что его сможет смыть волной. Баренцево море сейчас беспокойное, знаете... Гм...

— А как с автомашинами?

— Никаких проблем. Все погружено, принайтовлено — можете посмотреть.

— Я вам охотно верю. Так закрепите и катер, как можете. Если его, паче чаяния, смоем в море, мы никаких претензий вам предъявлять не будем. Даю честное слово. Могу дать в этом расписку.

— Нет, катер я на борт взять не могу.

— Почему?

— Не могу и все. Большая ответственность... — Капитан искоса бросил взгляд на Соколова. Тот плотоядно улыбнулся, но ничего не сказал. Было, как в майский шпицбергенский день, ясно, что директор решил явочным порядком овладеть катером и не допустить его отправки на материк. Для этого он и пришел к капитану и уговорил его под надуманным предлогом не брать катер. Капитан был подневольным человеком и уступил. Позднее, по прибытии в мурманский порт, механик или штурман корабля подтвердил мне эту версию.

Что было делать? До отхода судна оставалось часа полтора-два. Решение принимал, конечно, мой сотрудник, приобретший катер. Он кинулся к капитану, но вернулся ни с чем. Посоветовавшись, мы решили отбуксировать его обратно в консульство. Мы впрягли в прицеп зингеровский «батон» и поехали в замок Иф. Расстояние было небольшое — всего около километра, однако дорога шла все время в гору, а «батончик» грозил того гляди развалиться сам, не то чтобы вести еще и тяжеленный катер с прицепом.

Но Бог миловал, мы благополучно добрались до подножия Мирумирки, впопыхах, чувствуя на себе чьи-то взгляды из зашторенных окон, отцепили прицеп и погнали обратно на корабль. Сразу после нашего возвращения капитан подал команду отдать швартовы.

Мы поднялись на борт углевоза и посмотрели вниз на причал. Рядом со своим жалким «батонном» стоял испытанный друг, настоящий полярник и мужчина Евгений Максимович Зингер. Он махал нам шапкой и что-то кричал, но в это время углевоз дал гудок, и мы не расслышали его слов. Он вытер рукой глаза — вероятно, в глаз попала угольная пылинка, махнул еще раз шапкой и полез в УАЗ. Рядом с ним стоял и Сережа Таратенков, которому мы поручили караулить чужую частную собственность. (Забегая вперед, сообщу, что вызволить из Баренцбурга катер моему сотруднику так и не удалось. Таратенков примерно выполнял обязанности сторожа до конца своей командировки. Что стало потом, неизвестно. Из-

вестно только, что директором баренцбургского рудника, а значит, и хозяином жизни в Баренцбурге, до сих пор остается Александр Сергеевич Соколов.)

Причал уплывал от нас и сливался с берегом. В груди теснились противоречивые чувства: было жаль *так* покидать Баренцбург и расставаться со своим прошлым — а оно всегда прекрасно. С другой стороны, было чувство облегчения, что все хлопоты и невзгоды позади.

За кормой по серому склону крутого баренцбургского берега зеленой букашкой полз УАЗик Е. М. Зингера.

Полтора года тому назад я вылетал из Москвы полноправным гражданином СССР, а возвращался теперь гражданином новой и незнакомой России. Как-то она нас встретит? Но другой страны у нас не было. Мы верили, что она нас примет по-свойски.

Прощай, Шпицберген!

Прощай Грумант!

Чей ты теперь будешь?

Как правило, разведка для человека становится занятием всей или почти всей его жизни, поэтому расставание с ней всегда болезненно и драматично. Сотрудник, в течение тридцати-сорока лет привыкший к определенному режиму и вприпрыжку бежавший по утрам на службу, не может покинуть ее со спокойным сердцем. Перефразируя слова одного литературного героя, уйти в отставку для разведчика — это все равно что после вкусных и острых шпикачиков перейти на овсяную кашку. Далекое не всем удастся адаптироваться к «мирной» жизни и найти в ней свою нишу.

Вообще-то и в буквальном, и в переносном смысле из разведки не уходят. В советские времена уволиться со службы до достижения выслуги лет было намного труднее, чем поступить на нее. Уважительными причинами для досрочного увольнения были две: а) несоответствие моральным и военно-дисциплинарным требованиям («аморалка», пьянка и т. п.); б) ухудшение здоровья.

Когда с легкой руки Главного Перестройщика в стране наступила чехарда, а «демократы» стали не только обходиться без разведки, но и шельмовать ее, то для Службы наступили самые черные с момента ее основания дни: народ повалил из нее валом, потому что никаких препятствий для ухода на «гражданку» больше не су-

ществовало. Оскорбленные бездушным отношением, не востребованные государством сотрудники в самом расцвете своей оперативной карьеры уходили в бизнес, на обслуживание «новых» русских или других ветвей власти. Потери были огромные и невозполнимые. С ними могут сравниться лишь потери, выпавшие на долю нашему научно-техническому потенциалу, вызванные утечкой кадров за границу.

Конечно, жизненную ломку выдержали не все. Но и на новом поприще большинство сотрудников разведки подтвердили свою профессиональную пригодность. Один из моих близких товарищей в звании полковника начал свою финансовую карьеру швейцаром в банке. При очередной переаттестации сотрудников кадровики, к своему удивлению, обнаружили его «бэкграунд» и предложили ему работу в качестве руководителя отдела. Потом он заочно получил финансовое образование, стажировался в Англии и занимает теперь пост вице-президента «Внешторгбанка». Другой мой товарищ по работе стал министром обороны, иные занимали или продолжают занимать высокие посты в российском правительстве.

Переход моего бронепоезда на «гражданские» рельсы был достаточно плавным и почти безболезненным. Сделано это было со второй попытки. Первая попытка отойти от активной службы была предпринята после возвращения из шпицбергенской командировки. Я уезжал в Баренцбург из Советского Союза, а вернулся в Россию. «Новое» отечество приняло меня, мягко говоря, прохладно. Мы оба не были готовы к этой встрече. Посоветовавшись с товарищами и с самим собой, я решил, что в разведке мне делать было больше нечего, и подал рапорт на увольнение.

Машина отчуждения сотрудников от службы работала на всех парах, и скоро мой рапорт, пройдя все этапы сбора подписей, оказался на самом важном столе. И в этот самый момент мне позвонил коллега по работе в Стокгольме и предложил поработать на поприще воспитания молодых кадров. После некоторых колебаний (никогда не любил педа-

гогику) и негативного опыта при поиске своей «ниши» на «гражданке» предложение было принято. Рапорт на увольнение был порван, и я два года в нашем краснознаменном учебном заведении преподавал оперативные дисциплины на шведском языке. Результаты, на мой взгляд, были не очень ободряющие: в свой актив я смог записать составление для будущих поколений разведчиков русско-шведского словаря оперативных терминов и подготовку нескольких новых кандидатов для работы в истекающей кровью Службе.

Научно-преподавательская карьера была прервана в связи с переходом на работу в Управление внешних связей СВР. Я счастлив, что в конце службы мне была предоставлена возможность трудиться на этом поприще. Работа в УВС оправдывалась моим предшествующим оперативным опытом и логично подвела итог многолетней деятельности. Я смею утверждать, что моя «лебединая» песня не была прервана и закончилась на высокой оптимистической ноте.

В 1996 году пятилетняя отсрочка кончилась, и снова встал вопрос о продолжении службы — по времени поиски ответа на него совпали с окончанием контрактного периода. К этому моменту у меня выходила в свет первая книга — «Иуда из Ясенева», и я смело смотрел в глаза неизвестности. Я не ошибся — писать стало моей потребностью. Я снова ощутил смысл жизни.

...Провожают на пенсию торжественно и буднично одновременно: речь Большого Начальника, утверждающего, что Служба в лице увольняющегося теряет самого выдающегося своего сотрудника; вручение скромной грамоты Директора разведки, что находится в противоречии с «вышесказанным»; грустные и недоуменные лица товарищей, лихие гусарские тосты, легкое опьянение и комок в горле...

Самый трогательный момент при расставании со службой наступает при сдаче служебного удостоверения прапорщику на выходе. Тебя охватывает тяже-

лое чувство обреченности: всё, навсегда! Потом, выйдя за ворота, ты оглядываешься, видишь редкие святающиеся глазницы окон дежурных и думаешь: «Зачем я *это* делаю? *Они* же там без меня не справятся!»

Но уже на следующий день выясняется, что разведка без нас справляется и может без нас обходиться, а мы без нее — с трудом.

Так почему же из разведки не уходят? Конкретно в моем случае разведка стала основной темой творчества. Но и без этого я и мои коллеги продолжаем ощущать себя членами большого и благородного братства, которому отданы лучшие годы жизни. Служба о нас помнит и иногда прибегает к нашей скромной помощи. Мы все объединены в Ассоциацию ветеранов разведки и чувствуем свою ответственность за безопасность страны.

Поэтому мы из разведки не ушли.

Мы просто поменяли прикрытие.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Блейк Дж.* Иного выбора нет. М.: Международные отношения, 1991.
- Григорьев Б. Н.* Скандинавия с черного хода. М.: Мим-Дельта/Центрполиграф, 2002.
- Дроздов Ю.* Нужная работа. М.: ВладДар, 1994.
- Дроздов Ю.* Записки начальника нелегальной разведки. М.: Русский биографический институт, 1999.
- Котошихин Г.* Россия во времена Алексея Михайловича. М.: Международные отношения, 1995.
- Леонов Н. С.* Лихолетье. М.: Международные отношения, 1995.
- Мартынов В.* Явка в Копенгагене. М.: Олма-Пресс, 1998.
- Найтли Ф.* Ким Филби — супершпион. М.: Республика, 1992.
- Найтли Ф.* Шпионы XX века. М.: Республика, 1994.
- Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1—5. М.: Международные отношения, 1996—1997.
- Письма из тюрем Её Величества. Т. 1—2. М.: Центр изучения общественных и прикладных проблем, 2001.
- Судоплатов П.* Разведка и Кремль. М.: Гея, 1996.
- Треттер Л.* Большая игра. М.: Изд-во политической литературы, 1990.
- Федоров М., Федорова Г.* Будни разведки. М.: ДЭМ, 1994.
- Уайз Д.* Охота на «кротов». М.: Международные отношения, 1994.
- Царев О.* КГБ в Англии. М.: Центрполиграф, 1999.
- Царев О., Кастелло Д.* Роковые иллюзии. М.: Международные отношения, 1995.
- Брук-Шенерд Г.* Судьба советских перебежчиков // Иностранная литература. 1992. № 6—8.
- Шебаршин Л.* Из жизни начальника разведки. М.: Международные отношения, 1994.
- Шебаршин Л.* Рука Москвы. М.: Центр-100, 1992.
- Bratbak Björn.* Skapte de en myte?, Norsk Sjøfartsmuseum, Oslo, 2000.
- Bratbak Björn.* Via Bergen till livsfarlig fangenskap
- Tallmo S.* Nubbhålet-Liv i Sverige, Författarförlaget, Stockholm, 1978.
- Åberg A.* Vår svenska historia, Natur och Kultur, band 1, 2, Stockholm, 1978.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
КАК ПОПАДАЮТ В РАЗВЕДКУ	13
ИСЛАНДСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ	31
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЙ ПОЛИГОН	60
Пора в путь-дорогу!	60
Мечта идиота сбывается	68
По-датски говорить — два пуда соли съесть	77
Ближе к делу	80
Еще ближе к делу	92
Романтическое путешествие на остров Борнхольм ...	98
Их нравы	111
Русские в Дании	137
Противник не дремлет	159
О заявителях, доброжелателях и не только о них	169
Шерше ля фам!	191
Полицейские и воры	202
Прощая, Дания!	213
НЕЛЕГАЛЫ	215
ИСПЫТАНИЕ НЕЙТРАЛИТЕТОМ	231
И снова в дорогу	231
Стокгольм с высоты полета гуся Мартина	235
Некоторые глубокомысленные и не очень глубокомысленные наблюдения	259
Государство всеобщего благоденствия	273
Виски по-натовски в нейтральной Швеции	290
Эмигранты	316
Кто убил Улофа Пальме?	334
ПРЕДАТЕЛИ	345
ЗАПОЛЯРНАЯ РЕЗИДЕНТУРА	361
Путь на архипелаг длиной в пять лет	361
Вот он, Шпицберген!	372
А вот его парадоксы	374
Немного истории и географии	386
Четверговые встречи в замке Иф	394
Маниловщина на Шпицбергенщине	402
«Чейндж» как явление «полярки»	407
Жизнь консульская и резидентурская	414
Синдбадиада	436
Полигон для науки	449
Как я уезжал из Баренцбурга	459
Заключение	466
Библиография	470

Григорьев Б. Н.
Г 83 Повседневная жизнь советского разведчика, или Скандинавия с черного хода. — М.: Мол. гвардия, 2004. — 471[9] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02706-X

Читатель не найдет в «ностальгических воспоминаниях» Бориса Григорьева сногшибательных историй, экзотических приключений или смертельных схваток под знаком плаща и кинжала. И все же автору этой книги, несомненно, удалось, основываясь на собственном оперативном опыте и на опыте коллег, дать максимально объективную картину жизни сотрудника советской разведки 60—90-х годов XX века.

Путешествуя «с черного хода» по скандинавским странам, устраивая в пути привалы, чтобы поразмышлять над проблемами Службы внешней разведки, вдумчивый читатель, добравшись вслед за автором до родных берегов, по достоинству оценит и книгу, и такую непростую жизнь бойца невидимого фронта.

УДК 351/354
ББК 67. 401. 212

Григорьев Б. Н.

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО РАЗВЕДЧИКА,
ИЛИ СКАНДИНАВИЯ С ЧЕРНОГО ХОДА**

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **И. В. Черников**

Художественные редакторы **Н. С. Штефан, А. В. Никитин**

Технический редактор **Н. И. Михайлова**

Корректор **Г. А. Мещерякова**

Лицензия № ЛР 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 29.03.04. Подписано в печать 29.07.04. Формат 84x108/32. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Гармон». Усл.-печ. л. 25,2+0,84 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 43483.

Издательство ОАО «Молодая гвардия». 127994, Москва, Сушевская ул., 21.
Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru.

Типография ОАО «Молодая гвардия». 127994, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02706-X

БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВ
БЛИЗКОЕ ПРОШЛОЕ

*Мемуары и эпистолярное наследие
известных писателей, философов, художников,
музыкантов, театральных деятелей,
представителей творческой богемы*

Готовятся к изданию и уже вышли в свет:

Л. Бердяева
«ПРОФЕССИЯ: ЖЕНА ФИЛОСОФА»

Г. Свиридов
«МУЗЫКА КАК СУДЬБА»

Т. Маврина
**«ЦВЕТ ЛИКУЮЩИЙ.
ДНЕВНИКИ 1930—1990 гг.»**

Н. Серпинская
«ФЛИРТ С ЖИЗНЬЮ»

Н. Кончаловская
«ВОЛШЕБСТВО И ТРУДОЛЮБИЕ»

Д. Лешков
«ПАРТЕР И КАРЦЕР»

О. Высотский
**«НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ
ГЛАЗАМИ СЫНА»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:
787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87
<http://mg.gvardiya.ru>. dse1@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

**ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Крете

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КАЛИФОРНИИ
В ГОДЫ ЗОЛОТОЙ ЛИХОРАДКИ»**

Э. Драйтова

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
А. ДЮМА И ЕГО ГЕРОЕВ»**

М. Шово

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЕГИПТА ВО ВРЕМЕНА КЛЕОПАТРЫ»**

Е. Суслина

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКИХ ЩЕГОЛЕЙ И МОДНИЦ»**

М. Брион

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕНЫ
ВО ВРЕМЕНА МОЦАРТА И ШУБЕРТА»**

Ф. Декрузет

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕНЕЦИИ
ВО ВРЕМЕНА К. ГОЛЬДОНИ»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:
787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87
<http://mg.gvardiya.ru> dse1@gvardiya.ru

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутинной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неудержимее в нас стремление разгадывать их.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Шевченко

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕМЛЯ
ПРИ ГЕНЕРАЛЬНЫХ СЕКРЕТАРЯХ
И ПРЕЗИДЕНТАХ»**

А. Шураки

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЮДЕЙ БИБЛИИ»**

С. Охлябенин

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОЙ АРМИИ
ВО ВРЕМЕНА СУВОРОВСКИХ ВОЙН»**

Л. Адлер

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ. XIX—XX ВЕКА»**

М. Дефурно

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИСПАНИИ В ЗОЛОТУЮ ЭПОХУ»**

Е. Лаврентьева

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА ПУШКИНСКОЙ ПОРЬ»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87

<http://mg.gvardiya.ru> dse1@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

в самое ближайшее время
представит на суд читателей следующие издания:

М. Вострышев
«ПАТРИАРХ ТИХОН»

П. Зырянов
«АДМИРАЛ КОЛЧАК»

Г. Сухина
«ГРИГОРЬЕВ»

К. Жиль
«МАКИАВЕЛЛИ»

С. Федякин
«СКРЯБИН»

Л. Анисов
«АЛЕКСАНДР ИВАНОВ»

Ж.-П. Ру
«ТАМЕРЛАН»

Т. Дашкевич
«АЛЕКСЕЙ ФАТЬЯНОВ»

И. Клудас
«ИАНА ПУАТЬЕ»

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:
787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87
<http://mg.gvardiya.ru>, dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

в самое ближайшее время
представит на суд читателей следующие издания:

Ю. Лоциц
«ГОНЧАРОВ»

В. Удовик
«ВОРОНЦОВ»

Ю. Селезнев
«ДОСТОЕВСКИЙ»

Н. Старосельская
«ТОВСТОНОГОВ»

О. Лекманов
«ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ»

В. Андриянов
«КОСЫГИН»

Н. Павленко
«ЕКАТЕРИНА I»

С. Дурьлин
«НЕСТЕРОВ»

А. Мусаев
«ШЕЙХ МАНСУР»

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:
787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87
<http://mg.gvardiya.ru> dset@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

О. А. Лекманов

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

Осип Эмильевич Мандельштам (1891—1938) — значительная фигура русской поэзии XX века. Акмеист до 1917 года, он всегда находился в чрезвычайно сложных отношениях с собратьями по литературе и с властями. Проклявший и воспевший Сталина, он подвергался гонениям, был арестован и умер в пересыльном лагере. В густо насыщенной биографическими фактами книге О. А. Лекманова рассказ о судьбе поэта сочетается с тонким анализом его стихов и прозы.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Суцеская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dse1@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Ю. И. Селезнев ДОСТОЕВСКИЙ

Жизнеописание Ф. М. Достоевского, созданное замечательным и, к сожалению, безвременно ушедшим от нас критиком Ю. И. Селезневым, можно назвать актуальнейшей на сегодняшний день книгой. Все животрепещущие вопросы — вера или рационализм, самобытный путь России или ориентация на западный опыт, крепкая государственность или либерализм, своеволие человека или подчинение его высшей идее, — которые волнуют сегодня каждого честного гражданина, как убедительно показал в своей книге Селезнев, были уже осмыслены и пророчески разрешены Достоевским на художественном, публицистическом, мировоззренческом уровне. Не случайно наше время — время больших смут и обольщений — названо трагедией непрочитанных книг.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сущевская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОВОДА

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

**В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.**

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.

<http://mg.gvardiya.ru> © book@gvardiya.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕННЫ ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

А. Шураки

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЮДЕЙ БИБЛИИ

М. Шово

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЕГИПТА
ВО ВРЕМЕНА КЛЕОПАТРЫ

Л. Крете

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КАЛИФОРНИИ ВО ВРЕМЕНА
ЗОЛОТОЙ ЛИХОРАДКИ

Л. Адлер

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЕВРОПЕЙСКИХ
ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ

М. Аникевич

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОХОТНИКОВ
НА МАМОНТОВ

ISBN5-235-02706-X

9 785235 027060 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ